

ИММЕМОРИЯ

Бертран Феррье
Максим Фонтен

Бертран Феррье
Максим Фонтен

ИММЕМОРИЯ

Проект Люка Бессона

Тибнувший **МАЛЛЕМИР** будет спасен,
если девочка **ЭЗОА** и мальчик **СВЕН** найдут
уснувшего стража, погребенного под развалинами
крепости **ИММЕМОРИИ**.

По дороге к ним присоединятся толстенький **СЛАДИ**,
красотка-китайка **МЕЙ ЙОНГ**, сорвиголова
ДЖОЙ и жертва моды **МАДАВАН**.

Все начнется с побега от **ЦЕЛОГО ИМПЕРАТОРА**,
засыпавшего все ямы в своем дырявом мире.

«У них тут у всех дзынькалка мимо бумкалки
прокручивается», – заметила **ЭЗОА**, озирая
сильно подозрительный мир.

«Наверное это из Курта Шекспира», – заявил **СВЕН**,
глядя на нечто, не поддающееся объяснению.

«Нужно идти по дороге, потому что пути
никуда не ведут», – сказала **МЕЙ ЙОНГ**, перед тем как
решить, что она тут самая красивая.

«Одеваться надо более гламурно, чем Лолита
во младенчестве», – добавил **МАДАВАН**, глядя на
оборванных друзей, вышедших из переделки.

«Йес, бэби, ты в отличной форме!»,
– подбодрила себя **ДЖОЙ**,
отбиваясь от врагов.

«Спокойно, кузина»,
– пробубнил **СЛАДИ**,
перед тем, как заснуть.

«Что они вытворяют!»,
– воскликнули авторы
Бертран Феррье
и **Максим Фонтен**,
глядя на своих
распоясавшихся героев.

ISBN 978-5-386-00918-2

9 785386 009182

РИПОЛ КЛАССИК

иммемория

Т Р И Л О Г И Я

Книга 1

Эзоа

•

Книга 2

Иммемория

•

Книга 3

Тенебрия

Bertrand Ferrier
et
Maxime Fontaine

immemoria

Бертран Феррье,
Максим Фонтен

ИММЕМОРИЯ

РИПОЛ
КЛАССИК

МОСКВА, 2009

УДК 82-312.9-93
ББК 84(4Фра)6-445
Ф43

Перевод с французского К. В. Левиной

Феррье, Б.

Ф43 Иммемория / Б. Феррье, М. Фонтен ; [пер. с фр. К. В. Левиной]. — М. : РИПОЛ классик, 2009. — 496 с. : ил.

ISBN 978-5-386-00918-2

Рассыпающаяся вселенная Маллемир перестанет существовать, если маленькая девочка Эзоа со своими друзьями не сумеет ее спасти. Для этого детям нужно найти и разбудить впавшего в транс стража Эльдера. Герои продолжают бешеную гонку в поисках старого стража. Они еще не знают, что он погребен под развалинами своей крепости Иммемории, которая превратилась в лабиринт кошмаров, где властвует смерть. О новых приключениях спасителей Маллемира рассказывает вторая книга трилогии, написанной двумя молодыми французами. Книга предназначена для тех, кто в свое время не отрываясь прочел «Алису в стране чудес», а сейчас дорос до «крутого» фэнтези.

**УДК 82-312.9-93
ББК 84(4Фра)6-445**

© 2006 Intervista. All rights reserved

© Издание на русском языке,
перевод на русский язык,
оформление.

ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2009

ISBN 978-5-386-00918-2

*Если мечта становится реальностью,
это значит, что кошмар близок...*

Пролог

Игра без цели

«**Ж**изнь — просто игра, более-менее забавная, думала Эзоа. Достаточно догадаться об этом, а потом понять, каковы ее правила. Тут как с поделками: открой принцип, благодаря которому дзынькалка бумкает, и уже неважно, что за деталь механизма перед тобой».

Вскоре после того, как она попала в мир говорящих животных, девочка решила, что поняла смысл этой игры. Она должна переходить из одного мира в другой (всего их вроде бы семь), чтобы как можно быстрее встретиться с таинственным Эльдером, Стражем этих разрушающихся миров. Если она замешкается, ситуация станет слишком опасной, девочку растерзают монстры или раздавит оползень. И она потеряет жизнь. Свою собственную.

Долгое время Эзоа надеялась выйти победительницей из полных борьбы путешествий по странным вселенным. Она избежала гибельных ловушек... выпуталась из сложных положений... Нет, она неплохо держалась. Но, когда на ее глазах задавили ее друга, самого красивого мальчика миров Свена, когда она увидела, что другого мальчика, Слади, какой-то безумец похоронил под тоннами желе, короче, когда она, вопреки всем надеждам, почувствовала себя побежденной, Эзоа решила закончить игру, сделав последний ход. И проиграть красиво. Она пошла ва-банк, уничтожив кошмарного целого императора, по вине которого погиб Свен. Невзирая на риск рухнуть в бездонную пропасть вместе с врагом.

Что и произошло.

Девочка не знала о том, что ее спасение или гибель во время падения уже не играют никакой роли для исхода партии. Цель игры изменилась. Когда Эзоа вступила в нее, Эльдер уже исчез. Его последнее пристанище, Крепость, поглотила земля. Усилия Эзоа были бессмысленными.

Но в одном она была права: жизнь — это действительно игра. Но игра странная, цель которой понять невозможно...

**Восходящая
желтая луна**

Кузен дьявола

Воздух был ледяным, а шум слепящим: он так бил по барабанным перепонкам, что всецело овладевал вниманием, и увидеть происходящее вокруг было практически невозможно.

По поверхности земли беспорядочно двигались и бешено сталкивались друг с другом гигантские металлические колоссы. Стальные панцири делали машины похожими одновременно и на живых монстров, и на роботов. Машины напоминали огромные профилированные и защищенные броней бульдозеры.

Но это были не обычные усовершенствованные бульдозеры: это были устрашающие затыкальщицы.

Спереди — широкая лопата, укрепленная на объемном валике. Лопата отбрасывала землю, подвижный валик сгребал ее в кучу.

По бокам — гибкие металлические, с множеством сочленений руки, в пять раз длиннее и в четыре раза толще, чем ноги атлета сверхтяжелого веса. Руки задавали ритм движения вперед и, при необходимости, могли наносить удары.

Таким образом, обширный пустырь, на котором разворачивались события, превратился в боксерский ринг для движущихся аппаратов из кошмарных снов. Все было усеяно стальными опилками, болтами, обломками механизмов, разодранными листами металла, беспрестанно слышались скрежет, лязг, звуки ударов и взрывы.

Впечатанный в дно ямы Свен не испытывал ни малейшего желания даже пошевелиться. Да он, кстати, вообще умер. На этот счет не было никаких сомнений.

Прямо перед тем, как погибнуть, он заметил тень наезжавшей на него затыкальщицы. Металлический монстр наткнулся на бугорок, толчок заставил мальчика разжать руки в тот самый момент, когда чудовище должно было его расплющить. И Свен упал с двухметровой высоты. Некоторое время он еще слышал звуки ударов, взрывы, стоны сминаемого железа, крики, затем наступила тишина.

Когда Свен приоткрыл глаза, он увидел над собой серое небо, на котором сияли шесть разных лун. Седьмая, желтая, нарождалась. Четверостишие какого-то поэта всплыло в его памяти:

Беги, беги, беги,
Взошли полные луны, и ты уже не человеческое
существо.
Она увидит, что ты изменился,
но она не будет знать,
Кем ты стал...

«Наверное, это из Курта Шекспира», — подумал Свен, с удовольствием констатируя, что даже после смерти он остается чрезвычайно образованным человеком.

Соскользнув в свое последнее пристанище, Свен теперь в основном занимался тем, что увертывался от регулярно падающих рядом с ним снарядов. Теперь он жил вечной жизнью, так что приобретать увечья было совершенно не ко времени.

Он хотел было, воспользовавшись затишьем, выползти на поверхность. Но потом передумал.

К чему подвергать себя дополнительному риску. Очевидно, что затыкальщицы больше заняты междоусобными разборками, чем заделыванием ям. Вот когда они перебьют друг друга, тогда и можно будет подняться наверх.

И потом, если нужно будет вылезти отсюда, Эзоа придет за ним. Девочка не только красива, она находчива и очень активна. И перед тем как поторопить Свена, долго не раздумывает.

Короче, спешить некуда. У зомби впереди — вечность.

Мальчик был уверен в том, что его подружка вскоре после него также погибла во время гонки затыкальщиц за полуприцепом. Он почти надеялся на это. Конечно, в их возрасте умирать рано. Но ничего, если им удастся найти друг друга, то они, в виде эктоплазм, продолжат ту борьбу, которую начали, будучи живыми детьми. Разве не для этого он превратился в привидение? Пока умерший не исполнил свою миссию на Земле, он остается на голубой планете. «Многие легенды говорят об этом, — думал Свен, — многие люди в это верят. Почему бы не поверить и мне?»

Поджидая подружку, он будет лежать на дне ямы, увертываться от снарядов и, конечно, медитировать. Он обожает медитировать.

В этот момент Свен и увидел, как над ним появилась пухлая рука. Человеческая. А затем — румяное смуглое лицо какого-то мальчика («структурально неэктоплазмическое», — отметил Свен).

— Ты, конечно, можешь тут оставаться, — произнес незнакомец спокойно. — Но я на твоём месте выбрал бы для сна более укромный уголок.

И вдруг лениво повалился на землю. Сочленение затыкальщицы просвистело в нескольких сантиметрах над ним.

Через секунду незнакомец поднялся и помахал Свену рукой.

— Ну, так ты идешь, кузен?

Изумленный маленький швед нервно пригладил ладню свои чудесные белокурые волосы.

— Ты думаешь, что здесь не так спокойно, как... АААА-ААА!

Поток гравия обрушился в яму. Затем последовала атака циклона из металлолома, словно мальчик, как магнит, притягивал к себе снаряды. Закрыв лицо руками, Свен сжался всем телом на дне ямы. Когда град закончился, он снова посмотрел вверх и увидел, что незнакомец не тронулся с места. Весь окутанный пылью, тот склонил голову набок и продолжал махать рукой.

Свен решил. Приподнялся на цыпочки. Ухватился за протянутую руку. Нашупал углубления в боковых стенках ямы. При помощи ног поднялся на поверхность земли. Распрямился, недоверчиво вдыхая воздух свободы.

Умерев, он увидел, как чистота становится вещественной... и потрясающую сцену: десятки разбитых затыкальщиц, груды кусков металла разных форм и размеров, полдюжины монстров, еще пребывающих в агрессивном состоянии и продолжающих двигаться, с трудом пробираясь между трупов собратьев, огромные ямы, дырявившие необъятный пустырь. А прямо перед Свеном стоял невозмутимый незнакомец.

«Может быть, это Бог?» — подумал Свен. Если это был Он, то вид у Него был *странный*: молодой (лет десять), обладавший кожей цвета карамели, в грязной и продырявленной во многих местах одежде, с набитым едой ртом (в правой руке мальчик держал кусок прозрачного желе, размером почти с себя, в который и вонзался всеми зубами).

«Это логично! — подумал Свен. — Концепт Бога настолько превосходит человеческое разумение, что Он *не может* соответствовать нашим о Нем представлениям!»

— Вы — Бог, не так ли? — спросил Свен, перекрикивая грохот. — Очень приятно, я как раз хотел задать Вам несколько вопросов об эсхатол...

— Ы-ы, — посоветовал ему Бог с полным ртом.

— Извините?

— Пригнись!

— Я с удовольствием преклонюсь перед представителем высшего авторитета, который... АААААА!

Свен отлетел в сторону, отброшенный рукой активно действующей затыкальщицы. Яма, в которой он прятался еще несколько минут назад, теперь была засыпана землей. Мальчик чудом избежал гибели.

Но, одновременно с рукой затыкальщицы, Свена настигла и следующая мысль: если он стоит перед Богом, то где же Эзоа? Эта столь чистая, столь наивная, хотя порой и слишком, по мнению мальчика, авторитарная душа несомненно достойна вечной жизни. Значит, Свен не перед Богом, а перед... дьяволом (который, кстати, продолжал есть, а это знак).

— Все нормально, кузен? — спросил дьявол (стало быть, дьявол) мягким и тягучим голосом, протягивая Свену руку.

Свен ухватился за нее: оглушенный силой удара, он не сумел бы подняться на ноги без посторонней помощи. «Это симпатичный дьявол, — решил Свен. — То есть еще более дьявольский, поскольку маскирует свою истинную сущность...»

И тут Свен и дьявол застыли.

Металлические монстры перестали преследовать друг друга: всего в нескольких метрах от мальчиков они сошлись в рукопашной, словно затыкальщицы-штемпелевщицы, отступая лишь для того, чтобы столкнуться с еще большей яростью.

Из ям доносились гортанные хрипы, от которых дрожала вся округа.

Из-под земли слышались звуки, похожие на хлопанье крыльев (словно большие листья миллионов деревьев билась на ветру), но никаких птиц оттуда не вылетело.

Вдруг Свен ЗАВОПИЛ. Над гигантской ямой, позади симпатичного дьявола, он увидел маленькую знакомую фигурку.

— НЕВЕРОЯТНО! — вскричал он. — Так ты тоже проклята!

Сознание того, что он очутился в аду не в одиночестве, будоражило Свена... и успокаивало. Забыв о том, какую

опасность представляют из себя взбесившиеся затыкальщицы, он обогнул дьявола и помчался что было сил, то есть не очень быстро (он никогда не увлекался легкой атлетикой), наткнулся на кучу железов, которую не заметил, упал, поднялся с ободранными коленями, услышал страшный треск позади себя, не обернулся. Он стремился к одной цели: обнять единственную и самую красивую девочку миров, Эзоа.

2

Крик ванили

Свен сразу заметил, что Эзоа находится в странном состоянии. Она, конечно, позволила мальчику обнять себя — другое было бы просто немыслимо, — но в ответ не прижала его к себе. Очень неожиданно.

Юный швед отступил на шаг для того, чтобы посмотреть на свою подругу. Одежда ее пострадала во время падения: несколько лоскутов были оторваны, а оставшаяся ткань была вся в дырах. В остальном маленькая мексиканка в общем-то не изменилась: у нее по-прежнему было две руки (исцарапанные), две ноги (ободранные) и...

— Ух ты, тебе так хорошо! — громко сказал Свен несколько дрожащим голосом.

— Что...

— Ну это... Твой макияж! Класс!

Проследив за жестом мальчика, Эзоа провела рукой по своей левой щеке чуть ниже скулы. Она почувствовала под указательным пальцем легкую ссадину. Вид у девочки стал удивленный. Она посмотрела вокруг себя, на сражавшихся друг с другом затыкальщиц. Поморгала ресницами. Взглянула на Свена так, словно видела его впервые в жизни. И улыбка, освещавшая его лицо, вдруг озарила изнутри и девочку.

— Ты жив! — воскликнула она, бросаясь целовать своего друга.

«Наконец-то!» — подумал он.

— Э-э, нет... Я умер, но какая разница.

— Как это ты умер? Только не начинай снова *одни* глупости говорить!

— Эзоа, поразмысли! Я несомненно мертвый! Я упал на дно ямы. Затыкальщицы меня истязали. Я получил массу ранений, таких, как... как... э-э...

Мальчик посмотрел на свои ладони, запястья, поднял вверх штанину, показал на старый порез и торжествующе закончил:

— ...Вот таких!

Девочка вдруг толкнула Свена, и он упал. Приподнялся и пробормотал:

— Да что же это такое, ты...

Удар в висок оборвал его слова. Луны исчезли, мир стал черной пустотой с запахом брокколи в нуге — запахом не столько странным, сколько неприятным.

Однако постепенно темнота наполнилась смутно знакомыми звуками. Скрежетом. Голосами. Потом появились ощущения. Боль в черепе. Саднящие щеки.

Свен понял, что кто-то дает ему пощечины. Наверное, для того, чтобы привести его в себя, неважно, это не извинение.

Он приоткрыл веки. Склонившийся над ним дьявол улыбался ему широчайшей улыбкой. Кусок желе был уже изрядно подъеден.

— Парень, слушай, ты такие странные места себе для отдыха выбираешь! — воскликнул он.

— На меня... на меня сзади напали!

— Сбоку, — поправила Эзоа, поднимаясь. — Ты попал под руку затыкальщицы. Я тебя толкнула для того, чтобы она тебя не задела. У меня создается такое впечатление, что все монстры сошли с ума, как только их главарь упал в яму.

— Их главарь? — повторил Свен. — У этих залежалых бульдозеров есть еще и главарь?

— Тот тип, который начал преследовать нас и от которого мы убегали, — объяснила девочка. — Его звали целый

император. Он хотел засыпать все ямы в мире. Для этого он и создал эти машины.

— А на нас-то он за что сердился?

— Он хотел спасти миры на свой лад, а дети, как он считал, мешали ему это делать. Тогда он, для начала, похоронил Слади под тонной желе...

— Да там был от силы блок, а не тонна, — уточнил герой описываемых событий. — Очень вкусное, кстати. Хотите попробовать?

— Тебя зовут Слади? — подал голос Свен в свойственной ему манере.

— А как это вышло, что ты не умер? — добавила Эзоа.

— Умер?

Слади икнул. Один раз, потом второй, потом третий — очень громко.

Казалось, он пытается не расхохотаться. Чувствуя, как в нем нарастает неудержимый смех, Слади нашел чистый металлический лист, положил на него желе, схватился за свой круглый животик и стиснул зубы. Его собеседники смотрели на него округлившимися глазами. Мальчик, улыбаясь, на двух ногах подпрыгивал на месте. Затем губы его сморщились, раздвинулись, разомкнулись, и он разразился громким смехом.

Вскоре Эзоа и Свен тоже потеряли контроль над своими телами. Неожиданно они тоже запрыгали на обеих ногах. И захохотали. Остановиться они не могли. Все трое прыгали и корчились от смеха.

— Что... что такого смешного? — смог, наконец, выговорить Свен.

— Не знаю, — весело призналась Эзоа. — Но до чего же смешно!

Вдруг раздался взрыв. В воздух взлетели винты и пружины. Вспыхнул огонь. Загрохотали тучи обломков из сверхпрочной стали. Лязганье и ледяной запах свидетельствовали о том, что загорелась еще одна затыкальщица.

Трое детей перестали смеяться одновременно. Они отдышались.

— Извините меня, — пробормотал Слади, поднимая свое желе. — Это я просто при мысли, что я умер оттого... ик! что утонул в желе.

— Ах, так это было так смешно? — рискнул осведомиться Свен.

— А как ты попал в желе? — спросила Эзоа, торопясь узнать главное.

— Понятия не имею. Хотя, нет, ну, в общем, я спал дома, ик. Открыл глаза, а я уже здесь. Я подумал, что проснусь попозже. Место мне понравилось, и я снова закрыл глаза. Пока этот чокнутый старикашка не появился на своей машине. Мы едва обменялись парой слов, как он закинул меня в яму и заполнил ее желе, ик. Точно не хотите кусочек? Очень вкусно....

— Так, значит, ты тоже с Земли, как и мы? — продолжила девочка.

— Ты хочешь сказать, что я не нахожусь перед самым дьяволом? — обескураженно пропищал Свен.

— Значит, ты третий ребенок, — проговорила Эзоа, не обращая на Свена внимания. — Так я и думала... Свен, мы нашли его...

— Так я — третий ребенок? — пробормотал Слади. — Это код такой или что?

Резкий свист и оглушительное «бум-м» заставили всех троих одновременно оглянуться. На них на полной скорости пятилась затыкальщица, сметая на своем пути все препятствия.

— Яма! — крикнула Эзоа, показывая на образовавшееся в нескольких метрах от них углубление в земле.

Девочка взяла Свена за руку и увлекла за собой. Свен машинально схватился за пухлую руку Слади, который лениво запротестовал:

— Спокойно, братишка...

Дети скатились в укрытие, едва увернувшись от металлического монстра, который проскочил мимо.

— Слади, в Маллемире — где мы находимся — есть семь миров, — подытожила девочка, как только затыкальщица отдалилась и они смогли снова слышать друг друга. — В каждом мире есть ребенок. Каждый из них обладает властью. Мы должны найти семерых детей, а потом отыскать Эльдера, Стража миров, который теряет рассудок. От этого здесь так опасно. Мы поможем ему навести в мирах порядок. Как — не знаю, но надеюсь в скором времени понять! Я из Испании, я попала в мир животных, в мире, где все наоборот, я встретила Свена, он из Швеции, а ты — точно ребенок из дырявого мира. Теперь мы должны добратсья до столицы для того, чтобы перейти в следующий мир. Времени мало: седьмая луна встает — и стало удивительно жарко с тех пор, как она появилась... Проблема в том, что когда все семь лун закатятся, то есть когда завершится лунарий, этот мир перестанет существовать... и мы вместе с ним!

Слади, прислонившийся к стенке ямы, семь раз подряд обвел глазами окружающую его обстановку, потом миролюбиво взглянул на Свена.

— Она всегда такая, подружка твоя?

— Нет, она сейчас устала немножко... Обычно она еще более... в тонусе! Когда мы попали в дырявый мир, она там и то, и се... Просто идеальный маленький вождь! Сейчас она мне прямо не нравится. Слишком ласковая.

Понимающее выражение смягчило и без того спокойное лицо новенького.

— Это естественно, — пояснил он. — Ты бы видел то, что видел я, — как она рубилась с затыкальщицей! Я едва-едва спокойно вылез из ямы и смотрю... БУМ! Можно было подумать, что она и сама хочет погибнуть!

— Эй! *Она* тут! — заметила Эзоа.

— Вот и скажи мне, как ты жива осталась! — обратился к девочке Слади.

— Ну, я... Я сама точно не знаю... Я долго падала в пустоте: яма была бездонная... Потом затыкальщица, на которой я сидела, остановилась... Я почувствовала чье-то присутствие... Услышала звук хлопающих крыльев... Потом раздался крик, и появился запах ванили, очень-очень сладкий... В общем, крик и запах возникли одновременно... До такой степени, что мне показалось, что это ваниль кричит... Я себя чувствовала не очень уверенно... Я ощутила какое-то движение рядом со своим лицом... Я думаю, что как раз тогда я этой штукой и обрезалась... Потом снова зашумели крылья... Потом я увидела свет, и я вас нашла.

— *Делириум структуралис*, возникший в результате ощущения близости смерти, — поставил диагноз Свен. — Классический случай.

Трое детей выбрались на поверхность земли и уселись на краю ямы. Слади озадаченно переводил взгляд с одного своего нового товарища на другого. Он то смотрел на девочку, всю покрытую царапинами (особенно глубокая ссадина голубого цвета была на щеке на уровне скулы) и играющую упавшей к ее ногам гайкой, то разглядывал мальчика, бледненького, с безупречно лежащими волосами, очень самоуверенного на вид и как-то странно разговаривающего. Для того чтобы удивление улеглось, Слади был вынужден проглотить большой последний кусок желе, который ему удалось спасти во время падения в яму.

И тут земля начала дрожать.

Дети посмотрели на горизонт. Ничего особенного. Но шум казался тревожным...

Шум превратился в облако пыли. Огромное облако пыли. Потом в красную линию. Новые затыкальщицы шли на подкрепление. Они были еще далеко на равнине. Но уже можно было заметить, что они несколько отличаются от своих подруг. Машины двигались медленнее, но размерами были крупнее и выглядели еще более угрожающе благодаря своей гладкой броне, отбрасывающей на землю под лучами поднимающейся желтой луны кровавые отсветы.

— Вид у них серьезный, — признал Слади спокойным голосом.

— Должно быть, целый император вызвал резерв, когда падал со мной в яму, — предположила Эзоа, горло у нее перехватило.

— Ах, если бы с этими монстрами можно было общаться, — вздохнул Свен. — Прочувствованное слово разрешает столько безнадежных ситуаций, столько недоразумений, столько...

— Поверь мне, — прервала его девочка, вскакивая. — С этими чудовищами лучше говорить не языком, а ногами.

— НЕТ! — застонал мальчик, нервно проводя рукой по волосам. — Мы ведь не будем *снова* бежать!

Эзоа сделала гримасу.

— Увы, да! И мне даже кажется, что, если мы и убежим от этих монстров, ты и потом еще не раз займешься своим любимым видом спорта...

— Слади! — умоляюще произнес Свен. — Ты хоть скажи что-нибудь!

— Ну... Пошли? — предложил любитель желе, поднимаясь.

Свен опустил голову.

И они пошли.

3

Бегство от ямы

Дети преодолели не больше ста метров, как Эзоа закричала, вытянув руку:

— Там! Там люди!

— От... лич... но... — задыхаясь, выговорил обессиленный Свен. — Хотя я предпочел бы... библиотеку с кондиционерами...

Лицо мальчика все время меняло цвет. Красное от физических усилий, оно становилось мертвенно-бледным — почти прозрачным — каждый раз, когда он оглядывался назад, на монстров.

И действительно, за беглецами с грохотом следовали кроваво-красные затыкальщицы. Они были еще далеко, но расстояние уже сократилось. И было понятно, что оно будет сокращаться и дальше.

— Не очень-то спортивно будет привести наших врагов к этим незнакомцам? — спросил Слади, высунув кончик языка и продолжая бежать трусцой.

— У тебя есть другие предложения? — отрезала Эзоа раздраженно.

— Спокойно, кузина!

— Я тебе не кузина, и я совсем не спокойна! — закричала девочка. — У меня чудовища на хвосте, представь себе! Как тут спокойной-то оставаться?

Слади повернулся в Свену с понимающим видом.

— Я понимаю, что ты имел в виду тогда...

Кровь у девочки вскипела. Она прибавила ходу, оставив позади двух мальчишек, которые так хорошо друг друга понимали.

Сумка с чудесами, в которую Эзоа обычно складывала все, что может понадобиться для странноделок, потерялась во время борьбы с целым императором и больше не отягочала девочку. Что позволило ее шагу сделаться более ровным и решительным. Она быстро оставила своих друзей далеко позади.

И поэтому перед группой замеченных ею людей она предстала одна. Это был караван из внушительно размера карет. На каждой из них красовалась эмблема в виде розового поросячьего хвостика в форме буквы «S», ниже шла расшифровка логотипа: «СексссиБой Продакшнс».

Эзоа хотела постучать в дверцу ближайшей кареты, но та сама открылась прямо перед девочкой, и оттуда появилась густая лиственная крона. Удивленная Эзоа отскочила назад. Через секунду баобаб захрустел своими массивными, словно полуприцепы, ветвями. Протянув два корня, он схватил маленькую незнакомку с такой силой, словно хотел задушить ее. Затем он ослабил хватку. Эзоа с закрытыми глазами упала на землю.

Она услышала, как гнусавый голос пропищал:

— Боб, что там происходит?

— Все под контролем, — выдохнул баобаб. — Попытка нападения пресечена.

Раздался звук двух глухих ударов. Девочка приоткрыла глаза. Два орангутанга, показавшиеся ей гигантами, прыгнули к подножию баобаба и разглядывали ее, встав в стойку каратистов.

— Не трогайте... Эзоа... — послышался слабый голос Свена.

Тяжело дыша, он показался в зоне видимости девочки.

— Йи-йаа! — оскалилась одна из обезьян.

И вытянула кулак. Уже не в силах замедлить движение или изменить его направление, мальчик налетел прямо на кулак. И упал без сознания.

— Спокойно, кузен! — проговорил в свою очередь подбегающий Слади.

— Внимание всей охране: тревога, массивное нападение! — зашумело дерево.

— Это просто невежливо, — ворчливо произнес Слади. — Я несколько полноват, но я не массивный...

Раздался бесконечно повторяющийся, словно сирена, крик попугая. С зеленой кроны баобаба спустилась лиана и стала обматываться вокруг мальчика. Последний виток, и Слади заболтался над землей, перетянутый, словно сосиска, растительными путами. Попугай-сирена замолчал.

Эзоа протерла глаза. Целая банда огромных шимпанзе, орангутангов с выпуклыми мышцами, гигантских горилл, у которых были устрашительные морды, окружила детей. Животные были одеты в облегающие ливреи, на которых в три линии золотыми буквами был вышито:

ЖН
Охрана
СекссиБой Прод.

Среди великанов появился маленький лысый человек, который торопился увидеть нападающих.

— Но... это же дети! — закричал он гнусавым голосом.

— Осторожность прежде всего, босс, — заметил орангутанг, не спускавший с Эзоа глаз. — В наши дни внешнему виду доверяться нельзя. Маленькие дикари очень отважны!

— Да ладно, пропустите ко мне маленьких детишек...

«Я не ребенок, и уж вовсе не *маленький* ребенок!» — подумала Эзоа. Но ей надо было уладить еще несколько проблем до того, как обращать внимание на такие детали. А голос странного типа о чем-то ей напоминал...

Девочка почувствовала, что корни отпускают ее. Дерево ее освободило. Она выпрямилась. Хотела двинуться с места, заметила, что ноги ее больше не держат. И упала... в

объятия гнусавого незнакомца, который бросился ее под-
держать.

В этот момент Свен пришел в сознание.

— Эзоа... не трогать...

Он встал и двинулся, пытаясь выглядеть угрожающе, на
защиту девочки от ее возможного похитителя.

— Йи-йаа! — крикнула горилла, поднимая кувалду, за-
менявшую ей кулак.

Свен почувствовал, как монстр высотой минимум
шестьсот семьдесят этажей обрушился прямо ему на го-
лову.

В ту же минуту лиана баобаба развязалась, отпуская
своего пленника; Слади упал, отскочил от земли, ударив-
шись брюшком, и, окончательно приземлившись, замер.

Эзоа предупредила таинственных служащих Сексси-
Боя о том, что к ним приближаются сверхусовершенство-
ванные затыкальщицы.

Боб баобаб оценил ситуацию, организовал защиту кара-
вана и обеспечил безопасность Жо Назе.

— Жо Назе?! — воскликнула Эзоа. — Нет? Только не
Жо Назе! Или? Я чувствовала, что я его знаю...

Свен закрыл глаза. Он опять погрузился в темноту.
Ночь пахла перезрелой клубникой. Среди прорезавших
черноту фиолетовых молний маленькому шведу показа-
лось, что он заметил аппетитную фигурку тролльчихи. Мо-
жет быть, с ней можно и поговорить?

Галлюцинации Свена заботили Слади не больше, чем
воспоминания о первых съеденных в детстве бриошах на
чистом сливочном масле. Его спокойный нрав не давал ему
поспевать за бурлящими вокруг него событиями.

Он спасся от первой атаки затыкальщиц. Нашел маль-
чика, которого никогда до этого не видел. Встретил девоч-
ку, которую считал погибшей. Убежал от новой атаки ме-
ханических монстров. И все это для того, чтобы подвер-
гнуться нападению со стороны гигантского баобаба,
который охранял маленького смешного человека с голосом

утки, подхватившей насморк после слишком длительного погружения в пруд с кувшинками.

Слади решил, что ему пора поспать, для того чтобы оправиться от всех волнений. Он заметил удобную кучу меха, принадлежавшую сторожившему карету шимпанзе, улыбнулся ему, положил голову на эту импровизированную подушку и заснул.

А Эзоа была потрясена своим открытием. Она видела наяву единственного певца, перед которым решительно преклонялась!

Она услышала — и полюбила — Жо Назе по дороге в школу ничегонеделания. Образованный землепашец дал ей прослушать последний хит певца. На самом деле она уже видела его где-то на фотографии... Просто точно не помнила когда.

В глубине души Эзоа умирала от желания сжать его в объятиях, умолить подарить ей автограф или поцелуй, упросить спеть какую-нибудь песню. Но человечек поставил ее на землю и принялся с тревожным выражением на лице созерцать кроваво-красный горизонт.

— Миры уже не те, что были раньше, — прогнусавил он. — Все подходит к концу... Вдохновение исчезло... Побеждает насилие, и это логично...

— Надо бежать! — перебила его Эзоа. — Мегазатыкальщицы заркоут нас в землю!

Жо покачал головой.

— Нет, моя служба безопасности защитит меня.

— Против этих чудовищ? Да они же огромные, гигантские!

И, поскольку ее собеседник не реагировал, Эзоа добавила на всякий случай последний синоним:

— Они... э-э... большие!

— Моя охрана тоже. И потом, я не могу бежать: дыра Бадур еще тут.

— Дыра Бадур?

— Там большая дыра с другой стороны нашего каравана. Это еще одна опасность, которая подстерегает нас с недавних пор в этом дырявом мире.

— Я ее не знаю...

— Еще бы, ты ведь всего лишь ребенок...

— Я давно уже не ребенок! — смогла наконец запротестовать Эзоа. — Мне восемь лет!

Но певец продолжал:

— Эта дыра называется дыра Бадур. Она появляется ниоткуда, бежит за нами и ворует наши любимые песни, стирая их из памяти.

— Она напала на вас?

Человечек кивнул.

— А какие песни вы потеряли?

— О-о-ох! Не помню! Не помню, потому что *она украла их у меня!* Раньше, когда у меня были мои песни, я спускался в свой джаз-бар, посасывая ледяную фруктовую воду, и знакомился с красотками... А без песен я — никто!

Вокруг маленького человека послышались голоса:

— Не беспокойся, Жо, все девушки, которые тебя любят, опять будут с тобой...

— Да, не волнуйся, йе-йе-йе...

Изумленная Эзоа увидела, как из карет появляются странные животные. Жо Назе указал на них:

— Вот мои друзья... Как, кстати, тебя зовут?

— Эзоа.

— Эзоа, вот мои аккомпаниаторы. Это — Бенжасмин. Он из дырявого мира, поэтому сам дырявый и играет при помощи своих отверстий...

Дырявый человек, о котором шла речь, склонил голову к своему усеянному дырочками торсу. Вскоре его тело стало распространять приятную мелодию и какой-то стран- ный аромат. Эзоа потянула носом воздух, для того чтобы определить, чем же пахло.

— От Бена пахнет жасмином, — объяснил Жо, — это та- кое ароматическое растение, когда ветер шевелит его ли-

ству, оно издает мелодичные звуки. А сиамские близнецы с белой прядью — это Зу и Зу. Они играют на двойных ударных.

— На двойных ударных? — удивилась Эзоа.

Для того чтобы ее услышали, девочке уже приходилось кричать, настолько оглушительным сделался грохот затыкальщиц.

— Да, это ударные для состоятельных людей. Представляю тебе бо-о-ольшую фасоль — арфистку. Она может также и партию ударных исполнять, когда трясет своим телом и стучит зернами.

— Привет!

— Это Эрика и Билли, мои хористки...

— Здравствуйте, йе-йе-йе, — протянули два существа, обладавших человеческими фигурами и такой черной кожей, что она отражала дневной свет мощным потоком голубоватых молний.

Весь караван, кроме стойка Боба баобаба, теперь сотрясаясь от вибраций почвы, производимых приближающимися затыкальщицами. Охранники-приматы встали в три ряда перед караваном, для того чтобы отразить нападение врага. Они подбадривали себя сложными хореографическими упражнениями, сопровождавшимися рычанием и ударами мощных кулаков по груди, по бедрам и мускулистым рукам.

Что не помешало Жо Назе завизжать громким, хотя и по-прежнему гнусавым голосом:

— Но... а где мой паук-оркестр? Куда он делся?

— Он отправился в атаку! — вдруг завопил паук-оркестр, выскакивая из кареты и становясь позади обозьян. — Я все видел! Надо налететь на них сразу! Мы на передовой, ребята! Сейчас мы им покажем!

Возбужденный паук шевелил своими волосатыми лапками и осыпал бешеными проклятиями металлических монстров, которые подошли уже совсем близко.

Эзоа же, со своей стороны, спряталась за Жо Назе. Она испугалась не только наступавшей прямо на нее кроваво-красной волны. Она узнала паука, и теперь боялась того момента, когда этот истерик начнет требовать от нее возврата крышки от мусорного бака, которую она у него *позаимствовала* в первые минуты пребывания в Маллемире.

Музыканты в стиле «металлический рок»

Ужасающим образом сотрясая землю, появились затыкальщицы. Обезьяны-охранники бросились в атаку, как только смогли их детально различить. Столкновение было страшным.

Первыми в наступление бросились наименее крупные обезьяны. Во-первых, они были подвижнее. Во-вторых, их задача состояла не в том, чтобы остановить кошмарные комбайны, а в том, чтобы, используя свою ловкость, взобраться на корпуса машин и *затем* сломать их находившиеся под капотом моторы, в то время как силачи отряда намеревались встретить монстров кулаками и плечами.

Бой завязался, сопровождаемый рычанием и металлическими взрывами. Боб баобаб уже не знал, как ему лучше своими ветвями распорядиться.

Сцена, разыгрывавшаяся перед глазами Эзоа, была просто фан-та-сти-че-ской: в то время как дерево энергично мерялось силой с лопатами затыкальщиц, орды шимпанзе осыпали ударами кроваво-красные машины, которые отвечали снопами малиновых искр. Сброшенные на землю приматы поднимались и снова с яростью бросались на первых попавшихся под лапу монстров. В общей какофонии звуки борьбы напоминали игру взбесившихся барабанщиков. «Прямо, как музыканты в стиле „металлический рок“, — подумала девочка.

Казалось, опасность уже была локализована: к счастью, затыкальщицы атаковали, построившись в пять рядов, один следом за другим, поэтому, когда авангард был остановлен кордоном из самых впечатляющих обезьян, вторая линия монстров не сумела вовремя затормозить и врезалась в первую.

Приматы, запрыгнув на машины, методично колотили свои жертвы до тех пор, пока те не застывали в неподвижности. Тогда обезьяны кидались на затыкальщиц из второго ряда, начиная с выведения из строя сочленений их металлических рук. Монстры были великолепны, но созданы они были не для ближнего боя. Целый император задумал их для затыкания максимального количества ям в минимальные сроки. Столкнувшись с многочисленным отрядом из профессиональных бойцов, машины, столь опасные на вид, сами оказались в опасности.

Паук веселился от души. Он залез на Боба баобаба. И оттуда, балансируя на ветвях, давал своим телохранителям совершенно бесполезные советы:

— Слева, Орижен! Да не отсюда слева, а оттуда! Эдмонзор, используй лучше свой лоб! В жизни есть не только удары ногами! Ух, бей ее, Изолиа, не то она сама тебя ударит!

Вдруг одна из горилл взлетела в воздух.

— Ай-ай-ай-ай! — завопила она.

— А я что тебе говорил! — воскликнул паук.

Неожиданно баобаб подскочил, и — бум — потеряв равновесие, паук упал в яму. Он оказался лицом к лицу с затыкальщицей, засыпавшей углубления в земле, оставляемые Бобом при перемещении.

— Нет! — застонал паук, махая волосатыми лапками.

Забыв о своих страхах, Эзоа побежала к нему. Затыкальщица уже подняла лопату с целью похоронить паука. Но она забыла про Эдмонзора. Мощным прыжком примат взлетел на монстра. Он крепко обхватил ногами металлическую руку, а руками вцепился в Боба баобаба. Издав по-

бедный возглас, Эдмонзор изо всех сил потянул металлическую руку на себя. Раздался ляг. Через секунду затылкашица была расчленена. Произошло короткое замыкание, и чудовище остановилось.

— Ну, видишь, когда ты хочешь, Эдмонзор... — произнес паук, предательски задыхаясь, несмотря на самоуверенный вид.

Вдруг он застыл. Он заметил девочку, которая собирала болты, гайки, винты, обломки железных листов, металлические осколки, опилки и детали машин. Он знал ее. Он узнал ее. Он не зря поклялся себе в том, что повстречает ее рано или поздно. И вот она была перед ним...

— Во... во... воровка! Балтазар! Фулзорид! Родемон! Хватайте ее! Она украла у меня крышку от мусорного бака!

Крупная обезьяна бросилась наперерез Эзоа. Она схватила девочку за руки и заломила их ей за спину. Эзоа была вынуждена выпустить из рук все, что собрала. Ее находки со стуком покатались по земле. Медленно, словно вокруг и не шумела битва против мастодонтов, со злой довольной усмешкой паук подошел к ним.

— Я хочу сказать тебе, что все это время я тебя ждал, — произнес он. — Пусть это было долго. Когда ты меня покинула, жизнь моя не остановилась... но я пообещал себе найти тебя. Вот мы и встретились...

Он был от преступницы уже на расстоянии почти одного метра.

— Ну, и что же ты сделала с крышкой от моего мусорного бака? — пожелал он узнать.

— Не трогать Эзоа, Спайдермен, — едва ворочая языком, прошептал Свен.

Послышался звук шагов, «йи-йааа!», потом «бам», потом уже ничего, потом крик:

— АААААА! Она шевелится! Дыра шевелится!

— Тревога! — возопил Боб. — Бадур пришла в движение!

Большинство обезьян немедленно собрались в группу, они вскарабкались на баобаб и исчезли в листве. Боб залез в карету, из которой высадился.

Музыканты также снова сели в кареты. Три примата в черных очках на мордах по-прежнему окружали Жо Назе. Певец с любопытством наблюдал за стычкой между девочкой и пауком-оркестром.

— Ну, вы закончили уже свои ребячества? — поинтересовался он.

— Слушай, позаимствовать крышку — это не страшно, но увести крышку, это уже серьезно, знаешь ли, — запротестовал паук. — Я этого просто так спустить не могу!

— Выбирай: либо ты остаешься здесь с мадемуазель, либо ты едешь с нами.

— А вы куда едете? — поинтересовалась девочка.

— Понятия не имеем, — признался певец. — У нас нет выбора, мы едем туда, куда ведет нас дыра, не могу же я ей свои хиты оставить. Если кто-нибудь завладеет ими, я пропаду, со всей моей былой славой мне останется только идти играть в футбол банками из-под кошачьего корма!

— Босс, вообще-то пора ехать, — пробормотал один из орангутангов. — Не то дыра нам дыр наделает...

— Заберем ее с собой! — решил паук, протягивая руку к девочке.

— Лапы прочь! — отрубила Эзоа. — Я поеду, но только со Свеном и Слади...

— Свен, это молодой человек с помятым лицом? — уточнил Жо.

— А Слади, это который спит, — добавила девочка.

— Который *спал*, — поправил тот, о ком шла речь, потягиваясь. — Зря вы думаете, что очень легко спать при таком-то стрессе...

— Хорошо, полезайте в мою карету, — заключила звезда, начиная терять терпение. — Мне любопытно послушать вашу историю.

— Вы спросите у нее, куда она дела мою крышку, хорошо? — умоляюще произнес паук. — Не столько даже для того, чтобы вернуть ее на мусорный бак, сколько из принципа...

— Хорошо, хорошо... Садись скорей в свою карету. А ты, Родемон, оставь в покое мадемуазель.

— Вы уверены в этом, босс?

Босс кивнул. Едва высвободившись, Эзоа подобрала часть найденных ею сокровищ и сказала:

— Слади, возьми Свена с собой!

— Да зачем нам ехать с этими клоунами?

— У тебя что, есть другие варианты? Или ты хочешь здесь остаться? С ними мы продвинемся вперед, может быть, столицу найдем.

— И что нам это даст?

— Нам это даст то, что мы сможем найти Эльдера или перейти в другой мир и...

— Перейти в другой мир? Спокойно! Я туда не тороплюсь, кузина!

Эзоа набрала воздуха в легкие, но потом решила не связываться.

— Я все тебе объясню, *кузен*, — пообещала она.

И, повернувшись на пятках, с кучей металлолома в руках и в майке, последовала за Жо Назе и Родемоном. Слади склонил голову набок, некоторое время поколебался, но в конце концов высунул кончик языка, взвалил Свена на спину и пошел за девочкой.

— Ты был совершенно прав, — заметил он, обращаясь к Свену. — Она *очень* в тонусе. Слишком, если хочешь знать мое мнение.

— Эзоа... не трогать... — пробормотал маленький швед, мысли его путались, а глаза заволокло пеленой.

Мгновение спустя караван, покачиваясь, уже преследовал движущуюся дыру.

За ними оставалось поле, усеянное останками затыкальщиц... и странный сладкий запах, упорно плывший в воздухе и смешивавшийся с запахом расплавленного металла.

5

Самая неторопливая погоня в мире

Боб баобаб высунул из окна своей кареты ветку, на которой висел бонобо, наблюдающий за медленными передвижениями дыры Бадур.

В роскошной карете (напоминавшей вагон-люкс, с позолотой и с бархатными сиденьями) ехали Жо Назе, трое детей, а также три телохранителя, готовые отразить любое нападение.

Положив в угол кареты чудеса для странноделок, Эзоа попыталась разбудить Свена, которого постоянные удары сделали ненормально молчаливым: он произносил лишь двухсложные слова, да и те как-то плохо увязывал между собой. Пробурчав что-нибудь, мальчик опускал нос и, казалось, погружался в глубокий сон.

— Слади, ты мог бы мне помочь, — прошипела девочка, обернувшись к маленькому марокканцу.

— Нет.

— Как это нет? Ты сам везде засыпаешь, ты должен знать, как можно эффективно разбудить человека!

— Я не люблю, когда меня будят, кузина, — возразил мальчик. — С какой стати я буду заставлять Свена испытывать то, что сам очень не хотел бы испытать.

— Но не может же он в таком виде оставаться!

— Почему? Ты все время упрекаешь меня в том, что я сонный, кузина. А я хоть раз упрекнул тебя в том, что ты слишком уж проснувшись?

Эзоа растерянно всплеснула руками и призвала в свидетели Жо Назе. Но не встретила с его стороны никакой поддержки — певец, скрестив руки на груди, смотрел на нее суровым взглядом. По всей видимости, он ждал объяснений по поводу того, что же здесь делали юные чудаки.

— Хорошо, хорошо, если вы хотите знать, мы не здешние, — признала девочка. — Я пришла из животного мира, а до того — из еще одного мира, который называется Землей...

— Это в животном мире ты украла крышку от мусорного бака у моего паука-оркестра? — перебил ее певец.

Эзоа вздохнула.

— Да... Шел разноцветный ливень, а у меня не было зонта... Но эта история с крышкой — всего лишь ничтожная деталь!

— Деталь? — вскинул брови Жо. — Мой музыкант паук придерживается совсем другого мнения на этот счет!

— Ничего не значащая деталь, — отрезала девочка.

— Правда?

— Да, а вот что имеет значение, так это то, что Слади и Свен тоже явились с Земли. Каждый в свой мир. То есть в каждом из семи миров, несомненно, есть такой же, как мы, ребенок.

— Она всегда такая, твоя «кузина»? — звезда посмотрела на Слади.

— Нет, кажется, обычно она находится в еще большем тонусе, — уточнил маленький марокканец, широко зевая.

— Эй, вы меня слушаете? Мы должны найти Эльдера, Стража миров. Для этого надо попасть в столицу и перейти в следующий мир. Время не ждет: существует большая вероятность того, что, когда закончится лунарий, все взорвется! Понятно?

— М-м-м... — произнес Жо, бросая взгляд за окно. — Тебе везет, мне кажется, что дыра направляется к столице дырявого мира. Что логично: дыры мечтают попасть в столицу, особенно во время Олимпийских полуигр...

— Во время чего?

Певец щелкнул пальцами.

— Меретим! Будь другом, принеси мне, пожалуйста, мою блузу.

— Сию минуту, господин Назе.

Охранник открыл окно кареты и выскочил в него.

— Так, о чем я говорил? Ах да, полуигры... Ну вот, дырявый мир был избран для организации части Олимпийских игр.

— Как это — части?

— Они проводят половину соревнований. Вон, посмотри на полустадион, мимо которого мы проезжаем. Там проходит полуфинал по прыжкам в полувысоту, знаешь, это как прыжки в высоту, только прыгать надо точно на половину нужной высоты.

— Чрезвычайно стимулирует с интеллектуальной точки зрения, — прошептал Свен заплетающимся языком.

— Что, проснулся? — воскликнула Эзоа, пытаясь спрятать испытываемое облегчение под раздраженной гримасой. — Не слишком рано!

— Ты не можешь мне дать аспирина? У меня такое ощущение, что затыкальщица проехала по моей голове...

Певец щелкнул пальцами.

— Уилброд, компресс для господина.

— Хорошо, господин Назе.

В этот момент Меретим вернулся через окно с голубой блузой, которую он протянул своему хозяину. Звезда поспешно надела блузу, а орангутанг по имени Уилброд покинул карету тем же способом, что и Меретим.

Жо поправил блузу и нажал на несколько пуговиц. Послышалась грустная мелодия.

— А! — произнес он успокоенно. — Я боялся, что дыра и это у меня украла, но нет...

Напевая, Жо объяснил:

— Я играю блуз... Вот, я по-прежнему играю блуз...

— Гениально! — пришла в экстаз Эзоа. — Вы вспомнили ваши хиты?

— Э-э, нет, увы... Я так напевал, что в голову пришло... Блузовые музыканты часто импровизируют...

— Из этой мелодии надо сделать хит, — уверила певца девочка.

И, в свою очередь, принялась напевать:

Мы играем блюз,
Мы — блюзовые музыканты!

Другая карета поравнялась с каретой Жо. Эрика и Билли появились в окне с криками «Йе-йе-йе!».

Мы играем блюз, — повторила Эзоа, —
Мы — блюзовые музыканты!

Потом она вытянула палец в направлении Жо Назе и воскликнула:

— Соло!

Но певец грустно покачал головой.

— Увы, написать хит не так просто... Но это очень мило, что ты хотела мне помочь...

Он помахал своим хористкам, которые заплодировали и исчезли, испустив последнее «Йе-йе-йе!».

Неожиданный толчок из-за увеличившейся скорости откинул девочку на спинку сиденья. Меретим поднес руку к уху и нахмурил густые брови.

— Кажется, дыра Бадур пытается оторваться от нас, босс...

— Вперед! — приказал хозяин. — Не дайте ей уйти!

В этот момент в карету вернулся Уилброд, неся что-то вроде влажной повязки.

— О, горчичник, спасибо! — обрадовался Свен, встал, для того чтобы взять компресс... и упал навзничь оттого, что карета наехала на какой-то камень и подпрыгнула.

— Это не горчичник, а снадобье, — поправила мальчика Эзоа, помогая ему сесть.

— Не снадобье, а компресс, — поправил ее в свою очередь певец.

— Я именно это и говорила, — возразила девочка.

Слади, удобно откинувшись на спинку сиденья, задремал.

— Вы говорили о полуиграх, — заговорил Свен, положив компресс на лицо. — Мы сможем увидеть в столице соревнования?

— Да не соревнования, — мягко сказал Жо, — продолжая наигрывать блюз, — это полуигры и поэтому полусоревнования, и их можно посмотреть. Есть, например, бег на полдистанции, во время которого поворачивают, пробежав половину расстояния... командное метание копья, когда нужно бросить копье как можно дальше, но поймать до того, как оно коснется земли... полудзюдо-полуфехтование: здесь нужно поменять вид полуспорта при звуке полугонга... или полумарафон...

— Полумарафон? — повторила Эзоа, пытаясь собрать в кучу части будущих странноделок, от тряски рассыпавшихся по всему полу. — Это я знаю!

— М-м, не хочу тебя обидеть, — проговорила звезда, но это маловероятно: этот вид соревнований появился совсем недавно. Похоже на марафон, но гораздо сложнее: финиш исчезает, когда лидирующие бегуны достигают середины дистанции...

— Эта онтологическая спектральность мне кажется совершенно клоссовскианской! — воскликнул Свен. — Ибо является ли марафон преодолением дистанции или идеей о преодолении определенной дистанции? В своем туринонищшеанском анализе Клоссовски представлял себе индивидуума как диалог между центром и его колебаниями. Что...

— Что абсолютно не интересно! — выкрикнула девочка, на этот раз действительно раздраженная.

Она вскочила на ноги, не в силах сдержать досаду. И покати́лась по полу — карета внезапно остановилась.

Меретим поднес руку к уху и снова сдвинул кустистые брови.

— Босс, дыра остановилась. Карета Боба чуть в нее не свалилась, но все обошлось.

— Это еще что за новости? — пробурчал Жо Назе, направляясь к двери.

Уилброд тут же бросился ее открывать. И вышел первым. Вскоре весь караван собрался вокруг дыры.

Эзоа была разочарована. Дыра Бадур была похожа на любую другую дыру. Смотреть тут было не на что. Эта пустота, быть может, и была полна музыки, но на вид она была ничем не заполнена.

— Что предлагаешь, Боб? — обратился шимпанзе к изучавшему ситуацию баобабу.

— Мы в тупике, — поставило диагноз дерево. — Пока дыра отказывается вести переговоры, мы будем следовать за ней.

Жо втихомолку продолжал грустно наигрывать на си-ней блузе. Девочка потянула его за рукав, от чего послышалась отчаянно фальшивая нота.

— Мы не можем с вами оставаться, — прошептала она так, чтобы не слышал паук. — Нам надо двигаться вперед. Вы не могли бы нам спеть что-нибудь на прощание? Просто так, на дорожку?

— Ты прекрасно знаешь, что я забыл все свои великие мелодии...

— Нет, подождите! Есть одна песня, которую я слышала и которая называется... называется... Вот, «Крак». Это вам ничего не говорит?

Певец покачал головой.

— Точно! Это... Подождите... Вот!

С ним дзынькалка бумкает, с ним хорошо,
С ним всем везет, еще и еще,
Это крак!

— Ты уверена в том, что это мое — «дзынькалка бумкает»? — удивился Жо.

А Эзоа уже начала второй куплет.

С ним бумкает дзынькалка, он чихает,
А как его имя, никто не знает,
Да здравствует крак!

— Йе-йе-йе! — подхватили Эрика и Билли.

— Стук-стук, стук-стук, — аккомпанировала фасоль, гремя зернами.

Сбросив свой компресс, Свен, который не особенно любил музыку, но всегда старался интегрироваться в окружающую среду, схватил воображаемый микрофон и запел:

Дзынькалка бумкает — счастья предел,
Хотя я философ, а не страннодел,
Я люблю крак!

— Йе-йе-йе! — вторили хористки.

— Бадабам, бадабам, — завопили Зу и Зу, торопливо устанавливая двойные ударные инструменты.

— Уоууоууоу! — заулюлюкал Бенжасмин, дуя в отверстия своего тела, отчего в воздухе поплыла волна ароматов.

Удивляясь успеху своего забытого хита, Жо Назе начал гнусавить в свою очередь:

Дзынькалка бумкает, слова я забыл,
Но я остаюсь все тот же, что был,
Я — крак!

— Йе-йе-йе!

— Бадабам, бадабам!

— Уоууоууоуоу!

— Фьюить, фьюить! — засвистел даже Боб, поддавшись ритму песни.

Охранники стояли спиной к музыкантам, как на концерте.

— Уоу, я — крак!

Я — крак! — повторял без усталы Жо Назе.

— Звибадакафабузикатавумишпинг! — выкрикнул паук-оркестр, подняв ко рту волосатую лапку так, словно он держал настоящий микрофон.

— Эй! Ты зажигаешь, как зверь! — воскликнул Свен. — Извини меня, конечно, за подобную лексему...

Затем он склонился к Эзоа и объяснил:

— Зажигать — это петь, не употребляя настоящие слова. А лексема — это семематическая структура, которая...

— Простите, если никто не возражает, мы, может быть, продолжим путешествие? — встрял Слади, пока девочка не набила еще одну шишку на и без того многострадальную голову Свена.

Глаза Слади были еще опухшими от прерванного сна.

— На мой взгляд, здесь стало шумновато, — сказал он, — а так как, боюсь, мы еще не достигли цели нашего путешествия...

— Уау, хорошо, вперед, — согласилась Эзоа.

Она побежала забрать несколько железок для будущих чудес из кареты звезды.

— Эй, Жо, мы, наверное, пойдем... — проговорила она, возвращаясь и дергая певца за рукав.

Что опять спровоцировало громкую фальшивую ноту.

Музыка вдруг затихла.

— Но по... почему? — удивилась звезда. — Тебе не кажется, что из нас получилась отличная команда?

— Нам надо найти Эльдера, — напомнила Эзоа. — Время не терпит! Мы не можем ждать, пока дыра Бадур решится отдать вам ваши песни. Можно... можно я поцелую вас на прощание?

— Конечно!

Жо Назе позволил девочке расцеловать себя в оба уха. Фасоль подошла к Эзоа и протянула ей что-то вроде большого стручка с ручками из плюща.

— Это футляр портативной мини-арфы, — объяснило растение. — Я думаю, он тебе пригодится, для того чтобы положить твои вещички...

Девочка покраснела от удовольствия. Она уже думала о том, что далеко не утащит чудесные железки для странного дела в своей майке, в которой дыр становилось все больше и больше.

Паук-оркестр начал снова требовать крышку для мусорного бака. Но тут вмешались другие музыканты: что значит какая-то крышка по сравнению с найденным хитом? Паук тихо выругался в мохнатые усы и процедил сквозь жвала, что еще вернется к этому вопросу.

Наконец, Эзоа разбудила снова уснувшего Слади: прощание было закончено. Пора было пускаться в путь. Направление — на столицу («все время прямо, йе-йе-йе», показали хористки). Впереди следующий мир. Впереди — Эльдер. Ну, конечно, если все будет хорошо...

Затыкальщицы-скульпторши

— Здорово было, правда? — сказала Эзоа, подпрыгивая от радости. — Когда он произносил «Я — крак» своим особенным голосом...

Слади шел за девочкой мелкими шажками, высунув кончик языка, весь сосредоточенный на продвижении вперед.

— Вы что, не согласны? — продолжала поклонница блуза.

— Да, хорошо, хорошо, — пробурчал Свен. — Назе — певец, что тут так уж возбуждаться. Мы же не Эльдера встретили и не Сократа...

— Не знаю, как Сократа, но Эльдера мы *скоро* встретим. Что не мешает нам сталкиваться и с другими приятными людьми. Я считаю, что Жо очень простой! Такая звезда, я ожидала, что он будет более... менее... не знаю. Во всяком случае, мне кажется, что он похож на свои песни: простой, приятный, доступный...

— Уси-пуси, боже мой, — прокомментировал маленький швед.

Потом подпрыгнул на месте и побежал вперед, крича:

— ДА! Вперед, ребята! Работайте руками! Дышим глубоко! Это гениально! Не забывайте о том, что, когда открывается мир, кишасий неизвестными и меняющимися особенностями, мы ступаем на поле трансцендентальности!

Возбужденный Свен уже догонял каких-то бегущих впереди ребят спортсменов. Среди них были худенькая ре-

па, подпрыгивавшая и размахивавшая ботвой, приветствуя таким образом своих болельщиков, пугало в льняных выцветших тряпках, два карлика — сиамских близнеца, сросшиеся головами и продвигавшиеся вперед попеременно прыжками «рыбкой», костлявая рысь, уверенно идущая в основной группе и, казалось, поджидающая своего часа для рывка, безногий калека, скользивший на щупальцах (на всех, кроме одного, которым он махал публике).

— Этого мы знаем, Зозо! — завопил Свен, обессиленный своим кратким, но впечатляющим ускорением. — Мы его встретили, когда он... когда тренировался... на улице... когда мы попали в дырявый мир! Ты видишь, какой у него безмятежный вид? Я уверен, что он выиграет этот... этот полумарафон!

— Бред какой! Полумарафон — это марафон без финиша.

— И что?

— А то, что если нет финиша, твой друг выиграть не может!

— Тогда он полувыиграет!

— А главное...

Девочка подошла к маленькому шведу и схватила его за волосы, отчеканив:

— Не-зо-ви-ме-ня-Зо-зо!

— Ай! Только не волосы, только не волосы!

Эзоа уже отвернулась. После возмездия в ее пальцах осталось несколько светлых волосков, она опустила их в свой стручок из-под портативной арфы. Заодно она вытащила оттуда несколько чудесных железяк, которые принялась вертеть в руках, возобновив шаг и бормоча:

— Все время прямо, йе-йе-йе...

— Моя прекрасная прическа! — причитал Свен.

— Йе-йе-йе...

— Лучше меня бей, а волосы не трогай!

— Прямо, прямо, прямо, йе-йе, стук-стук...

— Хотя это может показаться очень антисубъективным, я нахожу такое поведение чрезвычайно подлым! — не уни-мался мальчик. — Не знаю, что ты об этом думаешь, Сла-ди...

Слади ничего об этом не думал. Он покачивал головой, высунув кончик языка, и старался не заснуть.

— Спокойно, кузены, — произнес он просто.

Девочка даже ничего не сказала. Она была сосредото-чена на новой странноделке и на том, что представало перед ними: столице дырявого мира. Большие недостроенные здания вырастали на горизонте. В стенах их виднелись ды-ры, среди стен и дыр кое-где торчали стремянки.

Дети пришли к окраинам столицы.

Огромный плакат гласил:

ВАС БОЛЬШАЯ ДЫРА СТОЛИЦА ОЛИМПИ ИГР

Чем ближе был город, тем больше было дыр. И народу.

На раскаленных от жары улицах толпились люди. Было очевидно, что они приехали из всех уголков миров для то-го, чтобы увидеть Олимпийские полуигры. Зрители — су-щества целые и дырявые, принадлежащие к животному миру и к роду человеческого, приятные и отталкиваю-щие — были одеты в экстравагантные наряды, разнообра-зные и фантастические.

— Странно, что люди смогли перейти из одного мира в другой, — заметила Эзоа. — Мы для этого в лепешку каж-дый раз разбиваемся!

— Тебе кажется это странным? — удивился Слади. — Почему же ты не спросишь об этом?

Не ожидая ответа девочки, маленький марокканец по-дошел к большому подсолнуху и задал ему вопрос, терзав-ший его подружку.

— О! — воскликнул цветок. — А вы что, местные? Вид у вас, между прочим, не очень-то дырявый!

— Да ладно, — проворчала девочка. — Если вы не хотите отвечать на вопрос...

— Извините, извините, — любезно прервал ее подсолнух. — Я просто был удивлен тому, что вы задали такой вопрос...

Эзоа обернулась к Слади.

— Вот *почему* я не спрашиваю *почему*, — прокомментировала она. — Живые существа просто не умеют отвечать...

— Умеют! — обиделся цветок. — Я могу ответить: по случаю полуигр, проходящих в дырявом мире, выдаются полупропуска, позволяющие проходить по полуразрешенным переходам, охраняемым полуполицейскими, которые контролируют происходящее периодически. Когда они отворачиваются, можно пройти.

Маленький марокканец склонил голову набок, постоял минуту с разинутым ртом, поблагодарил своего информатора и, повернувшись к своим друзьям, заключил:

— Я надеюсь, вы поняли...

— Конечно! — воскликнул Свен. — Эта флоральная структура хотела сказать, что...

— Обитателям других миров был облегчен доступ в дырявый мир, для того чтобы они могли присутствовать на полуиграх, — резюмировала Эзоа.

Красавец швед нахмурил брови, перед тем как поднять глаза к небу.

— Э-э, разумеется, это не неверно, во всяком случае, иная интерпретация позволяет думать, что...

Он умолк, увидев, что Слади и маленькая мексиканка уже ушли, чтобы не выслушивать его разглагольствования.

Свен догнал друзей, но развивать свою теорию передумал. Атмосфера не располагала к прекрасному анализу, который он намеревался сделать. По улицам плыл запах радости и пота. Все громко кричали. Акварелисты запечатлевали для вечности невероятные встречи, такие как знакомство подвыпившего оловянного солдатики и

конфетно-розовой гиппопотамши, которая, по всей видимости, была страшно взволнована своей любовью с первого взгляда.

Увы, печальные сцены также разыгрывались на глазах гуляющих. Так, медвежата заканчивали ночную оргию, шерсть у них стояла торчком, у ног валялись горшочки изпод меда, голубые человечки в белых колпачках горланили песни, прикладываясь к банкам с гидромедом.

Не прекращая что-то мастерить, Эзоа искала дорогу к центру Большой Дыры: скорее всего именно там она найдет способ перейти в следующий мир. Но чаще всего прохожие, у которых она спрашивала об Эльдере, ничего не отвечали. Они все спешили по одной и той же причине: они пытались успеть на полустадион на соревнования по дырявой стрельбе, заключававшейся в том, чтобы попасть стрелой в тысячу (в место, где мишень была продырявлена).

— Это действительно так интересно? — рассердилась девочка, когда тюльпан с длинными листьями послал ее к черту.

— Ну... и да, и нет... — ответил цветок. — Это зависит... Скажем, это полуинтересно...

И исчез, предоставив Эзоа заниматься мальчиками.

Поскольку ни на Свена, ни на Слади в вопросе передвижения по городу положиться было нельзя.

Свен пытался *беседовать* со всеми девушками, которые попадались ему на пути, от впечатляющих самок датских догов до фарфоровых кукол («как — откуда, мы из нашего мира», объяснили они Эзоа, и та поняла, что узнать больше о происхождении кукол будет трудно), не забывая и о тролльчихах, которых он безуспешно спрашивал об одной их соплеменнице, встреченной им несколько ранее.

Слади улыбался, и больше, казалось, ему ничего и не было нужно. Марокканцу нравилась эта праздничная атмосфера, дырявые корзины, из которых каждый мог взять себе пастилу, борзые, появлявшиеся невесть откуда, для

того чтобы прыгнуть вам на плечи, облизать лицо шершавым языком, требуя ласки, а затем исчезнуть, толкотня, радостные крики «оу, оу, оу» болельщиков всех миров, приехавших скорее повеселиться, чем присутствовать на полуиграх, так как информация об этом мероприятии у них, по всей видимости, была самая неполная.

Эзоа окликнула Слади:

— Если тебе нетрудно, помоги мне собрать сведения об Эльдере.

— Мне трудно, — честно ответил Слади.

— Что?

— Я сейчас заряжаюсь позитивной энергией. Я не могу все делать одновременно. Хочешь немного пастилы, кузина?

— НЕТ!

— Зря. О-э у-о...

Девочка в бешенстве сунула свое новое изобретение в стручок с ручками из плюща, схватила Свена за правую руку, Слади с набитым ртом — за левую и бросилась вперед, к полустадиону для дырявой стрельбы, вход на который был частично открыт (входить надо было в отверстия в ограде).

Служащая очень, очень высокого роста подтвердила то, что Эльдера в числе зрителей не ждут.

— Последние новости из его Донжона не утешительны, — сообщила она.

Голос у служащей был странный. Без сомнения, оттого, что на месте носа у нее не было *ничего*... одна большая дыра.

— Да люди и не поняли бы, если бы он пришел развлекаться в тот момент, когда у него такие большие проблемы... — добавила она.

— Какие проблемы, например?

— Как? Вы не в курсе? Так...

Сирена прервала ее на полуслове.

Сирена была настоящей, в «боди» с блестками и с хвостом, покрытым сияющей чешуей. Она помещалась в аквариуме на колесиках, которым сама управляла. Большой ключ, находящийся сбоку аквариума, приводил в действие механизм, позволявший ему двигаться. Через краткие промежутки времени сирена визжала пронзительным голосом:

— Осторожно, затыкальщицы-скульпторши! Осторожно, затыкальщицы-скульпторши!

Крик ее, казалось, доносился отовсюду одновременно. Вскоре Эзоа поняла, почему: сирены выезжали из каждой аллеи, но ни одна не произносила предостережение полностью. Некоторые из них сокращали сообщение:

— Осто... скульп... ши... ост... заты... каль... скульп!

— Ужасно трудно произносить «затыкальщицы-скульп... скульп... скульпторши», — проговорил Слади, повернувшись к Свену.

— Ты находишь? Ну, уж во всяком случае, не труднее, чем слово «гешиклихкайт»...

— Что?

— Ну, гешиклихкайт или лежжиадриа, если тебе так больше нравится. Эти семы обозначают естественную легкость (в смысле: нисколько не божественную), типичную для Возрождения и Итало Кальвино...

— М-м... м-м... — произнес в качестве комментария маленький пузан, засовывая в рот очередную пастилу для того, чтобы скрыть смущение.

Вокруг детей все пришло в движение. Ряды казавшихся очень мускулистыми (несомненно, оттого, что торсы у них были целыми) служащих стадиона пытались безрезультатно организовать толпу. Паника охватила уже занявших места зрителей. Но паника была какая-то странная. Страх овладевал людьми периодически. Они бежали, затем останавливались и хохотали во все горло, затем снова бежали, испуская крики.

К детям приблизился дырявый мужчина. У него не было части головы, части левой голени и руки.

— Не стойте тут! — крикнул он. — Затыкальщицы-скульпторши наступают!

Эзоа опустила руку в стручок с чудесами и достала новую странноделку.

— А что это, затыкальщицы-скульпторши? — спросила она.

— Вот это, — ответил дырявый человек, показывая рукой на испещренную расселинами долину, расстилавшуюся за стадионом.

Новые атакующие были похожи на обычных затыкальщиц: валик бульдозера спереди, боковая механическая лопата, металлический бронированный каркас. Но, кроме того, по бокам у них были наросты, которыми они угрожающим образом шевелили.

— У них есть все для того, чтобы резать: ножницы, долото, граверные резцы, зубчатые резцы, зубила, диски, квадратные и обрубаящие кувалды, — рассказывал дырявый человек. — Некоторые обладают даже изогнутыми напильниками и рашпилями для шлифовки. И если вы жизнью дорожите, послушайте меня: спасайтесь, пока затыкальщицы-скульпторши не превратили вас в произведения искусства!

И получеловек пустился наутек. Свен последовал было его примеру, но Эзоа остановила мальчика.

— Мне надоело удирать! — заявила она. — Я хочу остаться в столице, найти проход и перейти в другой мир.

— Подожди! Ты что, не видишь, монстры наступают?

— Делай что хочешь, — отрезала девочка. — Я остаюсь. А ты, Слади?

Тот не ответил. Обессиленный огромным количеством поглощенной пастилы, он решил, пока его кузены не закончат спорить, предаться пищеварительной сиесте. Он переворачивался во сне с боку на бок, издавая продолжи-

тельные и низкие звуки. Можно было подумать, что он мурлычет.

Охранники торопливо заканчивали эвакуацию полустадiona. Полусооружение было уже почти пустым. Трое детей остались одни лицом к лицу с еще незнакомой им породой затыкальщиц.

И на этот раз ни баобаба, ни обезьян, ни певца блуза не было рядом, для того чтобы их спасти.

Взрывчатый интуициатор

— Я понимаю, — кивнул Свен, с хрустом расправляя шейные позвонки и суставы пальцев. — Ты предпочитаешь честный бой? Я с тобой.

Массивное наступление металлических мастодонтов вызвало землетрясение. Под желтой луной поднялся сильный ветер. Атаку затыкальщиц сопровождали облака пыли, принесенные бризом, они окутали детей и, перед тем как рассеяться, успели вызвать у них приступ кашля.

Который и заставил Слади очнуться от дремоты. Этот дырявый мир был решительно не приспособлен для любителей импровизированного сна. Здесь слишком много шума. Слишком много сотрясений. Слишком много пыли. И совершенно нет покоя.

Неожиданно общий шум перекрыл оглушительный треск. Ближайшая яма взорвалась. Ее кратер расширился и спровоцировал появление трех новых ям, которые увеличивались на глазах, угрожая поглотить детей. Свен взял за руку Эзоа, девочка сжала руку Слади, все трое отбежали подальше, на безопасное расстояние.

Теперь уже дети не могли вернуться назад, внушительный кратер отделял их от толпы спасающихся зрителей.

И настоящей проблемой стало то, что на них катилась орда затыкальщиц, быстрых машин, ошестинившихся орудиями таинственного предназначения.

Группа монстров останавливалась перед каждой ямой и принималась за работу. Целью ее было заполнение ямы.

Затем металлические твари насыпали холм и, исполняя танец с рашпилями и резцами, придавали ему форму, пропорции выверяя мерным шнуром.

— Художественный коллектив, решившийся на хэппенинг, — дрожащим от восторга голосом произнес Свен. — Непросто, должно быть, творить сообща...

Но, по всей видимости, для монстров это трудности не представляло: они создавали очень непохожие друг на друга произведения, и в фигуративном стиле (с уклоном в изображение машин, карет и землеройных орудий), и в абстрактной манере (привилегиями пользовались спирали, завитки и яйцевидные формы).

— Надо же, как все ямы исчезают... — проговорил, улыбаясь уголком губ, Свен. — Просто жуткая затыкальщина!

Красавчик не успел обидеться из-за того, что со стороны его компаньонов не последовало реакции на его шутку. Опасность была слишком близка! Слаженно работающие монстры быстро приближались. Они шли отовсюду, поскольку составляли несколько групп.

И одна из групп надвигалась на детей.

Эзоа потянула за волосок орангутанга, связывавший две железные пластинки, прикрепленные к кучке металла, из которой торчали несколько колесиков, кожура фасоли и две маленькие решетчатые коробочки.

— Что делаем? — поинтересовался Слади.

— Это надо у Эзоа спросить! — ответил Свен. — Она изобретает магическую штуку, которая нам поможет выпутаться из этой истории!

— Ты — волшебница? — удивился маленький марокканец.

— Вовсе нет! Я в волшебстве ничего не понимаю, я страннodelьничаю!

— И что же ты... э-э... состраннodelьничала?

Страннodelьница посмотрела на свое последнее изобретение, которое завибрировало как раз перед тем, как маленькая испанка произнесла:

— Это интуициатор. Но он, кажется, не работает...

— Подожди, Эзоа, — запротестовал Свен, — если интуиция тебе подсказывает, что твой интуициатор не работает, тогда, когда кажется, что он не работает, это значит, что он работает! Кстати, я думаю, что...

Землетрясение прервало Свена на полуслове. Земля вздыбилась, что-то хлопнуло, и дети оказались подброшенными в воздух. Не успев понять, что произошло, они упали друг на друга на краю недавно образовавшейся ямы: четыре затыкальщицы появились перед ними. В конце тропинки.

Очень близко.

Слишком близко.

Свен высвободился (Эзоа свалилась на него), схватил за руки Слади и девочку и крикнул:

— Быстро! Вот теперь пора шевелиться!

Эзоа вцепилась в руку маленького шведа, тянувшего за собой Слади. Кстати, обладатель круглого брюшка не торопился. Он созерцал металлических хищников, слегка склонив голову набок и высунув кончик языка. На самом деле он не ограничивался тем, что смотрел на них: он им весьма сердечно улыбался. Свену показалось, что он будет четвертован, поскольку он не мог сдвинуть Слади с места ни на сантиметр, а Эзоа, пытаясь бежать, упрямо тащила его за левую руку.

Дети топтались на месте, и затыкальщицы быстро приближались к ним. В облаке пыли два монстра подпрыгнули вверх, для того чтобы раздавить детей под тоннами металла.

— Эй, спокойно, кузины! — произнес маленький марокканец, поднимая руку так, словно он хотел поприветствовать или благословить нападающих.

И затыкальщицы застыли в воздухе.

В действительности монстры не остановились. Нет, они продолжали двигаться вперед. Но медленно.

Чрезвычайно медленно.

Эзоа и Свен от изумления разжали руки.

— Ты... ты замедляешь движение вещей... — заметил мальчик.

— Правда? — удивился Слади. — Тем лучше! Пошли?

— Ты обладаешь могуществом, как и мы... — пробормотала Эзоа. — Это необыкновенно! Ты — необыкновенный.

И она в обе щеки расцеловала замедлителя, который даже замотал головой, настолько он был рад доставить удовольствие своей кузине.

— Ну так мы идем или нет? — пробурчал Свен.

А идти было уже пора. Замедление, произведенное Слади, было очень избирательным. Совсем не все затыкальщицы почти остановились. Остальные монстры приближались. Другие, продолжающие действовать затыкальщицы скоро настигнут их, стремясь осуществить несбыточную мечту целого императора: засыпать все ямы дырявого мира.

Эзоа кивнула. Ее странноделка завибрировала, рука, держащая приборчик, вытянулась вправо.

— На трибуны! — приказала девочка.

Дети бросились в коридор, который вел к лестнице, ведущей к площадке, ведущей к скамьям.

— Здесь, по крайней мере, мы в безопасности, — прошептала Эзоа обессиленным долгой гонкой приятелям.

Но оглушительный треск заставил усомниться в ее словах.

Скамьи вокруг детей подпрыгнули и опрокинулись. Цемент покрылся трещинами. Под раскаты леденящего душу грома крайняя правая трибуна затрещала, заколебалась... и исчезла. На ее месте образовалась гигантское отверстие.

Оглушенные грохотом друзья увидели рой затыкальщиц-скульпторш, начавших заполнять пропасть. Затем Свен вспомнил о предназначении своих ног и увлек друзей за собой. В направлении левой трибуны. Как можно дальше от ямы и монстров.

Но на полпути наша тройца остановилась. Так как на левой трибуне тоже появились признаки скорого разрушения. От земли стали подниматься завитки дыма. Сверкнула молния, невидимые ножницы нарисовали на камне черный зигзаг и разрезали трибуну.

Последовал страшный грохот. Скамьи разлетелись на куски. Крыша над трибуной тоже. Ливень осколков обрушился на левую трибуну, она просела и потоком гравия раскатилась по земле. Запах гари сделался невыносимым. Огромные языки пламени поднялись к небу. Земля разверзлась. Руины левой трибуны загорелись. Раздался удар грома, означавший появление огромной ямы, поглотившей обжаренные огнем каменные блоки.

Спустя секунду пожарище исчезло. На его месте зияла большая яма... к которой бросился отряд рычащих затыкальщиц.

Застывшие посередине трибуны полустадiona дрожащие дети переглянулись.

— Ух ты, ну и жарко было! — пошутил Свен, вытирая сажу, оставленную на его лице пламенем.

— Ну и как же мы будем из всего этого выпутываться? — спросил Слади скорее с любопытством, чем с беспокойством.

Механический голос ответил ему:

— Мы в центре столицы, для того чтобы перейти в другой мир, достаточно прыгнуть в большую яму.

Свен изумленно воззрился на Эзоа. Та округлила глаза. Затем похлопала ресницами и обессилено пробормотала:

— Интуициатор... Заработал...

— Если достаточно найти просто какую-нибудь яму, — прокомментировал маленький марокканец, — у нас одна проблема — слишком большой выбор.

— Если так, то почему он нам не посоветовал прыгнуть раньше? — запротестовал Свен.

— Интуициатор отвечает на поставленные вопросы, — ответила изобретательница. — Раньше мы хотели знать,

как убежать от затыкальщиц. Потом — как попасть в следующий мир. Ну что, вперед!..

— Тихо-тихо-тихо! — прервал ее Свен. — Я не согласен прыгать!

— У тебя есть другие предложения? — повысила голос Эзоа.

— Ну не то чтобы прямо уж предложения в смысл...

— Тогда сум-сум! — сурово произнесла девочка, повторяя одно из любимых выражений Свена.

И увлекла товарищей к холодной пропасти, поглотившей левую трибуну. Затыкальщицы-скульпторши ревели у края бездны. Они начали засыпать яму, но работы у них было еще немало. Необходимо было воспользоваться этим. Девочка прицелилась в ближайшую затыкальщицу интуициатором и швырнула в нее свою странноделку.

— Я думаю, что я взорвусь! — предупредил Эзоа интуициатор металлическим голосом.

И действительно, достигнув монстра, он разлетелся на куски, а затыкальщица со своими боевыми друзьями поспешно отступила назад.

Эзоа схватила мальчиков за руки и со всех ног помчалась по лестнице центральной трибуны. У края пропасти друзья посмотрели друг на друга в последний раз.

— Я не хочу, — прошептал Свен, а затем крикнул: — Я не хочу!

Он попытался повернуть обратно... но почувствовал за спиной какое-то движение, от которого ему сделалось страшно. Он обернулся. Затыкальщица-скульпторша возвращалась. Она подняла лопату и уже собиралась загрести ею детей. Свен в который раз испустил предупредительный голосовой сигнал, то есть завопил:

— Прощай, дырявый мир!

Он прыгнул, и дети упали за ним в черную яму. Их ноздри заполнил запах холодного пепла, а затем весь мир, по их ощущениям, исчез.

Отравленное жало

Их было пятеро плюс двое.

Лейла, безжалостная тигрица-убийца.

Типуссен, цыпленок ростом в восемь совершенно непобедимых сантиметров.

Блэк, рассказчик и, по совместительству, белый рыцарь, обладавший тонким голосом и телом, шириной отныне в четыре раза превышающим его высоту.

Атор, то самый сильный, то самый пугливый, по обстоятельствам, Викинг миров.

ЭззениН, человек с тремя ртами, вооруженный палкой, которой он никогда не бьет своих врагов.

И те, кто уже погиб на поле брани: Жармек, дырявый полчеловек, более гибкий, чем самый фантастический гимнаст-акробат, и неустрашимая Мысль, красивый цветок, который ничего не боялся и был убит циклопом, после того как победил шестерых его чудовищных товарищей, пытавшихся уничтожить Стража.

Итак, их осталось всего пятеро героев, отправленных мирами для защиты Стража в его Донжоне. Пятеро избранных, от которых зависела судьба Маллемира. И эти пятеро исчезли, когда замок обрушился.

Падение Посланцев было головокружительным. У Лейлы перехватило дыхание. В тот момент, когда замок начал шататься и рассыпаться на куски, она почувствовала, что под лапами ее разверзается бездна, затем пустота затянула ее и искорежила. Лишившись возможности дышать, Лейла и не пыталась сопротивляться. Как опытный воин, она знала о

том, что иногда лучше отступить, для того чтобы потом возобновить борьбу с еще большим успехом.

Когда тигрица пришла в себя, ее окружала удушающая темнота. Лейла тут же вскочила на лапы, готовясь отразить любую атаку. При этом она заметила, что не ранена. Всего несколько вырванных клоков шерсти, не больше. Но надо отметить, тот факт, что Лейла сохранила себе жизнь, вызвал у тигрицы весьма умеренную радость: она пришла в Крепость не за тем, чтобы выжить, а за тем, чтобы обеспечить безопасность Стража. А Страж, точно так же, как и его друзья, исчез.

Лейла попыталась сориентироваться в непроглядной тьме. Она втянула в себя ледяные запахи, поднимавшиеся от земли. Темнота тигрицу не тревожила. Зрение для нее было лишь одним из многих инструментов определения себя в пространстве. Слух, а особенно обоняние были важны точно так же, этим и объясняется то, что хищники являются столь эффективными телохранителями при любых обстоятельствах. И если противнику легко устранить естественный источник света или задуть факел, то прекратить производить звуки, а тем более издавать запах ему не под силу.

Таким образом, тигрица без труда поняла, где она находится. Она была на лестнице. Видимо, на лестнице Донжона, или, по крайней мере, на том, что от нее осталось. Судя по темным формам, выделявшимся во мраке, сохранилась лишь каждая четвертая ступенька. Быть может, даже и того меньше. Выдержавшие землетрясение ступени казались потрескавшимися и выщербленными.

Обычный представитель рода кошачьих издал бы полное отчаяния мяуканье. Но только не Лейла. Напротив. Она была в восторге от того, что ей понадобились ее природные таланты... а также долгие часы тренировок, во время которых она совершенствовалась в прыжках и в высоту, и в длину. Кроме того, она любила опасность: а с тех пор, как Лейла попала в Донжон, опасностей было предостаточно!

Она решила навестить комнату Стража на верху Донжона. Это был ее единственный ориентир в большой башне.

Тигрица сгруппировалась и прыгнула. Ее задние лапы нащупали еще прочный каменный блок. Она быстро подобрала передние лапы, и, не переводя дыхания, бросилась вперед.

Каждый раз, найдя опору, Лейла боялась, что та не выдержит ее веса. Поэтому она решила прыгать быстро, наугад, подстраховываясь когтями, когда пол скользил под лапами, вытягиваясь во всю длину тела, если следующая ступенька оказывалась не так близко, как ей показалось... Так Лейла достигла комнаты Эльдера.

Несколькими рывками она добралась до зала Посланцев, который окружали не стены, а мрачная бездна. Тигрица принялась. Поблизости никого не было. Что же стало с ее друзьями? Она не долго мучалась этим вопросом: в конце концов, ее миссия касалась только Эльдера. И он нуждается в ее помощи. Так как наиболее охраняемая когда-то комната Королевства была отныне в самом ужасном запустении.

Тигрице показалось, что, с той поры, как она сражалась здесь с батальонами сливянок, прошли долгие недели. Огромные грибы плесени, грязно-желтого и грязно-зеленого цвета, выросли на еще сохранившихся стенах. Плесень излучала странный фосфоресцирующий свет, так что сумрак в комнате казался гораздо более привлекательным по сравнению с черной и серой темнотой лестницы.

Обломки стен, завалившие пол зала, были покрыты слоем пыли, смешавшейся с каким-то гноем и затвердевшей. Среди распространявших резкую вонь развалин шныряли тараканы: некоторые насекомые достигали величины диванной подушечки. Повсюду валялись разлагающиеся трупы сливянок. Один из них, лежавший посередине комнаты, распался прямо на глазах у тигрицы: секунду назад неподвижно лежавший со свернутой шеей, он вдруг дернулся, как от судороги. Перья птицы отвалились, открыв розовое тело, в мгновение ока помертвевшее, а затем рассыпавшееся на куски, обнажая кишачие червями внутренности. Жирные пожиратели трупов, копошившиеся в желудке, начали расползаться по полу.

Неподалеку, в лужах засохшей крови, застыли тела циклопов. Из двух циклопических трупов выросли уже поблекшие кустики цветов.

Лейла вспомнила описанную Блэком сцену, в ней неустрашимая Мысль ослепила врагов, бросив им в глаза два зернышка. «Умница, малышка!» — подумала тигрица. В память о своей подруге она наклонилась и сорвала цветок вместе с корнем: она, так сказать, помыслила о Мысли.

Потом обернулась, встревоженная странной вибрацией. Только теперь тигрица заметила необычную паутину: разноцветную, отливавшую оттенками цвета сливы, хаки и серебра. Пауки, соткавшие ее, неподвижно на ней и висели. Их тела казались удивительно массивными по сравнению с толщиной их лапок, таких тонких, что их практически не было видно в потемках.

Шерсть Лейлы поднялась дыбом от какого-то повторяющегося свиста. По полу ползли крошечные, очень мохнатые змейки. Но они не казались особенно агрессивными. Воспользовавшись этим, тигрица скользнула в центр комнаты, к кровати Стража. На ней лежала какая-то фигура. Лейла увидела, что это не человек, а скорпион.

Огромный скорпион, величиной с ягуара. С мощными лапами. С объемным телом. С блестящим, гибким, состоящим из подвижных частей панцирем. С выразительным взглядом — Лейла прочла в нем холодную ненависть. Это тяжелое чувство свойственно настоящим убийцам.

Чудовище ждало того, чтобы чужак приблизился, и лишь затем поднялось. Теперь оно пристально смотрело на тигрицу. Два противника мерили друг друга взглядом, каждый из них был убежден в том, что погибнет соперник. Хотя у Лейлы, первый раз в жизни, полной уверенности в победе не было.

С такими врагами она еще не сталкивалась. Она никогда не дралась с боевыми насекомыми. Обычно ей противостояли волки, гиппопотамы или маленькие лукавые млекопитающие. А как подойти к этому чудовищу, она не знала.

Скорпион заметил ее колебания. Он тряхнул огромной головой и пошевелил жалом, как бы давая тигрице понять, что время наблюдений закончилось. Лейла решилась. Она разбежится, прыгнет, приземлится позади скорпиона и вырвет ему жало клыками. Она поискала глазами трамплин. Заметила позади себя какой-то сундук. Взлетела на него... и рухнула на пол, опрокинувшись на спину: изъеденное термитами дерево обрушилось под ее весом.

Тигрица зарычала от бешенства и высвободилась из-под осыпавших ее обломков сундука. Она увидела, что чудовище воспользовалось ее неудачей, для того чтобы приблизиться к ней. Жало скорпиона было выдвинуто на всю длину.

— Не давай себя в обиду, цыпочка! — просипел хриплый голос.

Монстр обернулся назад. У входа в комнату стоял маленький, но крепкий цыпленок: скрестив крылья на груди и вскинув клюв, он гордо демонстрировал свои восемь непобедимых сантиметров.

— У тебя проблемы? — кивнул он чудовищу голосом, осипшим от излишеств до писка. — Хочешь, уладим их один на один?

Цыпленок сделал шаг по направлению к монстру. Тот посмотрел на него, потом отвернулся к Лейле. Тигрица за то время, что чудовище отвлеклось на Типуссена, успела вскочить на лапы. Скорпион пошевелил жалом.

— Оторвемся, курочка моя! — крикнул цыпленок, бросаясь на чудовище. — Эльдера нет больше в кровати, надо идти искать его! И не сердись на мальчика, это совершенно ни к чему!

Не оборачиваясь, скорпион выдвинул лапу назад и одним ударом отправил цыпленка в другой конец комнаты. Монстр выбрал себе соперника и мнение менять не собирался.

Лейла ничего не ответила цыпленку. Нет, «отрываться» она не будет. Это не в ее характере. Она от боя не уклоняется. Она дерется до конца, а там будь что будет.

Глаза тигрицы неотрывно смотрели в глаза врага. Жало вдруг дрогнуло и атаковало тигрицу. Лейла инстинктивно отпрянула, кувырнувшись. Тигрица бросила взгляд за спину, она почувствовала за собой пустоту и оказалась права: стены комнаты давно обрушились, тигрица находилась в нескольких сантиметрах от окружавшей ее черной пропасти, падение в которую будет роковым. Выполнение миссии телохранителя может прекратиться через несколько сантиметров!

Непобедимый был прав. Надо отправляться на поиски Стража, пока еще не слишком поздно.

— Клянусь великой скорлупой! — завизжал цыпленок. — Не хочу тебя подгонять, но теперь... Вперед!

Своими мускулистыми лапками Типуссен схватил ножку от стола. Раскрутил ее над головой и швырнул в чудовище. Снаряд отскочил от панциря с сухим щелчком. Но скорпиона эта атака разозлила настолько, что он поневоле обернулся. Тут Лейла воспользовалась шансом и прыгнула.

Чувствуя, что противник ускользает, чудовище успело выбросить жало над собой. Как раз туда, куда прыгнула тигрица...

Кукла, говорящая «нет»

— Я тону! — застонал Свен. — Ко мне, спасите! Теснимые затыкальщицами-скульпторшами, дети повалились в яму и оказались... в таком глубоком океане из подушек, что красавец швед потерял опору под собой. Барахтаясь, он очутился под слоем маленьких пуховых одеял. И, словно этого было мало, еще и почувствовал, как лукавый враг зажал ему рот рукой и прошипел в ухо:

— Замолчи! Замолчи немедленно! Ты хочешь, чтобы нас заметили, или что?

Эзоа! Она выжила после этого приземления, надо отметить, достаточно смягченного. Свен с удовольствием ознаменовал бы событие произнесением прочувствованной речи. Но этому препятствовал тот факт, что девочка еще сильнее зажала его рот рукой, как только он издал бурчание. Свен предпочел временно умолкнуть и искать моральной поддержки у Слади.

При помощи Эзоа красавец блондин, после нескольких приблизительно напоминавших кроль движений, вынырнул на поверхность. До самого горизонта перед детьми растянулось море подушек самых ярких цветов. Слади себе уже отобрал несколько, намереваясь погрузиться в восстанавливающий силы сон. Свен открыл рот, для того чтобы призвать мальчика в свидетели несправедливости, жертвой которой стал. Но взгляда девочки оказалось достаточно, чтобы заставить мальчика замолчать.

— Мы не знаем, куда мы упали, — прошептала маленькая испанка. — Надо соблюдать осторожность.

— В любом случае слишком поздно... — пробурчал Свен.

И действительно, к ним на чем-то вроде конфетно-розовой яхты («совершенно нереалистической», — отметил Свен) приближалась сотня кукол, одетых в очаровательные коротенькие платьица конфетно-розового цвета. Ростом куклы были от метра тридцати сантиметров до метра пятидесяти. Одна из кукол заметила тонущих. Она обратила на них внимание своей соседки, и та, удивленная и испуганная, принялась плакать. Что, в свою очередь, вызвало слезы у ее соседки, и так далее. Таким образом, теперь около сотни кукол горько плакали. Они не рыдали, нет, они выражали свою печаль оглушительным писком.

Лишь несколько кукол в матросских костюмчиках сбросили вновь появившимся корзинку с прикрепленной к ней веревкой. Свен колебался. Поэтому Эзоа стала первой, кого подняли на борт. Красавчик швед схватил Слади, привязал его к корзинке и застегнул ремень. Продолжая спать, прижимая к животу подушку, маленький марокканец запечатлел влажный поцелуй на щеке своего друга и, несколько мгновений спустя, уже лежал, раскинувшись во всю длину и ширину своего тела, на палубе. Наконец, на яхту решился подняться и сам Свен.

Куклы в белой с голубыми полосками форме, в шапочках с помпонами той же раскраски попытались было вступить с детьми в контакт. Но соревнования по плачу шли полным ходом. Душераздирающий писк кукол был невыносим. Зажав уши ладонями, Эзоа пыталась рыться локтем в своей сумке-фасолине, решая, что бы ей состраннодельничать. Свен же, напротив, пребывал в восторге от открытия новой формы неартикуляционного языка. Убежденный в том, что он овладел его базовой грамматикой, мальчик принялся кричать в свою очередь:

— Уй! У-у-у! Хлюп! Хлюп!

Глаза Эзоа чуть не вылезли из орбит. И не только от бешенства. Она заметила неплачущую куклу. Та была гораздо красивее остальных. Не обращая внимания на всеобщее волнение, она оставалась неподвижной и молчаливой и лишь качала головой из стороны в сторону, прижимая к себе портативный игрушечный компьютер.

Свен тем временем выигрывал пари со следующими условиями: кто громче всех говорит на незнакомом ему языке. Раздраженные превосходством иностранца, куклы одна за другой замолчали. Только несколько кукол, чьи голоса были замечательно пронзительными, попытались обойти хорошенького шведа в вокальных упражнениях. Но в конце концов сдались и они. Красавчик закончил свое соло триумфальным «У-У-У-Й!».

Затем наступила полная тишина. Слади не шевелился. Неожиданно гвалт возобновился. Все куклы схватили чемоданы, стоявшие на палубе, поспешно открыли их и набросились на детей. Такую массированную атаку отразить было невозможно. За одну секунду нападающие окружили Свена и взяли его в плен.

— Э-э... дамы, сударыни! — восклицал мальчик. — Ради восьмидесяти графств Королевства, не будем терять достоинства, я вас умоляю!

Мгновенно, независимо от своей воли, он был раздет, а затем наряжен в тесную форму жандарма с кепи и вооружен пластиковым пистолетом. Импровизированные костюмерши отошли, поаплодировали ему, потом атаковали снова и переодели его ковбоем. К несчастью, костюм был маловат для мальчика, и куртка треснула по швам, как только кто-то попытался ее застегнуть.

— Слишком накачанный, — бросил маленький швед с довольным смешком.

В глубине души он ничего не имел против того, чтобы несколько девочек занимались изменением его внешнего облика. У него самого часто не хватало времени подумать о

стиле. Он был готов к экспериментам с переодеваниями, при условии, что никто не трогает его волосы...

Эзоа же в это самое время все более и более распалась:

— Не прикасайтесь ко мне! Не прикасайтесь ко мне, или я брошусь за борт!

— Мы просто хотим немного подкрасить тебя, для того чтобы скрыть эту штуку на щеке ниже скулы...

— Я не кукла!

— Чуть-чуть теней на веки... немного фиолетового цвета на губы... Легчайший слой туши... Быть может, намек на обводку для глаз... Она пойдет к твоему тону кожи!

— НЕТ! Эй, ты там, скажи им, чтобы они оставили меня в покое!

Большая кукла с игрушечным компьютером в руках не участвовала в игре. Но она продолжала отрицательно покачивать головой.

Что касается Слади, то он медленно просыпался, с изумлением созерцая хорошеньких кукол, подбирающих подходящий под его брюшко костюм.

И тут, уже во второй раз, воцарилась тишина. Затем раздался звон. Десять оловянных солдатиков вынесли на палубу стеклянный колокол. Под ним виднелась кукла, одетая в вышитое золотом платье. О ее появлении возвестили герольды, заигравшие в деревянные трубы. Один из них объявил:

— Дамы, чужеземцы, Ее Высочество Светлейшая и Преподобная королева и Ее Досточтимое Величество принцесса кукол!

Эзоа отделалась от последней атакующей костюмерши, которая неподвижно застыла с кисточкой в руке, и теперь под стеклянным колоколом различала лицо старой тряпичной куклы. Эзоа вздохнула. Быть может, с этим антиквариатом будет легче поговорить про Эльдера, чем с молодым, выступающим в роли ее подданных!

— Мои бедные внуки, — промурлыкала старая кукла мелодичным голосом. — Извините за такой бурный прием...

Вблизи старая женщина производила приятное впечатление. Ее полное лицо, седеющие волосы, ее ухоженный, но скромный вид и особенно ее спокойный, певучий голос — весь ее облик вызывал симпатию.

Сопровождавшая королеву принцесса кукол заметила, какие чувства внушала ее мать маленькой испанке.

— Моя бабушка — это нежная песня, — прошептала она.

«Нет», — качнула головой большая кукла, приблизившаяся к кортежу.

— С недавних пор наш мир беспокоен, — пропела королева. — И наши милые подданные, столь безобидные когда-то, иногда позволяют себе вольности, которые, я надеюсь, вы простите им.

— С превеликим удовольствием, Ваше Светлейшее Величество! — уверил ее Свен, оставивший, по чистой случайности, руку одной из хороших костюмерш в своей руке.

— Ваше Светлейшее и Преподобное Высочество! — поправил его геральд.

— Что значит обозначение в сравнении с обозначаемым? — возразил мальчик.

— Ну да... — пробормотал герольд. — Быть может... но в следующий раз лучше быть внимательней!

— Эй, там, трактирщик, повар, кто-нибудь! — закричала королева, хлопая в тишине тряпичными руками. — Принесите же нашим друзьям что-нибудь, чтобы они могли подкрепиться! Вы, наверное, умираете с голоду.

— Именно так! — подтвердил Слади, мгновенно проснувшись.

Пока перед детьми накрывали стол с легкой закуской, большая кукла с компьютером придвинулась к ним еще на один шаг. Она продолжала качать головой. Свен, в своей расползшейся на плечах курточке, наконец оставил руку костюмерши. Он только что заметил куклу с компьютером.

Первый раз в жизни — ну, практически — он понимал, что означает слово «молчать».

Свен открыл рот и лишь периодически издавал какое-то бурчание. Правда, ему удалось поднять дрожащий палец, показать на девушку и в конце концов издать несколько гортанных звуков:

— Ты... Ты красивая, как Венера Боттичелли или... или как Елена Троянская или... или даже как Белоснежка в молодости...

Пока Слади поглощал конфеты, сладкую вату и разнообразные пирожные, которые только что поставили перед детьми, Эзоа встала перед красавцем шведом, для того чтобы продолжить разговор.

— Ваше Величество, мы очень польщены вашим приемом. Но нам надо срочно уходить. Мы ищем Эльдера.

— Ах, Эльдера... Кто хоть когда-нибудь, кого-нибудь, где-нибудь не искал?

— Ну, это я не знаю, — раздраженно произнесла девочка, пытаясь помешать Свену броситься на куклу. — В любом случае мы ищем Эльдера, где бы он ни был. Вы не знаете, где он находится?

— Нет, бедная моя внученька... Неужели ты думаешь, что, если бы у меня была возможность поговорить с ним, я не попросила бы его помочь моему королевству? Мои подданные уже не те, что были раньше... Увы, несомненно, того требует жизнь: ты можешь ее понять, но никогда не сможешь ее обмануть...

«Неправда! — подумала Эзоа. — У них тут у всех дзынькалка мимо бумкалки прокручивается!»

— Конечно, Ваше Величество, конечно... — проговорила она. — Тогда не могли бы вы подсказать, как нам попасть в столицу? Я полагаю, что там у нас будет шанс узнать, каким образом найти Эльдера...

— Э-э, я думаю, что я-то, скорее всего, останусь на несколько лунариев здесь, для изучения ситуации... — прошепел Свен, прервав девочку.

— Боже мой, если вы этого хотите, я знаю кое-кого, кто с радостью проводит вас туда, — пропела королева, обращаясь к большой кукле с игрушечным компьютером в руках. — Она покажет вам, как сесть на Катись-катись. Но в любом случае вам надо остерегаться Группосумо.

— Кого?

— Группосумо. Это очень опасные с некоторых пор существа... Мей Йонг вам объяснит.

— Ну, в общем, я подумал: я еду с тобой, Мей Йонг... то есть, я хочу сказать, Эзоа, — заявил Свен пронзительным голосом.

— Если таково ваше желание, то мы причалим в ближайшем к столице порту, — пообещала королева. — Вам надо будет просто скользить по подушкам, и вы скатитесь на пляж из паласа. А мы пожелаем вам счастливого путешествия до Эдамнании, железной столицы нашего мира.

Эзоа даже не успела спросить о том, в каком мире они сейчас находятся, как королева разразилась сардоническим хохотом, очень контрастировавшим с тем милым тоном, которым она разговаривала с ними до того. Ее подданные, следуя ее примеру, стали смеяться, словно безумные, все, кроме Мей Йонг, которая продолжала упорно отрицательно качать головой все с тем же капризным и недовольным выражением на лице, появившемся у нее, как только чужестранцы оказались на корабле.

Дети, за исключением Слади, который предался пищеварительному сну, переглянулись. Мир, в который они попали, явно был в плачевном состоянии. Худшем, чем состояние предыдущих миров: здесь, видимо, пострадал разум обитателей... Нужно было скорее искать Эдамнанию. Даже если для этого придется столкнуться со всеми Группосумо вселенной.

— А что вам кажется настолько смешным? — нахмурилась Эзоа, обиженная поведением королевы и ее придворных.

— Ты, внученька... — ответила королева. — Ты очень смешная, ха-ха-ха!

— Ха-ха-ха! — вторили ей куклы.

— Я не понимаю, почему, — проворчала девочка.

Королева опять захлопала в ладоши.

— И от этого ты тоже очень смешная, хи-хи-хи!

— Хи-хи-хи!

— Ну ладно, я вдоволь насмеялась! — пропела королева, глядя поверх бортового ящика для хранения коек. — Отправляйте их ко всем чертям!

Куклы-моряки схватили детей и одного за другим выкинули за борт яхты в глубокое море подушек цвета «фуксия», простиравшееся до самого горизонта.

Обычно сама мысль о плавании приводила Свена в панику. Но теперь, однако, он напряг мышцы пресса и, гребя правой рукой среди подушек, с улыбкой поплыл к Мей Йонг. Увы, в ту самую секунду, когда он был на расстоянии всего одной волны от большой куклы, та побледнела и задрожала.

— А... акула, — прошептала она.

Свен резко обернулся.

На горизонте вырисовывался белый плавник. Хищник плыл на них. Яхта была уже далеко. Надежды на спасение у них не было. Слади тут же решил немного вздремнуть: у него было время замедлить приближение монстра, находившегося еще довольно далеко. Эзоа смотрела беспомощным взглядом на прекрасного шведа. И тот провел рукой по волосам, принял очень уверенный вид и бросил из-за плеча:

— Дайте возможность действовать настоящим мужчинам, девочки!

Показывая на свой расползшийся по швам жилет, он им напомнил:

— Я накачанный, не забывайте!

И приготовился сражаться с кровожадным монстром голыми тонкими руками, суставы которых и принялся с хрустом разминать.

Аттракционная акула

Акула взрезала волны из подушек, оставляя их по обе стороны своего мощного плавника. По прошествии нескольких секунд акула приблизилась к детям. Она описала круг вокруг них и ушла на глубину.

— Свен! — крикнула Эзоа. — Сделай что-нибудь! Слади, проснись!

— Нет, оставь Слади в покое, ситуация под контролем! — сказал мальчик твердо.

Он еще дрожал, но сознательно шел на этот риск. У него был уникальный шанс произвести впечатление на Мей Йонг, и он давно мечтал стать сильным и мужественным защитником, о котором мечтают девушки... Сейчас или никогда! Конечно, для этого надо сразиться с убийцей, да еще голыми руками. Неважно! Если бы это было не опасно, то и награды бы никакой не было бы...

Он вдохнул в грудь как можно больше воздуха и нырнул с головой под подушки. После долгой задержки дыхания Свен вынырнул, сотрясаемый сильнейшим кашлем.

— Там ничего не видно, но паниковать не стоит, — сказал он, кокетливо откидывая волосы назад. — Я ее напугал, и она не вернется!

Не имея возможности поиграть мускулами, он поиграл плечами. И акула вынырнула на поверхность прямо перед ним.

Мей Йонг завизжала. Свен принял свой самый свирепый вид: широко открыл рот, выпучил глаза, нахмурил

брови. Одновременно с этим он скрестил напряженные руки перед грудью и напряг мышцы живота, излучая силу воли, холодную ярость и самообладание в стиле лучших мастеров карате-кун-до, чьи боевые позы он видел на гравюрах XII века до Кси Хонг.

Акула помолчала, потом заметила:

— Ух ты, страшно как!..

— Йи-йaaa! — выдохнул Свен.

Он резко распрямил руки, надеясь, что жест будет выглядеть очень технично, скрестил их снова и снова распрямил, затем крикнул, выпятив вперед подбородок:

— Ну, давай!

Акула несколько раз подряд щелкнула зубами. Очевидно, это была ее манера аплодировать.

— А вообще, — спросила хищница, — в реальной жизни вы чем занимаетесь?

— Эзоа, скажи мне, что ты слышишь голоса! — попросил мальчик.

— Куклы бросают тебя в море из подушек, люди ходят задом наперед, мы находимся непонятно где, а ты удивляешься тому, что акулы разговаривают? — вспылила девочка.

Она подплыла к зубастой рыбине и заявила ей:

— В реальной жизни мы покинули дырявый мир, ну, и теперь пытаемся достичь берега, для того чтобы пойти в Эдамнацию и найти Эльдера.

— А, понятно... Это ваша профессия? Я хочу сказать... Вы этим на жизнь зарабатываете?

— А ты, ты на жизнь зарабатываешь, пожирая тех, кто упадет в воду... то есть в подушки?

— Что? Да вовсе нет! Я просто плюшевая акула. Я нанимаюсь в парки с аттракционами. Знаете, в мире игрушек настоящих морей нет, это было бы слишком опасно, есть только моря из подушек... Значит, настоящих акул тоже нет, только плюшевые... как я.

— Отлично, — пробурчала Эзоа, разозлившись оттого, что испугалась попусту. — Ну, если в ваши намерения не входит нас слопать, то, может быть, вы поможете нам добраться до берега?

— Как дельфин? Э-э... хорошо, если только вокруг никого не будет! Понимаете, я тоже должна думать о своей репутации...

— Извините меня, — встрял Свен, — а ваши зубы... вот там, они тоже плюшевые?

— Да, попробуй!

Маленький швед осторожно подчинился. Потом, не сводя глаз с Мей Йонг и представив себе крики «браво», прожекторы и конфетти, он засунул руку прямо в пасть к акуле.

— Грязно там, — прокомментировала кукла. — Должно быть, внутри у нее полно пыли от подушек.

— Эй, я сегодня зубы чистила... — запротестовала акула.

— Ну чего, поплыли? — начала терять терпение Эзоа.

Она схватила Слади, взгромоздила его на спину акулы и положила его руки вокруг плавника. Устрашительная плюшевая хищница начала хихикать:

— Ой, ой! Извините, в общем-то даже приятно, но... щекотно! Ой, ой, я к этому не привыкла!

— Очень смешно, — проворчала девочка.

Она уцепилась за хвост акулы, Мей Йонг была насильно усажена позади Слади. Оставался Свен, который посмотрел чудовищу в глаза. Они поняли друг друга. Акула открыла пасть, закрыла ее, впустив туда Свена, и сразу помчалась вперед.

— Слишком быстро! — завизжал маленький швед. — Я серфингую! Я мчусь! Это... ай!

— О-с-ти е-я, — пробормотала акула. — Я е-ала, то у е-бя ет п-ав-и-ков!

Немного времени спустя акула открыла пасть, и Свен выкатился на берег. Они прибыли.

— Спасибо, — выдохнул мальчик.

Голова у него кружилась. Но отныне он твердо знал: если в будущем у него не будет возможности иметь домашнюю лань, как он всегда мечтал, у него будет своя акула в личном океане.

Звук сирены вывел его из мечтательного состояния.

— Мне пора, — сообщила хищница, виляя хвостом. — Меня ждут...

— Подожди... — сказал ей красавец швед.

Он встал. Пошатнулся. Подошел к глади подушек, из которой высывалось плюшевое тело. И пожал акуле плавник, произнеся:

— Меня зовут Свен.

— А я — Бильярд. Бильярд акула.

Большая рыба улыбнулась мальчику всеми своими сверкающими зубами... и через секунду исчезла в фонтане подушек.

Максипулпусс

То там, то тут вдоль берега океана несколько разрозненных подушек плескались у белоснежного края паласа.

Перед детьми расстилалась серо-белая равнина. Виднелась тропинка. Зеленый пейзаж вокруг был похож на мелкий очень чистый лесок («лесок из мультфильма», подумала Эзоа). Горизонт был закрыт серыми облаками.

— Мне у-жа-сно по-нра-ви-лось, — заявил маленький швед, вытирая глаза.

— Да, славненько все получилось, но нам пора! — нетерпеливо проговорила Эзоа. — Времени рассусоливать нет...

Она пустилась в путь, держа Слади за рукав. Мальчик просыпался. Он наклонил голову набок и с удовольствием обнаружил, что, пока он медитировал, они проделали целое путешествие. Тем лучше: сейчас он хорошенько выспится.

— Ну, ты, значит, кукла... — начал Свен, решительно занимая место рядом с Мей Йонг, для того чтобы *поговорить* с ней.

Новенькая отрицательно покачала головой. Свен не устал восхищаться ее тонкими, вытянутыми чертами лица. Он был в восторге от глаз своего нового увлечения: они казались ему «оксиморическими» (отличный комплимент, считал Свен) оттого, что цветом напоминали лесной орех, а формой — миндальный. Конфетно-розовая блузка Мей Йонг была вышита спиральными узорами, в которых бе-

лые, голубые и желтые завитки переплетались в фантастическом танце. Короткая плиссированная матросская юбочка была тоже очень ничего, тем более что туфельки на высоком каблуке привлекали внимание к ее весьма красивым ногам... хотя идти на каблуках по толстому паласу было и не совсем удобно.

— Ты не кукла? — удивился Свен.

Он ударил себя по лбу гораздо сильнее, чем намеревался.

— Ой! — вскрикнул он. — Конечно, я не хотел сказать, что ты — кукла в смысле кукольная *кукла*!

— Я вообще *не* кукла!

— Ух ты! Какой у тебя голос! Это совсем не голос куклы!

— Я НЕ КУКЛА! — выпалила Мей Йонг. — Я МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА!

— Так, если вы бред закончили нести, может, пойдем? — предложила Эзоа.

— Какой это бред?

Девочка не удостоила ответом самопровозглашенную молодую женщину. Она просто пошла вперед, говоря:

— Значит, в этом мире мы ребенка уже нашли. Представимся новенькой. Я — Эзоа, я испанка мексиканского происхождения, я из мира животных и я страннodelьничаю. Свен — швед, он довольно плохо говорит на куче языков, он — из перевернутого мира. Слади...

— Это несколько усеченное представление, с которым я не согласен, — возразил красавчик, — потому что...

Но девочка уже продолжала:

— Слади — марокканец, он из дырявого мира, иногда может замедлить продвижение врага...

— Очень приятно, — произнес мальчик с брюшком.

Он передвинул подушку (огромную, в два раза больше него самого), которую себе выбрал, для того чтобы адресовать новенькой добродушную улыбку.

— А ты — Мей Йонг. Откуда ты, что ты можешь, но, прежде всего, как сестра на Катись-катись?

Самопровозглашенная молодая женщина, которой было максимум лет одиннадцать, прыснула со смеху, отрицательно качая головой:

— О нет, не думаю, что мы подружимся, если ты будешь продолжать разговаривать со мной в таком тоне!

— Совершенно с тобой согласен, — подал голос Свен. — В жизни нельзя позволять себя обижать...

— Заткнись!

— О-о, извини, я просто хотел уверить тебя в своем... Но я умолкаю, умолкаю!

— Я требую немного уважения. Это что, слишком?

— Нет, нет, нет! — затараторил Свен.

— Заткнись!

— О-о...

— А помимо этого, — прервал его Слади, — ты откуда, что ты можешь, и как нам сестра на Катись-катись? Я тебя спрашиваю об этом оттого, что ты восхитительна, но я могу скоро заснуть, и если бы я услышал твой ответ до этого, то чувствовал бы себя спокойнее...

Мей Йонг посмотрела на него широко открытыми глазами. Потом, обезоруженная его смелостью, сообщила:

— Я — китайка, и я из этого мира, то есть из мира игрушек... Для того чтобы сестра на Катись-катись, нужно идти по дороге — пути никуда не ведут...

— Гениально! — вставил Свен. — Просто Хайдеггер!

— ...и ждать, пока не наткнешься на остановку, — закончила восхитительная китайка, крепко сжав кулаки.

— Тогда поторопимся, — заявила Эзоа, ускоряя шаг, — и найдем остановку раньше, чем Группосумо или кто-нибудь еще найдет нас!

— А в то время, когда ты не даешь объяснений потерявшимся детям, каково твое грумфокигтруде, восхитительная Мей Йонг? — спросил Свен, стараясь следовать ритму движения и при этом не запыхаться.

— Мое...

— О, извини, ты, конечно, не говоришь на восточном зубину... Чем ты в жизни занимаешься?

— Много чем. Я была звездой обязательного Театра кукол в тех краях, где все должны ходить в Театр кукол.

— А, отлично! — пришел в восторг мальчик. — Это мне напоминает школу для ничегонеделания... Прости, ты потом поймешь, потому что ты начало пропустила...

— А также я проникла в тайну Эльдера, — заметила Мей Йонг, не обращая внимания на красавца шведа.

Эзоа резко остановилась.

Слади тут же рухнул на свою подушку-матрас и смог, наконец, немного соснуть.

Свен, который уже несколько минут пытался изобразить мягкую поступь рыси, на всем ходу натолкнулся на свою подружку, потерял равновесие и упал на четвереньки. Он обернулся к самопровозглашенной женщине:

— Ужас, что такое, ты не находишь? В наши дни люди паркуются уже где попало! Какая безответственность!

— Будь добр, не шевелись!

Мей Йонг воспользовалась остановкой, для того чтобы открыть свой игрушечный компьютер, включить его и поставить на спину застывшему, как статуя, Свену.

— Вот, видишь? — Она взглянула на замершую Эзоа. — Я действовала в три этапа. Первый этап: я отталкивалась от того принципа, что Эльдер — это некто всемогущий. Что является противоположностью всемогущего существа? Человек, ограниченный во всем. Что, кстати, характерно для человека? У него две руки и две ноги. Из этого я вывела, что у Эльдера много членов. У какого существа больше всего членов? У осьминога.

— Разве? Разве у сороконожки не больше... членов, чем у осьминога?

— Э-э, да, может быть... но в крайности тоже впадать не стоит. Осьминог все-таки более всемогущий, чем насекомое.

Продолжая говорить, маленькая китаянка с фантастической скоростью стучала пальцами по клавиатуре и действовала встроенной мышкой. Когда она закончила свои операции, на экране появилось трехмерное изображение осьминога.

— Ну да... — произнесла Эзоа, впечатленная поневоле.

— Ладно, потом, второй этап. Я подумала: говорят, что Эльдер — самый великий. При всех прочих равных условиях ни один осьминог не может быть более великим, чем другой.

— Ты думаешь?

— Я не думаю, я уверена в этом. Значит, как стать более великим, чем кто-то другой, если вы одинакового роста?

— Надеть шпильки, — предположил Свен, не шевелясь.

— Тише ты там, внизу! Осьминоги не носят ботинок, все это знают. В то же время... ничто не мешает ему надеть шляпу! Какая самая высокая шляпа?

— Ци... — начал Свен. — Я молчу!

— Правильно, правильно, цилиндр! — неожиданно согласилась с ним артистка. Это, кстати, и логично. Говорят, что Страж живет в Донжоне. Донжон — это вроде как цилиндр замка, не так ли?

— Ты хорошо рисуешь, — пробормотала маленькая мексиканка, — но я не уверена в том, что ты меня убеди...

— Я не рисую, я изображаю пространство, это нюанс. Третий этап. Я сказала себе: почему люди так преклоняются перед словами этого осьминога? Потому что они не могут точно определить их суть. Почему? Потому что он любит выражаться шутками — некоторые местные жители говорят на шутовском языке. Вот на что, по моему мнению, похож Эльдер.

Узнав вывод, Эзоа пришла в уныние. Одно из двух: либо Эльдер действительно похож на веселого осьминога в смешной шляпе на голове, и тогда дело плохо, либо Мей Йонг совершенно, ну, совершенно сумасшедшая, но и тогда дело немногим лучше.

— А что ты можешь, ну, на самом деле, в настоящей жизни? — поинтересовалась Эзоа.

— Что я могу? Ты смеешься, что ли? — Маленькая китаянка округлила глаза. — Мои возможности *неизмеримы*! Я открываю тенденции, мой интеллект гораздо выше среднего уровня, я соблазнительна, привлекательна и красива, я великолепный программист, порой фантастический, образцовый моделировщик, я образованна, но без снобизма, я удивительно скромна, но не впадаю в самоуничижение, чрезвычайно наблюдательна, необыкновенно...

— Нет, я спрашиваю не про *достоинства*, которыми ты себя наделяешь, — прервала ее Эзоа. — Я говорю о том, что ты можешь. Что-нибудь, что поможет нам найти Эльдера.

— Ты хочешь сказать — Максипуллусса?

— Нет, это ты говоришь — Максипуллусса. Я хочу сказать — Эльдера. Ну, какое твое могущество?

— Э-э... не знаю, — призналась Мей Йонг.

— Отлично! — воскликнул Свен, по-прежнему пребывая на четвереньках. — Ты самая скромная девушка из всех, кого я знаю!

— Так, лодыри, давайте, вставайте! — велела Эзоа.

Она толкнула Свена ногой и потрясла Слади, который улыбался во сне.

— ААААААА! — возопил Свен, бросаясь на землю. — Викинг! Вики-и-инг!

Маленькая испанка вздохнула:

— Ну что ты там еще приду...

И умолкла. Появившись из-за ближайшего поворота, из-за пенопластовых елок (сделанных из палок, на которые насадили зеленые пирамидки), к ним направлялся Викинг. Все, что положено по штатам древнескандинавскому воину, было при нем: рогатый шлем, коренастая фигура, разбойничье выражение лица и совершенно комический костюм.

Единственной, наверное, личной его особенностью являлось то, что он скакал на одной ноге, поскольку второй у него не было.

Коллекция Викингов

Викинг скакал по поднимающейся вверх дороге. Вид у него был задумчивый. Его весьма впечатляющая внешность при ближайшем рассмотрении оказалась совершенно неагрессивной. Поэтому Эзоа решила продолжать путь, не обращая на него внимания.

Но оправившийся от испуга Свен, любящий поболтать с разными людьми, окликнул колосса:

— Не очень-то у вас веселый видок...

Викинг покачал головой, но не слишком энергично: он был на грани слез и явно не хотел, чтобы они начали литься. Даже рога на его шлеме, казалось, были готовы вот-вот печально опуститься.

— Он неудачник, — объяснила Мей Йонг.

— Как это — неудачник? — возмутился Свен. — Он здоровяк!

— Нет, Викинги уже устарели. Они всем надоели. Сегодня надо быть хорошеньким, а не мускулистым.

— Да... ты, может быть, и права... — признал мальчик.

И сбросил на землю разорванную ковбойскую курточку, которая треснула у него на плечах. Теперь он был в бежевой клетчатой рубашке, широко распахнутой на его скромном торсе.

— Посмотри-ка на своего друга Слади... — продолжала тем временем Мей Йонг. — Чувствуется, что он не заботится о своей внешности, это очень фешн...

Эзоа, скрестив руки на груди, раздраженно барабанила пальцами по воздуху.

— Ах да, фешн... — пробормотал Свен. — Вроде чрутст, я понимаю... Но старайся все-таки следить за своими выражениями: ты говоришь о моем предке!

И, временно оставив на том прекрасную китайку, он, прихрамывая, отправился к своему праотцу по крови.

— Могу ли я вам чем-нибудь помочь? — предложил он. Великан опустил взгляд на маленького шведа.

— Это зависит от тебя. Ты можешь меня взять к себе?

— Э-э...

— Тогда нет, ты ничем мне не можешь помочь.

— Послушайте, мне очень жаль, но я скорее занимаюсь книгами, чем Викингами, если вы понимаете, что я хочу сказать...

— Я понимаю. И потом, ты не смог бы взять к себе всех бродячих Викингов.

— Всех? Но я пока только вас вижу...

— Потому что ты только что прибыл в этот мир, как мне кажется. Нас много, бродячих Викингов. С недавних пор люди выкидывают нас. Раньше говорили, что игрушки рождаются свободными и равными, что надо помогать друг другу... А теперь, если вы чуть-чуть сломались или вышли из моды, фьют, и вы больше не существуете. Ну, ладно, я не буду надоедать вам своими историями...

— Да, конечно, — согласилась Эзоа. — А вы не можете нам подсказать ближайшую остановку Катись-катись?

— Она рядом, при входе в деревню, у ворот, за поворотом.

— У ворот, поворот... — повторил с удовольствием Свен. — Прекрасная параномазия, если я в этом что-то понимаю!..

— А я, — прервал его Слади, — я могу вас взять к себе? Глаза колосса заморгали.

— Ты так шутишь?

— Слади! — выдохнула Мей Йонг. — Это жалкий Викинг!

— Спокойно, кухня, мне наплевать. Так что надо сделать технически для того, чтобы взять вас?

— Ну, ничего... — пробормотал Викинг. — Хотя нет, одну вещь делают... Но я не хочу тебя пугать... Обычно, когда берут себе первого Викинга, говорят: «Я начинаю мою коллекцию». И потом стараются взять еще как можно больше Викингов.

— Я начинаю мою коллекцию, — произнес Слади серьезно.

— Пора *идти*, время *поджимает*! — с нетерпением сказала Эзоа.

Она уже поднялась на вершину пригорка и ждала там остальных, сжав кулаки.

— Идем! — крикнул маленький марокканец, спокойно начиная шагать. — Вот так, значит, можно коллекционировать Викингов?

— Он гениален, — заявила Мей Йонг, повернувшись к Свену. — Только гиперпродвинутые люди умеют стать выше моды, будучи «so has been».

Красавчик посмотрел на нее широко открытыми глазами. Она говорила серьезно. Он не знал, что ей ответить. Он все меньше понимал ее. И проблема заключалась не в языке: китаянка явно оказывала некоторое предпочтение Слади. Парень отличный, несомненно, но, ни в коем случае не желая бросать на него тень (у каждого свой путь, у каждого своя дорога), подумаем о том, что он такое по сравнению со Свеном, полиглотом, хайдеггеристом неогуссерльянского направления и, к тому же, шведом?

Пока мальчик пребывал в совершенном расстройстве, Викинг объяснял Слади, какого типа игрушки тому следует собирать. Самыми популярными были «Мальчики-с-гору», «такие, как я, но когда они целые, они больше ценятся». Затем шли Бородыторчком, известные своей воинственностью: «Самые страшные, то есть самые лучшие — Бороды-

торчком с тремя рогами, их узнают по шлему». Хорошей репутацией пользуются «Стальные кулаки», кулаки у них большие, как бочки... и, к тому же, металлические: «Поначалу их снабжали вращающимся фонарем, потому что они очень опасны, а вращающийся фонарь позволял увидеть их издалека, но потом, во избежание несчастных случаев, их просто запретили изготавливать, и они стали редкостью... и обладать ими стало очень престижно». Еще можно добавить к коллекции Стахусов, но с ними надо очень осторожно обращаться: эти Викинги часто коварны и невероятно эгоистичны, особенно когда у них на верхней губе растет рыжий пушок.

— Совсем недавно появились новые виды Викингов, — добавил одноногий колосс, продолжая двигаться вперед, тяжело подсакивая. — Их называют Боязливые: они прячутся за других Викингов. Даже в поговорке о них говорится: «За одним Викингом может прятаться другой».

— Эй, ты, там! — закричал Слади, заметив еще одного бородатого Викинга. — Хочешь, я тебя возьму себе?

Первый Викинг поддержал предложение мальчика:

— Коллекционер классный! Молодой, начинает раскручиваться...

Здоровый Бородаторчком недоверчиво приблизился к ним.

— Вы заметили, что у меня есть недостаток?

— Какой?

— У меня было три рога... а потом один отвалился, не знаю почему.

— Спокойно, кузен, нам на это наплевать!

— Он настолько в теме! — восхитилась Мей Йонг.

— Эй, ребята, надо поторапливаться! — с недовольством напомнил Свен. — Так мы Эльдера никогда не найдем!

Маленький швед догнал Эзоа настолько быстро, насколько мог, то есть, честно говоря, скорее медленно. Девочка спустилась с пригорка. Она шаркала ногами, отбрасывая мелкие камешки. Эзоа не подняла голову, завидев мальчика.

- Ты обижаешься? — спросил он.
- Я-а? — резко ответила Эзоа. — На что же мне обижаться? С этой душой на ходулях...
- Ты говоришь о Мей Йонг?
- ...перед которой ты валяешься в экстазе...
- В экстазе! Тебе не кажется, что ты преувеличиваешь?
- ...и со Слади, который решил нагрузиться всем, что только есть самого неповоротливого на свете, я думаю, мы отлично найдем Эльдера лет через сто, когда миры уже давно разлетятся в пыль!
- Ладно, Зозо, не плачь!
- Не называй меня Зозо, — всхлипнула Эзоа, вытирая глаза. — И, во-первых, я не плачу!
- Мальчик обнял ее за плечи, говоря:
- Не беспокойся, Эзоа, мы нагоним...
- Нет, все пропало... Мне хочется сесть у обочины проселочной дороги и ждать других, кто тоже сядет в пыль рядом со мной, и смотреть, как эти миры, на которые мне наплевать, потому что они даже не мои, летят навстречу своей гибели!
- Ну, ну, ну, это просто легкая *меланхолия*, — рассудительно сказал мальчик. — Это и со старшими случается, со мной, например! А потом, я с тобой для того, чтобы любить тебя, то есть помогать тебе! Я хотел сказать — помогать... но это тоже хорошо!
- Эзоа разрешила красавцу шведу прижать себя к его безобразной ковбойской рубашке.
- Спасибо, Свен, — пробормотала она. — Слава богу, что ты здесь...
- Э-э... Слава богу, что и ты здесь, — вторил Эзоа мальчик, удивленный тем, что она прильнула к нему.
- Он погладил ее длинные растрепанные волосы. Потом они отошли друг от друга. Эзоа подняла на него глаза и... вскричала:
- Большое колесо, там! Это точно Катись-катись! Быстро!

Она замахала руками отставшим.

— Торопитесь! — крикнула Эзоа. — Катись-катись тут!

Действительно, на склоне холма рядом с несколькими хижинами их ждало нечто вроде огромной шины, снабженной большим ключом. Система блоков воздействовала на механизм, накачивающий камеру. Странно, но вокруг остановки никого не было. Все было автоматизировано. Но не было видно и ни одного намеревающегося уехать пассажира.

Вдруг Мей Йонг завизжала. Ей ответило рычание. Позади группы, которую составляли маленькая китаянка, Слади и два Викинга, на верху холма, появился гризли. Он стоял на задних лапах, и от мощи его рева гнулись деревья.

Прижав к себе игрушечный компьютер, Мей Йонг с истерическим криком побежала по склону холма. Видимо, в критических ситуациях она умела достаточно хорошо использовать свои каблуки. Мей Йонг перегнала Свена и Эзоа. При ее приближении Катись-катись открылся. Маленькая китаянка прыгнула внутрь.

— Слади! — позвала Эзоа.

Мальчик смотрел на зверя с любопытством. «Прямо плюшевый мишка, который пошел по дурной дорожке», — подумал он. И увидел, как перед медведем встает Борода-торчком.

Зверь смерил взглядом противника, который был примерно одного с ним роста. И опустил на него когтистую лапу. Викинг отскочил и ответил могучим ударом справа. Зверь увернулся и избежал атаки.

— Ух ты! Как выражаются знатоки, в ход пошла тяжелая артиллерия, — прокомментировал Свен бесцветным голосом.

В это время Мальчик-с-гору схватил Слади на руки и понес его, припрыгивая на единственной ноге, в убежище. Эзоа и Свен потеснились, освобождая места для новых пассажиров.

Внутри Катись-катись был похож на прозрачный вагончик. Над рядами сидений были предусмотрены решетчатые полки для багажа. Маленький швед заметил механизм управления: металлический обод, в который заходили пассажиры, двигался в обратном вращению внешнего колеса направления. Так пассажиры оставались в неподвижности, а Катись-катись катился.

Когда прозвучала сирена и дверь стала автоматически закрываться, Мальчик-с-гору просунул в ее проем плечо.

— Эй-эй-эй! — закричал он Бородоторчком.

Обернулся к детям и сказал им:

— Давайте, все вместе со мной!

Эзоа не поняла, чего он хочет, и стала рыться в фасолине с чудесами, для того чтобы чувствовать себя увереннее.

Помертвевшая от ужаса Мей Йонг превратилась в нефритовую статую.

Только Свен и Слади все прекрасно поняли и принялись помогать Мальчику-с-гору подбадривать его товарища:

— Эй, Бородоторчком, эй! Эй, Бородоторчком, эй!

Почувствовав прилив новых сил благодаря поддержке болельщиков, Викинг, нагнув голову, бросился на гризли, который не ожидал нападения. Зверь снова отступил, но не настолько, чтобы избежать удара. Он потерял равновесие. Голова противника попала ему в солнечное сплетение. Гризли согнулся пополам, хотел оторвать голову врагу, но тот уже повернулся и побежал к Катись-катись.

Крик стоял оглушительный: вопили Мальчик-с-гору и Слади, Свен рассказывал девочкам о том, что происходит, сирена выла, Бородоторчком шумно и тяжело дышал, а гризли, практически немедленно распрямившийся, рычал от бешенства и бежал вдогонку за Викингом.

Викинг оказался не особенно силен в беге. Но тем не менее ему удалось вскочить в удерживаемый Мальчиком-с-гору проход, и медведь его не догнал. Одноногий Викинг отодвинулся, дверь закрылась прямо перед искаженной ужасной гримасой мордой зверя.

— Йес! — воскликнул Слади, ударяя по рукам Свена и двух первых представителей своей коллекции.

И тут раздался треск. Катись-катись покачулся и поехал по склону с фантастической скоростью. У Эзоа перехватило дыхание, она почувствовала, как Мей Йонг ищет ее руку, и судорожно сжала ей ладонь.

Катись-катись катился-катился слишком быстро.

Дети попали в ловушку.

Невозможные лестницы

Чудовище было великолепно. Загадочно. Невероятных размеров. Сверхъестественной гибкости. И тем более опасно, что поначалу оно скорее завораживало, чем ужасало. Но даже эта жуткая тварь не могла тягаться с Лейлой в быстроте.

За то время, что понадобилось скорпиону, чтобы оправиться от удивления и нацелиться на нее своим жалом, тигрица переместилась в другой угол комнаты. Чудище развернулось, поднялось на задние лапы, намереваясь броситься догонять противника... и со всего размаху рухнуло, ударившись головой о пол.

Типуссен прикрыл отступление подруги при помощи мраморного позолоченного канделябра. Когда Лейла пролетела над скорпионом и приземлилась на пороге комнаты Стража, цыпленок прицелился в тварь на лапках, и как только монстр приготовился прыгнуть, Типуссен обрушил на его опорные конечности мощный удар.

Друзья бросились на лестницу и помчались по бесчисленным ступеням, не думая о риске упасть. Типуссен перелетал с одной опоры на другую, стараясь не слишком отставать от Лейлы. Цыпленок и тигрица отдавали себе отчет в том, что на этой изменчивой и опасной территории скорпион, обладавший членистым телом и высокой скоростью передвижения, имеет перед ними преимущества.

На самом деле у Посланцев было мало шансов убежать от него и не было никакого оружия для борьбы с ним. Как опытные воины, они знали, что храбрости недостаточно

для победы в заранее проигранном бою. Иногда стоит и гордостью поступиться, взять реванш можно потом... а пока нужно бежать, бежать как можно быстрее, чем дальше, тем лучше.

Лейла кипела. Она была унижена. Да еще и при свидетеле. И при каком свидетеле: при Посланце, который не раз доказал свою смелость и умение драться. Она поклялась свести счеты с тварью. Позже. Пока стратегия ее была простой: удирать.

Когда тигрица рискнула бросить взгляд назад, она увидела несколькими метрами выше Типуссена... и никакой черной тени. Как это было ни удивительно, но скорпион не бросился их догонять. Даже попытки не предпринял. Быть может, он решил, что его противники того не стоили. Хотя вряд ли: убежав от монстра, они его обманули, один из беглецов дважды ударил его. Так что же могло задержать скорпиона в комнате?

Взмахнув крыльями, цыпленок нагнал тигрицу. Оба Посланца тяжело дышали, задыхаясь.

— Шпум далеко не уехал, так, красotka? — выдохнул Типуссен, казавшийся скорее возбужденным, чем испуганным.

Лейла кивнула. Что бы ни называлось словом «шпум», он далеко не уехал.

Какое-то жужжанье прорезало темноту. Звук приближался! Посланцы бросились на землю. Шум нарастал. Он обогнал их и затем затих. Новая порода насекомых? Может быть. Во всяком случае, точно какое-то противное существо, которого никогда не было в Крепости, в свое время вздымавшей с холма к небу семь зубчатых каменных башен с узкими щелями бойниц и Донжон, украшенный переливающимися разноцветными витражами и паривший на высоте в сто лье над всей округой. От этого великолепного здания осталось отныне лишь утопленное в землю основание, населенное опасными тварями.

— Сюда, куколка, — прошептал Типуссен, указывая на отверстие в стене.

Тигрица осторожно последовала за цыпленком. Что за ужасы скрывались за ближайшим поворотом? До землетрясения этого прохода не существовало. Только *поэтому* пойти по нему — уже удачная мысль. Тело Эльдера могло упасть сюда, или же его возможные похитители — если были похитители — могли пойти этой дорогой... и у них точно не было времени расставить ловушки, для того чтобы напугать или уничтожить преследователей. Во всяком случае, на такой вариант можно было надеяться.

Отверстие вело не в комнату, а в туннель, стены которого со следами потеков покрывали тут и там гроздья фосфоресцирующей плесени, светившейся мрачным светом. Сладкий, отвратительный запах стоял в воздухе. Странно, но тигрице почудилось, что к тлетворной вони подмешивался легчайший оттенок аромата ванили.

— Спасибо за помощь, — прошептала она после того, как проверила, нет ли поблизости врагов.

— Я уже видел эту дрянь с большим шпумом, когда поднимался в комнату Стража, — сообщил Типуссен, пытаясь приглушить свой хриплый голос. — Я мчался, как безумный, в комнату Стража... Бесшумно прыгал через ступени Донжона... В этой темноте все этажи похожи один на другой... Пока я бежал, мне много раз казалось, что я иду по кругу! Тут я и заметил страшного толстяка, который на тебя напал.

— Как же ты от него спасся?

— Я его не заинтересовал... или он меня испугался: я непобедимый, об этом тоже не надо забывать. Он, наверное, пролез через разломы в стенах и добрался туда раньше меня.

— Ты других видел? Блэка? Атора? Зззенна?

— Почему ты спрашиваешь? Тебе скучно со мной? Ха-ха-ха! Нет, их еще не встречал. Надо признаться, последнее время нас что-то сильно трясет...

— Надо их найти!

— Нет, надо найти *Эльдера*. А потом у нас уже будет время найти остальных и пропустить по стаканчику, вспоминая добрые старые времена...

Цыпленок умолк. Осторожно продвигаясь вперед по тоннелю, Посланцы дошли до порога огромного помещения.

— Я люблю сокращать дорогу, — заявил Типуссен, — но, когда не знаешь, куда придешь, смысла в этом особого нет!

И действительно. Посланцы не знали, где они находятся. Зал, к которому они вышли, походил на гигантский грот. После окружавшей их до того темноты он казался ослепительно светлым. Но освещали зал не факелы: никакой огонь не дал бы столько света. Сияние исходило из расставленных повсюду удивительных прозрачных клеток, в каждой из которых находились сотни светлячков.

Еще необычнее была, если можно так выразиться, обстановка зала: все пространство его, включая неоштукатуренные стены, было занято каменными лестницами. Лестницами странными, абсурдными, то ли не получившимися, то ли оригинальными, это уж как воспринимать.

Одна, очень массивная, состояла из десятиметровой высоты ступеней; другая казалась обычной... но первая ее ступенька находилась на расстоянии пятнадцати метров от пола (сама лестница была прилеплена к стене); третья, наоборот, обрывалась, не доходя пятнадцати метров до земли, и вела в пустоту; четвертая, очень изящная, винтом вонзалась в потолок и шла по нему в обратном направлении.

— Они были сумасшедшими! — произнесла Лейла, подходя к рабочему столу, стоявшему в центре комнаты. Ты знаешь, что мы нашли?

— Э-э... нет, — признал Типуссен.

— Игровой зал Эльдера! Так здесь написано...

— Знаешь, — заметил цыпленок, — нельзя обладать всеми недостатками одновременно, у меня, например, нет недостатка умения читать.

— А у меня хоть этот есть, — проговорила Лейла. — Это последняя хозяйка меня приучила, все контракты мне читала... Короче. Страж с Маликом, своим главным архитектором, устраивал конкурсы лестниц.

— Конкурсы чего?

— Конкурсы лестниц. Они считали, что надо учиться больше жить на лестницах, но не знали как. Тогда эти два чудака стали придумывать новые лестницы, которые по пятибалльной системе и по четырем критериям оценивало жюри: качество изготовления, элегантность проекта, оригинальность концепции и отсутствие пользы.

Типуссен удивленно повел клювом.

— Я не встречал глупее идеи с тех самых пор, как наблюдал, как малолетки разбавляют вино водой!

— И не кажется ли тебе странным то, что Страж миров любит играть? Помня об уровне возложенной на него ответственности, я полагала, что у него есть чем заняться...

— Послушай, красотка, я не хочу, чтобы ты посчитала меня каким-нибудь ненормальным шутником, но, когда у тебя будет мой опыт, поверь мне, тебе покажется странным то, что люди не всегда странные.

И, покрутив лапкой вокруг уха, Типуссен добавил:

— Даю тебе возможность поразмышлять над этим.

Неожиданно грот сильно содрогнулся. Стены его завибрировали. Ступеньки на потолке затряслись, как лапки перевернувшейся на спину мокрицы. В ответ на землетрясение стены изогнулись. Раздался взрыв: незаконченная лестница оторвалась от стены, оставив зияющее отверстие в том месте, где находилась. Упав на землю, она закачалась и опрокинулась на винтовую лестницу, которая от удара рассыпалась на куски.

Через секунду колоссальное существо появилось в отверстии в стене, прыгнуло на пол и мягко распрямилось. Восемь других подобных ему созданий одно за другим последовали его примеру. Очутившись на земле, колоссы вставали по стойке «смирно», ожидая построения. Тела их состояли из накачанных мышц от ног до самых челюстей, вооружены гиганты были длинными шпагами с клинками неравных размеров. С их губ стекала густая пена. Они заметили Посланцев.

Лейла дотронулась до цветка, который подобрала в комнате Стража. Типуссен хрустнул крыльями и посмотрел на тигрицу.

— Ну наконец-то старые знакомые! Я, может, старомоден, но я предпочитаю их тварям со шпумом! Вперед... на приступ!

И, испустив бешеный боевой писк («ЙИ-ЙААААА!»), цыпленок бросил свои восемь сантиметров прямо на батальон циклопов.

Закатывающаяся желтая луна

Железная столица

Спускаясь, Катись-катись периодически повышал скорость. Весь мир стал невероятной сменой нечетких пятен пастельных тонов, которые большая сумасшедшая кисть наскоро бросала на окна.

Слади оставил позади стадию страха. С самого рождения при возникновении удручающих обстоятельств у него было идеальное убежище — сон.

Марокканец с брюшком умел засыпать практически везде, даже в самых невыгодных условиях. Эксплуатируя свой талант, — а кто на его месте не воспользовался бы столь приятной суперспособностью? — он впал в зависимость от сна. Вот уже несколько лет он испытывал необходимость много спать. Много, много, много. И даже еще больше. Особенно с тех пор, как он попал в Маллемир.

К счастью, мужчины не рождаются свободными и равными, они рождаются разными и красивыми, каждый по-своему, хотя у некоторых есть несомненный талант себя обезображивать. И кто после этого осмелится осудить человека, чей сон более широкомасштабен, более амбициозен, более требователен, чем сон его соседа? Во всяком случае, точно не Слади, который положил свою большую подушку на колени Бородеторчком и заснул. Викинг обнял огромными руками своего коллекционера, и поэтому Слади и его игрушка тряслись в салоне в такт.

Как только раздался треск, Эзоа закрыла свою фасолину для чудес и спрятала ее под майку. Потом она зажмури-

ла глаза, свернулась клубком и тоже стала подскакивать, повинуясь толчкам.

Мей Йонг инстинктивно обняла свой игрушечный компьютер. Она широко раскрыла рот, но из него не исходило ни звука до тех пор, пока Мальчик-с-гору не захотел покровительственно обнять ее рукой за плечи. Тут она издала пронзительный визг, который набрал мощности, смешался с грохотом от толчков Катись-катись и уже не прекращался.

Корпус Катись-катись следовал по дороге с фантастической скоростью. Он наклонялся то вправо, то влево. Крепления обода не выдержали нагрузки. Теперь, когда шина поворачивала, обод тоже поворачивался внутри шины. У детей не было впечатления, что они находятся в барабане стиральной машины, их чувства были сильнее. Они терпели. Они терпели удары, они терпели грохот, они испытывали острое желание, чтобы исчезло все: исчезли тошнота, боль в голове, боках, ногах, синяки, невозможность повлиять на ситуацию. Неожиданно тряска увеличилась: обод, в котором они были, как затерявшиеся в пространстве космонавты, не ведая ни верха, ни низа, казалось, оторвался от шины.

Затем толчки прекратились.

За безумием последовал покой. Пассажиры повалились на пол Катись-катись. Постепенно сошел на нет крик Мей Йонг. Эзоа пробормотала несколько невнятных слов: она была погребена под двумя Викингами плюс Слади, которого его телохранитель держал на вытянутых руках над собой. Марокканец с брюшком не отпускал свою подушку и спал, безмятежно улыбаясь.

Свен, прижатый к двери ногами Бородыторчком, задыхающийся, прощался с миром. Он бормотал, что больше всего сожалеет о том, что он не антрополог, поскольку антропология позволяет *субъекту* познать себя, то есть поверить в свое существование, что не дает умереть.

Пассажиры Катись-катись были слишком потрясены тем, что произошло, и не могли немедленно начать двигаться.

— Спокойствие... — проговорила, тем не менее, Эзоа. — Не к добру... Выходить... перед бурей...

Катись-катись, между прочим, не остановился, он вращался менее быстро, потому что у него сломалась рессора, и теперь у него не хватало разбега, для того чтобы подняться на верх холма. Но он продолжал двигаться.

И воздушный вальс возобновился, как только шина начала спуск и принялась набирать скорость. Теперь Эзоа поняла, почему никто больше не садился на это транспортное средство. Какая здравомыслящая игрушка захочет воспользоваться такой машиной? Несомненно, это был еще один, далеко не первый, перебой в функционировании миров, а Викинги, слишком озабоченные собственной судьбой, не успели подумать об этом.

Катись-катись снова мчался по склону. Игрушечный компьютер Мей Йонг издал громкий предупредительный сигнал.

— Перед нами препятствие! — перевела девочка.

— Столица... — пробормотал Мальчик-с-гору, который чувствовал себя не лучше, чем дети. — Задешево Эдамнацию не покоришь, железная столица...

— Слади! — завизжала Эзоа. — Слади, затормози нас!

Но мальчик ее не слышал. Он спал без задних ног.

— Разбуди его! — приказала Эзоа Мальчику-с-гору. — Давай, Слади, просыпайся, Сл... Ай!

— Э-э... Почему ты хочешь, чтобы я его разбудил? — спросил Викинг. — У него такой вид... Ай!

— Разбуди его, иначе мы все... Ай!

Слишком поздно! Катись-катись натолкнулся на препятствие, о котором предупреждала Мей Йонг. Скорость вращения шины вокруг своей оси сделалась непереносимой. Раздался новый треск. Система предупреждения компьютерной игрушки пронзительно выла. Мей Йонг прон-

зительно кричала. Эзоа пронзительно кричала. Викинги молились Одину и Коллекционеру густым басом. Свен шевелил губами. Слади спал.

Вдруг удары, толчки и тряска прекратились. Дети и Викинги кувыркались в свободном полете в обод Катись-катись, который парил высоко в небе, по соседству с шестью лунами.

Они поднялись по вертикали, как лыжники, взмывающие с трамплина. Их необычное транспортное средство выписывало в воздухе фигуры высшего пилотажа. После серии головокружительных штопоров обод слегка окреп, для того чтобы приступить к двойной мертвой петле в форме удлиненной восьмерки. Потом он вдруг набрал высоту, и серое небо, казалось, всосало его в себя, обод застыл неподвижно, словно не решаясь опуститься на землю.

Эзоа глянула вниз. И тут же зажмурила глаза.

От открывшегося вида перехватывало дыхание. Серый воздух не мешал видеть землю, которая была очень, очень далеко. Дети висели в пустоте, не держась ни за что.

Огненная молния

Падение было ужасным.

Грубым, как резкий удар молотка по затылку.

Захватывающим дух, как вонзенная прямо в сердце дрель.

И при этом долгим, долгим...

Видимо, Слади все-таки проснулся...

Увы.

Падение не кончалось. Маленькой мексиканке казалось, что внутренности ее взорвутся, а мозг брызнет прямо из черепа, настолько страшным было давление в салоне. Удар о землю и последующий взрыв оказались почти облегчением.

Катись-катись больше не существовал. Его пассажиры летели по воздуху.

Слади приземлился мягко, на подушку. Богатыри, охранявшие его, раскатились по земле, словно профессионалы, которыми и являлись: Викинги учатся с раннего детства группироваться при падении со скалы.

Какое-то препятствие задержало падение Свена. Это был огромный прозрачный купол, под которым швед увидел большую, в старинном стиле деревню, окруженную высокими башнями. Она была похожа на нечто среднее между средневековой крепостью и галльским поселением.

Мальчик отскочил от поверхности купола и оказался на коньке крыши. Оглушенный контузией, он, в поисках спасения, наклонился вперед. И тут же покатился вниз. Он

думал, что упадет на землю, но в последний момент, когда ноги его уже болтались в воздухе, почувствовал что-то под рукой и ухватился за верх крепостной стены, откуда увидел зеленеющие вокруг деревья — деревня слегка возвышалась над равниной, покрытой густым лесом.

Мей Йонг, в свою очередь, опустилась на ковер из поролона. Когда первое изумление прошло, она почувствовала глубокую досаду: ее красивая короткая юбочка порвалась, а белая, украшенная вышивкой блузка была покрыта зелеными пятнами. С собой у нее был только компьютер и никакой смены одежды. Конечно, по сравнению с дикаркой, которая шлепнулась рядом с ней, китаянка выглядела шикарно, но сопоставлять можно только вещи сопоставимые!

А Эзоа действительно сильно врезалась в землю, уткнулась в нее лицом, прямо в толстый палас, к сожалению, не такой толстый, чтобы совершенно смягчить удар. Достигнув поверхности, девочка забыла о боли и начала думать. Машинально прижимая к себе чудесную фасолину, вокруг которой Эзоа свернулась в клубок, девочка догадалась о том, что Катись-катись разлетелся на куски еще до того, как она почувствовала, что свежий воздух заполняет ее легкие. Потом наступила красная, с оттенками охры ночь, пахнувшая серой, и приняла ее в свои объятия. Эзоа глубоко вдохнула газ, чтобы как можно быстрее потерять сознание.

Газа не было, и Эзоа не потеряла сознание. Закрыв глаза, она прислушивалась к тому, как внутри нее рычит бульдозер, и старалась исторгнуть его из своего тела. Машина атаковала ее кости, безуспешно пытаясь найти выход. Она ударилась в висок девочки, принялась ожесточенно биться в него, надеясь одержать победу измором. Не добившись своего, бульдозер спустился к левой скуле, чуть ниже которой щека уже была помечена длинным кровоподтеком, и набросился на нее. Удар лопатой, второй, третий... Скула

не сдавалась, но и бульдозер, презрев очевидность, упорствовал.

Соппротивление черепа привело его в бешенство. Он стал бросаться из стороны в сторону, врезаясь в губчатую ткань мозга, путаясь в нервных окончаниях, давя мимоходом кровяные сосуды, спускаясь вниз по телу на курьерской скорости, натываясь на мышцы и сочленения, отступая и снова бросаясь в бой наугад, вызывая по пути своего следования отчаянные конвульсии и безмолвный крик. Помертвевшее тело Эзоа восстало против непрошеного гостя. Как бульдозер мог оказаться в ней? Ему совершенно нечего делать у нее внутри. Пусть убирается или пусть погибнет!

Для того чтобы извлечь его из себя, девочка вырвала бы себе челюсть или содрала бы кожу, будь у нее на это силы. Она попыталась царапать себя, но чьи-то руки уложили ее на землю, а прохладные ладони коснулись лба. Девочка застонала, но звуки не слетали с ее губ.

— Мы здесь... — прошептал нежный голос. — Держись, все пройдет!

— О-у-о-у! — напел другой голос, знакомый, но далекий. — О-у-о-у, девчонки!

Мелодия этого голоса отозвалась в голове девочки, словно утоляющее боль лекарство, которое не столько избавляет от страданий, сколько затуманивает сознание. Эта музыка напоминала ей о чем-то... Голубая лагуна... свежий лимонад... прогулка, лето, берег окруженного зеленью озера...

— Это Свен, — объяснил нежный голос. — Он наверху... наверху...

Эзоа приоткрыла глаза. Она не увидела ничего, кроме мутной, серой пелены, от которой у нее закружилась голова. Нежный голос умолк. Кто-то всхлипнул. Руки оставили ее. Бульдозер исчез. Испарился из ее вен. Ее тело изгнало его. Но девочка по-прежнему ничего не видела. И не

знала, кто с ней разговаривает. Свен, да, Свена она узнает. Но нежный голос... кому он принадлежит?

— О-у-о-у! — повторил Свен.

— Он нам говорит «о-у-о-у»... — произнес нежный голос. — О-у-о-у, Свен! О-у-о-у! Скажи «о-у-о-у», Эзоа... Ну, чего ты, скажи «о-у-о-у»! Извини нас, Свен, она не хочет говорить «о-у-о-у»! Ну и снобизм!

— Эзоа, с тобой все хорошо? — немедленно забеспокоился Свен.

— Вид у нее не очень хороший... — признала Мей Йонг и поторопилась уточнить: — Я думаю, может быть, она притворяется?

— Скажи ей, что я на вершине железной столицы Эдам-нации! Это ей поднимет настроение!

— Свен на вершине крепостной стены столицы, — послушно повторил нежный голос. — Ему повезло, что он туда приземлился, когда Катись-катись взорвался, потому что Эдамнация окружена большой железной крепостной стеной... и ворот я не вижу! Надо будет перелезть через нее для того, чтобы войти. Если ты не решишься, наконец, прийти в себя, мы будем вынуждены оставить тебя здесь. Очень жаль.

«Этот голос... — думала девочка. — Я его знаю, это точно. Надо вспомнить...»

— Я думаю, что мы оставим тебя здесь, когда тебе станет немного лучше... — продолжал нежный голос. — А потом за тобой вернемся... быть может. Ты знаешь, в команде не обязательно идти дальше всем вместе... Кое-кто, выбыв, может принести больше пользы, чем оставшись...

Эзоа покачала головой. Больше она ничего сделать не могла. Меньше тоже: она узнала Мей Йонг Невыносимую.

— Кстати, сейчас как раз тот момент, когда пользы от тебя никакой... Ты ведь должна страннодельничать? Так вот, честно говоря, я не видела, чтобы ты особенно напрягалась. А вот Свен, например, который, заметь, тоже бывает тягостным, нашел полезного друга: к нему приближает-

ся маленький оловянный солдат... Очень сексапильный этот военный, на мой вкус, лакированные ботинки, красивые гранатовые брюки, темный китель, венгерка на рукавах, золотые эполеты и контр-эполеты, белая кисточка на головном уборе... и вид у него такой молодой...

— НЕТ! — неожиданно закричал Свен. — Поговорим! Обсудим! Пообщаемся вербально! Поразмышля... ААААА-АААА!

Вцепившийся в верх крепостной стены Свен попытался удержаться, подтягиваясь на руках, но безуспешно. Подошедший к нему хорошенький оловянный солдат улыбнулся ему и, не вступая, увы, ни в какие разговоры, отдал пальцы Свена оловянной ногой. Мальчик разжал руки и скатился вдоль Эдамнции... в объятия Мальчика-с-гору.

— Тебе еще надо потренироваться в падениях, — заметил ему Викинг. — Смотри, вот...

Он разбежался и бросился на металлическую стену, поднялся на несколько метров на своей единственной ноге, почувствовал, что сползает, подпрыгнул, сгруппировался и приземлился, свернувшись в клубок и хлопнув по земле рукой.

— Понял общий смысл? — спросил он.

— Да, но...

— Подожди! — крикнул Бородаторчком. — Ты еще ничего не видел!

Он отбежал на пять шагов и, в свою очередь, сумел взобраться на несколько шагов по стене Эдамнции. Затем обернулся и хлопнул в ладоши, перед тем как прыгнуть.

Мальчик-с-гору вяло похлопал в ладоши.

— Двойной флип со штопором на первом этапе... Неплохо... Ну а теперь посмотри на это, малыш!

Десять шагов разбега, и Мальчик-с-гору снова взбежал на пять метров в высоту, но до зубчатого верха металлической стены было еще далеко. Что не помешало ему исполнить «двойной фулл-фулл и фулл», как прокомментировал Бородаторчком.

Мей Йонг неожиданно принялась топтать ногами.

— Что происходит? — подал голос Слади. — Какие-то проблемы?

— Эзоа притворяется, Свен упал, твоя коллекция невривует меня, и мы не можем войти в столицу этого мира... Я... Я... Ох, Слади, помоги мне, я больше не могу!

И Мей Йонг очень громко зарыдала. По-прежнему слепая Эзоа услышала, как марокканец с брюшком подошел к плаксе, для того чтобы утешить ее, и прошептал:

— У тебя напряженный вид, Мей Йонг... ты давно не спала, не так ли?

Маленькая китаянка не успела ничего ему ответить. Небо прочертила огненная молния, за ней раздался раскат грома. Вспыхнули золотые и кроваво-красные языки пламени, немедленно впитанные серым небом.

«Начинается не просто гроза», — догадалась Эзоа. В животном мире она уже видела цветной дождь, который покрывал все окружающее новыми красками и невероятными узорами. Второй раскат грома не оставил уже никаких сомнений: надвигающаяся буря будет гораздо страшнее того дождя.

И станет ужасной для девочки, если она так и будет пребывать в царстве теней.

Столица-тюрьма

Семь лун сияли в сером небе, которое, перед тем как исчезнуть, осветила огненная молния.

Низко над горизонтом пламенела гранатовая луна. Она имела форму сердца и едва заметно пульсировала.

Чуть повыше, казалось, понемногу рос месяц цвета мокрой мяты.

Необычный прозрачный конус над ними светился мириадами мерцающих звезд. Когда на миры опускались спокойствие и тишина, драгоценности нежно, чуть слышно позвякивали.

По внешней орбите двигалась коричневая квадратная луна. В центре луны виднелось серое пространство: в ней начинало расти отверстие. Из него в тот момент, когда луна находилась в зените, вырывались сдобные запахи, от которых у всех слюнки текли.

Пятая луна сливового цвета была самой необычной. В зависимости от того, с какой стороны на нее смотришь, она принимала очертания то птицы... то человечка. Чем выше она поднималась, тем шире распахивала крылья (или руки).

Последняя луна была наименее таинственной: она была похожа на грушу или, скорее, на большую каплю. Это было единственное двуцветное небесное тело: ее покрывали черно-белые полосы.

Самая яркая из лун затмевала остальные. Форма гамака не красила ее: времени бездельничать у нее не было. Она

стояла в небе выше всех остальных лун, светила сильно, очень ярким желтым светом, и исчезала она самая первая. И, между прочим, к счастью, поскольку была самой жаркой. Обитатели некоторых миров даже объявили тот период, пока она светит, нерабочим. Они боялись — и небезосновательно — лунных ударов.

Но вот уже какой-то период времени луна-гамак выделяла тепло лишь моментами. Это явление никого в Маллемире не удивляло: при общем упадке было логичным то, что луны рано или поздно тоже начнут разрушаться.

Когда обеспокоенные бурей дети посмотрели на небо, желтая луна, казалось, засочилась потом из-за собственного жара. Гамак выделял капельки жидкости лимонно-желтого цвета, они переливались через его края и падали вниз с пронзительным свистом.

Мей Йонг, дрожа, еще крепче прижалась к Слади. Компьютер врезался в живот мальчика, но маленькой китаянке было совершенно на это наплевать. Она нервничала. И по опыту знала, что мальчики никогда не отказывались ее защищать.

Яркая луна опускалась по небу вниз, при этом было очевидно, что больше она не поднимется. Раскаленный дождь падал с нее все сильнее. Это был космический фейерверк, ракеты которого вычерчивали на лету угрожающего вида стрелы. Луна распадалась. Она дымилась и таяла на глазах. От гамака осталась лишь часть сетки.

Слади поднял руку и произнес:

— Спокойно, кухня!

Для него ложе для отдыха, земное или небесное, а желтая луна казалась ему чем-то вроде большого матраса со встроенным обогревателем, было священо. Ничто не могло оправдать его гибель.

Однако, с некоторым раздражением, он заметил, что его могущество не могло остановить закат светила. Слади не сумел даже замедлить исчезновение луны. Наоборот: гамак вдруг свернулся в огненный шар и разлетелся на куски.

Взрыв был оглушительный.

Дети инстинктивно бросились на землю. Викинги тоже.

А Эзоа так и лежала на ней с момента своего катастрофического приземления. Услышав грохот, она закрыла ладонями лицо. Но свет оказался быстрее ее жеста: он пробился в серый мир, в котором плыла девочка. Он зажег его. Фиолетовые змеи заплясали перед глазами Эзоа. Пространство стало красным, прорезалось черными линиями, заполнилось неясными силуэтами рыкающих драконов. Ослепляющий запах ванили окутал ее.

Девочка закричала от боли и убрала руки. Мир перед ней был по-прежнему серым, но *серым, как до падения*: серым с зелеными и коричневыми пятнами, обозначающими деревья, розовыми и белокурыми — рисующими очень красивого шведа...

— Я вижу! — воскликнула девочка. — Я снова вижу!

— Еще один шокус психологикус! — поставил диагноз Свен.

Он смотрел, как маленькая мексиканка с восхищением оглядывает все, что ее окружает: свои руки... свою желтую разорванную майку с рожицей, цвета на которой уже поблекли... свою фасолину для чудес... Слади... Вдруг лицо ее исказилось гримасой. А ведь заметила она жемчужину мира игрушек, Мей Йонг.

— Она уже на меня так смотрела, когда упала в моего младенца-монгольфьера... — сказал мальчик. — Ничего не бойся, Мей Йонг, я контролирую ситуацию.

— Я ничего не боюсь, — возразила маленькая китайка, глядя волосы самого продвинутого мальчика банды.

— Э-э... ну, я все равно контролирую ситуацию.

— В любом случае, Слади меня защитит. Правда, Слади?

Марокканец с брюшком не ответил ей. Утомленный сильными ощущениями, которые они только что испытали, он положил голову на плечо Мей Йонг и, улыбаясь, заснул под умиленными взглядами своей коллекции.

— Начнем с того, что я не фокус, и не психо-что-то там, — проворчала Эзоа. — Лучше объясните мне кто-нибудь, что это такое?

— Эдамация, железная столица мира игрушек, — объявила Мей Йонг, торопясь произвести впечатление на эту воображалу, которая считала, что может помыкать маленькой китайкой.

Мей Йонг осторожно отодвинула своего телохранителя, который покачнулся и обрушился на большую подушку. Китайка с сухим щелчком открыла компьютер, включила его, и ее пальцы заплясали по клавиатуре.

— Тут! — воскликнула она.

— Трансцендентально! — произнес Свен, замороженный тем, что он увидел на экране.

— Ты рисуешь лучше, чем магическая грифельная доска! — с восхищением сказал Бородаторчком, который встал на колени, для того чтобы лучше рассмотреть экран.

— Я не рисую, — запротестовала та, что принимала себя за молодую женщину. — Я моделирую в 3D!

— А, ну да... — гигант кивнул с понимающим видом.

— Все равно здорово нарисовано, — добавил Мальчик-с-горю.

Маленькая китайка посмотрела на второго колосса и сочла необходимым изложить свою позицию:

— Речь идет просто о наиболее полном изображении столицы в границах возможного.

— Ты придумала ее, как Эльдера? — недоверчиво спросила Эзоа.

— Я ничего не придумываю. Есть два разных технических способа. Максипулпусс — это проекция, Эдамация — это сканированная ретранскрипция чувствительных волн, которые компьютер воспринимает и декодирует. Действует безотказно.

— И что это из себя представляет?

— Город «под водой», то есть вид сверху, если твой словарный запас недостаточно...

— Этот графический план делает честь торжествующей пластичности великого кинематографиста Терранса Малика, — сделал анализ Свен.

Мей Йонг мрачно посмотрела на него.

— Извини, ты права, это ближе к четкой тягучести Куросавы, — поправился красавец швед, введенный в заблуждение ее удручающей мимикой.

Девочка отвела взгляд и вернулась к своему моделированию.

— В центре, — прокомментировала она, — мы видим дома, построенные по концентрическому плану.

— Ты объясняй, если уж у тебя такой богатый словарный запас, — пробурчала Эзоа.

— Концентрический — это значит, что есть всего одна улица в форме домика улитки.

— Именно так, — подтвердил Свен.

— Чрезвычайно прочная крепостная стена окружает город. Всё из металла. Кстати, название «железная столица» не точно, прозрачная капсула, покрывающая город, не из железа, а из...

— Наплевать, — отрезала маленькая мексиканка. — Где ворота?

— Какие ворота?

— Ну... через которые входят и выходят жители этой штуки? Они же через железную стену насквозь не проходят, я полагаю...

Мей Йонг в замешательстве посмотрела на свою собеседницу. Потом она захихикала, издавая нечто вроде «хо-хо-хо!». Свен немедленно расхохотался. Он заплодировал, стал кататься по земле и показал Эзоа оба больших пальца.

— Отлично! Очень фрешово!

— А что я сказала смешного?

— Э-э... спроси у Мей Йонг! Она тебе лучше объяснит...

— Никто не выходит из столицы, — и вправду объяснила картограф.

— Никто-никто! — с убеждением сказал Свен. — Nadies. No one.

— Никто? — переспросила Эзоа. — Тогда... как туда заходят?

— А туда не заходят. Поэтому и нет ворот, и над городом стоит капсула, и часовые солдаты постоянно дежурят.

— Постоянно, — повторил Свен наставительно. — Siempre. Hasta la vista.

— Заткнись, Свен! — не выдержала Эзоа. — С тобой действительно очень тяжело!

Мальчик обернулся к Викингам и прошептал на всем понятном языке:

— Фу, какая она... Совсем чувства юмора нет!

— Как ты получила эти сведения, Мей Йонг? — осведомилась Эзоа.

— Я умею читать, это очень помогает, — бросила моделировщица 3D, показывая на информационную табличку, появившуюся на экране.

Маленькая мексиканка не слишком оценила шутку своего лучшего недруга.

— Ну, если никто не может оттуда выйти, то это не столица, это тюрьма, — заключила Эзоа.

— Нет, это столи...

— Осторожно! — вскричал Свен.

Он бросился на Мей Йонг. Через секунду небо потемнело и упало им на головы.

Летающая рука

Свен и Мей Йонг покатались по ковру из поролона, и в это время рука двухметровой длины ударила прямо по тому месту, где стояла моделировщица.

Эзоа закрыла собой компьютер, который принялся пронзительно стрекотать. Гигантская рука настолько бесцеремонно отбросила страннodelьницу, Викингов и Слади, что оторвала даже кусок паласа (под которым обнаружилось что-то вроде дощечек паркета).

Затем рука улетела, отправившись свирепствовать по другую сторону столицы.

Бородаторчком и Мальчик-с-гору немедленно поднялись на ноги. Двурогий шлем пострадал: он стал всего лишь однорогим.

— Что это было? — проворчал Свен, по-прежнему обнимая программистку покровительственной рукой.

— Доказательство того, что, если мы не поторопимся, нас ждет участь желтой луны, — предположила Эзоа. — Миры разрушаются все быстрее и быстрее, и...

— Ну-ка, отдай мне мой компьютер, воровка! — завопила Мей Йонг. — И впредь будь поаккуратнее! Как ты его держишь! Какая дура, боже, ну, какая дура!

Маленькая мексиканка, в свою очередь, прыгнула на самую невыносимую из всех встреченных ею за целую жизнь девочек. Она дернула Свена за волосы, для того чтобы тот откатился подальше, и направила указательный и средний пальцы прямо в глаза несносной кривляке. И, готовая при

необходимости ослепить свою противницу, отделяя каждый слог, произнесла спокойным голосом:

- Никогда больше не говори со мной таким тоном.
- Но я...
- Никогда, никогда, никогда. Поняла?
- Но я...
- ПОНЯЛА?
- Да... Да...

Эзоа отпустила неприятельницу, продолжая пристально смотреть ей в глаза.

Мей Йонг вдруг разразилась рыданиями и, для того чтобы утешиться, принялась гладить свой игрушечный компьютер, который тут же прекратил пищать.

— Я понимаю, что у тебя шокус психологикус, Эзоа, но тебе надо успокоиться! — заявил Свен, поднимаясь на ноги. — Мы не сможем путешествовать вместе дальше, если ты будешь приходить в подобное состояние, как только...

— А ты иди красуйся перед своей хозяйкой, — оборвала его маленькая мексиканка. — И позволь дать тебе совет: не раздражай меня!

В этот момент Слади захлопал ресницами и потянулся с широкой довольной улыбкой.

— Ну что, как дела, кузены? А я отлично поспал...

— Ты помнишь, Слади, когда мы встретились... — обратился к нему красавец швед. — Я сказал тебе, что с Эзоа трудно?

— Э-э, да, смутно припоминаю...

— Ну так вот, она снова в форме. Она даже совершенно сошла с ума.

— Да что тут происходит? — встревожился марокканец.

Страннодельница изложила ему ситуацию в свойственной ей манере:

— Свен в своем репертуаре, Мей Йонг в своем репертуаре, и какая-то огромная рука появилась, разбросала нас всех и исчезла.

— Рука?

— Кисть руки, без продолжения... Огромная кисть!

— Ну, не огромная, не надо преувеличивать, — поправил ее Бородаторчком.

— Да, рука была скорее обычная, подтвердил Мальчик-с-гору. Ну, не совсем обычная, потому что она летала. Скажем так: это была летающая рука.

— Банальная, — прервал своего друга Викинг. — Такие руки появляются время от времени. Они охраняют игрушки от Группосумо.

— Да кто такие эти Группосумо? — взорвалась наконец Эзоа. — Все о них говорят, мне хочется теперь и увидеть их, такие ли они ужа...

Беспрерывная серия ударов грома прервала ее на полуслове. Земля начала дрожать, как кожа маленького барабана под палочками безумного барабанщика.

Раздались глухие раскаты: в дело вступил большой барабан. Почва местами покрылась трещинами. Городская стена, между прочим, совершенно не пострадала. Во время особенно сильных ударов город слегка подскакивал, но весь, целиком.

— Твое желание исполнилось, — пробормотал побледневший Бородаторчком.

— Ты больше всех обрадуешься, когда увидишь Группосумо! — добавил Мальчик-с-гору голосом таким же бесцветным, как его лицо. — Жаль, что ты не сможешь рассказать нам об этом... потому что уже умрешь!

В одну секунду он закинул Слади с его подушкой себе на спину. Вместе со вторым Викингом они бросились бежать к лесу, оставив троих ошоломленных детей во власти новой опасности, которая быстро и шумно приближалась.

Группосумо

— Побежали за ними! — решил Свен. Он властно схватил Мей Йонг за руку и помчался к лесу, в котором укрылись Викинги и Слади. Маленькая китаянка была слишком потрясена гневом Эзоа, чтобы сопротивляться, но разум ее оставался ясным, и она заметила, что подлесок, в который они углублялись, был, как минимум, очень необычным.

Фетровые деревья были сконструированы по принципу больших застежек, ветки пристегивались к стволу простыми кнопками.

Ничего живого в этом лесу не было. На земле — толстый зеленый палас. Местами — синие ковровые дорожки, обозначающие ручейки.

Грохот, производимый Группосумо, тем временем усиливался. Глухие раскаты грома чередовались с резкими щелчками.

Викинги продолжали бежать. Свен уже задыхался, когда увидел, что несущие Слади гиганты повернули в сторону. Он попытался поднажать, но с изумлением констатировал, что Эзоа бежала гораздо быстрее, чем он. Свен считал, что передвигается со скоростью, близкой к скорости света, а девочка обогнала его, и теперь расстояние между ними увеличивалось.

Мей Йонг, в свою очередь, стала дергать рукой, для того чтобы высвободиться. Свен был вынужден отпустить ее, и

великолепная программистка помчалась вслед за своим самым худшим врагом.

— Какая грация, — пробормотал красавчик швед.

Маленькая лукавая обольстительница приводила его в замешательство и изумление.

Находясь перед ней (в данный момент — позади нее), Свен испытывал раздражение и неодолимое влечение, некое восхищение и гнев. Его разум требовал, чтобы он оставил девочку в покое: по всей вероятности, если он будет продолжать добиваться своей красавицы, его ждет жестокое разочарование. Упитанное обаяние Слади действует на нее сильнее, чем его, Свена, нордическая и стройная притягательность.

А потом, страсть притупляет разум. Стоит ли действительно тратить время на муки невозможного *эроса*? И даже если предположить, что Мей Йонг согласится покориться ему, что станет с их парой через некоторое время? Очевидно, что философские воззрения у них разные. Он любит медитировать, знакомиться с другими культурами и книгами. Она же без ума от моды, она судит остальных по своим собственным критериям, она только и говорит, что о своем компьютере. Зачем упорствовать?

По одной простой причине: если Свен оставит надежду завоевать это сокровище, жизнь его лишится смысла. Она сделается бесцветной, наполнится сожалениями о том, что он не сумел добиться девочки, созданной для него...

— Сюда! — закричала Эзоа, махая рукой.

Мальчик сделал последний рывок и присоединился ко всей компании, стоявшей на большой поляне.

Середина ее была слегка приподнята и покрыта черным ковром, на котором подпрыгивали плюшевые медведи, с головы до кончиков лап в заплатках. Двое из них оживленно беседовали с Викингами, которые, казалось, на что-то решились и тоже бросились на ковер. Вскоре они уже подскакивали почти на метровую высоту.

— Торопитесь! — посоветовал мишка, убедивший в своей правоте Викингов. — Группосумо приближается!

Маленькая мексиканка измерила его взглядом и спросила:

— Вас никто недавно не кусал?

— Кусал? Странная идея! Здесь комаров нет...

— Вы в гризли не превратитесь?

— Ты что? Я вождь заштопанных плюшевых мишек, а не здоровых медведей, набитых настоящей вонючей щетиной! Ну, вы прыгаете или нет?

Девочка вскочила на черное пространство. Озадаченный Свен, прежде чем присоединиться к ней, осведомился:

— Это что? Ковер-самолет?

— Нет, это сверхупругий батут, — ответила ему хорошенькая девочка-медвежонок в основном оранжевого цвета.

На сгибе ее левой лапки была пришта желтая заплатка, на правой стороне шеи — кусочек клетчатой ткани. Местами мех ее был вытерт, но Свену это показалось очень красивым, *настоящим*, он не любил слишком наряженных девочек.

Ну, в принципе.

— А как это связано с Группосумо? — поинтересовался он.

— Ну, для того чтобы избежать опасности, нужно очень высоко подпрыгнуть! Смотри...

И девочка-медвежонок продемонстрировала серию упражнений на батуте. Чем дольше она подскакивала и опускалась, тем выше становились прыжки. Но набирать высоту так же быстро, как это делали Викинги, ей не удавалось. Большие игрушки, благодаря своему весу, уже взлетали над верхушками самых высоких фетровых елей. Но на несколько метров девочка-медвежонок уже поднималась.

Сначала Свен удивленно наблюдал за девочкой-медвежонком, потом последовал ее примеру. Свен был тяжелее девочки-медвежонка и набирал высоту быстрее, чем она, поэтому в знак благодарности он взял ее за лапку, для того чтобы увлечь с собой в небо.

— Я лечу-у-у! — закричал красавец швед, когда увидел под собой покрывало из зелени.

— Нет, ты подсакиваешь, — поправила его взлетающая, прямая и строгая, прижимавшая к боку компьютер Мей Йонг.

— Надо же, ты здесь... А это ты видела?

И, по-прежнему держа девочку-медвежонка за лапу, мальчик сделал такой кувырок вперед, что чуть не разбил себе лицо о батут, перед тем как снова подняться в воздух.

— Очень смело, — заметила девочка-медвежонок.

Она сама едва не ударилась и теперь старалась не расхохотаться.

— Мне надо в себя прийти, — пробурчал Свен своей спутнице по полетам.

Теперь он был далеко от Мей Йонг, да и от Эзоа тоже. Туча плюшевых мишек, одни из которых были однолапыми, другие — одноглазыми, третьи — и однолапыми, и одноглазыми, скакали вокруг, заслоняя его от всех остальных.

— Надо быть просто внимательным, — подчеркнула его спутница по полетам. — Спасаясь от Группосумо, недостаточно высоко прыгать, нужно прыгать так, чтобы избежать гибели. Ты должен рассчитать момент, когда можно опуститься, после того как одна опасность миновала... а другая еще не грозит тебе.

— Хоп! — произнес Бородаторчком, уклоняясь от шведа прыжком «рыбкой» и подсакивая.

— Группосумо идут! — объявил плюшевый мишка.

Девочка-медвежонок тут же потянула Свена к батуту.

— Давай сейчас начнем разгоняться, так будет вернее, — предложила она. — Если можно дать тебе совет... избегай слишком сложных фигур. Это рискованно...

— Конечно! — успокоил ее Свен. — Максимум, что я попробую, это тройной штопор...

Друзья как раз опускались, когда на поляне появились Группосумо.

Это была большая группа прыгучих сумоистов.

Тучные, массивные и величественные одновременно, они были одеты лишь в укрепленные на поясе набедренные повязки. Даже когда сумоисты были видны с высоты, бросалась в глаза еще одна их особенность — они были великолепны. У каждого из них был шиньон — прически их, кстати, совершенно не страдали во время прыжков — и профилированные солнцезащитные очки, которые способствовали лучшему рассеканию воздуха. Они продвигались вперед, с улыбкой исполняя странный, великолепно синхронизированный танец: руки их опускались вниз, колени сгибались, они ударяли в землю пятками («бум», — отвечал палас), затем ладони их соединялись над головой («хлоп!»), они прыгали, и так продолжалось до бесконечности.

Сумоисты считали все на своем пути. Крушили кусты, валили деревья, рвали ковровые дорожки, шалаши из ветвей, попадавшие под их босые ноги, так и лопались. Толстые круглые лица сумоистов казались настолько же симпатичными, насколько были опасными: им было безразлично все. Сумоисты жили в своем мире, они шли вперед, не заботясь о том, что их окружало.

Неожиданно Свен сообразил, что опускается, а Группосумо еще поляну не покинули. Он попытался зацепиться за сук, но тот прогнулся под его весом, и мальчик полетел вниз с десятиметровой высоты с отстегнувшейся веткой в руке. Он падал прямо навстречу мастодонтам, которыми кишела поляна. Свен подумал, что теперь понимает чувства ежика, перебегающего через автостраду.

Но продолжалось это недолго — он вновь взмыл вверх. Мощная рука подхватила его, обладатель ее увлекал мальчика за собой в высоту. У Свена перехватило дыхание, настолько быстро поднимался он в серое небо. Заметив Сла-

ди, он понял, что жизнь ему спас одноногий Мальчик-с-гору. Увы, лишь только Викинг отпустил маленького шведа, как тот поравнялся с опускающейся Мей Йонг. Испытание было слишком сильным. И мальчик попытался исполнить пятикратное сальто назад.

— Смотри, смотри! — крикнул он.

Он вытянул руки... и наткнулся на сумоиста, оторвавшегося от земли в могучем прыжке. Отлетев назад, Свен ударился спиной о батут. Его подбросило вверх, и он врезался в группу заплатанных мишек, которые его бесцеремонно отпихнули. Причем бесцеремонно настолько, что приземлившийся на батут пятой точкой Свен отскочил вверх с невиданной силой.

Далеко внизу он увидел лес, батут, столицу... Он прорезал серое небо и уже думал, что выйдет на орбиту одной из лун. Но почувствовал, что падает, причем так же быстро, как и поднимался. Свен свернулся в клубок, но давление было слишком сильным. Его руки и ноги распрямились помимо его воли, он приземлился плашмя на край батута, туда, где поверхность его наименее упруга. Ему было очень больно. Кроме того, он заметил атакующего его сумоиста.

Свен вскочил, подпрыгнул как можно быстрее, для того чтобы немедленно набрать высоту, не сумел этого сделать и был спасен в последний момент группой мишек, которых подняла по тревоге оранжевая девочка-медвежонок (она взволновалась из-за того, что давно уже не видела Свена). Нога сумоиста со всего размаха ударила Свена в бок. В глазах маленького шведа блеснули слезы, но он простонал:

— Даже не больно...

(Хотя на самом деле боль была невыносимой.)

И с облегчением вознесся к небу в лапах большого мускулистого мишки.

— Не особенно ты способный, а? — сказал тот с насмешливой улыбкой.

— Совсем не способный! — подтвердила Эзоа, пролетая мимо и делая изящный поворот, для того чтобы не стол-

кнуться с двумя сумоистами, которые подпрыгнули, держась за руки.

— Нет, нет, я способный... мне просто надо в себя прийти, я объяснял...

К счастью для Свена, основная часть Группосумо уже ушла. Гром удалялся. Лишь несколько последних сумоистов колотили в батут своими ужасающими босыми ногами.

Когда маленький швед опустился на твердый палас, тело его омертвело. Его свело судорогой. Мальчик стоял на четвереньках, опустив голову, и задыхался. И кряхтел от боли. И слышал, как хныкает Мей Йонг: ее красивую прическу надо было переделывать, какая несправедливость. Свен хотел было пойти ее утешить, но решительно не мог подняться. Ноги больше его не слушались. Он весь дрожал. Неизвестно почему, по щекам его текли слезы.

Но, когда оранжевая девочка-медвежонок спросила Свена о том, хорошо ли он себя чувствует, он нашел в себе силы расхохотаться. Его новая подружка задала ему самый глупый в мирах вопрос.

Закатывающаяся полосатая луна

Заштопаннные мишки

— **О**пасность миновала! — объявил мишка, когда издаваемый тяжеловесами гром затих вдали.

— Так вот что такое Группосумо... — пробормотала Эзоа, спрыгивая с батута. Теперь я понимаю, почему их все так боятся...

— А представляешь себе, насколько они были опасны в то время, когда еще не построили этот батут? — продолжала игрушка. — Непросто играть в прыгалки с сумоистами без этого приспособления, поверь мне!

— Но, я полагаю, эти монстры не всегда ходили напролом...

— Именно, что всегда!

— Ну и что же вы делали, когда еще не было батута?

— Гигантская рука защищала нас и относила в сторону, — объяснил мишка. — Но она с недавнего времени плохо работает. Да и Страж тоже!

— Подождите... Страж — это вы про Эльдера говорите?

— Разумеется!

— А вы знаете, где его можно найти?

— Во всяком случае, не в этом мире! Иначе мы бы ему уже давно сказали пару ласковых... Хочешь шипучвачку?

Маленькая мексиканка широко открыла глаза.

— Что? — спросила она.

— Шипучвачку. Такие штучки, которые шипят, когда кладешь их в рот. Это наше фирменное угощение. Такие шипучвачки нечасто встретишь, поверь мне...

— Э-э... Дай попробовать. Хочешь, Свен?

Мальчик едва смог повернуть голову. Он вытер глаза. Издал какой-то звук, который мог означать и «м-да», и «н-н-нет», и «н-н-ну», и «ивзедивзед».

Оранжевая девочка-мишка опустила на колени рядом с ним. Она с озабоченным видом почесала лапой проплешину на своей голове.

Слади велел Викингу опустить себя на землю и спросил:

— А мне можно тоже пишучвашку?

— Шипучвачку...

Мишка подошел к марокканцу и насыпал ему в ладонь каких-то горошин. Сам тоже всыпал в рот хорошую пригоршню. Вскоре послышалось потрескивание. Мишка принялся подпрыгивать, другие мишки последовали его примеру и, еще даже не начав жевать, в свою очередь запрыгали и затрещали.

— Ух ты! Круто, кузены! — воскликнул Слади, попробав.

Эзоа тоже забросила себе в рот несколько горошин обманной жвачки. Мей Йонг отказалась «принимать наркотики из эстетических, а также из моральных соображений» и наблюдала за всей церемонией с неодобрительным выражением на лице.

— Отлично восстанавливает нервную систему после стрессов... — заметил мускулистый мишка, который помог Свену выпутаться из трудной ситуации. — Но Лига по защите Зубов сумела убедить кондитеров прекратить производство шипучвачек. Мы вынуждены сами их делать...

Свен сумел сесть. Заштопанная девочка-мишка обняла его за шею.

— Тебе лучше? — прошептала она.

Мальчик немедленно принял вид жертвы.

Нет, не лучше. И никогда не будет лучше. Скорее всего, он умрет после долгой и мучительной агонии, но это не

страшно, спасибо, очень мило с ее стороны, что она поинтересовалась.

Мей Йонг, надувшись, сидела в стороне, поскольку Слади, полностью занятый подпрыгиванием и потрескиванием (он положил себе в рот соответствующую его габаритам дозу), совершенно не обращал на нее внимания.

А Эзоа уже торопилась действовать.

— Вас не очень тревожит то, что луны взрываются? — обратилась она к мишке, обладавшему скульптурными формами.

— Ну, тревожит, конечно... Немного. А что тут можно поделать?

— Надо найти Эльдера!

— Этого старого маразматика? А он-то чем поможет? Он, наверное, в ужасном состоянии... Нет, тут только остается надеяться на то, что все само как-нибудь успокоится...

— Значит, вы решили сложить руки и ждать, пока само пройдет? Я вообще не отсюда родом, и то собираюсь бороться!

Мишка покачал головой.

— О, буйная молодость... Это прекрасно. Но подожди судить нас! Представь себе лучше, что, пока ситуация не стала угрожающей, мы были очень значительными персонами. Жители всех миров приезжали искать мишку, который согласится составить им компанию. Потом, когда жизнь стала осложняться, люди стали предпочитать Викингов. Они их коллекционировали, удовольствие получали и чувствовали себя увереннее. Одним выстрелом двух зайцев! Самые некрасивые из нас...

— Некрасивые? — перебила его Эзоа. — Как плюшевый мишка может быть некрасивым?

— Ну... Сама видишь: мы все в заплатках. Нам не хватает лап... Тролли-портные перегружены работой. Мы уже не можем просить их нам помочь. Короче, самые заплатанные из нас принялись специализироваться на обмене Викингами. Но сегодня сделалось уж очень трудно путешествовать

из одного мира в другой. У Викингов те же проблемы, что и у нас: их прекратили производить, если они ломаются, их уже не чинят, а выбрасывают. Мы все вынуждены искать другую работу... и пытаться избежать все новых несчастий, сыплющихся на нашу голову. К счастью, еще есть шипучка, которая возвращает нам хорошее настроение и радость жизни...

— Вам нужна *шипучка*, для того чтобы стать счастливыми?

— Нет, конечно, я преувеличиваю! Мы просто очень любим ее... ну, а поскольку мы сами эти сладости изготавливаем, то, конечно, сами часто и потребляем их. Это же естественно?

Мишка закинул в рот новую порцию шипучки, и тут же раздался треск.

— Вы спасли нам жизнь, и от имени всех моих товарищей я вас за это благодарю, — очень торжественно произнесла Эзоа. — Может быть... вы еще раз поможете нам?

— Если мы можем быть вам полезными, то поможем с удовольствием! Ты хочешь еще одну шипучку?

— Э-э... нет, я попробую бросить. Я вот чего хочу: нам нужно какое-нибудь место, чтобы выспаться. Свен не может продолжать путь, и, хотя мы очень торопимся, нам необходимо отдохнуть.

— Нет проблем! У нас тут неподалеку лагерь. Мы будем счастливы приютить вас, оставайтесь, сколько вам нужно.

— Потом, мне бы хотелось узнать, представляете ли вы, как можно войти в Эдамнацию.

Мишка наморщил нос (на самом деле это были две черные полоски, перекрещивающиеся под прямым углом).

— Почему ты хочешь туда войти? У них все закрыто!

— Потому что если Эльдера в этом мире нет, значит, он может быть в следующем. А поскольку мы всегда переходили из одного мира в другой в столицах...

— Понятно... Проблема в том, что в Эдамнацию войти не может никто. Я, кстати, об этом не жалею, потому что

оловянные солдаты установили там железную дисциплину!

Тут сморщилась и Эзоа.

— Хорошо, — сказала она. — Свен! Э-э... как тебя там зовут? Ах да, Мей Йонг! Идите за нами!

Свен поднялся, опираясь на оранжевую девочку-мишку.

Мей Йонг последовала их примеру. Она даже не отреагировала на то, что Эзоа притворилась, будто забыла ее имя. Китайка склонилась над своим игрушечным компьютером. Она была совершенно потеряна, в голове у нее роились черные, отчаянные мысли.

Слади же не спешил догонять своих друзей. Обернувшись, Эзоа увидела, что он оживленно разговаривает с целой группой мишек, окруживших его. Было ясно, что он энергично торгуется из-за дополнительной дозы шипучки. Его обжорство уже сделало его пузаном, рано или поздно оно погубит его.

Но не на этот раз: Слади закончил свои дела и поспешил присоединиться к девочке, широко улыбаясь, с подушкой в руках и следовавшими за ним Викингами.

— Ну что, получил десерт, который хотел? — встретила его Эзоа, упревая руки в бока.

— Десерт? — повторил Слади удивленно. — Да нет, я совсем о другом говорил, кузина! О безусом Стахусе.

— О ком?

— Ты знаешь, раньше мишки помогали людям коллекционировать Викингов. Ну вот, у них остался раскаявшийся Стахус: он потерял и усы, и лукавство, и коллекционеры больше не хотят его брать. Ну а я — начинающий, мне все интересно, вот я и убедил мишек в том, что я им сделаю одолжение, если заберу залежалый товар с собой!

Эзоа хотела объяснить Слади, до какой степени его поведение было неблагоразумным. Он не должен — не имеет права! — нагружаться Викингами. Им нужно путешествовать налегке, для того чтобы быстро продвигаться вперед,

и найти Эльдера, пока еще не слишком поздно. Но она не стала ничего говорить. Она позаботится о том, чтобы дзынькалка бумкнула позже. Сейчас — спать. Потом будет время для решения проблем.

Эзоа сочла более уместным улыбнуться своему другу, но, когда она захотела взять его за руку, кто-то сзади налетел на них, как смерч. Мей Йонг оттолкнула Эзоа и прижалась к Слади.

Момент был выбран неудачно: мальчик как раз надул великолепный пузырь из шипучвачки, который лопнул и распластался по прекрасному лицу лучшей программистки из их банды. Маленькая китаянка разразилась рыданиями. Мало того, что день был тяжелым, мало того, что она не встретила ни одного образованного человека в целой толпе новых знакомых, мало того, что ее чуть не раздавили страшные толстяки, — вдобавок ко всему этому она была растрепана, и ей нужно было освежить макияж. Все это было ужасно. Да пусть хоть все шесть оставшихся лун взорвутся, ей уже совершенно все равно!

И луны словно услышали ее.

В тишине серого неба, так что никто этого даже не заметил, сиявшая в зените черно-белая капля начала увеличиваться в размерах самым угрожающим образом...

Тукан-молоток

Заштопанные мишки поселили каждого из детей в благоустроенном кукольном бунгало с красивыми крышами в форме грибков. Для гостей устроили большой «очень простой» банкет. Все смогли полакомиться — Эзоа показалось, что пастила в форме человечков была невкусной... до того как догадалась попробовать тянучки в виде мишек, которые очень расхваливали ее новые друзья и их родственники.

А вот горячим булочкам с черносливом, внешне напоминавшим птичек, она отдала должное. В качестве питья им подали смородиновый сок, густоватый, но восхитительный.

— Побалуйте себя, — посоветовал детям обслуживавший их мишка в поварском колпачке. — Говорят, нас ждет нищета: спекулянты смородиной свирепствуют на фруктовых плантациях. Но пока все хорошо, будем веселиться!

Закончилась трапеза, естественно, шипучвачкой с ментолом для очищения полости рта.

Эзоа не задержалась за столом. Только решив пойти спать, девочка почувствовала, насколько она обессилена. Эзоа устала и думала только об одном: как уйти в ожидавшую ее комнату, устланную матрасом. Она поблагодарила хозяев и быстро удалилась, чтобы улечься спать и восстановить потраченную энергию как можно скорее.

Увы, едва она закрыла дверь комнаты, как услышала, как в нее кто-то стучится. Сначала она думала, что ей это пригрезилось. А затем опустила глаза и увидела его.

Перед ней был крошечный плюшевый медвежонок. Темечко у него облысело, да и в шею, видимо, его часто целовали. Не решаясь взглянуть в глаза девочке, медвежонок спросил, можно ли ему поспать с ней.

— Я так давно не спал с настоящим человеком, — признался он тоненьким голоском. — Я буду сладким, как украденный поцелуй, как леденец...

Девочка не любила леденцы, но сил на споры у нее не было. К тому же ей не хотелось показаться нелюбезной с одним из тех, кто помог ей, накормил и пригласил к себе в гости.

Честно говоря, сколько Эзоа себя помнила, она никогда не спала с мишками. С круглой деревянной коробкой с инструментами — да, с пластиковой дрелью — да, быть может, с куклой, в тот период, когда Эзоа была еще слишком мала для того, чтобы рассказывать родителям о своих пристрастиях, но с животным... нет, никогда. Хотя, нет, надо признать, один раз она проявила слабость: друг Марибель и Ксаби, ее приемных родителей, подарил ей тукана с большим клювом, сшитым из оранжевого муслина, и она взяла его с собой в постель, потому что тукан был немного похож на молоток. На этом ее опыт ночей с плюшевыми игрушками заканчивался.

— Слушай, — сказала девочка несколько смущенно, — я, вообще-то, сплю обычно одна... Но ты такой миленький, что, если ты обещаешь хорошо себя вести, можешь занять половину постели.

Медвежонок испустил радостный крик и два раза перекувырнулся через голову, двигаясь по направлению к постели, в которой он и очутился и тут же, каким-то чудесным образом, забрался *под* одеяло. Он похлопал лапкой по простыне слева от себя, говоря:

— Ну, ты идешь?

Эзоа подчинилась. Едва сев на постель, она почувствовала, как медвежонок (он был размером с ее майку) прижался к ней.

— Нет, нет, — запротестовала девочка, — ты обещал хорошо себя вести. Мне, к тому же, надо поработать...

— Да? А что ты делаешь?

— Я страннodelьничаю.

Эзоа достала сумку-фасолину, которая была привязана у нее на талии. Девочка положила сумку на колени и вынула кусок ковбойской курточки, ус плюшевой акулы, два болта, три острые штуки, подобранные в Катись-катись, обломок рога Викинга и узловатую веточку плюща. Пришурившись, она посмотрела на эти ингредиенты.

— Так вот что значит «страннodelьничать»? — удивился мишка.

— Тихо...

Маленькая мексиканка набрала в грудь как можно больше воздуха. Обычно она страннodelьничала совершенно естественно. Не то чтобы она занималась этим, не размышляя, нет, скорее, размышляла, занимаясь этим. Но сейчас то, что она чувствовала на себе посторонний взгляд в тот момент, когда собиралась творить... ее смущало. Именно: это и льстило, и смущало одновременно.

Но она уже согласилась на присутствие постороннего. Теперь надо было работать в этих условиях. Снова сосредоточиться. Дать пальцам поиграть с предметами. Покрутить плющ. Потрогать болт. Догадаться, что даст этот набор разнообразных предметов, если соединить их между собой.

— Ну, так ты рукодельничаешь или что?

— Страннodelьничаешь, — машинально поправила мишку девочка.

— Если ты дельничаешь, я буду спать, а если нет, то можно поиграть...

Мишка дождал ответа, который так и не прозвучал. Он повернулся на бок, закрыл лапкой глаза, закрываясь от проникающего через окно света, и принялся ворчать во всю силу своего тоненького голоса:

— Ладно, хорошо, спокойной ночи... Х-р-р... Х-р-р-р... О-о-х! Как же мне хорошо спать...

Эзоа уже не обращала внимания на своего соседа по постели. Ее руки уже вспомнили о том, что им нужно делать.

Они переходили от одного предмета к другому. План полностью еще не был им ясен, но они уже перебирали ингредиенты, предчувствуя, какое блюдо сегодня будет приготовлено. В их памяти всплывали некоторые недавние изобретения: паук для уборки постели, оставшийся в «Синем отеле» животного мира... щит — включатель дождя из роз, который так понравился лани из перевернутого мира... взрывчатый интуициатор, разлетевшийся на куски в дырявом мире...

Но сознание того, что они уже создали великие творения, не слишком успокаивало руки. Наоборот, даже служило еще одной причиной для волнения. Они должны добиться успеха. На кону стоит их репутация. Будущее тоже. Пытаясь найти Эльдера, они хотели спасти Маллемир, а заодно и себя. Их собственная жизнь была э-э...ну, да... в их собственных руках. От эффективности новой странноделки зависело больше, чем...

— Ух ты, я поняла! — воскликнула девочка. — Делаю, что могу!

Испуганные ее неожиданным возгласом, руки вздрогнули. Мишка замолчал и приподнялся на лапке.

— Все нормально? — спросил он. — А то, может быть, ты меня погладишь...

Маленькая мексиканка не ответила ему. Она была в своем мире. Она разговаривала со своими руками, и те действовали, пытаясь сконструировать из кончика рога Викинга ось с пазом, укрепленную на прочной железке, подобранной в Катись-катись. На этой оси должна была вращаться обвязанная усом акулы гайка, приводившая в действие механизм типа «бумкалка с дребезжалкой», где рог становился вращающейся иглой, зафиксированной на стабилизационной ткани ковбойской курточки (с возмож-

ным эффектом улавливания солнечной энергии). Сейчас все казалось возможным: надо либо создавать систему «робот», либо остановить свой выбор на интуиционном стержне с метательной наводкой.

Эзоа щелкнула пальцами. Дзынькалка дернулась и подпрыгнула. Вот она, идея! Мысль зарила ум Эзоа, и девочка сообразила, что до сих пор, по сути, она создавала страннodelки в двух стилях: это были либо машины, либо механизмы дистанционного управления. Пришло время перейти к серьезным вещам: то есть пора создать машину с дистанционным управлением... либо машинное дистанционное управление.

Ее десять пальцев задрожали от нетерпения и энтузиазма. Всё точно! Они идут по верному пути! Они немедленно принялись за работу.

Мишка сонно покачал головой и сморщил губы, снова поворачиваясь на спину. Либо он совсем уже забыл привычки людей, либо эта девочка была очень странной. «Но ведь страннodelница и должна быть странной!» — успел подумать он, улыбаясь, перед тем как заснуть по-настоящему.

Страна с одной луной

Во время ужина Мей Йонг поклевала совсем чуть-чуть. Как только принесли ментоловые взрывающиеся во рту шипучвачки, она поторопилась уйти в свой кукольный бунгало. Ей надо было работать.

— Я опаздываю с моделировками, — объявила она. — Перспективный дизайн ждать не может.

И, дав возможность каждому обдумать это торжественное заявление, китаянка вышла из-за стола, сопровождаемая восхищенными и озадаченными взглядами хозяев вечера.

Такие же взгляды встретили ее чуть раньше, до ужина, когда, проведя в своем домике несколько мгновений, она вышла оттуда, и личико ее было чистым и сияющим. Она спрятала следы постбатутных ушибов под тональным кремом. Нежная изогнутая линия ресниц была подчеркнута небольшим количеством туши. Ее тонкие губки были покрыты розовым блеском. Легкий и изысканный запах луговой земляники окутывал все ее тело, словно мягкое мерцание.

Свен смотрел на Мей Йонг, открыв рот. «Что ни говори, что ни делай, но мы, интеллектуалы, в конечном счете ничего практически не значим, мы — просто помет Мироздания», — подумал он, машинально проводя рукой по своим растрепанным волосам.

Мей Йонг была не просто великолепна. Движения ее были отточены, она была очаровательно непроста, и кита-

янка осознавала свое превосходство над большинством смертных в такой степени, что делала вид, будто удивляется замороженным взглядам и считает всех остальных девочек такими же — как минимум — неотразимыми, как и она сама. Но по ее удовлетворенной улыбке можно было догадаться о том, что она рада чувствовать себя гораздо красивее, чем любая из ее конкуренток. Сдержанная гордость Мей Йонг составляла часть ее очарования. Воздух, который она вдыхала, был прекрасен. Воздух, который она выдыхала, тоже. Всё в ней и вокруг нее было прекрасно.

После того как китаянка вышла из-за стола, маленький швед побежал за ней. Он надумал, вообразил, изобрел, высосал из пальца, короче, притянул за уши предлог для этого — Мей Йонг случайно уронила обертку от конфеты, и Свен бросился поднимать кусочек бумаги, чтобы поднести Ее Светлейшему Великолепию, пока красавица не исчезла в своем бунгало, на тот случай, если ей нужна эта обертка, вдруг, вот, пожалуйста, собственно говоря.

Мей Йонг посмотрела на своего воздыхателя с таким презрением, что Свен почувствовал, как стал меньше ростом. Дверь хлопнула. То ли китаянка сказала «жалкий идиот», то ли просто подумала. У Свена эти слова, во всяком случае, отозвались в самой глубине души — а это значило для него очень много.

Согнувшись пополам, в полном отчаянии, красавчик вернулся к столу, где сначала уронил голову прямо на разложенные кушанья, а затем решил напиться допьяна смородинового сока. Оранжевая девочка-медвежонок пыталась утешить его ласковыми поглаживаниями, но мальчик был равнодушен к нежности плюшевой игрушки. Сердце его было разбито. Самолюбие тоже. Все пропало.

Слади заснул в тот момент, когда Свен побежал за Мей Йонг. Он «на одну минуточку» положил голову на свою подушку и, уф, погрузился в забытие. Усилия, потраченные на еду и начавшееся переваривание пищи, истощили

его запасы энергии. Викинги марокканца, блаженно улыбаясь, занялись его транспортировкой в гостевой домик.

Свен налил себе третий стакан сока. Подняв глаза к небу, он хотел призвать луны в свидетели своему отчаянию. Тогда-то он и констатировал аномальное космическое явление.

Запинаясь, он произнес:

— Луна в форме капли... Она... распадается!

— Да, мой милый, — проговорила его утешительница. — Осторожно, у тебя на подбородке капля сока! Еще хочешь?

— Нет! Наплевать! Я уже достаточно выпил! Я хочу сохранить ясный разум! Да посмотрите же, наконец! Посмотрите на черно-белую луну! То есть на полосатую... Она испаряется!

— Она опускается, так и должно быть.

— Вовсе нет, она не спускается, она... Ох, да мне-то что? В конце концов, это не мой мир!

— Ты прав, мой милый...

— Мне наплевать, если даже все тут развалится! Я — из Швеции. Кто-нибудь за этим столом Швецию знает? Нет, никто... естественно! Разве может кого-либо интересовать страна, в которой всего лишь одна луна? А любовь? Кто-нибудь здесь слышал о любви? О ее существовании знают по слухам, но ответьте мне: кто-нибудь за этим столом когда-нибудь любил? Нет, нет... Никто никогда не любил так, как я! Со всей силой разума, с желанием ответного чувства, с жадой познать совершенную непохожесть другого... Не с животной пошлостью, привязывающейся лишь к телесной оболочке... Хотя... Я уже не знаю... Мы уравниваем друг друга... Налей-ка мне, впрочем, еще...

— Мне кажется, Свен, сейчас лучше пойти домой... — предложила оранжевая девочка-медвежонок бархатным голосом.

— Хватит мне говорить, что я должен делать! И что я не должен! Я — свободный человек! Я могу пить столько,

сколько я хочу! Я могу пить, если мне хочется! И ничего со мной не случится!

Мальчик резко встал, чтобы привести доказательства своим утверждениям, и упал на спину.

— Не смейтесь! — закричал он. — Это вовсе не из-за смородинового сока! Я просто басловкий и нета! Да, именно так: просто неловкий и баста!

— Давай, пошли, мой милый, — шептала девочка-медвежонок, помогая Свену подняться на ноги.

Казалось, что состояние мальчика ее очень взволновало. Больше, чем его самого. Чувствуя теплое присутствие живого существа у себя под боком, красавец швед придал лицу благодарное выражение, а затем разразился рыданиями.

— Где я? — стонал он. — Ты можешь мне сказать, где я? Кто я? Кому я нужен? Я жил, а потом... Ничего... Даже когда ты переполнен любовью, тебя не покидает горькое ощущение того, что крестные муки ты выносишь в одиночестве. Когда же ты теряешь любовь, что о ней и говорить... Один... Приходишь один и уходишь один... Никто не хочет тебе помочь... Никто.

Оранжевая девочка-медвежонок, сама вся в слезах, проводила Свена до бунгало, куда его и запихнула, затем подождала, пока он заснет, и поставила стакан воды на ночной столик. Потом она вышла, потрясенная горем мальчика, и очень тихо закрыла за собой дверь.

А в это время очень странная церемония проходила перед домиком Слади. Огромные фигуры на цыпочках приближались к бунгало. Марокканец с брюшком ничего не замечал.

Заштопанные мишки, тоже опьяневшие от смородинового сока и праздничного потребления шипучвачки, ослабили свою бдительность. Когда же они поняли, что в плюшевой стране творится что-то неладное, было уже слишком поздно.

Орда Викингов захватила лагерь.

Круговое уравнение

— **П**одъем! — закричала Эзоа, выскакивая из кровати.

Она встала на ноги, выбежала на улицу и повторила:

— Подъем! Под... Да что же *это* тут такое?

«Это» были сотни Викингов, колоссы в несколько метров в высоту (от двух до трех), а порой и в ширину.

«Это» были молодцы с разбойничьими рожами, которые веселились перед чудовищной бочкой теплого ячменного пива, только что открытой ими.

«Это» были гиганты с исполосованными боевыми шрамами и отмеченными лишениями нелегкой жизни лицами, потрясавшие ведерными кружками, ручки которых напоминали по прочности якоря танкера.

«Это» были слоноподобные мастодонты, в ногах которых металась в панике плюшевые мишки, казавшиеся микроскопическими по сравнению с завоевателями, «это» были великолепные воины, громко выражавшие свою радость по поводу появления героя, готового взять их себе, «это» были отвергнутые всеми заблудшие души, нашедшие своего спасителя.

А спаситель был смуглокожим маленьким мальчиком, обладавшим выпирающим брюшком, который блаженно улыбался, обнимая большую подушку, в то время как обожатели подкидывали его в воздух, испуская на фоне оглушительного гвалта громогласные крики «ура».

«Их только что было двое, — подумала Эзоа. — А теперь их уже сотни... Как это они так сделали?»

По миру игрушек прошел (даже пробежал) слух о том, что появился новый коллекционер. Который интересуется самыми непрестижными Викингами. Который со свойственной коллекционерам ненасытностью берет всех. Будимия которого выросла даже в совсем не характерную для коллекционеров черту — он принимает тех, кто не имеет никакой цены. Короче, коллекционер нетипичный. Обуреваемый своей новой страстью. Неспособный контролировать свое войско.

Мишка, считавшийся вожаком заплатанных игрушек, был в ярости. Неспособность часовых охранять лагерь, нехватка воспитания у вновь прибывших игрушек, его собственное бессилие перед варварами, даже доброжелательность нордических воинов — сегодня утром его, обычно такого мирного и доброго, расстраивало всё.

Эзоа направилась к Слади, как только марокканец с брюшком опустился на уровень земли.

— В какие это игры ты тут играешь? — с недовольством спросила она.

— Я не знаю, Эзоа, — пробормотал мальчик, озадаченный не меньше своей подружки. — Я только произнес магическую формулу и...

— Магическую формулу? Какую магическую формулу?

— «Я начинаю коллекцию»...

— Мы тут! — немедленно хором завопили Викинги.

— Скажи им, чтобы они разошлись, — предложила маленькая мексиканка. — Подумай о заплатанных мишках, которые оказали нам гостеприимство...

— Я не могу оставить своих новых друзей. Они мои. Они рассчитывают на меня. Это равносильно тому, как если бы я потребовал, чтобы... ну, чтобы ты бросила своего мишку, например.

— Моего ми...

Эзоа подняла глаза. Мягкий и легкий плюшевый мишка, который спал рядом с ней ночью, сидел у нее на плече. Потрясенная утренним зрелищем маленькая мексиканка не заметила, выходя из бунгало, что мишка использовал ее, как насест.

— Это совсем другое! — вспыхнула она.

Ее руки сжали новую странноделку.

— Не сравнивай *одного* мишку с *тремястами* Викингов!

— С двумястами восьмьюдесятью тремя, — поправил мальчик. — А не с тремястами. Ну, пока...

— Ты меня бесишь! — взорвалась Эзоа.

— Спокойно, кузина! Двести восемьдесят четыре человека нуждаются во мне...

— Ну, как ты можешь так говорить, Слади! Они ничемные, некрасивые, они всех пугают... Может быть, ты будешь коллекционировать что-нибудь другое?

— Во-первых, они не «что», а «кто». А потом, что ты хочешь, чтобы я коллекционировал? Заплатанных мишек с неодинаковыми лапами? Дыры Бадур?

— Почему такой шум? — невнятно пробормотал кто-то позади Слади и Эзоа.

Появился Свен: у него были спутанные волосы, опухшие глаза, помятое лицо и нахмуренные брови. Свен низко опустил голову, зажав уши ладонями.

— Слади взял себе триста Викингов! — закричала Эзоа.

— Не кричи, умоляю тебя, не кричи...

— Двести восемьдесят шесть, — поправил марокканец с брюшком.

— А как ты рассчитываешь прокормить эти бесполезные рты?

— А ты дай нам что-нибудь поесть, и наши рты станут не бесполезными, — пошутил колосс, следивший за разговором, лежа рядом с детьми на животе.

— Они могут нам пригодиться, — заявила Мей Йонг.

Прекрасная программистка была безупречна. Более, чем безупречна, — прелестна! Стоя между двумя небритыми и одетыми в лохмотья Викингами, она, посреди этого утреннего гама, напоминала ягоду черники, которая случайно попала в салатницу с ананасами.

— Так, ты, кукла Барби... — начала маленькая мексиканка.

— Девочка, пойдی поиграй в кубики, — прошипела Мей Йонг. — Не мешай взрослым работать.

Свен помешал Эзоа наброситься на противницу.

— Не бей ее, умоляю, не бей ее! — простонал он. — Я вчера перебрал немного смородинового сока. И сегодня у меня так трещит голова...

— У меня есть идея, — продолжила программистка, ставя свой игрушечный компьютер на стол, за которым накануне проходил банкет.

— Нет, не надо идей! — захныкал маленький швед. — Я убью первого же, кто скажет, что у него есть идея!

— Представим банду из трехсот Викингов...

— Из двухсот девяноста пяти, — уточнил Слади.

— Ах, из двухсот девяноста пяти... — добросовестно отметила Мей Йонг. — Это меняет все!

— Меняй все, что хочешь, но, умоляю, не стучи так громко по клавиатуре, пожалуйста...

— Мы можем разработать наступательную стратегию, работающую на векторном множестве. Посмотрите на мою трехмерную имитационную модель!

— Но — ох, ох, ох — о чем она говорит? — проворчал Свен, не привыкший не понимать язык собеседника. — Кто-нибудь может мне объяснить?

— Ну, я считаю, что надо рассматривать Эдамнацию как круговое математическое уравнение.

— Хорошо, понятно, кто-нибудь может мне принести стакан смородинового сока, пожалуйста?

Оранжевая девочка-медвежонок появилась позади красавчика, широко улыбаясь, и подала ему стакан... воды.

— Фу, невкусно, — пробурчал красавец швед.

Затем он вылил жидкость себе на голову и констатировал:

— А вот так, наоборот, стало полегче!

— Вы меня слушаете? Таким образом, я предлагаю атаковать железную столицу со всех сторон одновременно...

Мей Йонг задумалась и продолжила:

— Нет, подождите! Если построить Викингов пятерками... Да, именно так! С двухсот девяноста пяти, разделенных на пять (то есть с пятидесяти девяти), сторон одновременно. Как только солдаты авангарда достигнут зубцов стены...

— А как они достигнут зубцов стены? — прервала китаянку ее Эзоа.

— Ну... Посмотрим.

— Прости, кузина, — заговорил Слади, — но вопрос Эзоа мне кажется существенным. Я согласен отправить моих Викингов на бой с оловянными солдатами, но я хочу точно знать, что ждет представителей моей коллекции. Я им вместо отца, понимаешь ли...

Маленькая мексиканка воспользовалась этим замечанием и протянула свою странноделку марокканцу с брюшком.

— А я, — сказала она, — предлагаю, чтобы ты испробовал вот это, для того чтобы избавиться от своей мании.

И она протянула ему странноделку, которая должна была их спасти.

Как Эзоа надеялась.

По выражению лица Слади она поняла, что у марокканца есть сомнения на этот счет.

Экспресс-присоски

Мальчик взял прибор в свою пухлую руку. Странно-делка была похожа на пластиковую палку, снабженную почти квадратным кругом, на котором вращался вокруг неподвижной оси гладкий винт; вся конструкция была обернута в кусок плотной ткани, такой старой, что она сделалась почти прозрачной.

— Спасибо, очень миленькая...

— Да нет же! — рассердилась Эзоа. Что ты говоришь, какая еще миленькая! Я не делаю миленьких вещей. Разве миленькие вещицы запоминаются? Нет, запоминаются *полезные* вещи. Их ты можешь любить или не любить, и про них не говорят: «М-да-а, миленько...»

— Я не говорил «м-да-а», — запротестовал Слади.

— И я не говорила «миленько», — иронически произнесла Мей Йонг. — Хотя надо было бы...

— А могу я позволить себе спросить, что это? — продолжил марокканец, пока Свен удерживал Эзоа.

— А что, разве не видно? Это трансформатор сладкой ваты в маленькие кругленькие камешки.

Слади склонил голову вправо, потом медленно повернул ее... к группе из двадцати Викингов, которые, лежа в траве, рассматривали прибор округлившимися от интереса глазами. Послышался восхищенный ропот.

— Гениально, клянусь Великим Ячменным Пивом... — раздавалось вокруг. — Оригинально... Психотически тонко... Победительно... Экстравагантно, клянусь Одним...

— И, значит, это используется для превращения сладкой ваты в маленькие кругленькие камешки, так? — кивнул коллекционер.

— Да, — подтвердила Эзоа, очень гордая собой.

Неожиданно она осознала то, что сказала, и покраснела до корней волос.

— Честно говоря, я хотела сделать совсем другое, — пробормотала она. — Не знаю, почему у меня получилась эта штука... Ох, мне просто стыдно...

— Можно вернуться к моей военной стратегии, — заметила Мей Йонг, улыбнувшись во весь рот. — Значит, Слади будет генералом, я тоже, Свен — унтер-офицером, остальные — солдатами.

Эзоа не слушала маленькую китаянку. Она протянула руку, чтобы забрать обратно свое изобретение, но Слади отпрянул — он хотел оставить его себе.

— Речи быть не может! — заявил он. — Твой трансформатор сладкой ваты очень миле...

— Он не миленький! — закричала девочка. — Он очень некрасивый и дурацкий, потому что бесполезный!

Эзоа бросилась вперед, схватила странноделку... и Викинги хором громко ахнули:

— Она бросила его, именем Тора!

— Да, она бросила его *на землю*, — отметил Свен, который после своего импровизированного душа почувствовал себя несколько более свежим.

— О-о! — воскликнула страннодельница. — Вы видели?

Она подняла свое изобретение, которое задрожало в ее руке.

— Что? — спросили Слади и Викинги. — Он вибрирует?

— И не только... Это уже не трансформатор сладкой ваты в маленькие кругленькие камешки.

— Да-а?

— Ну да! Шлицевая ось из рога от шлема Викинга соскользнула на кольца центральной фиксации. Это деструк-

турировало винтообразную матрицу бурения. В результате центральный маркер сохраняет сферичность, но придает объем, гибкость, подвижность и размах всей конструкции. И в этот момент дзынькалка бумкает!

Викинги спрятали головы в палас.

— Теперь только не жалуйтесь, — предупредил мишка, сидевший на плече девочки. — Я это всю ночь терпел. И весь шум, сопровождающий работу.

Он улучил возможность потереться носом о покрытую чуть ниже скулы синяками щеку своего насеста и прошептал:

— Я шучу, Эзоа... Было страшно интересно.

— Слушай, мы не понимали, но, после того, как ты объяснила, все стало ясно! — закричали Викинги из первого ряда. — Теперь трансформатор сладкой ваты будет... будет...

— ДА! — провозгласила Эзоа. — Трансформатором паласированных веточек в ЭПУМ!

— Во что? — Слади вскинул брови.

— В ЭПУМ! — ответили двести девяносто семь мужских голосов и один более высокий голос.

— В экспресс-присоски ультрафиксации с мотором, — добавил более высокий голос.

— Так тоже симпатично, конечно, — признал марокканец с брюшком, — но все-таки менее милень...

Страннодельница вспыхнула.

— Это не миленько, Слади! Это гениально! То есть, не изменяя своей скромности, скажу... что у нас больше нет проблем с крепостной стеной!

— Почему?

— Потому что присоски позволяют забираться вверх по отвесной поверхности, то есть брать приступом крепостную стену. Мы сможем начать атаку на Эдамнацию, как только изготовим ЭПУМы для всех. Готовимся к бою!

Маленькая мексиканка огляделась по сторонам и повернулась к Слади.

— Ты организуешь войско.
— Войско, организуйся! — немедленно загремел мальчик. — А мне необходимо отдохнуть.

Викинги, передвигаясь на цыпочках, чтобы не разбудить своего спасителя, начали формировать группы по пять человек (примерно).

— Ты, — бросила Эзоа, пристально глядя на свою соперницу, — составляй план боевых действий, практичный и действенный. Да, и без историй про Максипулпussa, пожалуйста.

— Ты что же это думаешь...

— Тишина! Перед битвой в наших рядах должно царить полное единство. Потом разберемся. Кстати, напомни мне свое имя.

— Я презираю тебя, несчастная мокрица, воняющая коровьим навозом, — отрезала прекрасная программистка.

— Тебе это очень идет, — заметила Эзоа. — Ты, Свен... Нет, ничего, иди причешись, а то так ты выглядишь не особенно хорошо, и попрощайся со своей новой оранжевой обожательницей, потому что мы идем в другое место, посмотреть, нет ли там Эльдера!

Девочка была в восторге: она заткнула рот своей неприятельнице, вновь взяла ситуацию под свой контроль, избрала отличную странноделку и направила действия друзей в нужное русло. Стражу миров нужно было лишь еще немного подождать. Она шла к нему!

Закатывающаяся сливовая луна

Последняя битва

Войска Слади построились на опушке леса. Перед ними возвышалась Эдамнация, огромная, неприступная и ужасающая при грустном свете лун.

Напряженная атмосфера царила в стане трехсот бойцов. Эзоа из-за плеча Мей Йонг пыталась изучить план операции, составленный при помощи компьютера. Маленькая мексиканка заметила, что на сером небе осталось всего пять лун.

На горизонте мерцало несколько черно-белых капелек, напоминая о полосатой луне. Завершила ли она свое движение по небу так, как должна была? Или эти капельки как раз означали непредвиденный конец ее пути? Неважно. Важно было то, что время текло все быстрее и быстрее: до конца миров оставалось всего несколько лун! Надо было поторапливаться.

Эзоа, для того чтобы ускорить приготовления, сказала программистке о том, что может попытаться изготовить для нее принтер. Маленькая мексиканка, перед тем как сделать это предложение, поборола некоторые сомнения: она помнила о том, что не очень успешно страннodelьничает на заказ (по вдохновению у нее получалось гораздо лучше). И немедленно пожалела о том, что не послушалась внутреннего голоса, когда прекрасная китаянка велела ей сначала почистить зубы, а потом уже лезть с разговорами, так как Мей Йонг задыхается от сильного запаха, идущего изо рта Эзоа.

Из уважения к священному союзу, который она сама и провозгласила, Эзоа решила уничтожить китайнку позже. Она ограничилась тем, что крепко стиснула руками сумку-фасолину и пообещала себе однажды изобрести молот — убийцу болтливых ломак.

В первых рядах войска стратеги завершали разработку плана приступа. Слади набирался сил, забывшись глубоким сном. Свен говорил душераздирающие слова прощения прекрасной оранжевой девочке-медвежонку. Мей Йонг терзала свой компьютер. Эзоа подошла к однорукому, воинственного вида, Стальному кулаку в латах из имитирующего металл материала и спросила, бывал ли он в подобных ситуациях. Колосс подтвердил, что «имеет некоторый боевой опыт», о котором, впрочем, он предпочитает умолчать, «из соображений безопасности», пробормотал он, поглаживая свою культю.

Стальной кулак считал, что начать следует с мощной атаки, затем воспользоваться «эффектом внезапности», а потом проанализировать сложившуюся ситуацию.

— Если мы оставим людей в резерве для второй волны наступления, есть риск того, что после первой попытки приступа нас потеснят, — пояснил Викинг. — Нет, лучше бросить в бой все силы и сразу начать массированную атаку. «Не сожалею и не раскаиваюсь» — вот мой девиз. Кстати... меня зовут Металлика.

— Эзоа, — машинально ответила девочка.

Она пожала собеседнику кулак, встала, достала листок баобаба из сумки-фасолины, свернула его кулечком, сделав так громкоговоритель, и объявила:

— Друзья игрушек вообще и Слади в частности, положение серьезное! Время смеха и песен закончено! Мы атакуем Эдамнацию, потому что наше дело правое! А раз наше дело правое, значит, мы победим!

— Bravo-o-o! — сотрясли воздух двести девяносто пять Викингов и один маленький швед.

— Тогда, за свободу, за игрушки и за Слади... вперед! — закончила страннодельница, считавшая, что самые лучшие речи — это речи наименее нудные.

Один из Викингов схватил Слади с его подушкой, и атака началась.

Нордические воины вложили в боевой клич всю свою решимость. На секунду Эзоа даже показалось, что стены столицы обрушатся просто от этих воплей. Но вовсе нет. Тогда мощь криков усилилась, и Викинги бросились на приступ железных крепостных стен Эдамнации.

Удар получился страшным. Город затрещал. Но и только. Стены не дрогнули, они даже деформировались меньше, чем шлемы нападающих. И воины, сами оглушенные первым приступом, почти нехотя решились на применение присосок — не было это в обычаях Викингов.

Тем более что и присоски-то выглядели нетрадиционно. ЭПУМы представляли собой гибкие предметы из пластика сливового цвета. Они прикреплялись к подошве обуви при помощи прочных и регулируемых по длине ремешков из толстых полосок паласа. Эти профилированные двигатели были снабжены системой аккумуляции энергии, которая питала механизм, обеспечивающий двойное действие: ультразвуковое присасывание к поверхности и подталкивание вверх пользователя.

Дети тоже обеспечили себя ЭПУМами и бросились на приступ крепости вместе с Викингами. Оловянные солдаты появились на зубцах, там, где имелся небольшой зазор между стеной и прозрачным куполом. Сначала Эзоа заметила их суровые глаза, затем — темные кители с эполетами, красивые гранатовые брюки и начищенные ботинки. Большинство солдат держали в руках деревянные сабли, но кое-кто был вооружен и металлическими дубинками.

Эффекта внезапности практически достичь не получилось: часовые были бдительны. А вот количество Викингов смутило стражей железного города. Они не были готовы к отражению нападения столь многочисленной армии. Дав-

но уже не встречая полных коллекций, солдаты забыли о том, что за каждым Викингом может прятаться еще один Викинг, а то и все два. Кроме того, защитники крепости никак не ожидали, что так много игрушек сможет так легко взобраться на зубцы. Они просчитались, и теперь должны были дорого заплатить за свою ошибку.

Едва очутившись на верху стены, Викинги последовали плану, разработанному Мей Йонг: Мальчики-с-гору проскользывали под купол в заранее определенных местах, Бородыторчком и несколько Стальных кулаков защищали их от нападений солдат, Стахусы атаковали на других участках, отвлекая внимание защитников крепости и рассеивая их силы. По сигналу Мальчики-с-гору должны были начать толкать купол.

— А какой сигнал будет? — спросила Эзоа.

— Ну... вот такой: иииииии!

Маленькая китаянка испустила пронзительный крик. Настолько пронзительный, что на мгновение противники прекратили сражаться. Свен бросился к прекрасной программистке.

— С тобой все хорошо? Я советую тебе оставаться внизу. Осторожность — мать безопасности. Тут не место для...

— Да оставь ты меня в покое! — взвизгнула девочка. — Иди сражаться, если ты мужчина!

Красавчик повесил голову и помчался в гущу сражения. Без защиты Бородыторчком он, в свою очередь, соскользнул под купол и стал толкать его изо всех небольших сил своих скромных бицепсов. В этот момент все Викинги навалились, дружно произнеся «Ууууух!». Купол затрещал. И немного приподнялся. Потом снова опустился.

— Эй, поднимай! — заревели Бородыторчком, Стахусы и Стальные кулаки.

На этот раз купол поднялся выше.

— Не дадим разорить наш прекрасный город! — закричал оловянный офицер, удваивая силу ударов. — Накажите их! Совершите возмездие! Будьте безжалостны!

— Отдать швартовы! — загремел Стентор, Викинг, обладавший мощным, хотя и надтреснутым голосом.

Раздалось новое «Уууух!», купол города взлетел в воздух и упал у подножия крепостной стены, разлетевшись со звонким «дзыннннь» на тысячу кусков.

Так пробил час взятия Эдамнации.

Оловянные волны

Оловянные солдаты немедленно ринулись в атаку. Они поняли, что сталкивать Викингов с края стены бесполезно: эти чертовы воины с удовольствием падали, исполняя гибельные фигуры высшего пилотажа, а затем вновь поднимались на своих ЭПУМах. Для того чтобы вывести Викинга из строя, его надо было оглушить. А оловянные солдаты умели это делать. На земле уже покоилось около десяти нападавших, отныне безразличных к ходу сражения.

Дети участвовали в общей сумятице. Они пробирались в ряды солдат, толкали их, подставляли им подножки, били их, как могли, и убегали от ответных ударов благодаря своим моторизированным присоскам.

Но одна деталь беспокоила Свена.

— Почему у них сабли *деревянные*? — обратился он к Эзоа, которая отрывала пуговицы с кителя поверженного солдата. — Мы же в *железной* столице?

— Это игрушки, — напомнила ему девочка. — Железными саблями они могли бы убить другие игрушки.

— А... Но они не убивают даже «понарошку». Тебя это не удивляет?

— Как это, убивать «понарошку»?

— Знаешь, когда говорят: «Пуф, ты умер», и ты падаешь, схватившись за грудь, и хрипишь, как во время агонии...

Девочка положила в карман свои трофеи и посмотрела на друга удивленными глазами.

— Ты шутишь? Они же не дураки, хоть и игрушки. Ты, что, расист?

Мальчик не успел ответить. Какой-то солдат набросился на него.

— Ну ты, игрушка, хватит! — выкрикнул маленький швед.

И ударил солдата ногой. Вернее, присоской. И не смог больше двинуться, потому что солдат прилип к его ноге. Оторвать его было невозможно. ЭПУМы действовали безотказно. Свен был вынужден отвязать свои присоски.

Эзоа тоже сняла свои присоски. При помощи двадцати Викингов она начала спускаться со стены по лестнице круговой дороги. К ним бегом приближался новый отряд оловянных солдат. Они надеялись остановить вторжение.

— Вперед! — крикнула девочка.

К их группе присоединилась Мей Йонг. Она прокладывала себе дорогу среди солдат ударами игрушечного компьютера. Для того чтобы не отставать от нее, маленькая мексиканка отвязала свою сумку-фасолину и со всего размаху дала ею пощечину противнику. Оловянная игрушка повалилась на землю.

— А я думала, что ты умираешь... — проговорила прекрасная программистка.

— В каком это смысле? — с недоумением спросила Эзоа.

— Ты разве нам не устроила спектакль тогда, когда мы попали в столицу?

— Какой спектакль? — вскричала маленькая мексиканка, вращая своей растительной прашой и таким образом не позволяя оловянным солдатам приблизиться.

— «Ох, я умираю... Я больше ничего не вижу... Я не могу пошевелиться... Я даже говорить не могу... Какая я несчастная... Свен, пожалей меня...»

— Ты меня в чем обвиняешь, в результате? В том, что я была ранена, или в том, что я поправилась после падения с Катись-катись?

— Ни в том, ни в другом, конечно... Я просто очень рада за тебя!

— Осторожно! — закричала Эзоа. — Резко не оборачи...

Мей Йонг не дождалась конца фразы. Встревоженная чьим-то дыханием за спиной, она повернулась и сильно ударила неизвестного компьютером. Со звуком «БУМ!» компьютер встретился с противником и лишил его чувств.

Правда, противник противником не был.

Это был Свен, упавший в руки страннodelьницы, которая поймала его для того, чтобы он прямо на месте не раздавил безмозглую ломаку.

— Ты и впрямь ненормальная! — произнесла Эзоа, стиснув зубы.

— О, мне очень жаль... — выгнула бровки Мей Йонг. — Коллатеральный ущерб бывает и у самых лучших. Не будем раздувать из этого историю...

— Я знал, что ты к этому придешь, кузен! — восторженно сказал Слади, глядя на Свена, уложенного Эзоа на землю. — Признай, что это очень приятно — соснуть время от времени.

Маленький марокканец спускался вниз по лестнице. Он хотел присоединиться к друзьям на эспланаде у подножия стены. Слади сопровождали два первых Викинга из его коллекции, следом неторопливо бежали пять оловянных солдат, продвижение которых Слади замедлил.

Эзоа повернулась, желая показать Мей Йонг, что та перешла все границы. Даже для священного союза это было уже чересчур. Оловянные солдаты дрались с Викингам. Детям оставалось лишь найти сердце поселения — место, в котором можно перейти в другой мир. Время поджимало, но уж больно чесались руки разбить лицо длинной дуре.

Маленькая мексиканка сжала кулаки, расправила шейные позвонки... и застыла. Ее глаза затуманила серая пелена. Та же, что ослепила ее после падения с Катись-катись.

Перед девочкой замелькали расплывчатые силуэты. Какие-то удлинённые тени неопределённой формы так переливались, меняя цвет, что различить их было невозможно, и становились то пурпурными, то синими, то изумрудными... Появилась струя запаха, включающая смешанные неясные ароматы, но главенствовал в ней оттенок ванили.

Девочку словно подхватил вихрь ощущений. В мозгу ее появились слова: рыцарство, зебра, крестная, чертополох, пушка для путешествий... То, что она почувствовала присутствие где-то рядом бесчисленного количества слов, сознание того, что они спрятались и готовы неожиданно появиться, изменить свой смысл и раствориться одно в другом, кружило Эзоа голову.

Затем все исчезло.

Девочка пошатнулась. Перед ней была эспланада. Стоявшие у подножия стены Мей Йонг и Слади ничего не заметили. Ее недомогание длилось доли секунды. Она вдохнула как можно больше воздуха... и замерла.

Отряд оловянных солдат в парадной форме выходил из соседней улицы. На первый взгляд их было несколько сотен, они быстро маршировали строем и с решительным видом направлялись к противнику. Как и солдаты на крепостной стене, они были вооружены дубинками и клинками. Но дубинками, усеянными шипами, и клинками, сделанными из металла, кроме того, отряд был вооружен луками, арбалетами, копьями и пистолетами.

Эзоа поняла, что Эльдер по-прежнему плохо себя чувствует. Его миры не разлажены. Они переродились. Детища Стража погружались в хаос и губительное безумие. Находчивости детей уже могло быть недостаточно для спасения собственных жизней.

Отрезанные головы

Мей Йонг неожиданно уселась на землю, скрестив ноги по-турецки, и открыла свой игрушечный компьютер, чуть помятый вследствие нанесенных им же многочисленных ударов. Программистка быстро пробежалась пальцами по клавиатуре и крикнула:

— Викинги, разделитесь на две группы! Половина пусть прыгает на солдат!

— И другая пусть прыгает за ними, — добавила Эзоа.

— Ты ненормальная! Имитационная модель говорит о том, что нужно обеспечить наши тылы...

— Конечно, — сказала маленькая мексиканка с иронией. — Ты думаешь, что ребята, которые бегут к нам, достали бы стрелы, если бы их друзья находились позади нас... Может, они их попросят эти стрелы собирать?

— Но имитационная модель утверждает...

— Ты знаешь, куда ты можешь засунуть себе свою имитационную модель?

Страннодельница подняла глаза к зубцам стены и приказала смотрящим на нее Викингам:

— Все к нам!

Большие игрушки немедленно оставили противников, с которыми были заняты, и предались своим любимым акробатическим этюдам.

Группами по двое, трое, десять и тридцать они прыгнули со стены, но прежде каждый из них нанес врагу последний удар кулаком (или шлемом). Одни Викинги выбрали

элегантность, штопор и кувырок с вытянутыми руками, другие предпочли эффективность планирующего полета, совершаемого в облегающем тело костюме, с широко расставленными для замедления падения членами, с приземлением «клубком» и амортизационным ударом рукой по земле при остановке.

Они успели вовремя: оловянные солдаты подошли уже совсем близко, и часть авангарда пострадала от падающих с зубцов скандинавских ядер.

Викинги мгновенно поднялись на ноги и принялись за работу, круша и сметая все вокруг в веселой и бешеной сумятице, которая и является их фирменным знаком. Только один Стахус в арьергарде волочил кулаки и ныл, жалуясь на то, что поранился при падении.

— Имитационная модель не оставляет выбора: я решительно утверждаю, что мы должны были оставить отряд наверху, — ворчала Мей Йонг. — Не чунг чой и вау сао...

— Что?

— Удары кулаком в солнечное сплетение, нанесенные сзади...

— Ах, да, — иронически ухмыльнулась Эзоа. — Я и забыла, что бегло говорю по-мандарински!

— ...и даже не подражание пак сао да бонг сао лоп сао куа чой* помогут нам победить врагов!

— Очень интересно, но, осмелюсь сказать, на все это следует решительно наплевать, — отрезала маленькая мексиканка. — Нам и не надо их побеждать, нам надо убежать от них и попасть в центр города!

* Наши читатели в большинстве своем говорят на мандаринском языке, используемом в джан фан треппинге, и поэтому им можно не объяснять, что речь идет о ряде приемов, представляющих собой защиту в виде удара предплечьем, усиленного одновременным ударом кулаком другой руки, за которыми следует защита ударом предплечьем, сопровождаемая захватом предплечьем при помощи скользящей ладони, завершающаяся ударом тыльной стороны кулака (для усиления остроты ощущений).

— Да, но имитационная модель категорична...

— Хватит! — крикнула маленькая мексиканка.

Она поймала Бородуторчком, у которого было исцарапанное лицо, и показала на Свена:

— Ты сможешь его тащить? Попробуем обойти схватку...

Взглядом девочка попыталась оценить положение. Оно было не блестящим. После первых стычек солдаты перестроились. Авангард бился врукопашную. Основная часть отряда сформировала полукруг, впереди стояли солдаты с копьями, в арьергарде — лучники и арбалетчики.

В тот момент, когда Эзоа собиралась отдать приказ о попытке обхода с фланга, раздался оглушительный звон гонга. Те солдаты первой линии, которые были еще в состоянии двигаться, побежали с поля боя. Вперед вышли солдаты с копьями, взяв оружие наперевес. Испугавшиеся этой атаки Викинги попятились. Кое-кто из них стал поднимать упавших на землю оловянных солдат, для того чтобы использовать их в виде щита. Солдат с копьями это не остановило. Они бросились вперед и выполнили свою миссию, вонзив максимум копий в максимальное количество тел, а дружеские это тела или вражеские, их уже не волновало.

В воздух взлетели оловянные туловища. Раздались предсмертные стоны. Солдаты падали. Валились на землю Викинги. Из их нордических костюмов сыпались опилки. Вооруженные копьями солдаты безжалостно пользовались тем, что игрушки-колоссы ослеплены мучениями, и отрубали им головы. Последняя судорога, и несколько самых крепких Стальных кулаков испустили дух. В обычное время их друзья могли утешаться тем, что в дело вмешается Мастер, так игрушки называли Эльдера. Но вот уже несколько лунариев надеяться на это не приходилось. Сломанная игрушка становилась мертвой игрушкой.

Но паника в рядах завоевателей постепенно утихла. Видя, как их товарищи гибнут в бою, Викинги почувствовали нарастающий гнев. Это была уже не игра. Солдаты хотят борьбы не на жизнь, а на смерть? Они ее получают. Никто не смеет безнаказанно бросать вызов детям Одина. И они тоже умеют драться по-настоящему.

И сейчас докажут это.

Валгалла игрушек

Стентор издал клич. Организованно, что чрезвычайно им несвойственно, Викинги повернулись, встали лицом к солдатам с копьями и бросились в атаку в свою очередь.

Этот маневр привел оловянных солдат, ожидавших всеобщего бегства, в замешательство. Один Стальной кулак воспользовался заминкой, сжал ближайшего солдата за шею и адресовал ему настолько мощный удар кулаком по голове, что та отлетела далеко от тела врага. Мальчики-с-гору поймали одного из неприятелей и принялись с такой силой бить по очереди по его оловянной голове, что она затрещала и вошла в плечи своему владельцу. Бородыторчком схватили каждый по солдату и стали колошматить ими по земле, так что противники превратились в кучи мусора, а в руках у Викингов остались лишь нижние части их оловянных ног.

Присутствовавшие при этом спектакле дети были очень испуганы этой вспышкой ярости. Эзоа взяла в руки две пуговицы, очень длинный обезьяний волос, присоску и фетровую ветку елки. И машинально принялась страннodelьничать.

Увы, ничего стоящего у нее не получилось. Руки ее дрожали. Эзоа одолевала приступы тошноты. Поле битвы перед ней было усеяно расчлененными телами, туловищами без головы, разодранными на части игрушками. Трупы игрушек, Викингов и солдат, выделяли удушающий запах ржавчины и плесени, пота и засохшей крови.

Раздался второй удар гонга. Немногие еще державшиеся на ногах солдаты с копьями попытались покинуть поле боя. Их собственная атака и контратака противника слишком обессилила их. Они и стали первыми жертвами дождя стрел, выпущенных лучниками и легко пронзившими их оловянные тела. Следующими пали Викинги из первого ряда. Раненые испускали прерывистые хрипы: они молились о том, чтобы попасть в Валгаллу игрушек.

Дети бросились на землю. Их друзья тоже. Но Викинги были такими крупными, что, даже лежа на земле, они оставались легкой мишенью для врага. И лучники воспользовались этим обстоятельством, осыпая нордических воинов стрелами.

Жалобные стоны, предсмертные хрипы, звон гонга — Эзоа зажала бы себе уши ладонями, чтобы не слышать ничего этого. Но она не могла этого сделать, потому что ее пальцы работали с удвоенной резвостью.

Они отрывали кусочки ткани от кителей, они хватали обрывки паласа, они поднимали круглые камешки, части шлемов, древки сломанных стрел, щепки копий, они их совмещали, перемещали, откладывали в сторону для использования в будущем или откидывали, по причинам, понятным только им самим. Вскоре наблюдавшая за деятельностью рук Эзоа отключилась от внешних шумов. Девочка больше не слышала того, что происходило вокруг нее. Она чувствовала, что нужно торопиться, и это ощущение поглотило ее целиком.

До того времени, пока третий удар гонга не прозвучал над адом Эдамнании. Именно в этот момент оловянные солдаты, находившиеся на крепостной стене, издав крик бешенства, бросились вниз по лестницам и кинулись к детям.

Положение было ясным: десятки профессиональных солдат готовились захватить Эзоа и ее товарищей с тыла. Прямо перед детьми стояли лучники, уже уничтожившие добрую половину их друзей. А среди детей находилась программистка, с чрезвычайно утомленным видом ворчавшая:

— Я была уверена в том, что часть Викингов надо было оставить наверху. Моя имитационная модель была права!

Кубический ключ

Эзоа не сочла полезным для общего дела убивать Мей Йонг немедленно. Если она сама не сделает этого в скором будущем, это сделает кто-нибудь другой. Лучше Эзоа посвятит оставшиеся секунды попытке спасти жизнь себе, Слади и Свену. Ломака пусть сама выпутывается, раз она такая умная!

Маленькая мексиканка, таким образом, не стала тратить время ни на растирание красотки в порошок, ни на объяснение ей того, что, если бы Викинги не пришли все вместе им на помощь, дети были бы уже *мертвы*, пронзены стрелами или копьями солдат. Действовать необходимо было со всем возможным проворством.

Призванные располагали всего лишь десятком приближенных Викингов. Пока те сдерживали натиск врага, надо было удирать. Тем более что для того, чтобы не убивать братьев по оружию, лучники отошли в сторону. Этот маневр позволил арбалетчикам занять их место, на случай необходимости последнего залпа.

Эзоа посмотрела на свою странноделку. Несомненно, под влиянием окружающей обстановки, девочка смастерила что-то вроде портативного пулемета. Ремешок от прищоски придерживал рог шлема Викинга, соединенный со сложной системой пуговиц на диске сцепления попеременного действия.

«Этот ремешок... прямо как гашетка!» — подумала девочка. Она нажала на нее, из предосторожности целясь в

небо с пятью лунами. Солдаты тут же попадали друг на друга, а потом группами полетели на стену.

Это был не пулемет.

— Это что за волшебство такое? — удивился однорукий Стальной кулак.

— Да где тут волшебство? — запротестовала Эзоа. — Я смастерила отталкивающий ультратомощный магнит!

— А если яснее, для чего служит это твое колдовство?

— Милый мой, да ты не только однорукий, но еще и слепой! Моя *стран-но-дел-ка* служит для отталкивания металлических предметов, одного за другим, подальше от магнита. Что на это скажешь?

— Ну...что впервые в жизни я доволен тем, что у меня одна рука!

И он помчался убивать оставшихся солдат, виновных в нападении на его друзей Стальных кулаков.

«Это правда, кстати: надо было, быть может, чуть-чуть отдзынькнуть бумкалку, для того чтобы магнит не воздействовал и на сталь тоже...» — подумала девочка. Но это она уж придиралась. Отталкивающий магнит делал свое дело: он устранял опасность, давая детям возможность убежать.

Вдруг раздались громкие частые удары гонга, словно сильно забилося сердце.

— Сюда, друзья! — закричала девочка.

— Я иду! — подала голос Мей Йонг.

Страннодельница смерила компьютерщицу презрительным взглядом. Она идет? Она смеет идти? По какому праву? Кто ее звал?

Пусть идет составлять свои имитационные модели куда-нибудь подальше, раз она такая умная!

Эзоа хотела послать китайнку играть в куклы. Потом раздумала. Нет времени. Да и какая разница? Главное, чтобы эта дура признала, что ее имитационные модели по сравнению с эффективной хорошей странноделкой — вздор, суп из топора и пластиковая контргайка. Пусть идет, если ей хочется, при условии, что она не будет мешать дей-

ствительно талантливым людям. Пусть держит дистанцию. И ни в коем случае не путается под ногами. Положение слишком серьезное.

За Мей Йонг подошли два первых Викинга из коллекции Слади. Бородаторчком с разбитым лицом ташил Свена, одноногий Мальчик-с-гору — Слади и его подушку. Компания двинулась вперед, подчиняя ритм шага лихорадочному звону гонга.

Они бежали по стальным улицам, время от времени встречая солдат, которые при их виде прижимались к металлическим стенам казарм и домов. Других жителей видно не было. Видимо, Эдамнация превратилась в огромную казарму в форме домика улитки.

Улицы дрожали от грохота гонга. Периодически Эзоа быстро оглядывалась. Погони за ними пока не было. Она без усталости давила на гашетку своего ультрамагнита, но опасалась того, что город может еще преподнести им сюрпризы, неприятные, естественно.

Сюрприз появился не сзади, а сверху. Гром гонга перекрыл пронзительный свист. Викинги и девочки подняли головы.

Сливовая луна развернула свои птичьи крылья. Свист превратился в крик, похожий на крик чайки, только более резкий и скрежещущий. Ежам, надрывавшим себе горло перед Оперой в животном мире, еще было чему поучиться! Луна испустила долгое космическое завывание, которое, смешавшись со звуками гонга, оглушило беглецов. У них началось головокружение, ноги стали подгибаться, и, теряя равновесие, они, чтобы не упасть, едва успели сесть на землю.

Тут светило-птица решило взмахнуть крыльями... но крылья подломились и растаяли в воздухе. И луна стала падать, завывая все громче, она падала камнем, падала... падала...

— Она падает на нас! — завизжала Мей Йонг.

Эзоа запустила пальцы в сумку-фасолину, но страх парализовал ее. Она закричала, для того чтобы разбудить маленького замедлителя, но Слади не просыпался. С блаженным выражением на лице, сжав кулаки, он спал сном праведника на плече своего носильщика. Разрушение лун не могло потревожить сон марокканца с брюшком. Даже Апокалипсиса было недостаточно для того, чтобы нарушить его покой.

Собрав всю свою решимость, девочка стала пристально смотреть на сливовую птицу, падающую на Эдамацию. Она сосредоточенно представляла ключ номер тринадцать, для того чтобы покинуть этот мир на веселой ноте. Потом бросилась на землю — луна вспыхнула огнем совсем близко от столицы. Дождь кроваво-красных метеоритов пролился над городом и его окрестностями. Дома поднялись в воздух и рассыпались на куски. Куски, в свою очередь, проделали кратеры в паласе.

Маленькая мексиканка поднялась и бросила взгляд вокруг себя. Викинги показывали большие пальцы рук. Как и девочка, они были всего лишь засыпаны пылью. Только Мей Йонг не поднималась. Наверняка она была цела, так же как и все, просто очень, очень сильно испугалась. Эта мысль ободрила Эзоа, которая торопилась снова пуститься в путь.

Гонг продолжал отсчитывать лихорадочные удары.

В небе блестело уже только четыре луны. Надо было торопиться. Торопиться еще больше. Но Эзоа поняла, что, падая на землю, выронила свой ультрамагнит. Она поспешила подобрать его. Магнит был раздавлен сливовым метеоритом. Гашетка разбилась. Издалека донесся тихий размеренный звук.

— Солдаты идут! — воскликнула Эзоа. — Скорей!

— Ты разбила магнит? — прошептала Мей Йонг, осторожно стряхивая пыль с компьютера. — Нет слов! Тебе кто-нибудь уже говорил о том, что ты структурально, глубоко и бесповоротно глупа?

— Хочешь, я заставлю тебя съесть мой разбитый магнит? — завопила страннodelьница. — Нет? Тогда заткнись.

— Я...

— Заткнись!

— Эй, эй! — раздался голос Свена. — Вы уверены в том, что выбрали нужный момент, девочки?

Маленькая мексиканка опустила уже занесенный кулак и посмотрела на мальчика, лежавшего на плече Викинга.

Слади по-прежнему спал. Руки его, правда, были прижаты к ушам. Если он не вышел из забытья, то, наверное, потому, что почувствовал резкие толчки и решил не просыпаться и защититься таким способом.

— Э-э! — заворчала Мей Йонг. — Ты проснешься, наконец...

— Ни в коем случае не опускай его на землю! — приказала Эзоа Викингу, который нес красавца шведа.

— Да будет вам обращаться со мной, как с младенцем! — протестовал мальчик.

— Свен, надо торопиться! — объяснила маленькая мексиканка. — А поскольку ты не любишь бегать...

— Я не люблю бегать! Надо же такое сказать! Ой! Моя голова... Мне больно...

— Вот видишь... Ну, все за мной!

Дети и Викинги снова побежали. Вскоре они выскочили на большую площадь.

В центре ее был установлен гонг, в который без устали бил деревянный с фетровыми вставками молоток, прикрепленный к движущемуся маятнику.

Рядом с гонгом стояло нечто вроде пестрого памятника в форме большого куба, помещенного на постаменте и разрезанного вдоль и поперек на ломтики.

Перед необычной деревянной скульптурой была табличка с названием произведения: «Ключ».

— Это не похоже на ключ, — сказала Эзоа между двумя ударами гонга.

— Это символ, — предположил Свен дребезжащим голосом.

— Это переход, — заявила Мей Йонг, открывая компьютер. — Смотрите, я обнаружила пустое пространство в постаменте... даже *под* постаментом. Надо определенным образом установить ломтики куба, для того чтобы открыть проход. Хотите, я сделаю имитационную модель?

На площади появился солдат. Он упал с ближайшей стены, на которую его забросил магнит. Раньше он был, видимо, главным гонгистом.

— Делай, если хочешь, но делай быстро, — проговорила маленькая мексиканка, пока Бородаторчком укладывал на землю Свена, чтобы самому ринуться на оловянного музыканта.

— Подождите... — пробормотала программистка. — Тут есть синие, зеленые, красные, оранжевые, желтые и белые подкубы... Каждая сторона разрезана на четырежды четыре ломтика....

Пальцы Мей Йонг начали свой танец на клавиатуре, и китаянка объяснила:

— Достаточно применить довольно простое программное обеспечение комбинаций, и мы получаем вот это!

На экране появилась серия изображений куба с перечислением действий, которые надо совершить, чтобы его стороны сомкнулись.

— Наша цель — так соединить ломтики, чтобы получились монохромные поверхности... — продолжила маленькая китаянка.

— Я считаю, что вернее было бы говорить о монотекстуре, — прервал ее Свен. — Монохромный значит «одного хрома», это не так понятно.

— Монохромный значит «одного цвета», дурак!

— Хром, цвет, одно и то же... — проворчал мальчик.

— Не считая того, что слова «хром» не существует, — возразила программистка. — А теперь тихо, я буду работать!

Она поставила свой игрушечный компьютер на землю и принялась вертеть ломтики во все стороны.

Эзоа в это время оглядывала окрестности. Сначала она не поверила в то, что «Ключ» действительно может им помочь. Но все указывало на это.

Первое, дети, по всей видимости, находились в сердце столицы, поскольку дорога, которая их сюда привела, здесь и обрывалась.

Второе, большая площадь была самым величественным местом из всех, что они видели после того, как вошли в столицу. Поблизости не было ни одного внушительного здания, только банальные фасады домиков... если допустить, что игрушечные дома, похожие на огромные грибы из мультфильма, можно назвать «банальными».

Третье и последнее, «Ключ» напоминал большую сложную игрушку, а что в этом мире могло быть важнее хорошей игрушки?

Мей Йонг работала над проблемой в ритме ударов гонга. Перед ее глазами мелькали советы компьютера. Вертя ломтики, она получала все более и более однородные стороны. Отрицать было трудно: китаянка повышала мастерство.

— Хочешь, помогу тебе? — предложила Эзоа.

— Ох, нет, спасибо! Дай возможность поработать специалистам...

«Я ненавижу ее!» — подумала маленькая мексиканка, отвечая яростной гримасой на улыбку Мей Йонг. Она ни к кому не испытывала подобных чувств, может быть, только к целому императору, в тот момент, когда тот, наехав на Свена, хотел раздавить и ее. Эзоа была даже удивлена силе своего бешенства. Удивлена, но не встревожена: она не испытывала подобной ненависти ни к одной девочке в про-

шлом еще и потому, что никогда не сталкивалась с настолько претенциозными идиотками, как эта.

— Тогда пошевеливайся, — кивнула она. — Оловянные солдаты наступают!

И те неожиданно появились. Они действительно заполнили всю площадь, едва Эзоа выговорила фразу.

Мальчик-с-гору положил Слади у подножия памятника и приготовился к битве.

Грудь маленького марокканца мерно вздымалась. Он был в сознании. Он был жив. Он похрапывал во сне. Страннодельница была озадачена. Она уже не знала, надо ли ненавидеть его за его пассивность, презирать за лень или восхищаться его совершенно философским восприятием жизни.

Мей Йонг повернула последний ломтик, подула на пальцы и бросила, пристально глядя на свою соперницу:

— Нет ничего легче! Так ты считаешь меня слишком умной?

Ключ заворчал. Деревянный куб, стороны которого отныне были одноцветными (белая, желтая, оранжевая, красная, зеленая и синяя) повернулся вокруг своей оси, и перед всеми открылось сияющее пространство. Оно источало белый раскаленный свет, полный каких-то угловатых теней.

Эзоа подпихнула подушку Слади к отверстию. Мальчик, который не заметил, как взорвалась луна, который и ухом не повел, когда градом посыпались метеориты, открыл глаза в тот момент, когда его подружка попыталась втолкнуть его в сноп белого света. Марокканец с брюшком затормозил всем своим весом, приложил руку козырьком ко лбу и увидел, как последние экземпляры его коллекции борются с оловянными солдатами. Он оттолкнулся от края бездны и запротестовал с удивительной для него энергией:

— Нет! Никогда без моих Викингов!

— Слади, пожалуйста...

— Нет, — повторил мальчик. — Нет, нет и нет.

Эзоа попробовала затолкнуть его в отверстие силой. Маленький марокканец выгнулся дугой. Его подружка заскользила, потеряла равновесие и рухнула в сияющий колодец. Мальчик уже собирался выпрямиться, как почувствовал, что девочка схватила его за руку. Потеряв равновесие в свою очередь, он закричал:

— Ко мне, мои Викинги!

Как раз в это время его первый Бородаторчком угостил хорошим ударом шлема своего противника. Викинг повернулся, чтобы броситься на помощь своему коллекционеру... и в спину его вонзилось копьё. Огромные глаза колоса округлились. Удивленное выражение застыло на его лице. Бородаторчком упал на колени, потом уткнулся лицом в землю и начал ползти к своему другу. В отчаянии, открыв от напряжения рот, Слади протянул Викингу свободную руку. Еще одного усилия хватило Эзоа для того, чтобы воспользоваться волнением мальчика и увлечь его в сияющий коридор.

В ту же секунду бесчисленные стрелы вонзились в дерево куба. И цветовая комбинация изменилась. Стороны уже не были одноцветными. Свет, изливавшийся из колодца, приобрел другой оттенок. Теперь он стал зеленым. Как яблоко. «С ментолом», — подумал Свен.

Особенно изменилось отверстие. Это уже был не коридор. Отныне это был узловатый ствол дерева, вырисовывавшийся на золотом фоне.

— Шевелитесь! — прорычал низкий голос позади маленького шведа.

Мальчик подскочил и обернулся. Это был одноногий Мальчик-с-гору, бросившийся между лучниками и детьми и заслонивший ребят своим телом, в которое вонзилось множество стрел.

— Прыгайте, не медлите... — прохрипел он снова.

Мей Йонг прижала к себе свой игрушечный компьютер и повиновалась, даже не оглянувшись лишний раз по сторонам. Свен тянул время. Он увидел, как лучники, выйдя

на площадь, натягивают луки. Маленький швед встал, чтобы пожать руки своим спасителям перед расставанием с ними.

И закричал.

Стрела попала в его правую руку.

Свен бросился в отверстие. Схватился за ветку. Услышал, как кубический Ключ закрылся за ним. Правая рука мальчика не повиновалась ему, он отпустил ветку и полетел в зеленое, золотое и серое сияние.

Бородаторчком и Мальчик-с-гору увидели друг друга у разных сторон интерактивной скульптуры. Руки у них сводило от боли, но переглянулись они почти весело. Их игрушечная жизнь подходила к концу, но какой же это был конец, именем Тора и Одина, какой конец! Даже когда глаза их уже закрылись, они все еще улыбались, вспоминая коллекционера с брюшком, единственного, кто поверил в них в тот момент, когда они уже ничего из себя не представляли, того, кто позволил им умереть так, как мечтает умереть каждый Викинг, — на поле брани.

Архитектор-суперзвезда

Типуссен вытер правое крыло. Невоспитанный колосс выпачкал его карминно-красной кровью.

А ведь цыпленок просто вонзил ему клюв в солнечное сплетение и вспорол живот слева направо. В старое доброе время воин ждал, пока враг удалится, а уже потом позволял себе истечь кровью. Это была одна из форм владения собой, неотделимая от владения военным искусством вообще. Не-что, что вырабатывалось с детства и оставалось с вами на всю жизнь, даже если и не представлялся случай воспользоваться этим умением. Да, миры несомненно деградировали. Моральные устои уже не те, что раньше. Обитатели миров вырождаются.

Типуссен потянулся всеми непобедимыми восемью сантиметрами и вздохнул.

— Шестнадцать циклопов, это неплохо, — проговорил он хрипло. — Но для нас-то это просто закусочка, так ведь, цыпочка?

Лейла кивнула. Да, это была просто закусочка. Хотя и ее хватило с избытком.

Честно говоря, она не торопилась к следующему по программе испытанию. И не из осторожности: тигрица была профессиональным убийцей. Но, как телохранитель, разыскивающий своего подопечного, она должна была экономить силы и восстанавливаться между двумя боями.

Битва с циклопами была жестокой, хотя вроде бы и далась друзьям легко. У Лейлы осталось несколько горячих ран. К счастью, циклопы были не только сильными и жесто-

кими, они были еще самыми глупыми существами в мирах. Они не ведали страха, но разработать какую-либо, хотя бы простейшую, стратегию были не способны. Этот недостаток сводил на нет все их достоинства. Посланцы теперь уже неплохо знали своих противников: циклопы им сюрпризов не могли преподнести.

Типуссен был в восторге от происшедшей стычки.

— Эти господа навевают мне столько воспоминаний... — Он указал на мертвые тела, лежавшие вокруг лестницы. — Ты помнишь момент, когда ты вошла в наш зал перед комнатой Стража? Ты была тогда маленькой хорошенькой кошечкой... А потом появились наши первые циклопы... Жармек делал свои гимнастические упражнения... Блэк застрял... Ты помнишь его голос?

Своим хриплым басом Типуссен попробовал изобразить тонкий, слабый голосок Блэка, белого рыцаря, в четыре раза более широкого, чем высокого.

Тигрица опустила уши. Ее усы задрожали. Так она улыбалась.

— Ну а теперь что будем делать? — сказал цыпленок, созерцая произведения Малика и Эльдера. — Тоже устроим конкурс по лестницам? Заметь, это может быть и прикольно...

Он захлопал крыльями и покрутил гузкой, выражая свое веселье.

Мерный стук прервал его. Цыпленок замолчал. Замер. Прислушался. Лейла тоже застыла, шерсть ее встала дыбом, все чувства обострились.

Звук эхом распространялся по всем комнатам. Бум... Бум... Бум...

— Я эту музыку уже слышал, — прошелестел Типуссен.

— И мне это кое-что напоминает, — признала шепотом Лейла.

Она втянула воздух носом и показала лапой вправо.

— Это там!

Посланцы покинули комнату с лестницами. Левая дверь выходила в темный полуразрушенный зал. Никакого запа-

ха. Никакого подозрительного движения. Лишь какая-то странная возня в углу.

Осторожно двигаясь вперед, Лейла и Типуссен прошли через нечто, похожее на совершенно темный коридор. Тигрица выпустила когти.

— Пропусти-ка меня вперед, красотка! — произнес Типуссен громким хриплым голосом. — Галантность прежде всего.

Удар лапы припечатал его к стенке.

— Последнего, кто попытался насильно быть галантным со мной, я загрызла, — прорычала Лейла.

— А что ты понимаешь под выражением «быть галантным»? — спросил цыпленок, не особенно разволновавшись. — В этом, быть может, кроется суть недоразумения...

Он чувствовал, как шевелятся во тьме усы хищницы. Лейла отпустила его и дала возможность пройти вперед. Типуссен взъерошил перья. Он победил еще одну красавицу при помощи своего самого безотказного оружия — юмора.

Тем временем стук прекратился. Посланцы подошли к выходу из туннеля. Откуда-то пробивался лиловый свет и заливал помещение, в которое они собирались войти.

— Типуссен...

— ...пуссен и Лей...

— ...и Лейла, это вы? — спросил голос.

— ЗззеннН! — хором закричали Посланцы.

Они рванулись вперед и попали в огромное помещение, даже не огромное, а необъятное. На стенах комнаты и в центре ее была установлена непонятная система непрерывно движущихся зубчатых колес, блоков и веревок.

Здесь и был их друг ЗззеннН.

Неподражаемый ЗззеннН.

ЗззеннН молчун, хотя его три голоса, объединившись, могли повергнуть в бегство эскадроны противника.

ЗззеннН, его палка, его пухлый живот, несколько слоев разноцветных жилетов, осыпанных пылью во время последних разрушений в замке, три рта, все три асимметрично расположенные, десятки тихо постукивавших деревянных

серег каббалистической формы, овальное лицо, полное и таинственное, с толстыми щеками, на которых острым когтем сливки удалось оставить памятный след.

ЗзеннН сильно пострадал. На его выпуклом лбу виднелись многочисленные черные гематомы. Багровый шрам змеился по щеке рядом с правым ухом. Один из его толстых подбородков, средний, тоже, по-видимому, был проткнут клювом, несомненно, во время последней битвы.

Типуссен при виде своего друга взлетел в воздух от радости. Даже Лейла смягчилась и не возразила против шести поцелуев, которые ей адресовал чудака. Они вместе пережили страшные, но и замечательные моменты. Когда их приключения закончатся, им будет трудно расстаться. Такого чувства у Лейлы не было ни разу за всю ее профессиональную жизнь, другими словами, просто за всю ее жизнь.

— Ты Стража видел? — спросила она, чтобы вернуться к главной теме.

ЗзеннН покачал истерзанной головой.

— С тобой что случилось? — поинтересовалась Лейла.

— Когда замок задрожал, меня выбросило на...

— ...бросило на лестницу, ну, я так думаю, и я покати...

— ...я покатился в самый низ, — ответил ЗзеннН тремя ртами. — Палка, в конце концов, затормозила мое падение, но...

— ...но я уже весь изранился!

— Ты знаешь, где мы находимся? — продолжала тигрица, оглядываясь по сторонам.

— Мы в...

— ...в машинном...

— ...машинном отделении, — объяснил ЗзеннН. — Маленькая кабинка, которую вы видите, это...

— ...это лифт, который архитектор, несомненно, тайно, уста...

— ...установил для того, чтобы Страж...

— ...Страж мог перемещаться по всем этажам замка.

— Как это ты узнал? — удивилась Лейла.

— А я только что был...

— ...был на нижних этажах, — сказал ЗззеннН, — и я нашел нечто вроде памяти...

— ...вроде памятки, где рассказывается о разных периодах жизни зам...

— ...замка, начиная с самого первого чертежа Стража...

Типуссен перебил его:

— Я отвык от твоей манеры говорить. Не обижайся, но очень странное впечатление производит.

— Не слушай его, ЗззеннН! — заметила Лейла. — Давай, дальше рассказывай.

— Как это — не слушай его? — прочирикал цыпленок. — Клянусь скорлупой, вы меня что, за яичный белок, что ли, держите?

— Да нет, Типуссен! Просто времени мало, Эльдер неизвестно где, представь...

— Спасибо, я это заметил, но я не вижу связи.

— Пожалуйста, сделай усилие! Чем быстрее мы узнаем, как строился замок, тем быстрее получим шанс найти Стража, догадавшись, куда он мог спрятаться!

— Ну да, извините... Надо признаться, что я скорее боевой цыпленок, чем яйцеголовый петух!

ЗззеннН продолжил свой рассказ:

— Итак, я увидел первые наброски...

— ...вые наброски миров, удивительные, но не осуществившиеся...

— ...существившиеся. По всей вероятности, его главный архитектор был супер...

— ...суперзвездой, достаточно знаменитой для того, чтобы не...

— ...бы не принимать во внимание пожелания Стража. Например, когда Эльдер предлагал...

— ...лагал устроить пляж, он делал гору и объяснял, что...

— ...нял, что Страж слишком увлекается, а он, архитектор, верен духу, а не букве, и...

— Так, ну а кроме того, — прервала человека с тремя ртами тигрица, — что-нибудь полезное?

— Заметь, мы привыкаем, — отметил Типуссен.

— Что? — зарычала хищница.

— Я прочел информацию о приезде Малика, последнего архи...

— ...последнего архитектора, о первых неудачных опы...

— ...первых неудачных опытах Эльдера, о его успешных исправлениях и о...

Лейла больше не выдержала. Страж нуждался в ней, а она топталась на месте!

— Как ты думаешь, где нужно искать? — спросила она ЗззеннНа.

— По-моему, не внизу, я там все про...

— ...проверил довольно тщательно. Надо бы пройтись по...

— ...по верхним этажам.

— Снова идти по лестнице? — подал голос Типуссен. — Лапы горят заранее!

— Нет, нет, — сказал ЗззеннН, двигаясь к передвижной кабинке. — Я рассчитывал на...

— ...на лифт, это у...

— ...это удобнее!

Вооруженный своей постукивающей об пол палкой, ЗззеннН заторопился и прибавил:

— Самое важное и самое тревожное из всего того...

— ...того, что я узнал, это то, что Эльдер, кажется, был очень тесно связан с...

— ...связан с кем-то (я не понял с кем) в тот момент, когда все начиналось. Потом...

— ...потом он хотел воздать ему должное, но этот кто-то предпочел...

Три рта замолчали. ЗззеннН вошел в передвижную кабинку. Его палка стукнула в пол лифта, и тот немедленно стал подниматься.

Позади человека с тремя ртами показалась тень.

Типуссен и Лейла выпрыгнули из кабинки, которая еще была всего в нескольких метрах от земли. Они узнали старого врага.

Увлеченный рассказом ЗззеннН дал застать себя врасплох. За то время (краткое), что он оборачивался, держа перед собой палку, мощное жало вонзилось в его тело и излило своей яд.

ЗззеннН прижал руки к груди, а лифт продолжал подниматься вверх, распространяя резкий запах тления.

Человек с тремя ртами попытался издать прощальный или гневный крик. Во всяком случае, последний. Но у него ничего не получилось. Шесть губ свело судорогой от боли. ЗззеннН покатился в пустоту по полу кабинки, но из лифта не вывалился, и его посиневшее в свете факелов со сливовым пламенем лицо исчезло из поля зрения своих товарищей.

Он был уже высоко под сводами замка, когда тело его разорвалось под воздействием яда. А гигантский скорпион притаился в темноте где-то над комнатой, в ожидании следующей жертвы.

Закатывающаяся коричневая луна

Пого пугала

Посреди золотистого пшеничного поля, неподалеку от дерева с узловатым стволом, Мей Йонг склонилась над Свеном.

— Хватит кричать! — громко сказала она. — Вздохни поглубже, расслабь руку, и все будет нормально!

— Ты не можешь достать эту штуку! — застонал Свен. — Я слишком накачанный! Ты мне все тело разорвешь! О, я сейчас умру...

— Закрой глаза, — велела программистка. — Я вывела на экране моего игрушечного компьютера решение проблемы. Нет, закрой глаза, я тебе сказала, сквозь ресницы не смотри. Ты мне доверяешь или нет?

Слезы текли по лицу мальчика. Он обессиленно закрыл глаза. Кровь остановилась, но у него было такое ощущение, что его кожа покрыла стрелу и образовала прочный панцирь.

С тех пор как они попали в этот мир, Мей Йонг пыталась вытащить из руки Свена стрелу. Сначала она прибегла к щадящему способу, «чтобы не рисковать поранить ткани». Визг мальчика вынудил ее попытаться применить силу. Если дернуть как следует...

Она дернула как следует, но ничего не добилась. Ей не удалось вытащить стрелу, и только благодаря тому, что маленькая китаянка обладала статусом женщины, Свен ее не задушил. («Это структурально совершенно антиобъективно, но этой причины мне достаточно для того, чтобы поща-

дить тебя», — успел заявить он серьезно... пока боль не вырвала у него новый стон.)

Обладавшая методическим складом ума Мей Йонг решила найти альтернативное решение: она проанализировала ситуацию на своем игрушечном компьютере и создала имитационную модель срочной хирургической операции. Согласно модели, Мей Йонг должна была слегка наклонить стрелу параллельно руке, а затем вырвать ее резким движением, после чего оставалось только зашить и продезинфицировать рану.

Она с удовольствием предоставила бы эту грязную работу особе, мнившей себя волшебницей. Но неуклюжей девчонки не было поблизости.

Что было более тревожным, так это то, что и Слади тоже не появлялся. Неужели они остались в игрушечном мире? А может быть, застряли по пути из одного мира в другой? Надо бы спросить, что думает по этому поводу компьютер.

Свен откинул голову назад и тем снова привлек к себе внимание Мей Йонг. Посторонний предмет, находившийся в его теле, вызывал дергающую боль. Мысль о том, что в нем засела стрела, очень беспокоила Свена. Видя, как падают в вестернах индейцы и ковбои, мальчик часто спрашивал себя, отчего же они умирают. Тот же вопрос вызывали и полученные героями пули: какой процесс провоцировал смерть жертвы?

Несмотря на то что Свен был одним из лучших лингвистов своего возраста (так он считал без ложной, да и без всякой другой скромности), в области анатомии он был совершенно безграмотен. И теперь, смертельно раненный, он думал обо всем том, чего никогда не знал: о расположении печени, об организации нервных стимуляторов, о точном определении местонахождения блуждающих ребер, о распределении церебральных функций, о названии мышц голени, о симптомах, позволяющих не путать гортань и глотку, невзирая на параномазию...

Вдруг все исчезло, отделенное от него красной, фиолетовой, черной пеленой. Рот его открылся, для того чтобы издать пронзительный крик, но боль была слишком сильна. Как сквозь туман Свен услышал крик Мей Йонг: «Достала!» Потом маленький швед провалился в потемки эфирных запахов — ему казалось, что он узнал странные пары скипидара. Во рту у него пересохло, все тело болело, его терзало несбыточное желание вдохнуть глоток воздуха.

Программистка наблюдала за спектаклем слегка отстраненно и с долей удовлетворения. Она спасла человека против его воли. Ну, не взрослого человека, мальчика. Все равно неплохо. Даже более того, ведь Мей Йонг никогда не была согласна с утверждением, что она всего лишь красивая кукла. Она хотела стать кем-то, с кем считаются. Кто действует. Кто командует. Кто знает. Кто спасает. Война только началась, но первое сражение она уже выиграла.

Девочка склонилась над тем, кто благодаря ей избежал гангрены, сохранил здоровую руку и возможность надеяться однажды встретить девушку, которая полюбит его, несмотря на все особенности его натуры, ведь если бы — вдобавок к тому, что Свен был невыносим, — он стал бы еще и однорук, его положение сделалось бы отчаянным.

— Поцелуй меня, — пробормотал Свен.

— Что?

— Поцелуй меня... перед смертью... Я хочу покинуть этот мир, узнав вкус твоих губ...

— Ты спятил? Лежи смирно!

— ААААААААА!

— Да хватит тебе кривляться, подумаешь, чуть-чуть духов для дезинфекции раны...

Красавец швед поднял голову и предупредил:

— Никогда так больше не делай, и, пожалуйста, избавь меня от подробностей...

Он шумно вздохнул. Зажмурился. Попытался рассыпаться на частицы, смешавшись с атомами земли, на которой лежал.

— О нет! — простонал он. — Теперь я еще и воняю луговой земляникой!

— Вы пахнете чудесно! — произнес кто-то веселым голосом. — Вы пришли танцевать пого?

— Это невыносимо! — выдохнул Свен. — Здесь даже умереть нельзя спокойно!

Он открыл глаза и увидел очень, очень, ну, действительно очень хорошенькое огородное пугало.

Восхитительное огородное пугало.

Ослепительное.

Подвижное.

Прелестное.

На голове у пугала была соломенная шляпа, на месте глаз поблескивали два черных шарика, вокруг шеи были небрежно намотаны три шарфа, а одежда состояла из продуманно разрозненных и очаровательно разорванных тряпок...

Смущенный Свен бросил взгляд на свой ковбойский костюмчик, который находился в том же состоянии, что и платье пугала. Клетчатая рубашка Свена превратилась в лохмотья, грязные джинсы изобиловали прорехами. Можно было решить, что он находится в дырявом мире, настолько силы этого нового мира потрепали его наряд. Свен подумал о том, что даже его отец, который порой одевался не очень модно, нашел бы это одеяние почти неприличным.

А вот его новой знакомой, оно, кажется, нравилось.

— Ты хочешь умереть прямо сейчас? — удивилась она. — Как жаль!

— Э-э... ну, в общем, уже не сейчас. Признаю, что я недавно сформулировал подобный проект, но я изменил мнение...

— О да, подожди, по крайней мере, до танцев!

— К сожалению, я сейчас не в состоянии двигаться со своей обычной грацией... Я получил смертельную рану.

— Ну, не такую уж смертельную, благодаря мне, — уточнила Мей Йонг.

Свен приподнялся на левом здоровом локте.

— Представляю тебе свою подружку Мей Йонг, — проговорил он неуверенным голосом.

— Товарища, — поправила маленькая китайка.

— Ну да, не «мою подружку» в смысле мою подружку...

— Понятно, — прервала его новая знакомая.

— Мей Йонг подрабатывает санитаркой. А вообще она программистка.

— Да? А я работаю в поле! Ну, вставайте, Маривонна, Тази и Эжени уже прочистили горло. Пого будет неслабое!

Она помахала длинными желтыми руками, и вокруг, над золотистыми колосьями пшеницы, поднялись огородные пугала. Они колыхались всеми своими телами, от ремешков до верха соломенных шляп. Видимо, разогревались перед зрелищными хореографическими упражнениями.

Новая знакомая протянула руку Мей Йонг.

— Потанцуем? — предложила она.

— Не с тобой. Я вообще не люблю танцевать. Я предпочитаю наблюдать... да и то, когда нет ничего интереснее.

— Ты не права, это так классно, когда все бросаются друг на друга...

— Нет, спасибо. Я не хочу испачкаться. Я красивая и чистая. Не всем везет иметь в друзьях огородные пугала. Кстати, прости, но... ты случайно Эльдера не видела?

— Нет, никогда. Он, наверное, такой же, как ты: можно подумать, что он не любит ходить по грязи.

Пугало обернулось к раненому.

— А ты...

— Меня зовут Свен, и я не боюсь испачкаться. Но я боюсь, что я несколько слаб для энергетических затрат, сопровождающих...

Пугало с плотоядной улыбкой покачало головой.

— Ну ладно, — продолжил мальчик. — Если это местный обычай, я должен попытаться... Мей Йонг, я скоро вернусь!

— И речи об этом быть не может! Ты спятил или что? Тебе надо отдохнуть, перед тем как мы отправимся в путь, иначе ты не выдержишь, кроме того...

— Госово нистарегу, сум-сум, — таинственно перебил ее Свен.

Он встал и пошатнулся. На секунду ему показалось, что он сейчас упадет. У него закружилась голова. Сильная боль дергала руку.

— Вот! — воскликнула прекрасная китаянка. — Ты видишь, что ты не в состоянии танцевать.

— Я? Не в состоянии? Ты меня... ай! заставляешь гримасничать. Я хочу сказать: ты меня смешишь!

И мальчик, покачиваясь, направился к золотистому танцполу, на котором теснились пугала.

Мей Йонг поджала губы и очень громко подумала: «Не отзвучит и двух музыкальных тактов, как ты свалишься в пшеницу. И тогда посмотрим, кто посмеется последним!»

Игра с законами

Зеленая дорога заканчивалась тупиком. Эзоа, Слади и подушка оттолкнулись от куба, ударились о твердую стенку, покатались... и попали в совершенно пустынный мир. Перед ними расстилалась гладкая поверхность кремового цвета. Вдали журчала река.

Дети переглянулись. Они были одни. Свена не было. Не было... как ее зовут-то? Мей Йонг, да, кажется, что-то в этом роде.

Рядом с ними были только два маленьких кубических холмика и бесформенный влажный мусорный пакет. У детей было впечатление, что они попали на утренний среди-земноморский пляж, после того, как уборщики разгладили песок, а северный ветер разогнал предрассветные, полные дождя облака.

— Ты разлучила меня с моими Викингами, кузина, — сказал Слади спокойным грустным голосом, глядя Эзоа прямо в глаза.

— Мне очень жаль, — вздохнула девочка. — Честно. Но у нас не было выбора. Нам нужно было идти дальше. Викинги принадлежат миру игрушек. Им лучше там. Если мы хотим им помочь, мы должны найти Эльдера и попросить его дать им новых коллекционеров.

— Да им уже не нужны были коллекционеры. Они его нашли.

— Ты не мог остаться там, а они не могли следовать за тобой... Миры рассыпаются на куски, Слади! Если мы бу-

дем бездействовать, твоих Викингов поглотит тьма, да и нас вместе с ними!

Мальчик покачал головой, совершенно не убежденный доводами Эзоа.

— Помимо моих Викингов, мы потеряли Мей Йонг и Свена, — напомнил он.

— Да, не знаю, куда они делись... Ты видел?

— Что?

— Мусорный пакет пошевелился!

— Ну и что, ты теперь уже и мусорных пакетов боишься?

— Мусорный пакет? — удивился мусорный пакет.

— У меня бумкалка заедает, мне показалось, что он разговаривает, — прошептала девочка.

Пакет встал. Он был не влажный, он был промокший. И он был не пакет. Это был мальчик, надевший пакет.

Из пакета высовывалась только его голова, очень темно-волосая. И очень... впечатляющая. Ощетинившаяся густым ежиком синих и белых волос, напоминающих укладкой пенистое море. На носу незнакомца сидели очки в желтой флуоресцентной оправе, стекла которых усеивали блески. Лоб интересного субъекта был перетянут коричневым шнурком (сделанным, видимо, из бечевки, которой обвязывают жаркое), настолько же безобразным, насколько бесполезным.

Слади улыбнулся мальчику и сказал:

— Привет, кузен! Очень оригинальный у тебя костюм...

— Оригинальный? Почему бы и нет? Что такое, в сущности, оригинальность? Отказ от серости, смелый юмор, свежесть неожиданного, желание быть самим собой и противоположность мусорному пакету, поверь мне!

— Уважуха, кузен, уважуха... даже если ты и похож на мусорный пакет, то на самый оригинальный!

— А ты на что похож?

— На Слади, без всякого сомнения. Это, кстати, мое имя.

— А моя марка — Мадаван.

— Твоя марка?

— Да, иметь имя это слишком по-конформистски. Я предпочитаю иметь марку. На тот случай, если ты не заметил, я — жертва авторской моды.

— Э-э... Я, может быть, и заметил. А это что значит?

— В общем, я сам создаю для себя моду. Сейчас, кстати, я в однотонном периоде.

— Что?

— Да, я только покончил с очень полосатым сезоном. Когда я им увлекаюсь, у меня все полосатое: майки, свитера, шорты, мне кажется, это хорошо для повседневной одежды.

— Меня зовут Эзоа, — подала голос девочка, надеясь перейти к главному. — Но это так, на тот случай, если тебе вдруг интересно...

— Ты уже думала о том, чтобы одеваться более гламурно, чем Лолита во младенчестве?

— А ты уже видел Эльдера?

— Не в том смысле, который подразумевается Правилom Игры.

— Каким правилом какой игры?

Мальчик-пакет пошевелился под своим одеянием и посмотрел вокруг.

— Смотри-ка, а ведь правда, Правило исчезло... Раньше оно было написано крупными буквами на клетке «Старт». Вы новенькие, как я вижу?

Марокканец с брюшком кивнул.

— Ну хорошо, позвольте мне сыграть роль экскурсовода...

Мадаван зашуршал пакетом, и тот колоколом свалился к его ногам. Мальчик свернул пакет. Разрезал его на куски. Разлохматил их. Приладил кусок пластика себе на голову в качестве чего-то вроде кепки.

— Мадемуазель, сударь, добро пожаловать в мир законов. Целью игры законов является достижение клетки

«Финиш», это позволяет увидеть Эльдера. На этом игра заканчивается, и, как я полагаю, после этого можно возвращаться по домам. Я прибыл из Индии. А вы?

— Из мира живот... то есть из Испании и немножко из Мексики, — сообщила Эзоа. — А Слади — из Марокко. Как нужно ходить?

— Бросая кости.

— Какие кости?

Гид показал на два холмика. Маленькая мексиканка подошла к одному из них и толкнула его. Большой куб перевернулся. Потом покатился.

Но ничего не произошло.

— Ну и что? — нетерпеливо спросила девочка.

— Кубиков — два. Надо бросать оба. Нет, подожди! Возьми Слади — это ведь Слади, не так ли? — за руку. Слади, ты возьми за руку меня. Я пойду с вами. Надо держаться за руки, а то вдруг начнем ходить, как отдельные пешки.

— Скажи, а ты уже пытался найти Эльдера?

— Э-э... да. Бывало.

— Часто?

Мадаван поколебался и вымолвил:

— Примерно три раза. Может быть, этого не заметно, но это очень трудно.

— Почему? На что похожи другие клетки?

— Идите посмотрите!

Он двинулся вперед, увлекая за собой свою свиту.

Клетка «Старт» не была пляжем. Скорее, это было высокогорное плато.

— Высокогорное игровое поле, — сказал гид со смешком и добавил: — Извините, но когда я в повседневной одежде, я очень игрив.

С плато были видны многочисленные клетки. Некоторые из них были окутаны дымом. Другие горели огнем. Какие-то казались серыми кратерами от взрывов. Оставалось надеяться на то, что кубики на них не выпадут.

Несколько клеток были на вид вполне приемлемыми, хотя со «Старта» их нельзя было рассмотреть в деталях. Бурный поток, протекавший рядом с высокогорным плато, по всей видимости, граничил с каждой из клеток.

— А это что за река? — поинтересовалась Эзоа.

— Ее называют «Возвращение». Она вас доставляет к клетке «Старт», когда вы попадаете на запретную клетку... или на клетку «Возвращение на клетку „Старт“».

— Ах вот почему ты промокший...

— Ну, в общем, да, промокший, промокший... Я предпочитаю говорить «мокрый», так вернее.

— Если для тебя это важно... А где клетка «Финиш»?

— Ее в любом случае отсюда не видно.

Девочка задумчиво прикусила губу. Им *необходимо* было найти эту клетку. Где бы ни были Свен и размалеванная кукла, они тоже шли на встречу с Эльдером. Поскольку их не было нигде поблизости, а о том, чтобы возвращаться назад, и речи быть не могло, оставалась надежда встретиться с ребятами по дороге. Не сводя глаз с ожидавших их клеток, Эзоа проговорила:

— Что, Слади, пошли?

Не получив ответа, она повторила:

— Слади?

Девочка обернулась. Немного отойдя от нее в сторону, марокканец с брюшком погрузился в грустный сон. Расставание с Викингами причинило ему слишком сильную боль, а ближайшее будущее не вызывало никакого энтузиазма. И вообще он обиделся. Он прислонился спиной к кубику, а под голову себе пристроил подушку.

Первым чувством Эзоа было сострадание. Она догадывалась, с некоторой долей зависти, о том, что испытывал мальчик. Сама она редко расставалась с кем-либо. Был, конечно, Алехандро, в детстве... Но именно в детстве. С тех пор она выросла. А Слади, хоть он и старше Эзоа, остается большим ребенком.

Почти сразу же за состраданием появилось другое чувство, противоположное: раздражение. Она была ранена. На нее накатывали приступы слабости. Она была вынуждена собирать последние силы, для того чтобы отгонять от себя серую пелену, то и дело грозившую снова закрыть ей глаза. Понятно, что Слади необходимо много спать, но не может же только она одна держать себя в руках.

Эзоа уже хотела окликнуть марокканца с брюшком... но ограничилась тем, что стиснула руку Мадавана, намереваясь бежать. Соня в дремоте прижался спиной к кубику, и тот наклонился. Если он сейчас покатится... дети могут разлучиться!

Эзоа сделала рывок и прыгнула, чтобы схватить мальчика за запястье. И как раз вовремя! Кубик пришел в движение. Зазвучал женский голос, похожий на тот, что проносит сообщения в мобильных телефонах:

— Вы сделали ход... два плюс... четыре... Ваш результат — шесть. Приятного путешествия!

Девочка почувствовала, как могучий вихрь подхватил и понес ее. Сжав руку Мадавана и запястье Слади, она отдалась во власть ветра.

Босиком

Свен взялся за протянутую пугалом руку. Когда он встал, голова у него закружилась. Он и забыл, какого он высокого роста. Кровь застучала в висках. Ему показалось, что он сейчас упадет. Его новая подружка едва успела подхватить его.

В эту минуту с трех разных сторон поля раздались голоса. Певицы издавали необычные звуки, скорее странные, чем неприятные, напоминающие игру не то на трещотке, не то на волынке, с легким призывком кряканья утки в качестве последнего завершающего штриха. Едва заслышав первые ноты, пугало впало в состояние, которое Свен про себя диагностировал как «маниакально-депрессивный бред с тенденцией к психозу».

— О-о! — вопило пугало. — О-о-о! О-о-о! Они жгут, словно Паотед яуанк а зуг горнкапус!

«Зуг горнкапус? Конечно, это зук горной капусты», — машинально перевел Свен.

— Это такой шотландский танец, который дает огня! — продолжало пугало.

— *Шотландский танец?*

— Ну, его так тут называют, но в кукурузных полях он зовется еще и сальсой. Как начнет наяривать!

Свен решил не вносить коррективы в свой перевод. Ему было над чем поломать голову и кроме этого, например над тем, как выжить.

На самом деле шотландский танец-зук-сальса не имел периодов отдыха. Не имел он и периодов активных движений. Он просто не имел ритма в привычном значении этого слова: цель танцующих состояла в том, чтобы под практически монотонный звук максимально энергично трястись и вопить, ожидая, пока сами певицы прекратят голосить.

Самым главным было выглядеть огородным пугалом — что очень хорошо получалось у Свена, перед глазами которого все плыло от слабости. Иногда боль становилась такой сильной, что мальчик опускал веки и начинал падать. Ему казалось, что земля под ним разверзается. Но уже через секунду на него кто-нибудь наталкивался и отбрасывал к другому танцору, который пихал его в свою очередь, и так далее...

— Ты очень-очень силен! — шепнуло пугало Свену после первого танца, прижимаясь соломенным лицом к его щеке.

Обессиленный мальчик даже не успел дрогнуть от этой ласки. Трещотки-волынки-утки вновь взялись за свое. Надо было снова дергаться, заводиться и громко кричать что-то вроде: «Кажи бymoж тьер граде черхе» («Скажи быть может Тьерри, что игра идет, черт, хе!» — предположил маленький швед). Несмотря на то что этот вид спорта требовал определенных физических усилий, он начинал красавчику нравиться.

В принципе, Свен любил танцевать. Он с удовольствием терялся в незнакомой толпе и предоставлял своему телу свободу двигаться, отвечая на пульсацию музыки. Наблюдая за посторонними людьми, Свен с радостью открывал новые манеры и обычаи, он был убежден в том, что каждое существо, от жука до самого утонченного английского лорда, от эстрадной звезды до самого неказистого огородного пугала, по-своему помогает понять часть тайны жизни. Он любил заговорщицкое чувство, возникающее между партнерами по танцу, тем более сильное, что всем очевидна его

недолговечность, а следовательно, и необходимость отдаваться ему быстро и без стеснений.

В эти моменты Свен не скупился на эмоции. Он был готов нежно сказать «Мне так хорошо с тобой!» любому существу, хотя бы отдаленно напоминавшему представительницу женского пола, и выслушать в ответ произнесенные шепотом признания, пусть даже самые бессвязные. Вот и пугало прошелестело ему:

— Ты хорошо танцуешь, но не забывай... от яблонь не родятся груши!

— Скажи быть может Тьерри, что игра идет, черт, хе! — проговорил красавчик, надеясь, что музыка заглушит его очень легкий акцент.

Свен чувствовал себя все лучше и лучше. Опыяненный усталостью от раны и предпринятых усилий, он теперь полностью отдавался во власть назойливого кваканья певич.

Привыкнув к этому модулированному шуму, можно было почувствовать, как он, по местному выражению, дает огня. Его действие было эффективным и сильным. Танцующие следили за каждым изменением звука: чуть только голоса слегка поднимались вверх — хоп — все подскакивали; едва они понижались — плюх — все падали и начинали кататься по земле; менялось музыкальное ударение — бум — все прыгали в стороны, целясь в ближайшего соседа.

Неожиданно голоса затихли, хотя полностью не умолкли. Пугало приблизилось к Свену и нежно обняло его.

Но чья-то рука потянула мальчика назад. Агрессивный запах красной от гнева полевой земляники ударил ему в ноздри.

— Ты, умирающий, ты не забыл, что у нас есть кое-какие дела?

Свен был ошеломлен.

— Но, Мей Йонг, подожди хотя бы до конца этого танца... — стал просить он. — Я...

— У тебя с головой все нормально? На небе четыре луны осталось, а это значит, что мы все очень скоро умрем, если не начнем шевелиться! Весьма сожалею, но мы здесь не для того, чтобы хиханьки и хаханьки разводить. Короче, если ты хочешь остаться с мадемуазель, пока я пойду разыскивать остальных...

— Да не говори ты таким драматическим тоном! Я иду, иду...

Свен поцеловал свою партнершу по пого четыре раза. Потом еще четыре раза. Их руки, свежая солома и нежная кожа, долго не могли разомкнуться. Пальцы оставались переплетенными даже после того, как головы отвернулись в разные стороны. Под серыми лунами вдруг стало холодно. И не только вновь открывшаяся рана на правой руке красавца шведа сочилась кровью — в его груди истекало кровью сердце.

— Я сделала модель этого мира, — объявила Мей Йонг, делая вид, что не замечает убитого вида своего друга.

Она не смогла продолжить. Руки и ноги мальчика задрожали. Он откинул голову назад и широко открыл рот, не в силах, казалось, вдохнуть глоток воздуха.

«Я так и знала!» — подумала прекрасная китаянка.

Она сморщила нос и стала ждать того, что не могло не произойти. Сердце мальчика отстучало еще два удара, и Свен распростерся на толстом ковре пшеницы.

Потрясенная Мей Йонг покачала головой и наклонилась для того, чтобы отвесить ему две звонкие пощечины. Безрезультатно. Медсестра удвоила дозу лекарства. Мальчик замычал, не открывая глаз.

— Вот что значит красоваться... Вот результат!

Маленький швед стонал, не поднимая век. И слабо шевелил раненой рукой.

— Ну хватит, давай, мы не можем время терять, — проворчала программистка.

И найдя в своих запасах духи, вылила еще одну порцию на красную рану Свена, который завопил:

— Не... делай этого... опять, я тебе... говорил... уже...

— Как я тебе объясняла, — напомнила прекрасная китаянка, — я смоделировала этот мир и заметила три очень важные и тревожные вещи.

Мей Йонг потянула мальчика за воротник.

— Встряхнись, Свен! — возмутилась она. — Не торчать же нам тут целый лунарий! Повторяю тебе, что я обнаружила три важные вещи, черт!

— Три важные вещи, тревожные и *не терпящие отлагательства*, я полагаю? — сказал мальчик, которого Мей Йонг удерживала за ворот рубашки и голова которого болталась из стороны в сторону.

По-прежнему помогая Свену держаться на ногах, программистка показала на экран игрушечного компьютера и сообщила:

— Во-первых, здесь нет города. Я очень обеспокоена.

— Почему?

— Потому что... Только пойми меня правильно! Я ничего не имею против крестьян, но я современная девушка. Мне нужно жить недалеко от магазинов, от толпы... от цивилизации, в конце концов.

— Один журналист спросил Феликса Леклерка о том, что он думает о цивилизации. И тот ответил: «Это было бы неплохо».

— Не вижу связи, — нахмурилась Мей Йонг.

— Тем хуже, поразмысли об этом.

— Скажи, ты нарочно держишься враждебно и грубо, или я ошибаюсь?

— Продолжай. Какая вторая проблема?

— Эзоа и Слади пропали.

— Да? Ах да, их нет... И ты их локализовала?

— Нет. Пока нет. Но я локализовала ребенка, который живет в этом мире. Мне не нужно тебе напоминать о том, что в Малемире семь миров и что...

— ...в каждом мире находится ребенок, слушай, хватит, то, что я люблю танцевать, еще не означает, что я — совершенный идиот, представь себе.

Мей Йонг скрестила руки на груди и спросила:

— Тебе интересно то, что я говорю, или не особенно?

— Интересно, но я разрешаю тебе опускать повторения, — пробормотал маленький швед, тревожно глядя на свою свежую рану. — Что за проблема с нашим новым братиком?

— Он в конце мира. Ну, в другом конце, естественно.

— И что?

— А то, что я заранее устала. Если ты думаешь, что идти по земле на каблуках легко...

Свен взялся за голову одной рукой, щадя вторую, раненую. Потом попытался подняться при помощи здоровой руки и тихо сказал, прислушиваясь к новому, весьма зажигательному кваканью, которое начали исполнять певички:

— Послушай, Мей Йонг, скажу тебе честно. Ты — самая красивая девушка во всех мирах, у тебя самые оксиморические глаза из всех, что я знаю, и вид у тебя настолько же умный, насколько восхитительный. Но, поверь мне, быть может, в первый раз мальчик осмеливается сказать тебе такое, пусть так, надо, чтобы кто-то сделал это, и это буду я: ты самая страшная горлодерка во вселенной.

— КТО?

— Самая страшная горлодерка из всех, кого я знаю, — повторил маленький швед.

— Я не знаю такого слова.

— Может быть, это и к лучшему. Но запомни, что ты именно это.

Потом он вытянул перед собой и здоровую, и раненую руки в знак мира. И сказал следующее:

— Как написал Гугнафье де Писсемброш в «Увидеть вас семь раз навечно, если бы это было так», «Что я сказал, то я сказал». А теперь ты сделаешь то, что я тебе посоветую, ладно? Во-первых, сними свои туфли на ходулях, во-вторых, возьми меня за левую руку, в-третьих, иди за мной, чтобы найти: первое, Эзоа и Слади, второе, ребенка из это-

го мира, третье, способ избежать катастрофы, к которой нас ведет Эльдер.

— Ты думаешь, что...

— Закрывай свой игрушечный компьютер, и за дело!

— Хорошо, Свен, — промурлыкала программистка, понимая, что иногда и на некоторых ее ласковый голос действует лучше, чем обличительные речи.

«Лучше бы мне пореже ее слышать, — подумал мальчик, дрогнув, — а то мой только что установившийся авторитет улетучится, словно дым...»

И два Призванных пошли по дорогам нового мира, взявшись за руки, в густом облаке запаха полевой земляники.

Чувство ритма

— Я по клеткам наскочил, поверь мне, но никогда в клетке номер шесть не был, — объявил Мадаван, когда вихрь опустил их в нечто вроде большого деревянного таза.

— Хороший знак, — решила Эзоа. — На этот раз мы, быть может, на верном пути!

Потом, заметив выражение лица гида, исправилась:

— О, извини! Не обижайся! Я это так сказала... Не пойми в дурном смысле...

Она наклонилась над Слади.

— Может, проснешься на секундочку? — прокричала она. — Я тебя так по дороге не поволочу...

— Клетка номер шесть, вы прибыли на клетку номер шесть, — объявил искусственный голос. — Отсюда вы отправитесь кратчайшей дорогой. Вы находитесь в чаше катапульты. Проверьте, не забыли ли вы что-нибудь в вихре. Сейчас вы будете катапультированы на клетку номер двенадцать. Желаем вам приятного путешествия.

— АААААААААА! — закричали Мадаван и Эзоа.

Они поднялись в воздух. И приземлились врассыпную, налетев на высокую деревянную стену. Удар при падении для девочки смягчили Слади и его подушка.

— Черт! — выругалась страннодельница, оглушенная такой жесткой посадкой. — И они еще имели наглость пожелать нам приятного путешествия...

Эзоа подняла взгляд на Мадавана... и не поверила своим глазам. Мальчик больше не был похож ни на мусорный пакет, ни даже на экскурсовода, одетого в мусорный пакет. У него были очки авиатора, фасонная стрижка и форма летчика начала двадцатого столетия... цвета хаки.

— Я люблю менять внешний вид, — объяснил он, заметив удивление девочки. — Потому что, что такое, в сущности, внешний вид? Внешний вид — это сложно структурированный костюм, небольшая дань ложному классицизму, это дежавю и никогда-вю одновременно, в которых я себя узнаю.

— Это точно, — на всякий случай сказала девочка. — Но как тебе удалось так быстро измениться... да еще и в катапульте?

Смуглая кожа Мадавана сделалась темно-коричневой, и он пробормотал:

— Привычка...

«Ребенок-хамелеон!» — с восхищением подумала Эзоа. Им нужно было найти Эльдера, Свена и ломаку, но, по крайней мере, им уже не нужно разыскивать ребенка из мира законов и ломать голову над тем, какими способностями он обладает!

— Клетка номер двенадцать, — объявил голос. — Вы прибыли на клетку номер двенадцать. Это клетка-метроном. Проверьте, не забыли ли вы что-нибудь в катапульте. Мы надеемся, что ваше путешествие было приятным. В этой клетке в вашем распоряжении находится гигантский орган с двумя клавиатурами на пятьдесят клавиш, каждая клавиша шириной один метр, и педалью с сорока нотами, каждая нота шириной пятьдесят сантиметров. Игрокам предлагается занять места либо перед клавиатурой, либо перед педалью. Игроки должны пересечь орган в темпе, предложенном метрономом: нога игрока должна касаться клавиши лишь во время удара. Игрок имеет право на три фальшивые ноты, в случае проигрыша он возвращается на клетку «Старт». Желаем удачи!

Тук! Тук! Тук!

Девочка обернулась.

Позади нее стоял старинный метроном с большим механическим маятником в высокой металлической конструкции, напоминающей по форме трапецию. Эзоа была знакома с принципом его действия: чем выше трапеция, тем реже звучат удары метронома, чем ниже спускается метроном, тем труднее следовать его темпу.

Эзоа с удовольствием прогулялась бы среди зубчатых колес чудовища. Такой великолепный механизм должен обладать интересной машинной частью, и, быть может, кое-что там можно и стянуть. Но нет, благоразумие прежде всего. Слади потянулся. Такой удачей, как проснувшийся Слади, надо было воспользоваться немедленно. Страннодельница удовлетворялась тем, что поскребла ожидавшие ее колоссальные клавиши из слоновой кости.

На верхние этажи вела стремянка. Эзоа быстро поднялась по перекладинам до самого верха. Надпись гласила: «Речитатив». Девочка прыгнула на деревянный край. Над ней нависали внушительные рычаги с закругленными концами, повсюду виднелись странные надписи: «Ночной рожок», «Небесный голос», «Диапазон», «Главный регистр»... Некоторые рукоятки были выдвинуты вперед и находились прямо над массивной клавиатурой, на которую девочка должна была прыгнуть, как только ее партнеры будут готовы. Остальные рычаги были отведены назад.

Жертва авторской моды поднялась по лестнице и остановилась перед нижней клавиатурой, с надписью «Большой Орган».

— Мадаван на пульте контроля. *Роджер* на мне. Готов к вылету!

— Что надо делать? — осведомился Слади, склонив набок свою большую голову.

— Ты видишь большие деревянные клавиши? Ты должен идти по ним в ритме стука метронома. Цель — дойти до противоположной стороны. Понял?

Марокканец с брюшком потер глаза кулаками.

— Понял, — кивнул он, машинально делая шаг вперед.

— БАДАБАДАБААААМ! — завопил искусственный голос. — Фальшивая нота номер один. Осталось только две разрешенные ошибки.

— Слади! — возмутилась маленькая мексиканка. — Осторожно! Сначала прочувствуй ритм, а потом иди.

— Хорошо, хорошо, я попробую... Он стучит так быстро!

Сама Эзоа пыталась считать: один, два, три...

— БАДАБАДАБААААМ! — снова завопил искусственный голос. — Фальшивая нота номер два. Осталась одна разрешенная ошибка.

— Слади!

— Эй, на этот раз я тут ни при чем!

— Это я, — признался Мадаван. — Мой мраморный Борсалино упал на клавиатуру.

— Бор что?

Девочка свесилась вниз, для того чтобы посмотреть на виновного... который уже не был одет авиатором. Теперь это был джентльмен в каменной шляпе белого цвета с разводами. Костюм на нем был той же расцветки, галстук золоченый, карманный платочек — карамельно-розовый, а ботинки с пряжками, усыпанными бриллиантами, сияли лаком.

— Ну, мой Борсалино, — повторил Мадаван. — Мой головной убор из минерала, если тебе так больше нравится.

— Тебе обязательно было переодеваться именно сейчас?

— Мне нужны были положительные эмоции, для того чтобы сбросить напряжение. Я три раза потерпел здесь неудачу. И я немного волнуюсь, понимаешь?

— А откуда ты его достал, костюм-то этот?

— Ну... да я в нем и был!

— Черт знает что! Когда ты попал на эту клетку, ты был наряжен авиатором!

— Наряжен? Ну, это грубо, Эзоа! Я не был *наряжен*, я просто был одет в стиле «авиатор». Моя одежда напоминала тебе форму авиатора. Ведь что такое, в сущности, костюм? Это предложение, в котором каждый видит то, что хочет. И я...

— Так, ладно, замолчи! — девочка в сердцах топнула ногой.

— БАДАБАДАБААААМ! — завопил искусственный голос. — Фальшивая нота номер три. Отныне у вас больше нет права на ошибку.

— Ну, браво! Как учить всех...

— Извиняюсь! — крикнула Эзоа. — Теперь обязательно всем надо идти в одном ритме. Пошли, один, два, три...

И умолкла. Метроном ускорил темп.

Эзоа знала, что у музыкантов часто во время работы возникает такое впечатление. Обычно это иллюзия, появляющаяся из-за того, что им трудно оставаться в ритме. Но сейчас метроном действительно убыстрил движение. Девочка посмотрела на маятник. Трапеция соскользнула вниз, миновав несколько делений. И продолжала постепенно спускаться.

— Скорей! — снова крикнула Эзоа. — Надо торопиться, пока он двигается не слишком быстро! Один, два, три, четыре, хоп!

Раздался очень низкий звук. За ним последовали другие: ритм понемногу учащался, но детям удавалось ему следовать. Они почувствовали темп движения. Они шли в такт, как только их ведущая программы выкрикивала: «Хоп!».

Слади от усердия высунул кончик языка. Он держал свою подушку под мышкой и был чрезвычайно внимателен. Его великолепное самочувствие объяснялось просто: он только что проснулся.

Мадавану было труднее. Обычно он за ритмом не следил. Он не привык следовать ритму, поскольку любил действовать невпопад. Одевался так, как никто не одевается.

Был не похож ни на что, в то время как все хотели быть похожими друг на друга. Ритмичная музыка и марширующие в ногу люди его не занимали.

Но сейчас, однако, он очень старался пройти эту проклятую клетку номер двенадцать. Бывало, он проходил и дальше, но этот заколдованный рубеж одолеть не мог. Неужели даже советы и участие новых друзей не помогут ему? Он делал все, что мог, хотя результат по-прежнему гарантирован не был.

Шаг за шагом игра продолжалась, и не так уж плохо: дети уже продвинулись вперед примерно на двадцать нот. Звуки, раздававшиеся благодаря их прыжкам, становились все выше и мощнее: над их головами двигались сами по себе рычаги, заставляя трубы петь разными, то мелодичными, то гнусавыми, то пронзительными голосами.

Дети находились где-то на половине пути, когда трапеция вдруг сорвалась и оказалась в самом низу маятника. Ритм немедленно сделался адским.

— Ни с места! — приказала Эзоа. — Не шевелитесь! Слади, твоя очередь действовать!

— Как это? Ты хочешь, чтобы я один шел вперед?

— НЕТ! Я хочу, чтобы ты замедлил движение метронома, пожалуйста!

— И только-то... А то уж ты меня испугала...

Мальчик обернулся, поднял правую руку по направлению к маятнику и, улыбаясь, проронил:

— Ну что, давай, спокойно, кузен!

Маятник немедленно застыл. А затем возобновил свой стук в гораздо более медленном темпе, и маленькая мексиканка снова принялась считать:

— Один, два, три, четыре... Хоп!

Путешествие по нотам завершилось без сюрпризов. Финишировавший раньше остальных Слади продолжал шагать на месте по бортику, для того чтобы подбодрить товарищей.

Когда дети прошли самые высокие ноты, они запрыгали от радости на бортике... все, кроме Мадавана, который начал бурчать:

— Ну конечно, если мошенничать с метрономом, то все проще...

Жертва авторской моды была несколько обижена. Мадаван вечно проигрывал на этой клетке, от чего чувствовал себя плохим игроком. Чтобы сменить настроение, он сорвал с себя костюм, напялил на нос пластиковые солнцезащитные очки, облачился в очень откровенные леопардовые стринги и заношенную до дыр майку с надписью:

МЕЖДУНАРОДНЫЙ турнир ФРИСБИ ПРО Тур
САН-ПЬЕР-ЛА-МАРЕ 1969
Организованный магазином «У Моник»
(БАКАЛЕЯ, ДОСТАВКА ХЛЕБА И ГАЗЕТ)

Затем пошевелил пальцами во вьетнамках, снова заулыбался и присоединился к своим друзьям.

В конце концов, они вместе преодолели очень трудные э-э... ну да, трудности. И теперь они приближались к финишу, хотя, после всех мучительных былых поражений, Мадаван помнил о том, что ни в чем нельзя быть уверенным заранее. Один неверный шаг, и возвращение на клетку «Старт» тебе обеспечено!

— Вы сделали... двойной ход! — объявил искусственный голос, когда трое детей вместе толкнули два кубика, обнаружившиеся за гигантским органом. — Ваш итог... четыре. Мы желаем вам приятного путешествия.

Немедленно грянула громкая музыка, и детей перенесло на клетку номер шестнадцать.

Злые яблоки

Мей Йонг поддерживала Свена. Красавцу шведу становилось все труднее держаться на ногах. Рана причиняла ему боль. Он закрыл глаза и позволил вести себя, и не только из удовольствия прижаться к телу своей прекрасной спутницы.

Сама же она страдала, и не только потому, что ее могли увидеть с этим белобрысым неудачником. Гораздо больше Мей Йонг удручало то, что, куда бы она ни бросала взгляд, она видела лишь поля. Не было ни одного асфальтированного отрезка пути, на котором могли бы отдохнуть ее ножки. Только проселочные тропинки, жирная, богатая, кишашая жизнью земля которых источала щедрое благоухание, приводившее Мей Йонг в отчаяние.

Да, пугало было право: маленькая китаянка не любила ходить по грязи. Более того, это внушало ей отвращение. Ну и что? Когда всякая деревенщина находит города ужасными, зловонными и невыносимыми, всем кажется это нормальным. А когда цивилизованный человек говорит: «Я не люблю запахи навоза, земляных червей и не хочу, в качестве единственного развлечения, слушать, как растет трава» — его обвиняют в снобизме.

Мир несправедлив. Это не новость. Но то, что он оказался несправедлив по отношению к Мей Йонг, это уже просто неслыханно.

Некоторое время дети шли в тишине. Девочка была погружена в уныние. Мальчик старался сдерживать стоны.

— Эзоа и Слади так и не появились, — сказал он наконец, — смущенный молчанием Мей Йонг.

— Уа-уа-уа, — произнесла она.

Свен открыл глаза и воззрился на девочку с изумлением.

— Да, она достала меня, эта девица, — заявила программистка. — Теперь, когда я услышу ее имя, я буду гоготать гусем.

— А-а, понятно... Эзоа, уа-уа-уа... Великолечно, хотя и несколько издевательски... Но ты уверена в том, что гуси кричат именно так? Я думал, так младенцы плачут.

— А гуси, по-твоему, как кричат?

— Ну... Я, конечно, не особенно выдающийся птичий этолог, увы. Но мне, тем не менее, кажется, что они издают пронзительный звук типа: «Га-га-га... Га-га-га...»

— Да? Сожалею, но ты ошибаешься.

Свен поднял правую руку в знак капитуляции и поморщился. Этот простой жест вызвал страшную боль, начавшуюся от мизинца, пронзившую все тело и опять сосредоточившуюся в месте раны.

Он, однако, продолжил говорить, боясь того, что снова воцарится молчание.

— А ты можешь имитировать крик гуся на твоём игровом компьютере?

— Эй, хватит! У меня на лбу не написано «дура»! Имитировать — это искусство, представь себе. Я с удовольствием занялась бы этим для пользы дела, для того чтобы помочь нам выбраться отсюда, поскольку вовсе не желаю долго прозябать в этой забытой богом дыре... Но имитировать просто так, это уже...

— Осторожно! — перебил девочку Свен, застывая на месте.

— Что еще такое?

— Посмотри прямо перед нами, направо... Туда!

Маленькая китаянка посмотрела в направлении, указанном тем, кого она считала своим спутником.

Перед ними расстился обширный яблонево́ый сад, перед входом в который стояли один рядом с другим два указателя с надписями:

ОСТОРОЖНО! ЗЛЫЕ ЯБЛОКИ!

СОБСТВЕННОСТЬ СИКОФАНТА МЯКИ А

— Одной буквы не хватает, — констатировала Мей Йонг.

— И это все, что приходит тебе в голову? — удивился мальчик. — Нам говорят о каких-то злых яблоках, о владельце со странным именем, а ты...

— Ты боишься? — оборвала его Мей Йонг.

— Боюсь? Я? Ха-ха-ха! Это не в моем характере. Но, вместе с тем, не забывай о том, что у нас есть миссия. И мы должны соблюдать максимум осторожности, чтобы выполнить ее. Не только наша жизнь поставлена на карту.

— Слушай, а тебе не кажется, что ты далеко зашел? Я знала людей, которые верили в домовых, в Деда Мороза, в привидения, в такие вещи, имитационные модели которых компьютер отказывается делать, а это доказывает, что в природе их нет. Но я первый раз в жизни встречаю человека, который верит в существование злых яблок.

— Я не верю в то, что они существуют сами по себе, — исправился Свен, — я просто подозреваю. Я не верил в то, что оловянные лучники могут в нас стрелять, а они это делали. Я не верил в то, что...

— То есть я могу понять тебя так, что, если я повешу на свой компьютер табличку «злой компьютер», то ты будешь бояться к нему подходить?

— Давай сядем, и попытайся сделать имитационную модель злого яблока, — примирительно предложил мальчик.

— А лучше предлога для остановки у тебя нет?

— Э-э... нет. Поскольку это не только предлог.

— Конечно, — иронически сказала девочка. — Что я, дура, что ли?

Свен настаивал:

— Если я правильно понял, в то, что ты не можешь представить, ты не веришь, так? Тогда попытайся создать имитационную модель изображения злых яблок, посмотрим, что это даст.

Мей Йонг сморщилась.

— Н-н-ну... Почему бы и нет? — Она пожала плечами. — Если ты считаешь, что мне так уж приятно идти... Но куда сесть-то?

— Сюда, например, — предложил мальчик, опуская ягодицы на первый попавшийся кустик травы.

— Ты издеваешься? И речи быть не может! Я запачкаюсь!

— Можешь сесть мне на колени, если хочешь...

Лицо прекрасной китаянки окаменело.

— Ты считаешь себя очень остроумным? — проговорила она.

— Э-э... по обстоятельствам. Иногда да. А почему ты мне задаешь такой вопрос?

— Потому что нужно внести ясность раз и навсегда: выслушивать пошлые шутки маленького претенциозного ма-чо я категорически отказываюсь. Это не ко мне. Женщины имеют право рассчитывать на уважение их достоинства.

— Послушай, Мей Йонг, я уверяю тебя, что и не думал...

— Довольно! Инцидент исчерпан. Надеюсь, к этой теме нам уже не нужно будет возвращаться. И, поскольку совершенно исключается возможность того, чтобы я уселась в грязь или на колени первого встречного...

— Ты знаешь, что тебе сейчас скажет первый встречный? — процедил мальчик сквозь стиснутые зубы.

— ...и поскольку я не верю в то, что вижу, я знаю способ проверить, существуют ли эти так называемые злые яблоки независимо от создания имитационной модели.

— Какой?

— Я их навещу.

Мей Йонг вошла в сад. Приблизилась к дереву. Сорвала красное, золотистое яблоко. Поднесла его ко рту. И так не укусила.

Со всех веток посыпались взбешенные яблоки. Их лица были перекошены от ненависти, так что обнажились клыки, покрытые пеной яблочного сока; среди плодов обнаружили гиганты до двух метров в диаметре, эти великаны, спрятавшись в густой листве, подстерегали появляющихся из-за поворота путников. Они бросились на непрошеную гостью, которая могла защищаться лишь ударами ног, поскольку руки ее прижимали к телу компьютер.

Несмотря на усталость, Свен сумел подняться и ринулся на агрессоров. Мей Йонг, конечно, была утомительна, но при этом, во-первых, красива, а во-вторых, она тоже была человеком. Сама того не желая, она была великолепной попутчицей. А главное, она была девочкой. Свен не из тех, кто бросает в беде девушку, даже если надо рисковать жизнью и преодолевать физическую слабость.

Он издал яростный возглас и набросился на яблоки. Он бил их левым кулаком, бодал головой, топтал обеими ногами, он дрался, как лев, хотя эффективность его действий была, правду говоря, достаточно ограничена. Тем не менее через некоторое время яблоки успокоились, и дети заметили, что они окружены и прижаты к одной из яблонь.

Когда друзья по несчастью попытались оттеснить плоды и расчистить себе проход, щелканье десятков зубов вынудило их отступить. Новые шрамы покрыли тело Свена: кровавые укусы испещрили его руки. Ковбойские брюки маленького шведа выглядели уже не нищенскими, а сделались просто непристойными, настолько огромными стали прорехи в ткани. Мей Йонг это мало заботило: ей расцарапали лицо. И теперь ссадины на щеках удивительно контрастировали с нежной кожей.

Яблоки превосходили детей численностью и силой (по крайней мере, самые крупные из них), им не было нужды ни резать свои жертвы зазубренными краями листьев, ни кусать их острыми зубами. Но они это делали. Просто из удовольствия. И без всяких угрызений совести.

Их предупреждали, этих дураков: в саду Сикофанта мякиша яблоки злые.

Забастовка барана

Слади, в виде исключения, не спал, а грезил. Перед ним бежали четыре пешки нелепого вида: бежевый ночной горшок, розовая дорожная корзина, какая-то капля воды синего цвета и предмет, напоминавший сухую абрикосовую косточку с воткнутой в нее мачтой. На самом деле пешки не просто бежали: они катились, прыгали и беспорядочно рассыпались в разные стороны. За ними гнался баран, настоящий баран, у которого были изогнутые рога, взмыленная шерсть и перекошенная от ярости морда.

— Клетка номер шестнадцать, вы прибыли на клетку номер шестнадцать, — объявил искусственный голос. — На этой клетке вы найдете барана. Проверьте, не забыли ли вы чего-нибудь в органном регистре. Надеемся, что ваше путешествие было приятным. В этой клетке в вашем распоряжении находится баран. Игрокам рекомендуется избегать столкновений с этим животным...

— Слади замедлит его движения, да и все, — ухмыльнулся Мадаван.

— ...и направить его к выходу. Только баран может вышибить дверь и открыть вам дорогу к следующей клетке.

— Мне кажется, он не сможет вышибить дверь, если замедлит его бег, — сказала Эзоа.

— Игроки, задетые бараном, будут отправлены обратно и снова начнут игру на клетке «Старт». Ну, и удачи вам... Даже, скорее, мужества!

Маленькой мексиканке показалось, что голос издал издевательский смешок. Но такой тихий, что она не была в этом уверена.

Баран еще не заинтересовался вновь прибывшими, быть может, он давал им шанс выработать стратегию, чтобы борьба проходила на равных и стала забавнее для него, а может быть, он хотел сначала покончить со своими первыми четырьмя противниками.

Дети, таким образом, получили возможность рассмотреть окрестности. Клетка номер шестнадцать по краям была обсажена обкромсанными деревцами: несколько чахлых сосенок, изголодавшиеся и узловатые оливы будто по ошибке росли под серым небом, по которому плыли четыре луны. Внутреннее пространство клетки — сухая пыльная почва, из которой кое-где пробивались ароматические растения, — также напоминало пустырь. Стебельки тимьяна, розмарина и лаванды сиротливо торчали из земли на центральной площадке. Иногда они источали вдруг сильный запах, несомненно, означавший на их языке вздох уныния.

Изрядно помятая розовая дорожная корзина галопом промчалась мимо нашей троицы. На расстоянии нескольких шагов за ней бежал баран, опустив голову.

— Му-у-у! — промычал он.

Пешка неожиданно изменила траекторию движения, сделав поворот на девяносто градусов. Из-за этого бокового маневра в воздух взметнулась туча пыли. Баран затормозил всеми четырьмя копытами, выскочил, чихая, из пыльного облака, заметил синюю пешку и бросился на нее.

— Р-р-р! — прорычал он.

— Bravo! — крикнул Мадаван покрасневшей от напряжения корзине.

— Да замолчи ты, ненормальный! — вспылила в свою очередь Эзоа, обернувшись к мальчику. — Из-за тебя баран нас заметит!

Она поняла, что жертва авторской моды еще раз отда-лась во власть своих страстей. Мадаван сменил костюм. Прощайте, майка, леопардовые стринги, фантазийные очки и вьетнамки, здравствуйте, кепка сафари, затемненные очки опытного фотоохотника, хлопковая рубашка, бермуды цвета хаки и поношенные прочные кожаные ботинки «рейнджер» с диковинными шнурками, обвивающими их со всех сторон, словно змеи.

— Тут не так уж и плохо, — сказала, подходя к детям, запыхавшаяся дорожная корзина. — Нужно, конечно, от барана бегать...

— Похоже на то, что это не очень-то просто, — заметила девочка, глядя на вмятины на боках корзины.

— Ой, да это у меня осталось после моих бесчисленных путешествий... Я, может быть, однажды вам расскажу про них, если представятся более благоприятные обстоятельства... Но, возвращаясь к нашему барану, не забывайте о том, что надо от него увертываться и увлекать его к двери.

— Это тоже легко?

— Вовсе нет! Только очень сильным игрокам это удастся!

— Почему? — удивилась Эзоа. — Ведь достаточно встать у порога, отскочить — и все нормально!

— Да, все нормально, кроме того, что дверь двигается.

— Как это, дверь двигается?

— Она не стоит на одном и том же месте. Все время перемещается из одного угла в другой. Меняет дислокацию. Понимаешь?

— Да.

— Тем лучше, поскольку я исчерпала свой багаж синонимов, — сказала корзина, приподнимая крышку и лихорадочно ее захлопывая. Видимо, она так смеялась.

Охваченная желанием разгадать новую загадку, маленькая мексиканка не сочла нужным обижаться на дерзость корзины.

— Я полагаю, что это феномен недавнего происхождения, — предположила девочка. — Порядок в мирах разлагается, последствия этого сказываются и здесь...

— Нет, нет, вовсе нет! — возразила емкостью сердечным, хотя и несколько металлическим, голосом. — Дверь перемещается уже очень давно. Честно говоря, сначала она была неподвижной, но Страж заметил, что так выиграть слишком легко, ты сама догадалась почему. Тогда он и придумал систему, благодаря которой дверь появляется попеременно со всех четырех сторон клетки совершенно непредсказуемым образом.

Вдруг корзина вздрогнула и подпрыгнула вверх.

— Осторожно! Баран появился!

— У-у-у! — заулюлюкало животное.

Дети и корзина быстро помчались в четыре разные стороны, один Слади решил убежать маленькими шажками. То ли барана привлекал красный цвет, то ли прерывистое дыхание корзины внушало ему надежду на легкую добычу, но он встал на дыбы и решил упорно продолжать преследование багажа.

Заметив это, Эзоа остановилась, села на землю и тут же запустила пальцы в свою сумку-фасолину для чудес. Пошуршав, пальцы извлекли из фасолины кусочки слоновой кости, позаимствованные у гигантского органа, волосинку из шерсти плюшевого мишки, спавшего рядом с ней, обломок стрелы, выпущенной оловянными солдатами, комочек поролона, подобранный в лесу, окружавшем Эдамнацию, щепки от катапульты, стебельки лаванды и несколько маленьких круглых камешков, найденных на дороге. Камешки представляли собой нечто вроде автографа Эзоа, в тех случаях, когда у девочки было достаточно материала для того, чтобы подписать свое изобретение.

По непонятным ей самой причинам, Эзоа очень любила маленькие кругленькие камешки. Видя, с каким рвением она их собирает, друзья спрашивали ее, чем же эти камешки могут быть ей полезны, и девочка отвечала: «Не знаю,

если даже они ни для чего не нужны, они хотя бы красивы, чего нельзя сказать о других бесполезных вещах».

К собственному удивлению маленькой мексиканки, странноделка стала собираться очень быстро. Девочка складывала, подгоняла, вдавливала, постукивала, вставляла, потирала, смешивала, добавляла, вводила, отбрасывала, созерцала и сожалела о том, что у нее нет волосков шимпанзе, для того чтобы покрасить свое изделие в сливовый цвет. Ее исцарапанная левая щека горела от возбуждения.

В общем, Эзоа была горда тем, что добилась скорого результата. Вещь получилась довольно элегантная. Новое творение девочки походило, в общих чертах, на зеленую грушу (схематично, если прищуриться и посмотреть искоса), утыканную крупной галькой, как небо усеяно звездами.

— Я сделала распылитель вкуса гуаявы! — объявила она своим спутникам.

— А он зачем нам нужен? — осведомился Слади, приближаясь к девочке.

Маленькая мексиканка надавила на схематическую грушу. Толстенький мальчик склонил голову набок и улыбнулся.

— Неплохо, кузина! — отметил он.

— Правда? А так?

Эзоа нажала на странноделку посильнее. Ее друг жадно облизнул губы и воскликнул:

— Ням-ням-ням! Еще вкуснее! Еще нажми, пожалуйста, как мне вкусно!

— Я хотела добавить чуть-чуть мяты, — призналась, выполняя просьбу Слади, изобретательница. — Так было бы богаче. К несчастью, мне было нечем притянуть балансир контргайки, для того чтобы уравновесить бумкалку дзынькалки...

— Все равно великолепно! — уверил ее Слади.

— Несомненно, но не это вытащит нас отсюда, — заключил Мадаван.

И показал на барана. Тот вышиб синюю пешку с клетки. Потом в знак победы лягнул задними ногами по воздуху. Затем, вместо того чтобы броситься на детей, улегся в пыль и стал спокойно жевать стебелек розмарина.

Марокканец с брюшком нахмурил брови, говоря:

— У него сиеста началась?

— Нет, у него забастовка, — ответил индийский хамелеон. — Мне бежевый ночной горшок сказал, что вот уже несколько лунариев, как барану наскучило бегать за пешками. И он время от времени перестает играть.

— Отлично! То есть он на нас уже не набросится!

— И не выведет нас отсюда, — подчеркнула Эзоа. — Хотя...

Она нажала на схематическую грушу, направив ее в сторону барана, который удивленно наклонил рога и прожужжал:

— Ж-ж-ж-ж!

— Действует не особенно, — негромко подытожила девочка.

Ее внезапного вдохновения оказалось мало. Странно-делка была умело сконструирована — она работала. В нее был вложен опыт изобретательницы: знатоки могли почувствовать, что Эзоа побывала в «Синем отеле», что она попробовала там сильногазированный маковый сок, мало того, можно было догадаться, что девочка пила и улучшенный вариант этого коктейля в казино баранов в столице животного мира. Но в итоге изобретение оказалось таким же красивым и бесполезным, как маленький кругленький камешек. Так недолго и потерять вкус к магическим поделкам.

— Ну а теперь моя очередь! — закричал Мадаван. — Как только я буду готов, хватайте меня за руки и бегите за мной!

Он глубоко вздохнул. Размял пальцы. Стащил с себя кепку сафари. И стал полупрозрачным: друзья, как сквозь туман, увидели, что он снимает одежду и надевает новый,

возникший ниоткуда костюм. Когда индийский хамелеон снова стал видимым, он сделался очень похожим на барана, невзирая на противоударные очки. Вообще, эти очки являлись интересным аксессуаром: перемычка между стеклами была прозрачной, а две белые дужки были выполнены в форме фигурок прыгающих баранов.

— Да, впечатляет, ничего не скажешь, — признала маленькая мексиканка, — но смысл-то в этом какой?

— Му-у-у-у! — замычал мальчик.

— Что?

— МУ-У-У-У! — ЗАМЫЧАЛ Мадаван.

И, схватив Слади и Эзоа за руки, наклонил голову и ринулся на бастующего барана.

Пляж гепарда

Лейла и Типуссен беспомощно смотрели, как поднимается вверх лифт с телом ЗззеннНа. От него исходил удушающий запах.

— Негодяй проследил за нами, — прошептал цыпленок. — У меня перья дыбом стоят...

Ощетинившаяся тигрица ничего не ответила. Она осматривала комнату в поисках другой притаившейся опасности.

За каждой веревкой, за каждой бобиной, за каждым зубчатым колесом ей чудились огромные силуэты чудищ. Гигантские скорпионы, присевшие на задние лапы. Сотни поднятых в потемках жал, готовых поразить проходящую мимо жертву.

Видения, несомненно, появились от напряжения, поскольку, закрыв и снова открыв глаза, тигрица различила лишь безобидные тени.

— Бежим! — прорычала хищница Типуссену.

Она указала на маленькую дверь в глубине зала, через которую, очевидно, и вошел ЗззеннН. На этот раз цыпленок не рискнул идти впереди тигрицы. Он предоставил ей возможность начать движение, и тигрица мягкими прыжками направилась к выходу... когда крепость сотряс новый толчок.

Два Посланца остановились. Гром усиливался. Ширился. Стена в глубине зала задрожала. Град мелких камней посыпался на пол машинного отделения. Раздался треск. Лейла подняла вверх глаза. Секунду спустя большой каменный блок отделился от потолка и упал прямо перед дверью, в которую вошел ЗззеннН.

Посланцы повернули назад. Теперь впереди стоял Типуссен. Но идти куда-то дальше не было возможности. По полу зала от удара каменного блока пробежали волны. Земля вибрировала. Стены затряслись. Животных охватила дрожь. Веревки заходили ходуном. Вдруг какой-то винт заело, в действующем механизме сухо щелкнул противовес, толстый канат натянулся, не выдержал напряжения и лопнул.

Кабина лифта, в которой поднимался ЗззеннН, стала стремительно опускаться, повисла в десяти метрах от земли и лихорадочно закачалась из стороны в сторону. Тело Посланца и его палка подкатились к краю пола кабины, затем свесились вниз. Повинуясь инстинкту, усиленному многолетним опытом, Типуссен рванул вперед. Лейла последовала за ним.

Они почти уже достигли двери, в которую вошли, как раздался глухой звук падения. Они обернулись.

Тело ЗззеннНа, неузнаваемое, лежало на земле, рядом с ним валялась палка. Труп местами покраснел, местами почернел, и был покрыт плесенью, которая, казалось, мерцала в сливовом свете факелов. В глазах мертвеца копошились личинки. Из ушей лениво выползали черви.

Как только мертвое тело коснулось пола, примерно полдюжины крыс набросились на окровавленный череп и принялись его грызть. Внушительный живот человека с тремя ртами почему-то остался нетронутым, но ноги превратились в две гнойные культи, покрытые какими-то черными грибами, неумолимо пожиравшими нижние конечности Посланца вместе с костями.

Ему уже ничем нельзя было помочь. Ничего нельзя было придумать, для того чтобы спасти его достоинство. Ничего, кроме бегства для продолжения борьбы. Ничего, кроме приложения усилий к тому, чтобы гибель ЗззеннНа не оказалась напрасной.

Посланцы переглянулись, и этого хватило, для того чтобы понять друг друга. Они бросились в коридор, по которому пришли.

Насколько осторожно они продвигались по коридору тогда, когда нашли его, настолько же быстро мчались они теперь по нему обратно. Запах стремительно разлагавшего-

ся тела ЗзеннНа преследовал их. Вид его — тоже. Лейла и Типуссен были воинами, самыми настоящими. Но опыт не освобождает от чувства ужаса. С ним смиряешься. Он становится частью профессии. Но, несмотря на все это, ужас остается ужасом.

Тигрица подумала о том, что это хороший признак: пока подобные ситуации будут ее волновать, она сможет обуздать свою жестокость. Типуссен тоже подумал о том, что это хороший признак: пока существуют негодяи, способные на такие преступления, нужны будут непобедимые солдаты, вроде него самого, для того чтобы наказывать их.

Что, видимо, большое воображение Стража уже упустило из виду.

Посланцы выскочили в зал с лестницами.

Хотя зала с лестницами больше не было.

Комната изменила свое местоположение в крепости. Ничего удивительного. Совсем недавно Посланцы преследовали комнату Стража, которая пыталась сбежать от них. Замок был творением Эльдера. В голове у старика все «сместилось». Перемещалось все и в его доме. Естественно.

Теперь вместо немыслимых лестниц Лейла и Типуссен видели перед собой какую-то трехмерную картину, удивительную по своей правдоподобности. Она изображала бескрайний широкий пляж с мелким песком. В картине можно было погулять, почувствовать, как скрипят теплые кристаллики под лапами, увидеть, как ветер постепенно разглаживает твои собственные следы.

— Это воспоминание Стража о Верхнем пляже, — объяснила Лейла Типуссену.

— Никогда не бывал в подобной штуке, — проворчал цыпленок хриплым голосом. — Как говорят бедные, не люблю я эти места для богатых.

— А для меня это очень значительное воспоминание, — промурлыкала тигрица, закрывая глаза. — Очень, очень значительное...

Типуссен поднял клюв к потолку, изображавшему ярко-голубое небо, в котором медленно таяли почти прозрачные облака.

— Только не говори мне, что и тебе это что-то напоминает! — покачал он головой.

В этом опасность таких вот усовершенствованных сувениров. Если место, которое они воссоздают, тебе знакомо, ты не только вспоминаешь прожитые некогда моменты, ты обязательно погружаешься в них.

Войдя в картину-воспоминание, Лейла отправилась в прошлое, почувствовала запах хищников, ощутила вкус соли. Она увидела силуэты гепарда и женщины-кошки, которую очень хорошо знала. Женщина мяукала от смеха. Маенка.

Как только они с Маенкой приручили друг друга (на это понадобилось всего несколько лунариев), тигрица стала испытывать к Маенке глубокое чувство, одновременно нежность и почтение. Женщине-кошке нужно обладать стальной волей, для того чтобы добиться успеха в профессии продюсера, и Лейла видела в хозяйке много общего с собой, со своим собственным желанием сделаться телохранителем, поскольку таким ремеслом также обычно занимаются мужчины.

Роднило их и еще кое-что. Маенка, как и Лейла, под своей решительной внешностью не таила сюрпризов. Ни слабости. Ни неуверенности. Ни ночных печалей, источника тягостных монологов о смысле жизни. А ведь сколько откровенных признаний своих нанимателей вынуждена была выслушивать Лейла раньше! Она обеспечивала безопасность людей блистательных при свете дня и неожиданно печальных под покровом ночи. А Маенка была натурой цельной. Она не воспринимала тигрицу ни как плюшевого мишку, ни как подругу. Она считала ее своим работником, эффективным и безупречным, то есть именно тем, кем Лейла и была.

Но отношения между двумя кошками едва не испортились во время их последнего пребывания на Верхнем пляже. Кстати, по вине Лейлы.

Великолепный ягуар очень живо заинтересовался женщиной-кошкой, которая, в свою очередь, также проявила к нему очевидную симпатию. Женщины-кошки обожают ягуаров. Сама-то Лейла относится к ним весьма спокойно.

Кроме тех случаев, когда у ягуара шелковистая шкура и живой взгляд. Крепкие лапы, мускулистое тело и густой мех. А этот ягуар был как раз таким.

Даже еще лучше. Но было у него два недостатка.

Первый заключался в том, что ягуар был слишком хорош для тигрицы. Не физически: Лейла знала, что она далеко не самая некрасивая из хищниц. Ее вкрадчивая походка и сила не знали себе равных, многие самцы — разной породы — желали тигрицу. А вот по социальной значимости рядом с ягуаром Лейла была никем. И он это понимал, что и было его вторым недостатком. Ягуара интересовала Маенка. Женщина-кошка была недурна, и деньги составляли часть ее обаяния.

Лейла уяснила себе ситуацию сразу же, как только увидела, как ягуар приближается: этот парень был здесь не из-за нее. Он пришел ради ее хозяйки. Так оно и оказалось. Лейла решила понаблюдать за парочкой и, при случае, отомстить...

— Эй! Куколка! — проверещал ей Типуссен на ухо. — Пойдем, что ли?

Тигрица вонзила себе коготь в лапу.

— Прости меня... — пророкотала она.

Лейла чувствовала, что цыпленок ждет объяснений, но она не дала их ему. «Нельзя раскрывать профессиональные секреты», — подумала тигрица, хотя сама не была уверена в своей правоте. Не хотела она рассказывать цыпленку про ягуара, вот и все.

Друзья начали пересекать комнату воспоминаний, внимательно оглядывая окрестности в поисках Стража или оставшихся в живых (как они надеялись) Посланцев, Блэка и Атора. Никого не было видно. Но зато было слышно гром.

Небо воспоминания потемнело. В потемках обозначились шестнадцать скульптурных силуэтов с вытянутыми головами. Завоевателей памяти.

— Ох, нет! — выдохнул Типуссен. — Неужели снова циплопы? Старый сумасшедший не может придумать для нас ничего получше? К тому же эти какие-то хлипкие на вид! Они нам будут на один зубочек... или на один ударчик, ха-ха-ха!

Цыпленок засмеялся... и сильно закашлялся.

— Пора бросать курить, — заключил он, — глотка сохнет.

Силуэты застыли. Они одновременно сделали одно и то же движение: засунули руки в сумки, висевшие у них за спиной, достали оттуда какие-то узкие ремешки, раскрутили их над головами и бросили в Посланцев. Два снаряда попали прямо в лицо мишеням. Лейла мгновенно рассекла предназначенное ей летающее лассо когтем, а Типуссен свое — клювом. Когда те упали на землю, Посланцы поняли, что имеют дело с асписовыми гадюками.

Теперь вокруг друзей шипели от бешенства четырнадцать змей. Рептилии достигали около метра в длину, чешуйчатая кожа их была чернильно-черного цвета, красивые золотистые глаза змей пересекали вертикальные зрачки. Тварям с изогнутыми в виде буквы «S» шеями явно не понравилось то, что с ними произошло, и они собирались заставить врагов дорого за это заплатить.

Лейла не стала терять зря времени и набросилась на четырех ближайших к ней змей. Одну тигрица обезглавила зубами, вторую растерзала когтями, третьей разможила голову о землю, а четвертую вернула обратно отправителям. Не желая отставать, Типуссен распетушился и ухватил каждой лапкой по две твари. Он сжимал и сжимал их, пока змеи не испустили дух и не обвисли жалкими веревочками вокруг его когтей. Оставшиеся в живых рептилии не стали долго ждать и быстро попрятались.

— Пять-пять, — произнес цыпленок, бросая свои трофеи к ногам тигрицы. — Поровну, цыпочка...

Циклопы, по непонятным причинам, продолжали сохранять дистанцию. Они снова засунули было руки в сумки, но внезапно появившийся сильный запах ванили заставил их остановиться. Опять раздался гром. Посланцы подняли головы, боясь увидеть обваливающийся потолок. Но на этот раз опасность шла с нижних этажей.

Телохранители Стража быстро поняли, почему циклопы остаются на почтительном от них расстоянии. В сумках вра-

гов таился еще один сюрприз, гораздо более опасный, чем снаряды с ядом, — стены.

Стены, поднимавшиеся из пола к потолку.

Стены из металла и стрел, стены из камня и осколков битого стекла, стены толстые и острые, со страшным грохотом выраставшие повсюду и ниоткуда в шахматном порядке, то в виде прямого угла, то в виде звезды, стены, грозившие разрубить Посланцев пополам, стены, вздымавшиеся также и вертикально и разрезавшие на куски зал воспоминаний...

Цыпленок и тигрица отскочили в сторону и покатались по земле. Опасность была двойной: во-первых, стены грозили разрезать или проткнуть друзей, а во-вторых, цыпленок и тигрица легко могли потеряться в лабиринте, ожидая, пока новое безумство Крепости не уничтожит их окончательно.

Вдруг Лейла вскочила на лапы. Рядом с ней никого не было. Типуссен оказался по другую сторону внезапно появившейся колючей стены. Он был жив: тигрица слышала его хриплое дыхание.

И тут появилась надежда. Ну, скажем, последний ее лучик. Ударяясь в потолок, стены нарушали целостность его поверхности. На ней появились трещины, вниз посыпались камни.

— Ты там, крошка? — завопил цыпленок из-за стены.

— Да...

— Потолок крошится... Если в нем появятся отверстия, а нас при этом не раздавит, встретимся наверху!

— Договорились!

Куски потолка немедленно обрушились вниз, и открылись просветы.

Посланцы вертелись волчком, увертываясь и от продолжавших прорастать стен, и от больших цементных плит, неожиданно падавших сверху. Едва град из камней утих, тигрица, выпустив когти, бросилась на стену. Ей удалось вонзить в нее когти, затем высвободиться и добраться до панели верхнего помещения, еще не рассыпавшегося.

Она бросила взгляд вниз. Типуссен взобрался на горизонтальную стену и собирался взлететь. Хищница свесилась как можно ниже, для того чтобы протянуть ему лапу. Цыпленок

забил крыльями, немного приподнялся и не упал только благодаря необычайной ловкости Лейлы. Тигрице удалось схватить его и поднять к себе.

— Ну, жарит, жарит, жарит! — вскричал цыпленок.

Он улыбался. Как он любил опасность! Он и себя самого часто называл горячим парнем, «во всех смыслах», говорил он с ухмылкой, которая казалась ему игривой, и прибавлял: «Одна беда, как бы такой горячий цыпленок, как я, не превратился однажды в курицу-гриль...»

— Пошли! — Типуссен кивнул своей подруге.

Они побежали к выходу, находившемуся в другом конце рассыпающейся на куски комнаты. Толкнули полуоткрытую дверь, которая за ними тут же с шумом захлопнулась. И оказались в странном помещении. Маленьком. Темном. И влажном.

И, кажется, с видом на море, поскольку в стене напротив входа было прорезано высокое окно. Оно напоминало окна, что были в комнате Донжона, окна, парившие над изумрудной бесконечностью. Сходство нарушала одна деталь — решетка.

Из окна падал серый свет. Помещение было просторным. Пустым. Заполненным спертым воздухом замкнутого пространства. Что соответствовало обстоятельствам. Поскольку дверь за спиной Посланцев отныне вела в пропасть... и была заблокирована.

А другого выхода отсюда не было.

Прямо перед ними в углу чернел в тени знакомый силуэт.

— Ах, вот ты где! — завизжал Типуссен, заметив его. — Ну раз уж мы заперты тут все вместе, самое время поговорить немного, тебе не кажется? Заметь, как все удачно складывается, у меня есть для тебя кое-что от ЗззеннНа...

Он хрустнул шейными позвонками и помчался на великолепного скорпиона, изо всех сил торопясь отомстить за человека с тремя ртами.

Яблочко «черлидинг»

Свен и Мей Йонг смотрели на яблоки, которые, шушукаясь, окружили их. Некоторые плоды даже подходили поближе, для того чтобы с удивлением рассмотреть детей. У друзей создалось впечатление, что они выставлены на ярмарке... или, скорее, на рынке.

Сказать, что ситуация им не нравилась, значит ничего не сказать. Во-первых, мальчику и девочке было не по себе от устремленных на них взглядов (они чувствовали себя яблоками в тележке супермаркета), во-вторых, они торопились найти Эзоа и Слади, чтобы продолжить с ними путешествие, и в-третьих, им было больно. Очень больно. Во всяком случае, периодически. Кожа у них горела в местах укусов.

Красавец швед пытался сделать хорошую мину. Он считал, что его роль заключается в этом. Если он вдруг не выдержит... Нет, это невозможно. Тем не менее, предположим все-таки, что он принялся стонать так, как ему хотелось, потому что все тело его болело, особенно руки, потому что он чувствовал слабость, потому что он ощущал необходимость поддержать свои силы чтением мудреной книги. Просто гипотеза, а? Что подумает в этом случае Мей Йонг?

Подчеркиваем то, что мнение маленькой задаваки не имело никакого значения для мальчика. Она столько раз называла Свена дураком, что он вовсе не заботился о том, чтобы произвести на нее впечатление. Он Мей Йонг теперь

хорошо знал. Пусть сколько угодно считает его идиотом, неудачником и пустышкой. В ее устах это, может быть, даже и комплимент. Но, вместе с тем, зачем убеждать Мей Йонг в том, что она права. Что составила о нем верное мнение. Что он спасовал перед трудностями. Что он жалок. И никчем.

— Мне страшно, — пробормотала программистка, пытаясь замаскировать свои раны тональным кремом цвета «розовый персик».

Свен промолчал. Все, что он мог бы сделать, так это обнять за плечи свою подружку. Не для того, чтобы воспользоваться ситуацией, Свен не такой. Просто чтобы ее успокоить. Но он поостерегся: разбитое сердце боится новой боли.

— О, как мне страшно... — повторила Мей Йонг, несомненно, удивленная отсутствием всякой реакции со стороны мальчика. — Что они собираются с нами сделать, как ты думаешь?

— Ничего, — с убеждением ответил Свен. — В нас слишком сильна тенденция бояться того, кто не похож на нас. То, что эти яблоки не такие, как мы, еще не обязательно значит, что они хотят нам навредить!

— Напоминаю тебе о том, что они сами квалифицируют себя как *злых*!

— Ну и что? Когда маленький мальчик поступает неправильно, ему говорят, что он «злой». Но от этого не стоит его бояться.

— Какая связь?

— Я говорю тебе об этом для того, чтобы подчеркнуть относительность значения эпитетов. Когда я это говорю, я ничего не говорю...

— Но эти яблоки напали на нас! — продолжала девочка. — Они изрезали нас! Они искушали нас! Прости, но у меня создалось впечатление, что их поведение по отношению к нам было более чем враждебным!

— Недоразумение, — констатировал красавчик.

— Что?

— Вся эта история просто цепь недоразумений между тобой и яблоками. Ты проникла на их территорию, сомневаясь даже в том, существуют ли они! Они почувствовали угрозу, в то время как ты в глубине души не желала им ни малейшего зла. Как только яблоки это поймут, они отпустят нас, и мы сможем продолжать поиски Эльдера и наших коллег.

— Ты отдаешь себе отчет в том, что ты говоришь о яблоках, словно о *людях*? О *настоящих* людях?

Мальчик покачал головой и вздохнул.

— Да прекрати ты считать, что только ты достойна быть человеком, Мей Йонг, настоящим человеком! — сказал он, постепенно повышая голос. — Хорошо, пусть ты самая красивая, самая умная...

— Я не это говорила!

— ...никто тебе и в подметки не годится, несмотря на это, другие люди, похуже, быть может, чем ты, не такие, во всяком случае, как ты, они тоже существуют.

— Свен... Не упрямься: эти яблоки злые, они держат нас в плену, они нас искушали... Они даже не предложили нам взять адвоката!

— А ты, когда ты кусаешь яблоко, всегда ему адвоката зовешь?

— Ха-ха-ха. Нет, конечно.

— А почему? Тебя научили тому, что яблоки надо кусать. А предположила ли ты, что эти яблоки напали на тебя, быть может, по точно такой же причине? Например, потому, что им всегда говорили о том, что они злые и должны кусать любого, кто зайдет в сад?

— Мне наплевать, почему эти яблоки злые! Я просто хочу знать, когда они нас отпустят...

— Мы вас не отпустим, — произнесло приблизившееся к детям яблоко.

Вида оно было необычного. У него была розовая с блестками кожица, а в листьях оно держало сверкающую веточ-

ку. Оно рассматривало незнакомцев с любопытством. Что тревожило, так это то, что яблоко улыбалось.

— Здравствуйте, меня зовут Свен, — представился красавчик швед.

Улыбнулся в свою очередь и протянул руку. Яблоко подбросило веточку к небу и поймало ее. Это, видимо, было яблочко «черлидинг».

Оно поведало мальчику самую невероятную новость:

— Мне на это наплевать так, что просто ужас, милый мой.

— Яблоко не сосредоточивает на мне всего своего внимания, — перевел красавчик для Мей Йонг. — Ну, я, конечно, даю приблизительный смысл...

— Спроси у него, что они будут с нами делать, — приказала программистка.

— Мы вас зароем, а потом ликвидируем.

— Они нас закопают в землю живыми! — сообщила программистка, впадая в панику.

— Да нет! — возразил Свен. — Они посадят нас в землю, а потом полиют.

— Ты уверен в этом?

Мальчик пожал плечами.

— Совершенно, — кивнул он. — «Зарыть» значит «поместить в землю», то есть посадить, а слово «ликвидировать» имеет один корень со словом «ликвидный», то есть свободный, текучий, напоминающий о самой драгоценной для растений влаге — о воде.

— Я не хочу, чтобы меня поливали! Я душ при свидетелях не принимаю! У меня компьютер может пострадать!

— Да тут речь о другом, Мей Йонг. Ты все путаешь. Я-то, кстати, ничего против не имею: мужчине необходимы корни. Но пока объясняю тебе, что сказало эта прелестное яблочко.

— Прелестное?

— Ну... Если хочешь, хорошенькое.

Мей Йонг закусила губу. Этот белобрысый овощ взволновался при виде яблока — при этом яблока самого последнего пошиба, и в совершенно безвкусном костюме!

— Ты действительно понимаешь их язык? — предпочла она спросить, подавив на время возмущение. — Или ты...

— Я говорю на сотнях языков, — заявил красавец швед. — Не считая местных диалектов, причисление которых к самостоятельным языкам вызывает дискуссии. Так, например, восточное зубину: региональный диалект или *лингва матер*?

Мальчик пристально посмотрел на свою подружку, затем улыбнулся:

— Хе-хе, сама чувствуешь, вопрос спорный!

Самая сексуальная в мире программистка почти забыла о том, что у нее ноют руки. Высказывания этого индивидуума ставили ее в тупик. С одной стороны, они ее раздражали, с другой — обезоруживали. Чем дольше Мей Йонг его знала, тем меньше понимала, издевается ли мальчик над ней, или у него с самого детства был сбой в программе.

— Ты не мог бы им объяснить, что нас *необходимо* отпустить? — спросила она. — Уточни, что в противном случае мира рассыплются на куски...

— Я попытаюсь.

Свен подождал, пока яблочко «черлидинг» закончит серию начатых им акробатических упражнений. Затем сказал:

— Эта старая коряга Мей Йонг просит меня проскрипеть вам, что этот мир вообще и луны в частности рассыпаются на четвертинки! Мы боимся, как бы нам всем не досталось на орехи! Сейчас пока цветочки, но как бы и ягодки не созрели...

Свен прервался. Красивое спелое яблоко оттолкнуло яблочко «черлидинг» и подкатилось к детям. Плод был темно-синего цвета, с галунами около черенка.

— Хватит шуметь, фруктики! Мы сейчас вас отправим к Сикофанту мякишу, а с ним ветками не помашешь...

— Отпустите нас, пожалуйста, — умоляюще сказала Мей Йонг, что вызвало у яблока презрительную гримасу.

— Без паники, — прошептал мальчик. — Сикофант, это, быть может, еще одно имя Сама-знаешь-кого.

— Это кто, Сама-знаю-кто?

— Ну, Эльдер... То есть Максипулпусс, как ты его называешь!

— Ты думаешь, сопротивляться не стоит?

— Я думаю, что у нас выбора нет, — признался Свен. — Но я надеюсь, что нет худа без добра... или наоборот!

Яблоко с галунами сделало знак листком другому яблоку, и то подскочило и принялось толкать ребят в спины.

— Ну ты, хам! — вскричала программистка.

— Иди вперед, если твоя тыква тебе дорога!

Злые яблоки устроили ребятам «коридор позора». Они шумели листвою, издавая какое-то осеннее шуршание, напоминающее свист ветра: «у-у-у-у».

Процессия двинулась вперед по глинистым тропинкам сада. Мей Йонг шла, опустив голову. Никогда в жизни она не испытывала подобного унижения. Если Сикофант и впрямь окажется Максипулпуссом, она выскажет ему все, что думает о его подданных. Она будет беспощадна. Честна. Объективна. И будем надеяться, что он простит ей ее растерзанный вид.

В стране игрушек Мей Йонг не нашла парикмахера, достойного так называться (стричь волосы деревянными ножницами с закругленными концами — это невозможно), единственной одеждой, которую она смогла добыть, стали длинные розовые платья с серебряной вышивкой. Результатом всего этого явится то, что она не сможет предстать перед Стражем миров в приличном виде. Но делать нечего. В глубине души прекрасная китаянка даже была довольна: тот, кто создал такие невоспитанные яблоки, не достоин лицезреть ее во всем блеске.

Вот так.

Клетка «Ноги»

— Му-у-у! — замычал баран, видя бегущего на него другого барана.

Его первой реакцией был вздох облегчения. Наконец-то кто-то пришел на смену. Как давно он этого ждал!

Но животное быстро заметило свою ошибку, и следующая его реакция стала правильной. Новый баран явился не для того, чтобы его заменить. Он атаковал его с целью отправить в начало игры. Только этого не хватало!

— Да они с ума сошли! — воскликнул ночной горшок.

— Это точно, — подтвердила корзина, которая снова приобрела свой розовый цвет. — Но зрелище при этом будет интересное! Я в восторге!

Ее крышка лихорадочно приподнималась. Все эти события вносили разнообразие в рутину их жизни и нравились корзине.

Баран вскочил на ноги. Он кипел и пыхтел от гнева. На него нападают? Отлично. У него есть в запасе сюрприз, необходимый для того, чтобы уничтожить чужака. Он ничего не имел против иностранцев — они периодически появлялись, дело барана было их принять и уготовить им достойную их талантов участь. Но «есть вещи, которые нужно делать, а есть вещи, которые делать не нужно», считало животное. Когда ты попадаешь в клетку, ты подчиняешься установленным в ней правилам и не пытаешься подсидеть того, кто оказался здесь раньше тебя.

Баран побежал прямо на дверь... которая отскочила от него. Еще несколько лунариев назад он мог рассчитать перемещения двери по положению лун. Теперь с этим покончено. Лун осталось всего четыре. Все изменилось. Нужно было приспособливаться к новым условиям работы. Каждый лунарий он собирался составить новый календарь перемещений. Но к чему перетруждаться? И он переносил осуществление проекта на более позднее время, обещая себе: «Я начну завтра...»

Незнакомый баран, сопровождаемый двумя другими пешками, вяло бежал за ним. Он задыхался. Ему явно не хватало профессионализма. Ему еще нужно было как следует поучиться. Настоящий баран легко мог обернуться и отправить его в путешествие на другую клетку. Но он этого не хотел. Они находились слишком близко к «Старту». И мальчишка мог быстро вернуться. Лучше избавиться от него, толкнув его вперед.

Истинный баран уперся правым передним копытом в пыльную землю, повернулся боком и ринулся к противоположной стене, в которой образовалась дверь. Он бешено прыгнул на нее, кубики перевернулись, теперь на них было шесть очков, и детей вынесло с клетки.

— Клетка номер двадцать два, вы прибыли на клетку номер двадцать два, — объявил искусственный голос.

Дети оказались посреди лужайки стадиона. Окружавшие их трибуны были полны зрителей. В ближайших к ним рядах марионетки, у которых были бритые, окрашенные в красный цвет черепа, выкрикивали оскорбления в адрес болельщиков из другого лагеря, называя их «грязными маленькими феями».

— Вы найдете в этой клетке множество ног, — продолжил искусственный голос. — Ваша цель заключается в...

Внезапно голос изменился. Стал пронзительным.казалось, что теперь пытается говорить труба, произнося слова чересчур отчетливо и важно.

— Спасибо вам, уважаемый консультант, за оч-ч-чень поле-е-е-зные комментарии! Речь, естественно, идет о мячах, которые только что были выкинуты с этой клетки гигантскими ногами. Поско-о-ольку мы начинаем комментировать матч в то время, когда идее-е-е-ет смена мяча. Я напоминаю правила тем зрителям, которые впервые познают спортивные во-о-о-олнения: арби-и-итр всегда прав, ему виднее. Но ногомяч также является спортом и для болельщиков: мы замечаем, как яблочки «черлидинг», ро-о-о-озовые, с блестками, выходят на стадион. Они оч-ч-ч-чень красивые, это тоже-е-е одна из ра-а-адостей спорта! Внимание, матч скоро начнется...

— Неужели это орел-комментатор... — пробормотала Эзоа, наклоняясь, чтобы сорвать несколько травинок. — Но он не мог покинуть свой пост у горы...

Девочка сохранила нежные воспоминания о хищной птице, спасшей ей жизнь однажды в животном мире. Орел поднял Эзоа в воздух в тот момент, когда ее могла раздавить движущаяся гора. Бывший заслуженный спортсмен, орел оставался на высоте положения и вел постоянные репортажи о перемещениях горного массива, предупреждая обитателей животного мира о надвигающейся опасности.

Нет, это был не он: Эзоа увидела тройного сарыча (вернее, сарыча с тремя головами), планировавшего над стадионом в наушниках с микрофоном. И тут она заметила какое-то движение. Две ноги отбросили ее и Мадавана на скамью запасных. Слади же свернулся клубком и заснул на своей подушке.

И стал мячом.

Девочка хотела разбудить его: большая розовая нога — только стопа, ни лодыжки, ни голени — помешала ей, сделав прием (ногой). Эзоа хотела ударить ее (ногой), но пятка огромной ноги надавила девочке на спину и лишила возможности двигаться.

Мадаван не пришел ей на помощь. Но вовсе не из трусости. Он просто не видел того, что происходило. Он был слишком занят переодеванием.

Быть в костюме барана на стадионе казалось ему неприличным. На стадионе нужно носить минимум одежды и сливаться с толпой. Чтобы не ломиться в открытые двери, он решил создать костюм болельщика... но своего фасона.

Не повторяя форму ни одной из команд и не ограничиваясь шарфиком — слишком общий ход, по его мнению, — Мадаван решил придумать что-нибудь оригинальное, с маленькими деталями, позволяющими отступить от классики, но и не впадать в пафос. Он хотел решиться на новую тенденцию, попробовать небывалое смешение стилей, соединить пиджак и кроссовки, широкие льняные шорты и какой-нибудь забавный аксессуар — почему бы не разноцветный брелок для ключей? Главным было помнить о том, что спортивная одежда не обязательно небрежна, что можно надеть вышитый свитер (голубые бабочки, оранжевые светящиеся цветы), не ставя под сомнение общую линию некоей легкомысленности. Короче, для того чтобы выбрать правильную одежду для стадиона, уважающая себя жертва авторской моды должна поразмышлять, а Мадаван себя очень уважал.

Крики восторга наполнили стадион: ноги, прыгая, выбежали на поле.

Это были правые и левые ноги огромного размера. Крепкие — даже коренастые, — метровой ширины и двухметровой высоты, они делились на красных и черных. Черные ноги было легче узнать, чем красные: они все были разного оттенка, к тому же у них был акцент.

Тройной сарыч выкрикивал имя каждого игрока, всякий раз вызывая иступленное «Да-а-а-а!» у публики. Болельщики, у которых были мертвенно-бледные лица и которые были одеты черными привидениями в стиле «готика», скандировали изысканные слоганы («Кто не в черно-о-дет, ис-пы-та-ет мно-го бед!»); феи, на телах которых бы-

ло совсем немного красных одежд, пищали свои нежные лозунги («Сдавайтесь, трупачи! Вы просто слабаки!»). Два капитана пожали друг другу большие пальцы, и матч начался.

— Красные выбрали классическую расстановку 4-4-2, — комментировал сарыч. — А черные решили выпустить нападающего носком и... о, отличный красный удар! Прекрасный прорыв назад, великолепный захват мяча, у красных все меняется, переход мяча к ноге Ибус Икрус, увы, игрок запутывается ногой в траве... арбитр свистком назначает штрафной удар! Но это невероятно! О-о-о-о! Мы видим первый поворот в ходе матча, который будет, видимо, бурным! Я чувствую, что о нем еще будут го-о-оворить долго после его окончания!

Шум среди публики нарастал. Красные освистывали черных, черные освистывали арбитра, арбитр свистел игрокам, призывая их разойтись. Все, казалось, были единодушны во мнении: ошибки — это прекрасно!

Арбитр встал у подножия стены из ног, вынуждая их отступать шаг за шагом. Они находились уже в нескольких шагах от штрафной площадки. Красная нога выхватила Слади с подушкой. Эзоа испугалась, как бы тот не оказался вне игры и не перелетел из-за этого на другую клетку... Но черная нога перехватила мяч и отправила его своим нападающим. Увы, мяч ударился о землю и... сдулся. Подушка марокканца с брюшком прокололась.

Мяч быстро унесли на носилках на скамью запасных, под дружные аплодисменты зрителей.

— Не знаю, что со мной, но меня будто ногами били, — сказал Слади, садясь.

Нога, прижимавшая Эзоа к земле, отпустила ее и приблизилась к Мадавану. Мальчик был одет в шелковую майку, светлые хлопковые шорты, толстовку из ткани, имитирующей джинсовый материал, и профилированные шиповки, его винтажные аксессуары были неотразимы (взять хотя бы очки с толстыми стеклами, роль оправы в

которых играла белая, украшенная черными шестиугольниками лента). Как только нога размахнулась, жертва авторской моды спряталась в кокон. Кокон был сделан из тюля и прозрачного пластифицированного полистирола, «нечто очень простое и современное, почти неприличное — все на виду — и целомудренное — дотронуться нельзя».

Матч возобновился. Кокон Мадавана был очень опасен, поскольку отлично катился. В любой момент самый стильный индеец всех миров мог отправиться на соседнюю клетку! Другьям нужно было держаться рядом, чтобы их не разлучили!

Эзоа схватила Слади за руку и решила овладеть ситуацией. Ногам не понравилось то, что какие-то чужаки появились на поле. Более того, эти невежды намеревались совершить самое преступное из преступлений, а именно: взять мяч за руку и увлечь Эльдер знает куда.

Арбитр засвистел, требуя удаления запасных мячей. В ногомаче на поле может быть только один мяч.

Ситуация выходила из-под контроля, сарыч рычал нечто нечленораздельное и сыпал восклицаниями, пытаясь скрыть свое смущение. Он повторял «Ох!», «Ах!», «Вот так так!», «Но это невероятно!», «Такого никогда не было!», «Куда же мы катимся, честное слово!», «Надо начать игру сначала!». Дети побежали к Мадавану, на которого нога поставила носок (ноги). Остальные ноги шевелили пальцами, разогреваясь. Некоторые ноги пытались поймать нарушителей правил. Одна нога вырвалась вперед и прыгнула, готовясь опуститься на запасные мячи.

— Спокойно, кузен! — сказал ей Слади, поднимая руку.

Игрок застыл в воздухе, что позволило тройному сарычу прокомментировать его исключительную техничность, которую впервые можно было наблюдать в замедленной скорости. Зрители, растерявшиеся не меньше комментатора, вопили каждый на свой лад.

— Давай! — крикнул красный тренер ноге, удерживавшей Мадавана.

Нога ударила носком. Эзоа и Слади рванулись вперед и приняли мяч на лету. Кубики в стаканчике перевернулись, искусственный голос объявил:

— Ваш ход... пять дубль! Итого... десять очков. Желаем вам приятного путешествия.

Вцепившиеся в кокон из тюля и полистирола дети поднялись в воздух. Они пролетали над клетками с леденящей душу быстротой. Времени рассмотреть детали не было. Одна из клеток как-то странно булькала, другая издавала истерические смешки, третья казалась совершенно спокойной, что было необычно для этого безумного мира, а четвертая выпускала густые клубы дыма и пахла порохом.

Дети приземлились на клетку с металлическими стенками, которые тут же сомкнулись вокруг них.

— Ух ты! — произнес впечатленный Слади. — Ну и скорость!

— Ты считаешь? — удивилась Эзоа, подбирая упавшие на землю стальные обломки. — Мне больше понравилась клетка-катапульта. По крайней мере, времени не теряли...

— Клетка номер тридцать два, вы прибыли на клетку номер тридцать два, — объявил искусственный голос.

И умолк.

— Ну что, говорить-то он будет? — нетерпеливо сказала страннodelьница. — Уже в клетке «Ноги» мы потеряли уйму времени!

На этот раз удивился Мадаван.

— Да ты что? А мне кажется, что мы уж очень суетимся. Хорошо еще, что ты не попала на клетку «Ноги» раньше: там все происходило гораздо, гораздо медленнее!

Эзоа нахмурила брови.

— Как это *раньше*? Ты нам говорил, что ты проиграл три раза, на клетке «Метроном», ты нам сказал, что ты бывал три раза...

— Ну да, я проиграл *около* трех раз, может быть, чуть больше...

— *Немного* больше или просто больше?

— Э-э... больше.

— Клетка номер тридцать два, вы прибыли на клетку номер тридцать два, — повторил искусственный голос.

— Ты нас обманул! — вскипела гневом девочка.

— Нет, — запротестовал самый модный индеец всех миров. — Я просто округлил, а это не одно и то же.

— Я люблю все круглое, — заметил Слади. — Пирожки, пупки, шашки, пончики, ломтики нарезанных бананов, диски, шины... Слушайте, я мог бы коллекционировать все круглое. Как вы считаете?

Эзоа и Мадаван переглянулись, не решаясь ответить «НЕТ».

Маленький индеец потряс решетку клетки и сменил тему разговора.

— Вы думаете, мы в тюрьме?

Он на всякий случай переоделся в костюм с яркосиними и ярко-желтыми полосками, предпочитая разноцветность однотонности. «Отлично для поднятия настроения в грустные серые дни», — подумал он.

— Клетка номер тридцать два, вы прибы... ли на клетку но... мер тридцать два, — повторял искусственный голос с равными паузами. — На этой кле... тке вас... ждет ловушка!

Сомнений не было: голос открыто издевался над ними.

— Ну, вы сейчас ОТОРВЕТЕСЬ, ха-ха-ха! — объяил он. — Великолепное путешествие!

— Слади! — крикнула Эзоа. — Замедли это!

— Что это?

— Ну... отрыв!

Марокканец с брюшком озадаченно склонил голову набок. Как можно замедлить нечто, что не существует в тот момент, когда ты хочешь замедлить это нечто, для того чтобы помешать ему образоваться? Вопрос был ему непонятен, ответ на него он найти не мог.

И взрыв прогремел. Он произошел где-то в глубине клетки. Клетка, в которой были заперты дети, немедленно взметнулась в небо, словно запущенная ракета. Раздался

металлический скрежет: решетка развалилась, не выдержав ускорения. Троица друзей в облаке дыма покатилась к краю клетки. Похожие на лианы ремни безопасности тут же поймали Слади, Эзоа и Мадавана.

— Так... мы... не... потеряемся... если... упадем! — проговориł маленький индеец, задыхаясь от скорости.

Жертва авторской моды наспех натянула костюм космонавта: белый комбинезон и большой шлем с окошечком, к тому же персонализированный — на макушке его красовалась остроконечная карнавальная шапочка, которую удерживала завязанная под подбородком веревочка.

Открывший рот Слади заметил на небе коричневую луну. Она была квадратная и не подходила для будущей коллекции, но она вызвала у мальчика чувство голода, поскольку от нее периодически исходили ароматы горячей выпечки. Марокканец с брюшком протянул руку к светилу-булочке... и констатировал с долей разочарования (для него это было сильное переживание), что лакомство находится вне пределов досягаемости.

Неожиданно форсунки их тюрьмы, представлявшей собой отныне блюдо без бортиков, погасли. Последнее содрогание, и клетка прекратила подниматься в небо.

Как Катись-катись, она на секунду зависла в пространстве. А потом — фьють! — стала падать на землю со страшным пронзительным свистом. Слади не успел опомниться, как мир стал расплывчатым. В следующее мгновение — буууум! — он сделался зеленым, текучим, холодным и гнетущим. Детям показалось, что они врезались в стену... и прошли сквозь нее. Они задыхались.

Они рухнули в реку Забвения.

Сикофант мякиш

Яблоки нарочно выбрали самую длинную, самую грязную и тяжелую дорогу к Сикофанту мякишу. Мей Йонг была уверена в этом.

Ноги ее запачкались. Щиколотки болели. Ну, болело на самом деле все тело. Девочка страдала от своих ран. Ей казалось, что все жуки мира хрустели под ее пятками, как только она ставила ногу на землю. И верхом ужаса стало то, что яблоки-стражники потащили детей по тем местам, где росли оскорбляющие растения.

Свеном дурные травы не заинтересовались. Они предпочли выплюнуть свой яд на очаровательную китайку. Естественно: женщины любят унижать друг друга.

— Посмотрите, она и вправду считает себя прекраснейшим цветком! — прокудахтал толстый росток.

— Ты размалевана, словно пластмассовый тюльпан, букашечка! — проскрипел кактус, который всюду совал свои колючки.

— Оставьте меня в покое, вы, сорная трава! — взорвалась программистка. — Чтоб вас косилкой срезало!

— Да, не розами от тебя пахнет! — уколол ее какой-то цветок.

— Луговая земляника — это вульгарно! — заметил одуванчик.

— Заткнитесь, идиоты! Я держалась бы скромнее на вашем месте, с вашим интеллектуальным уровнем свеклы!

— Нет, вы полюбуйте на эту наглую тычинку! — бросил какой-то сорняк, не оставаясь в долгу.

Мей Йонг захотелось отреагировать так, как должно: примять ногами этих мерзавок. Но она передумала. Она прислонилась к Свену, сделала мученическое выражение лица и, надеясь вызвать сочувствие у своих стражей, принялась испускать тяжелые вздохи, приправленные стонами.

Напрасный труд.

Яблоки, совершенно равнодушные к гримасам своей жертвы, подпрыгивали рядом с пленниками. Они следили за детьми так же, как дятел следит за насекомыми под древесной корой. Они подстерегали неосторожное малейшее движение, намек на попытку к бегству, для того чтобы снова начать кусать нежную кожу программистки.

— Не нервничай, Мей Йонг, — шепнул ей Свен. — Они не стоят твоего гнева. Вспомни о том, кто они есть на самом деле: пожиратели хлорофилла, и больше ничего...

«Спасибо за сочувствие!» — подумала Мей Йонг.

Мальчик, под предлогом защиты от града оскорблений, схватил руку Мей Йонг и сжимал ее пальцами. Словно такого рода нежности могли ей как-то помочь! Конечно, для пугала и, как она поняла, для тролльчихи или манипуляторши с найденными на земле гайками это было бы неоценимой честью. Вкуса у мальчика хватало на средний уровень. Он гордо стриг свои белокурые волосы в стиле, который обожали мужчины в начале второго тысячелетия. Такую безнадежную прическу делали те, кто мечтал обольстить топ-модель, имеющую некоторое представление о шике. И после всех уроков хорошего поведения, уважения к окружающим и прочего, после всех обрушенных им на нее комплиментов он все еще продолжал упорствовать, этот невежа!

Маленький швед выбрал другую, нежели его подруга по несчастью, стратегию, для того чтобы выбраться из тяжелого положения, в которое они попали. Он пытался всту-

пить в переговоры с автохтонами. И кажется, то, что он называл своим природным обаянием, действовало также и на фрукты, и на одуванчики. Причем так, что Свен время от времени передавал той, которую-он-больше-не-считал-своей-подружкой, информацию, полученную от населявших этот враждебный мир существ.

Они разговаривали на том же языке, что Мей Йонг и Свен, но с явной тенденцией к употреблению растительных терминов. К этому нужно было привыкнуть. Что мальчику давалось легко. Да и прекрасная программистка понемногу осваивалась. После нескольких неправильно понятых выражений и ошибок, возникших из-за ее неопытности, Мей Йонг сообщила мальчику, что он может больше не переводить. Она уже понимала. В общем и целом.

Истина заключалась в том, что беседы ее не интересовали. Ее занимали мысли о собственной судьбе. Эгоистично, да. Но кто на ее месте реагировал бы иначе?

Кто из тех, чьей жизни угрожали бы агрессивные твари, сами себя называющие злыми, например, обратился бы внимание на то, что сикофант — это всего лишь какой-то захудалый слизняк? Кого занял бы тот факт, что он очень вырос за последнее время? Кто воодушевился бы при сообщении о том, что этот мастодонт стал теперь размером с дом и продолжает расти?

Конечно, Мей Йонг была всего лишь маленькой безмозглой и капризной куклой. Но, действительно, кто на краю гибели испытал бы хоть какое-то любопытство к тому, что этот монстр вырыл себе тронный зал под огромным Великим Деревом? Что с тех пор, как Сикофант считает, что может управлять облаками, он принимает себя за Короля-Солнце? Всех благ ему! Скорей всего, это просто мафиози самого последнего разбора с подручными яблоками и карательными отрядами, состоящими из туч насекомых.

Увы, несмотря на всю свою добрую волю, Мей Йонг была вынуждена признать, что ей совершенно наплевать на

торговцев красной смородиной, когда-то бывших в такой чести в Крепости Стража миров. Что ей абсолютно неинтересно знать о том, что они забросили свои шалости с воровством ягод и превратились в устрашающих преступников.

Бог с ней, со всей этой пошлостью, и пусть Свен погружается в нее, пусть, прикрываясь ею, оскорбляет Мей Йонг, называя ее то укусным одуванчиком, то овсяной гребенкой, — ей наплевать на все естествознание, на все растения и на всех садовых животных. Ей дела до них нет по одной простой причине: она не желала понимать того, для кого ее похитили. У Сикофанта были на то свои причины. Естественно. Она в этом и не сомневалась. А у нее были свои причины жаждать освобождения. Единственной новостью, которая приковала бы к себе ее внимание, было объяснение того, как ей отсюда сбежать и вернуть себе свободу. К тому же при том темпе, с каким они передвигались, Мей Йонг не имела возможности сделать имитационную модель, даже самую примитивную. Эта работа требовала минимум времени, сосредоточенности... и некоторого уединения.

Честно говоря, у нее даже и желания не было что-либо делать. Ей хотелось просто свернуться в клубок под сочувственным взглядом мальчика соответственного уровня интеллектуального и физического развития, заплакать и утешиться долгим поцелуем, который за всем этим восполняет. Она родилась для прекрасной судьбы, достойной ее старшей сестры. Где бы она ни находилась, на Земле или в Маллемире, она не могла допустить того, чтобы ее родители стыдились ее. Мей Йонг научили иметь о себе высокое мнение, и она собиралась доказать, что достойна такого доверия.

Маленькая китаянка знала, что все это время, потерянное на топтание грязи по левую руку от ничтожного мальчишки, невосполнимо. Потерянное время нельзя восполнить.

Эти грустные мысли привели к тому, что Мей Йонг начала испытывать по отношению к Сикофанту черную ненависть. Хотя обычно приберегала свои чувства для существ более высокоразвитых. Более достойных какой бы то ни было реакции с ее стороны.

— Мы приближаемся к Питомнику казненных, — сообщил ей Свен.

— И что? — произнесла программистка потухшим голосом.

Живая изгородь расступилась и пропустила яблоки и их пленников.

— Сегодня они приносят в жертву Природе священный мак. Ох, черт... Они его уже убили...

В центре Питомника возвышался лично сам Сикофант мякиш, жалкий и великолепный. Он был еще ужасней, чем гигантский слизняк. Это был монстр пяти добрых метров в высоту (не считая усиков), двух метров в ширину и около пяти — в длину. Кожа его была цвета грязи, а лицо его, нежное до дряблости, казалось таким огромным, что у Свена возникло впечатление, будто он видит перед собой необъятный экран.

«Пусть это очень антисубъективно, но должен быть способ договориться с этой благодушной горой», — подумал Свен, очень довольный тем, что использовал в своих рассуждениях два любимых прилагательных.

Остальные действующие лица пьесы, однако, оптимизма не внушали.

На переднем плане Питомника, лицом к толстому Хозяину, стояла семья маков. Красный от гордости отец смотрел на рассыпавшиеся по земле в центре поляны лепестки своего сына. Находившиеся рядом с ним маки плакали слезами из росы. Мужчины семейства старались сдерживаться. Иметь мученика в числе родственников считается честью, это традиция, восходящая к началу жизни растений, объявил Сикофант мякиш, когда вводил этот обычай. Даже если не очень-то приятно видеть гибель своего сына, на

которого возлагалось столько надежд и который прощается с жизнью *без всякой причины*.

На втором плане Питомника, вокруг поляны, стояла толпа. Все пришли, чтобы принять участие в событии, которое должно было стать большим народным праздником. Праздник получался грустным, но, повинувшись традиции, кое-кто иногда смеялся...

Когорта лилий, источавших сладкий аромат, суежилась вокруг расчлененного мака. Видимо, это были великие жрецы, проводившие церемонию, «долженствующую напомнить всем о собственной хрупкости, а следовательно, о необходимости придать смысл столь краткой жизни». Смысл этот мог сформулировать только Сикофант. Когда, наконец, останки мака убыли унесены, детей вытолкнули вперед.

Чем ближе подходил к монстру Свен, тем сильнее путались у него мысли. Он, подготовивший такую прекрасную речь с целью рассеять все недоразумения, вдруг начал дрожать. Напомнили о себе его раны. И, редкое явление, у Свена пропало желание говорить.

— Вот иностранцы, которых задержали наши эмиссары, о Сикофант мякиш! — доложило синее яблоко с галунами.

Колосс пошевелил усиком. Он смотрел на пленников благодушно. Красавчик швед даже, кажется, услышал, как Хозяин что-то напевает — хотя, может быть, у него забурчало в животе? — прямо перед тем, как прозвучала его речь. Спокойная и мягкая, произнесенная вязким голосом с запахом тины самых отдаленных болот. Ясная речь, состоящая из двух слов: «Убейте их».

Стены-убийцы

Скрежещущий звук остановил Типуссена в тот момент, когда он уже бросился на синего скорпиона. Цыпленок обернулся. В комнате стало темнее. Серый свет больше не проходил через окно. Его проем заслонило... второе чудовище. Панцирь паукообразного был ярко-желтого цвета. Оно, несмотря на массивность своего тела, ловко пролезало сквозь прутья решетки.

Самые потрясающие восемь непобедимых сантиметров мира не могли прийти в себя от удивления. Монстров было много.

И тот, на которого Типуссен собирался напасть, скорее всего не был убийцей Зззенна.

Тем хуже для него. Он заплатит за своего сородича.

Посланец не боялся монстров. Он неплохо разбирался в паукообразных животных и понял, что эти чудовища были гибридом. Гибкое жало они взяли у одной породы скорпионов, четыре глаза, расположенные попарно по бокам черепа, — у другой, мощные клешни — у третьей. По всей вероятности, атаковать они будут в два захода, сначала попытаются схватить противника клешнями, а потом уже решатся использовать яд, запас которого всегда очень долго восстанавливается. Лучше всего нападать на них снизу.

И Типуссен бросился на чудище, которое влезло в запертую комнату. Все восемь лап паукообразной твари клювом отрезать трудно, но цыпленок сумел отсечь три из них. Монстр присел на оставшиеся конечности и хотел пустить в ход жало. Посланец откатился назад... но остался в пределах

досягаемости. Он увидел приближающееся жало и подрагивающий зуб.

В этот момент в игру вступила Лейла. Мускулистая кошка сжала ядовитый насос монстра передними лапами и удерживала роковое оружие до тех пор, пока Типуссен отступал. Потом она отпустила жало, и то уткнулось в деревянные шашки пола. Паркет на глазах начал гнить.

Так Посланцы узнали две новости: хорошую — о том, что чудовища не владеют своим жалом в совершенстве, и плохую — о том, что их яд невероятно силен. Если зуб монстра коснется одного из Посланцев, того немедленно постигнет участь ЗззеннНа. Спасение невозможно.

Пока передние лапы Лейлы были заняты, Типуссен повернулся, намереваясь атаковать синего скорпиона. Но тот не обращал на цыпленка ни малейшего внимания. Его глаза были прикованы к Лейле.

— Ты что же, лапка, боишься меня, что ли? — закричал цыпленок, видя, что монстр отвернулся. — Очень жалко, жалко мое, осмелюсь заметить!

Смеясь над собственной игрой слов, Типуссен прыгнул на монстра сзади. Скорпион зашипел, увернулся и опять направился к тигрице.

— Киска, осторожно, — громко предупредил коллегу цыпленок, — он на тебя в обиде!

Поскольку пол прогнул в том месте, куда уткнулся зуб другого чудища, борьба усложнялась и этим препятствием.

Но цыпленка не так просто было остановить, он перепрыгнул через дыру и ударил клювом пятипалого скорпиона. Синее чудовище лягнуло его задними конечностями, но не обернулось. Его тоже интересовала только Лейла.

Желтый скорпион вынудил Лейлу отступить к окну. Посланница старалась ни секунды не стоять на месте. Уставший скорпион едва успевал следовать за ее движениями. Неожиданно пятипалый монстр прыгнул между Лейлой и стеной. Тигрица оказалась зажатой между двумя ядовитыми жалами, четырьмя клешнями, восемью почти светящимися глазами и тринадцатью блестящими в темноте лапами. Ситуация была отчаянной.

Нависшая над морем стена.

Перед стеной — желтое чудовище с пятью лапами.

Перед чудовищем — Лейла.

За Лейлой — синий скорпион.

За восьмипалым скорпионом — Типуссен.

Не зная, как быть, цыпленок выдрал большую шашку из дырявого пола и нанес ею сверхмощный удар по основанию жала ближайшего к нему противника. Чудище еле заметно дрогнуло: доска разлетелась на куски.

— Отойди! — прорычала тигрица.

Цыпленок бросился на пол. В тот момент, когда стоявший перед ней скорпион уже наострил свое жало, большая кошка сделала вид, что собирается броситься вправо... и, мягко взлетев в воздух, перепрыгнула противника. Находившийся за ней желтый скорпион подался вперед, намереваясь также атаковать ее. Желтое жало взметнулось вверх.

Он не попал в цель, поскольку его сородич не успел остановиться. Жало восьминогого чудища вонзилось в его синего товарища. В комнате немедленно распространился сильный запах тления.

— Отлично сыграно, красотка: одна тварь из двух готова! — воскликнул Типуссен, вскакивая с пола.

Оставшееся в живых чудовище, казалось, совершенно не переживало по поводу неудачного выстрела. Пока пол падался вокруг трупа его сородича, оно спокойно развернулось.

Вот тут-то из первого отверстия в паркете появился еще один скорпион. Он был ярко-синим, мощным и рассерженным.

Типуссен не медлил ни секунды. Пока чудовище не выбралось из отверстия полностью, он воспользовался тем, что был рядом с ним, и выклевал ему два боковых глаза. Жало ударило наугад. Цыпленок схватился за жало, охнул от напряжения и, держась за жало изо всех сил, принялся вращать монстра в воздухе... а затем отшвырнул в сторону. Чудовище с размаху влетело в стену с заблокированной дверью.

Не давая паукообразному животному передышки, Лейла бросилась на него, вцепилась в его членистую лапу и попы-

талась оторвать ее. Безрезультатно. Тогда тигрица методично стала отрезать части его лап одну за другой, а потом сбросила чудище движением когтя в нижнее помещение.

Во всяком случае, так ей показалось. А на самом деле паукообразная тварь изогнула свое тело, столь же сильное, сколь и гибкое, удержалась на краю отверстия и рыбкой прыгнула прямо на грудь тигрице. К счастью, Лейла оставалась начеку, она слегка отступила и выставила передние лапы щитом. Тем не менее удар был так силен, что тигрица покатила по полу и с изумлением увидела, с какой ненавистью оскалился ярко-синий скорпион.

Тварь, хотя и лишилась своего излюбленного оружия, от борьбы не отказалась. Ни боль, ни увечья не остановили ее. Победить ее казалось делом невозможным, это должно было стать подвигом... или везением! Но, когда синий скорпион поднялся, для того чтобы броситься на тигрицу, прогнившие шашки паркета провалились под ним, и он упал в нижнюю комнату.

Запыхавшаяся Лейла, у которой дрожали усы, присоединилась к своему товарищу.

— Знаешь что, лапка? — прохрипел Типуссен. — Мы проучили гадов, но в итоге, я думаю, они нас достанут.

— Возможно, — признала Лейла.

— И даже точно! И знаешь, что еще? Я наполню ими целое кладбище, прежде чем они до меня доберутся!

Цыпленок пронзительно захохотал и покрутил гузкой. Что он мог поделывать, он обожал опасность, как другие обожают тихо нежиться в своем курятнике. А поскольку жизнь Типуссена в основном лишь из опасностей и состояла, он считал себя самым счастливым цыпленком на свете.

Пьяный от возбуждения Типуссен рванул вперед с единственной целью — умереть достойно. Ярко-желтый скорпион мог тут очень помочь. Цыпленок схватил клешню, которой паукообразное собиралось схватить его. Типуссен дернул за клешню резким и сильным движением и вывернул ее.

Крак.

Тварь решила отомстить ему другой клешней.

Снова крак.

Скорпион направил жало на своего мучителя. Слишком поздно. Цыпленок увернулся. И продырявлен был пол.

Лейла таких противников не любила. Но она чувствовала, как бешенство клокочет в ней при мысли о том, что она умрет, не выполнив своей миссии. Выпустив когти, она ринулась на ближайшего скорпиона. Когти заскрежетали о панцирь приподнявшейся на передних лапах твари. На кончике зуба показалась перламутровая капелька яда.

Снаружи послышались громкие глухие удары. Тигрица не обратила на них ни малейшего внимания. Она вцепилась оскаленными клыками в крупное сочленение основания жала. Острые зубы нашли слабое место, и Лейла вырвала роковое оружие скорпиона.

Оба Посланца очутились перед дверью, закрывавшей их в адской комнате.

— Ну что, держимся! — сказал Типуссен, щуря глаза от удовольствия.

— Пока да, — кивнула Лейла. — А что будем делать, когда другие скорпионы подтянутся?

И действительно, прижавшийся к стене ярко-желтый скорпион, казалось, ждал подкрепления.

— Мы их всех уничтожим! — заявил цыпленок хриплым громким голосом.

— Черт, Типуссен, брат, не ты ли это? — раздался ужасно высокий голос снаружи.

— Блэк?! — одновременно произнесли тигрица и цыпленок.

— Да кто же, если не я! И Лейла, сестра, ты ли там тоже?

— Да уж она, она, — иронически ответил цыпленок. — А ты все в том же стиле выражаешься!

— Отойдите, я вхожу!

— Но... как?

— Ну, вот так! — пропищал вновь прибывший Посланец.

И стена перед Посланцами обрушилась, похоронив скорпиона под грудой камней.

Фигура их друга заполнила все образовавшееся пространство. Один метр в высоту и четыре — в ширину. На шлеме Блэка развевался белоснежный плюмаж.

Это был он, Блэк, белый рыцарь.

— Братья мои! — воскликнул он, взбираясь по обломкам стены, засыпавшей скорпиона.

И спустя мгновение прижал обоих Посланцев к себе.

— Ты знаешь, что ты только что убил огромного скорпиона? — пророкотала Лейла.

— Скорпиона? Где он?

— Под камнями...

— Чертов Блэк! — вмешался Типуссен. — Обрушивать стены в нужный момент — это ведь просто твоя специальность, так ведь, малыш?

И цыпленок сильно хлопнул лапкой по помятым латам друга.

— Ты Эльдера нашел? — спросила Лейла.

— Почти! — ответил рыцарь тонким голосом. — Еще бы чуть-чуть и... нашел бы!

— Он хотя бы жив еще, этот старый дурень? — осведомился Типуссен.

— О да! Я своими глазами видел, как он взлетел на воздух вместе с замком. Более того, я думаю, что я знаю, где он. Ввиду этого позвольте мне вставить эту встречу в огромную фреску моей жизни. Итак, родился я не Блэком, белым рыцарем, я родился повествователем, им и останусь, каковы бы ни были факты, отметившие мое пребывание в этой Крепости. Переживите же вместе со мной воспоминания о моей жизни, так вам будет понятнее затем...

— Блэк... — Лейла покачала головой.

— Не перебивайте меня!

— Мы вынуждены это сделать, — настоял Типуссен.

— Мы очень ценим твою манеру рассказа, — уверила Блэка тигрица.

— Во всяком случае, мы с удовольствием послушаем его еще один раз, — поправил ее цыпленок. — Но сейчас надо шевелить перьями, иначе... Клянусь великой скорлупой! Скорпионы-то еще живы! Пора бежать, как сказал бы мой мясник!

Типуссен прыгнул на плечо рыцаря и стал руководить его действиями во время поворота назад («направо... личико

чуть-чуть наклони... посильнее... Отлично!»). Теперь три Посланца стояли перед проходом в разоренную комнату, открывшимся, когда рухнула стена. Оставалось последнее препятствие: когда-то ярко-желтая, а ныне пыльная и помятая тварь поднялась на лапы. Она вылезла из-под кучи камней и явно находилась еще в шоке от полученного удара. Но оружие было при ней: ее жало и клешни отросли заново.

— Черт подери, вот явление, достойное сожаления! — пропел рыцарь.

— Да она бессмертна, эта дрянь, — прорычала Лейла. — Мы думали, что еще до твоего прихода расчленили ее... И ты видишь результат перед собой.

— Я понимаю срочность скорейшего отступления, — признал Блэк.

Когда он бросился вместе с друзьями в комнату, из которой пришел, пол задрожал от его тяжелых шагов.

Белый рыцарь боком пролез в образовавшуюся в стене брешь. Но, как только трое Посланцев оказались по ту сторону преграды, они были вынуждены остановиться. Раздался удар грома. И за ними выросла стеклянная стена.

«Что хорошо, — подумал Типуссен, — это что теперь скорпион оставит нас в покое. Что плохо — если надо будет, назад мы вернуться уже не сможем».

Пол дрожал. Крепость, казалось, ходила ходуном. Стены выгибались. Та, что выходила к морю, издавала стон, скрип, растрескалась и рассыпалась на куски. Тут же прозрачная преграда появилась на ее месте. Небо снаружи приняло черно-антрацитовый оттенок, а изумрудное море стало темно-сапфировым.

Толчки, следовавшие один за другим, сотрясали Донжон. Верхние этажи содрогнулись. Опустились. И вдруг Посланцы взлетели к потолку. Что-то увлекло их вверх. Небесное притяжение было столь сильным, что у них на миг создалось впечатление, что стенка всосет их в себя.

Но удивительное явление вовремя прекратилось. Друзья оказались на полу. Послышался скрежет, и, одновременно с падением старых каменных стен, стали возникать новые

стеклянные перегородки. Они выросли еще быстрее, чем на пляже гепарда.

Вдруг прозвучал пронзительный стон.

— Блэк! — крикнула Лейла.

Рыцарь боролся. Он оказался зажатым между потолком и поднявшейся от пола стеклянной перегородкой. Новая стена прижимала рыцаря к потолку и давила на него все сильнее и сильнее.

— Ох, нет! — закудахтал Типуссен, давясь от смеха. — Он опять застрял! Сколько чудесных воспоминаний всплывает в моей памяти, эти «я опять застрял»...

Цыпленок захлопал лапками, показывая рыцарю большой коготь. Типуссен прекрасно помнил, как Блэка защемило в стене, разделявшей зал Посланцев и комнату Эльдера. Тогда цыпленок впервые услышал высокий голосок крепыша. После минутного изумления шестеро Посланцев тогда разразились хохотом, но вскоре они забыли свои насмешки, когда Блэк, не являвшийся профессиональным солдатом в своем мире, проявил необычайную храбрость. Цыпленок покачал головой. Он был на седьмом небе. Опасность, друг и красotka рядом с ним... О чем еще можно мечтать? Вот за что он любил войну: за братство, рождающееся в схватке, за солидарность, возникающую только между боевыми друзьями и подругами, за чувство локтя, появляющееся постепенно и остающееся навсегда.

Типуссен поднял глаза, глядя на своего друга.

Блэку было не до смеха. Поскольку с потолка тоже спускалась стена. Теснимый сверху и снизу рыцарь ростом был уже не метр, а меньше восьмидесяти сантиметров. Вокруг его доспехов стояли стены. Из его ног и рук, старающихся оттолкнуть перегородки, текла кровь. Блэк стал пленником стен.

Лейла первая поняла, в каком ужасном положении оказался белый рыцарь. Она бросилась на стекло. Попыталась его разбить. Искрошить. На стенке не осталось даже царапины. Типуссен последовал ее примеру и, словно дятел, стал бешено долбить клювом стену. Ни малейшего эффекта.

Дыхание Блэка насторожило друзей. Оно сделалось хриплым и почти неслышным.

— Мне уже ничем нельзя помочь, — пробормотал белый рыцарь. — Я... я долго не продержусь... Я перейду от энергии слов к силе молчания... Я чувствую, как волны пробегают по моей спине... Мои руки мне больше не принадлежат... Стекло вонзилось в мои ноги...

Он умолк. Потерял еще несколько сантиметров роста. Медленно и неумолимо стена сжимала его сверху и снизу.

— В конце концов, самый лучший лунарий, — прошептал Блэк, — это тот, который ты не увидишь... А как хотелось бы увидеть... Мы стараемся не думать о нем... убедить себя в том, что его не существует... В принципе, один в другом, но мы жили, а это удача... Пусть смерть настигла нас, скоро мы об этом уже забудем... Грустное утешение, честно говоря, но все-таки утешение...

Он вдохнул последний глоток воздуха. На землю упала слеза, смешавшись с каплями крови, струившимися по стеклу.

— Спасибо, Лейла... — проговорил белый рыцарь. — Спасибо, Типуссен... Познакомиться с вами было честью для меня... Я беру отпуск от жизни!

Стена завершила свое дело.

Она раздавливала доспехи и разрезала рыцаря в длину. Покраснев от гнева, она комкала, сжимала и рвала Блэка, но ни его латы, ни его тело не хотели сдаваться, сопротивлялись до последнего... и в конце концов взорвались.

В последний момент Лейла и Типуссен бросились на землю. Куски стекла, части тела и обломки металла разлетелись по комнате и осыпали Посланцев. Как только град закончился, тигрица тревожно вскочила на лапы. Цыпленок последовал ее примеру. Хотя и не так быстро.

Оба ожидали появления новых стен — противников, по крайней мере, столь же страшных, что и гигантские скорпионы.

Но все было тихо.

Но при этом Донжон оставался единственным местом в мирах, где спокойствие периодически издавало тошнотворный запах, так хорошо знакомый Посланцам. Запах этот означал присутствие смертельной опасности.

Викторина с единорогом

Погрузившись в реку, Эзоа не пыталась задержать дыхание. Она просто не дышала. У нее не было на это времени. Девочка думала о своей следующей странноделке. Она решила воспользоваться наличием воды для создания аквапожирателя.

Пальцы Эзоа перебирали кусочки поролона от лужайки, обрезки гигантских ногтей, стебельки лаванды, части металлической решетки, несколько перьев сарыча, какие-то штуки и обрывки шиповок, которые она нашла под скамьей запасных на клетке «Ноги». С быстротой молнии пальцы вставили маховое перо в мяч, заполнили его водой и стали сооружать легкий четырехтактный двигатель.

Во время подачи топлива клапан открывался, опуская зажим-поршень и впуская перемешиваемую движением перьев смесь воздуха и воды в цилиндр. Затем сжатие блокировало клапан, давление воздействовало на зажим-поршень и на смесь. При ослаблении давления зажим-поршень поднимался, что провоцировало появление искры от взрывательного трения друг о друга двух обломков металла. Зажим-пистон опускался, выпускной клапан открывался и распространял великолепный запах лаванды, поэтическую нотку в мире магического странноделания.

Всё вместе — надо ли еще и уточнять? — являлось перьевым двигателем, первым водным мотором в истории человечества.

Как только Эзоа его потрясла, он завелся с полоборота. И позволил детям двинуться вверх. Все уцепились за лиану, которой обмотал их Мадаван, и болтали ногами, для того чтобы подняться на поверхность и начать снова проходить мир с самого начала!

Уже имеющий опыт маленький индиец, выплыв, не задыхался и не выплевывал воду: он спокойно дышал через тубус Супермена, которым заблаговременно обзавелся и который находил модным и достаточно стильным аксессуаром. («Потому что, в сущности, что такое стиль? — думал он. — Это тубус Супермена, пластиковая палочка, способ продвижения в жизни, особый взгляд на мир, свойственный каждому».) Многочисленные прошлые падения в реку научили Мадавана вести себя в ней правильно. Поэтому он выбрал легкий, соответствующий обстоятельствам костюм, избавившись от наряда со шляпой и надев цветастые купальные трусы. Мадаван чувствовал себя в реке Возвращения как рыба в воде, скоро он будет воспринимать ложе реки как свое собственное ложе.

И не только свое: оно пришлось по вкусу и Слади, который в нем заснул. Он уже давно не спал. Как мог он противиться желанию поспать, упав в ложе, где невольно нужно было принять лежачее положение? Слади закрыл глаза. Сразу все то, что не давало ему заснуть так долго, показалось ему незначительным, и, невзирая на треск мотора Эзоа, он быстро вернулся в спокойное величие отдыха.

А мотор тащил детей к берегу, несмотря на силу течения и большой груз. Девочка была довольна тем, что ей удалось создать такую эффективную странноделку. Она старалась сохранять ситуацию под контролем, а ведь вставить свое слово в присутствии таких могущественных детей, как Мадаван или Слади, было не очень-то просто. К счастью, ни один из мальчиков, кажется, не увлекся идеей возглавить дело вместо нее, не то что эта кукла-ломака. Слади и Мадаван довольствовались своим положением и помогали Эзоа. Это, возможно, была неплохая стратегия,

для того чтобы успешно найти Эльдера, пока не стало уже слишком поздно.

Конечно, использование двигателя было мошенничеством. Когда-то их посвятили в правила игры жизни, и они их помнили. И в основном им следовали. Но доходить до абсурда тоже не следует. Нет, честно, кто ни разу не нарушил ни единого правила, ни одного запрета? Кто бы не избежал неприятностей, если имел возможность их избежать... даже ценой небольшого соглашения с законом?

Эзоа была уверена в том, что она совершенно права.

Слади был слишком безмятежен, чтобы задаваться подобными вопросами.

Один Мадаван был немного смущен. Но прием, оказанный троице у глинистого берега, на опушке густого леса, успокоил его. Как только Мадавану и Эзоа удалось вытащить своего друга на сушу, раздался хриплый голос:

— Ну что, вы идете играть, или что?

Дети, еще не оправившиеся от всех треволнений, подняли головы. Картина, открывшаяся им, превосходила все возможные ожидания.

Дети оказались на опушке леса, но дело было не в этом. Нет, удивительными были два ряда метровых грибов, стоявшие друг напротив друга, по четыре гриба в каждом ряду; шляпки их светились, справа — синим цветом, слева — красным. И четыре мрачных тролля, видневшиеся за правым рядом грибов. И розовая дорожная корзина, которую они встречали на клетке «Баран». И покрытая блестками самка единорога, находившаяся напротив грибов, за деревянной кафедрой с надписью:

ВИКТОРИНА С ЕДИНОРОГОМ

Искусственный голос ничего не сказал при появлении детей. Что естественно: во-первых, было похоже на то, что он заболел, а во-вторых, они еще и обманули его. Может быть, для шулеров никаких сообщений и не предусмотрено.

Эзоа как следует встряхнула свой двигатель, и он тут же преобразовался в сушитель перьев. Мадаван высвободился из своего лассо-лианы и отошел от девочки. Он украсил голову сочащимися водой водорослями и старался сохранить «пластичность матричной влаги», ибо «что такое, в сущности, вода? Это наша самая первая одежда, наша самая бесценная пища, это наше прекрасное самочувствие, которое я хочу сделать своим костюмом». Девочка уже знала, что со впадшим в гардеробную экзальтацию Мадаваном лучше не спорить. Она сама иногда отключалась во время странноделания, хотя никогда, никогда в жизни не допускала того, чтобы бумкалка не давала ей дзынькнуть.

Девочка выключила сушитель и схватила Слади за руки, в то время как Мадаван взял его за ноги. Корзина хлопнула крышкой, с энтузиазмом приветствуя их прибытие.

— Мы сможем поиграть! — радостно произнесла она своим металлическим голосом.

— Добро пожаловать на клетку «Викторина», — сказала самка единорога. — Отличный костюм, красавчик.

— Ой, да он совсем простой, — заторопился уточнить маленький индеец. — Растительная нота да капля флюидности, созданная вертикальным падением воды...

— Великолепно, — подтвердила ведущая, покачиваясь.

— Вот он, фаворитизм, пожалуйста! — загудели тролли.

Им самим, правду говоря, было далеко до великолепия. Совсем не похожие на троллей-портных, они казались грубо вытесанными из мшистого камня и очень дурно пахли. Огромный рост (два метра пятьдесят сантиметров минимум) мешал им нажимать на кнопку руками. Поэтому каждый из них уже приподнял ногу и был готов бить по звонку нижней конечностью: в игре нужно было действовать быстро.

— Первое и последнее устное предупреждение! — заржала самка единорога. — С ведущей разговаривают только тогда, когда она сама к вам обращается. Начинаем! Напоминаю о том, что первая команда, три раза правильно ответившая, получает право бросить кубики. Вторая выигрывает путешествие в реку. Всё понятно?

Восемь игроков кивнули, Слади продолжал спать, а корзина хлопнула крышкой.

— Внимание... Вопрос от госпожи Виркон-Виркон из мира повторений. «Дразнить клубнику вечного рождества», выражение, известное всем поклонникам Сен-Сильвестра. Скажите, что это значит. Ответ А: «Посыпать сахаром все блюда под влиянием усталости». Ответ Б: «Оставлять детей без присмотра во время посещения парикмахера». Ответ В: «Не знаю».

— Б-з-з-з! — произнес гриб, стоявший перед Мадаваном.

— Ответ В: «Не знаю», — объявил мальчик.

— Вы сказали: ответ А: «Посыпать сахаром все блюда под влиянием усталости»? — проговорила самка единорога.

— Э-э... нет. То есть да, ответ А.

— Я знал! — закричал один из троллей.

— Да чего же тогда не нажал, дурак? — сказал его сосед справа.

— Я не той ногой наступил, — жалобно пробормотал первый тролль.

— Правильный ответ дал...

— Мадаван, — уточнил мальчик.

— Очень приятно. Меня зовут Единорога.

— Ура-ура! — завопила корзина, подпрыгивая. — Мы — лучшие, йе, йе, йе!

— Ну ты, води себя по правилам, — запротестовал один из троллей.

— Единорога... Вы — сестра Экины? — спросила Эзоа.

— Не говори мне об этой вырожденке! — вскипела ведущая. — С тех пор как она достигла успеха, она забыла, откуда она родом... Она теперь, наверное, считает, что мы ей не ровня, что с нами и разговаривать не о чем, или что мы, едва завидев ее, начнем у нее овес воровать...

Маленькая мексиканка опустила голову. Она, сама того не желая, наступила на мозоль. Однажды она изобретет Стиратель неудачных идей, «Контроль Зет». А пока надо было дать возможность действовать чарам Мадавана.

Единорога фыркнула, потом объявила:

— Ноль у команды красных, которой мы очень громко аплодируем! Внимание, вопрос господина Мека, блаблаотекаря из дырявого мира...

— Я его знаю, — прошептала Эзоа Мадавану.

Мальчик приложил палец к губам. Тролли, приподняв ноги, подозрительно смотрели на них. Девочка поняла, что лучше оставить воспоминания при себе.

— Какой результат этого вредного блаблабла?

— Черт, — проворчала корзина. — Какой вопрос трудный...

— Я повторяю: какой результат этого вредного блаблабла? Ответ А: «Никто не отве... без причи...». Ответ Б: «Блаблаблабла, блаблаблабла бла!» Ответ В: «Ох, как жаль, у меня дырка в формуляре».

— Свен бы ответил... — пробормотала Эзоа. — Я уверена.

— Ответ В! — крикнул один из троллей. — Ответ В!

Корзина прыгнула на свой гриб, который согнулся под ее тяжестью и завопил:

— Б-з-з-з!

— Правильный ответ — В, — объявила корзина.

— Это ваше окончательное решение? — спросила Единорога, отчаянно кивая головой.

— Это мое окончательное решение, Единорога.

— Правильный ответ красной команды, которой мы очень громко аплодируем!

Все восемь игроков, за исключением спящего, захлопали в ладоши.

— Я раньше их сказал, — запротестовал тролль.

— Ты не нажал на кнопку, — возразила ведущая.

— Что? Как? Да я нажал! Это кнопка не сработала...

— Б-З-З-З! — закричал его гриб с опозданием.

— Видите! — возмутился тролль.

— Возможная неисправность техники входит в условия игры, — напомнила Единорога. — Но, скажите-ка, счет два — ноль! Это что-то новенькое! Обычно, когда вы сюда

заглядываете, вы своих противников обыгрываете... Что случилось?

Троль почесал голову, говоря:

— Ну, я думаю, что мы, быть может, слишком уж повели в свои силы. Может быть, недооценили противника...

— Спасибо.

— Я не хочу сказать, что им повезло, потому что удача приходит к тем, кто ее заработал, но я думаю...

— СПАСИБО...

— ...и надо помнить о том, что еще ничего не потеряно, что нужно выкладываться на двести процентов из ста, потому что быть в команде троллей, я хочу сказать, что есть люди, которые все за это отдали бы, никогда нельзя терять надежду.

— СПАСИБО! Нашей многочисленной публике было очень важно услышать то, что ты думаешь, дорогой троль.

Громкие аплодисменты послышались из леса. Две феи появились оттуда, шушукаясь между собой и показывая друг другу на Мадавана.

— Ты видела? — сказала одна. — Это тот, который еще и в ногомач играет...

— Не может быть! — воскликнула другая. — Он великолепен...

— Внимание, — объявила Единорога, — решающий вопрос. Если красная команда ответит правильно, синие должны будут броситься в реку. Готовы? Хорошо. Вопрос от девушки в печали с клетки номер восемнадцать. «Где мои стринги?»

— Что-что? — спросила корзина.

— Я повторяю вопрос: «Где мои стринги?» Ответ А: «Да». Ответ Б: «Не совсем». Ответ В: «Жизнь состоит из получасов».

— Б-з-з-з! — закричал синий гриб.

— Ответ Б: «Не совсем», — сказал троль.

— Правильный ответ синей команды! — воскликнула Единорога.

— ДА-А-А! — завопили тролли, прыгая друг на друга.
— Да, — повторила ведущая, — «Где мои стринги?», ответ... Подождите... Что вы сказали?

— Ответ Б.

— О, я плохо расслышала. Нет, неправильно, верный ответ — В. Так, сейчас надо спросить у красной команды, знает ли она, что правильный ответ — В.

Единорога повернулась к Мадавану:

— Может быть...

— Б-З-З-З! — зазвенел гриб маленького индийца.

— Ответ В, — заявил мальчик.

— «Где мои стринги?», ответ В: «Жизнь состоит из полчасов», правильный ответ красной команды, счет становится три — ноль!

В эйфории дорожная корзина упала в объятия Эзоа и... чуть не раздавила девочку (корзина была чересчур тяжелой). Мадаван пошел пожимать крепкие руки противников.

— Вы отлично сыграли, — пробурчали те один за другим.

Прекрасные игроки тролли отправились к реке, обсуждая свое поражение:

— Все могло повернуться и иначе...

— Да, счет разгромный, он реальное соотношение сил не отражает...

— Мы так старались, уж два-то очка должны были заработать, а то и все три...

— Все происходит в голове. Психология. Когда кнопка залипла... Я уверен, что вот тогда-то мы и проиграли...

— Их можно было обыграть...

— Честно говоря, это не они выиграли, а мы проиграли...

— Мы растерялись, надо снова верить в свои силы...

Пока проигравшие прыгали в реку, зрители набросились на Мадавана, обнимая его, поздравляя и отрывая кусочки водорослей на память.

Корзина все никак не могла поверить, что она прошла клетку «Викторина», подскакивала в воздух и каталась от

счастья в траве. Из-под ее открытой крышки вываливались многочисленные удивительные предметы: старые тряпки, детали игры в конструктор, ржавая отвертка, игрушечные машинки без колес, разбитая музыкальная шкатулка, треснутая пепельница-ракушка, галька, обрывок надорванного конверта, карандаш без грифеля, панцирь жука, маска судьи, автобусный билетик, валик пишущей машинки, папиросная бумага, мундштук флейты, прозрачный шарик, внутри которого, если потрясти, на пирамиды падает снег, колокольчик овцы, пружинка от шариковой ручки, часы без циферблата...

Эзоа и Мадаван были потрясены таким обилием богатств.

— Берите, если хотите, — предложила им корзина. — Мне полегче станет. И потом, мне приятно доставить вам удовольствие: без вас я бы никогда не выиграла!

Сумка-фасолина маленькой мексиканки наполнилась до отказа. Мадаван взял себе колокольчик овцы и прикрепил его к своим еще мокрым цветастым купальным трусам.

— Надо честно сказать людям: что такое, в сущности, одежда? — вещал он корзине. — Это визуальное предложение, но одновременно с этим и звуковое присутствие, шелест, композиция звуков, над которой современные творческие личности начинают серьезно задумываться... И пора!

— Мадаван, — сказала Единорога, подходя к их команде, — я очень горжусь знакомством с тобой. Ты такой красивый... такой элегантный... такой неожиданный... Я потрясена тем, что встретила такого необычного человека, как ты, в самом центре мира законов... Это урок для нас всех. В моей душе и разуме родилось решение посвятить тебя.

Феи, которые были еще тут, издали удивленные восклицания и возбужденно захлопали в ладоши.

Маленький индеец бросил вопросительный взгляд в сторону Эзоа, та сделала ему знак встать на колени. Мальчик подчинился. Единорога прижала свой рог к его лбу.

— Мадаван, — объявила она, — властью, данной мне лошадиной конфедерацией, провозглашаю тебя конным рыцарем. Будь же достоин этой чести и имей к нашим братьям по копытам и гриве уважение, оказывай защиту и проявляй сочувствие.

Невесомая тишина опустилась на участников сцены, такая мирная и легкая, что Слади проснулся от нее.

Пока марокканец с брюшком тер глаза своими пухлыми кулачками, жертва авторской моды поднялась, поцеловала Единорогу между ушей... и надела ей великолепные прямоугольные очки с мерцающей огоньками оправой.

— Спасибо, — произнесли Мадаван и Единорога одновременно.

Тут на опушке леса появились три кубика.

— Победители со счетом три — ноль получают Тройной Ход, — объяснила Единорога.

Эзоа обернулась к Мадавану.

— Ну, это для тебя!

Мальчик удивился. Покраснел, поколебался, облачился в одеяние совершенно в стиле «поп» с ноткой гламура, надев: очень *фрешовое* соломенное канотье с красной широкой подарочной лентой; голубую шелковую рубашку, расписанную вручную белыми узорами; красный шелковый пиджак со спирально закрученными рукавами; серые брюки на подтяжках; ярко-розовые носки; черно-белые ботинки, усеянные темно-розовыми крапинками. Последним штрихом были перчатки из тонкой кожи — мальчик осторожно натянул их на руки и после этого толкнул кубики один за другим.

Эзоа подбежала к Слади и взяла его за руку. Маленький марокканец подобрал камешек, который выронила корзина. Слади решил усовершенствовать идею своей новой коллекции: круглых предметов везде полно. Это банально. И слишком трудоемко. Лучше сосредоточиться на предметах почти круглых. Как эта галька.

Пока кубики катились, корзина присоединилась к нашей тройце.

— Шесть! — закричал искусственный голос. — Пять! Шесть! Семнадцать! Вы попадаете на клетку... Ой, я уже не знаю...

— Сорок восемь, — подсказала Единорога.

— Да, точно, сорок восемь, что-то в этом роде.

— Черный рыцарь! — воскликнула ведущая.

— Ух ты, классно! — закричала фея.

— Он все умеет, — с энтузиазмом сказала ее подружка. — Играет в ногомеч, отвечает на вопросы, участвует в турнирах...

— Не забывай использовать поводья при поворотах, — посоветовала Единорога, давая в руки мальчику свою визитную карточку в форме подковы. — Рыцарь будет точно не таким подвижным, как ты. Маневренность тебе будет нужней, чем сила.

— А сколько клеток в этом мире? — поинтересовалась Эзоа.

— Пятьдесят.

Девочка изумленно подняла вверх большой палец: победа была близка.

— Готова? — обратилась Единорога корзине.

— Давай!

— Держитесь!

Ведущая резко брыкнулась. Дети почувствовали, что они поднимаются в воздух. Корзина стала их частным самолетом. Эзоа посмотрела в серое небо, в котором плясали звезды. Провела рукой по царапине на щеке чуть ниже скулы.

Настроение у девочки было хорошее. Отличное. Кажется, падение лун прекратилось. Скоро они закончат свое путешествие по миру законов. Эльдеру надо было продержаться еще немного, они были уже на подходе. Сначала, конечно, только нужно победить черного рыцаря. Но если ты способен пережить бросок на катапульте, обуздать своенравного барана, избежать участи быть раздавленным гигантскими ногами, победить течение реки Забвения и правильно ответить на вопросы самки единорога, то какой-то там рыцаришка не заставит тебя паниковать, в самом деле, ну, честное слово!

Компания красных богомоллов

— **Н**ет, это-то что такое? — подал голос Свен. Он вновь обрел наконец дар речи. И вовремя. Яблоки уже наступали, собираясь свершить судьбу приговоренных к смерти.

Вид у Сикофанта мякиша стал удивленным.

— Вот уже почти лунарий, как мы начали поиски Эльдера! — негодуя продолжал красавчик Свен. — Мы приходим к нему, и все, что он может нам сказать, так это: «Убейте их»! Позвольте выразить вам самое живое осуждение и глубочайшее несогласие, господин Эльдер!

Толстый слизняк улыбнулся.

— Так ты думаешь, что видишь Эльдера... — проговорил он. — А ты хитер для маленького мальчика. А почему ты пришел к такому выводу?

— Ну, вывод довольно логичный. Вы могущественны, вы сильны, вы безумны: совпадение по всем трем пунктам.

— Я безумен?

— Вы убиваете цветы. Вы позволяете вашим мирам катиться навстречу гибели. Вы называете себя Сикофантом, а этимология этого слова означает «доноситель на воров инжира»... Кроме того, несомненно, что это вы призвали нас в Маллемир, а теперь, когда мы находимся перед вами, вы только и хотите, что от нас избавиться. Извините меня, конечно, господин Страж, — вас ведь так называют? — быть может, никто не решался сказать вам это в лицо, но вы нечестны.

— А ты, ты решаешься сказать мне это в лицо?

— Конечно. А чем я рискую? Когда сумасшедшему говорят о том, что он сумасшедший, для него это не имеет значения. Перечитайте «Принципы логики» Баруха Хайдеггера-Гуссерля. Там есть несколько очень убедительных отрывков... пусть перевод на шведский язык и не идеален.

Сикофант мякиш рассматривал крошечного человечка с изумлением.

— Кажется, тебя легко вырастить, — заметил он. — Я сейчас совершу безумство... настоящее. Я вас посажу. Обоих. И посмотрю. Когда вы вырастете, я посмотрю, какие вы дадите плоды. Я сказал.

— Какие плоды? — повторила Мей Йонг.

— Он не в себе, — объяснил Свен. — Если будешь пытаться понять то, что он говорит, сама с ума сойдешь.

Яблоки сомкнули ряды перед детьми, отгораживая их от жирного слизняка.

— Господин Страж, вы собираетесь совершить серьезную оши...

— Молчать! — закричало синее яблоко с галунами, отталкивая детей. — Отойдите в сторону и двигайтесь вперед!

Мальчика и девочку отвели в лагерь, расположенный совсем рядом с Питомником казненных. Там они увидели две вырытые в земле ямы. В них детей и посадили. Мей Йонг сопротивлялась с упорством отчаяния, или, вернее, стыдливости. Для нее это событие было самым страшным из всех возможных унижений. Ну, скажем, одним из самых страшных. Барахтаться в грязи, какой кошмар!

Маленькая китайка ударила игрушечным компьютером по ближайшему к ней яблоку, которое откатилось в сторону. Его товарищ немедленно подскочил и заехал прекрасной китайке в лоб. До того стойчески выносивший все Свен бросился раздавать удары направо и налево, выкрикивая:

— Труссы! Бить бедную женщину потому, что она красива! Идите ко мне, деконструктивистские рожи! Примии-

тивные эссенциалисты! Нересемантизированные стереотипы!

Мальчик бил всё вокруг себя, особенно воздух. Но затем перед ним появилось какое-то яблоко. Казалось, оно приняло вызов. Маленький швед бросился головой вперед на плод, который дал ему пощечину листом. Красавчик пошатнулся. Наугад взмахнул кулаком. Потом упал на спину. Яблоко вспрыгнуло на мальчика и принялось молотить его по лицу.

— Хватит или еще? — спросило оно.

— Негодяй, — выдохнул почти потерявший сознание мальчик. — Неореакционер какой-то! Записной фашист! Деревенщина!

Яблоко отвесило Свену еще одну пощечину.

— Довольно, — проворчало синее яблоко. — Сажайте этих двух клоунов, и точка! Новенький, ты их ликвидируешь и проследишь за ними.

— Хорошо, шеф.

— НЕТ! — крикнула Мей Йонг. — **ОСТАВЬТЕ МЕНЯ! НЕ ТРОГАЙТЕ МЕНЯ... И НИКАКОЙ ВОДЫ!**

Еще не пришедший в себя Свен почувствовал, как его тащат и опускают в яму по колено. Затем на его волосы и на ковбойские брюки, и без того пребывавшие в плачевном состоянии, полилась вода.

Почти тут же мальчик понял, что из его ног растут корни. Ощущение было странным... Какие-то нити выходили из него и углублялись в землю. Это была часть него, но не он. В каком-то смысле он жил теперь в подземелье, в платоновском мифе о пещере, из которого он уяснил лишь то, что речь там шла о каком-то митосе, находившемся в пещере и описанном Платоном.

Мальчик открыл глаза. Щека продолжала гореть от пощечины. У него болела правая рука в том месте, в которое попала стрела, а порезы, укусы, ссадины и синяки, казалось, сговорились о том, чтобы одновременно причинять ему страдания. Мей Йонг страдала тоже. И даже рыдала.

— Мой компьютер больше не работает, — стонала она. — Они намочили его своей проклятой водой... У-у-у-у!

Ее пронзительный крик заставил подскочить охранявшее их яблоко.

— Молчи и расти! — гаркнул стражник.

— Меня корни щекочат! — пожаловалась программистка.

— Нистево насторегумиксу, — прошептал ей Свен, — на каниешно то градусбид вамутучкая давторимилик.

— Что ты там несешь?

— Тише! Ты думаешь, что я говорю с тобой на западном зубину для того, чтобы все поняли, о чем речь?

— Ну, ты полный идиот! Как же я могу понять то, что ты говоришь на западном зубину?

Мальчик широко открыл глаза.

— Ты не владеешь западным зубину?

— Нет! И не вижу в этом ничего удивительного... Ты что, знаешь многих людей, владеющих этим языком?

— Э-э... нет, не много. Но, поскольку ты освоила даже некоторые тонкости растительного диалекта, я думал, что... Ладно, незаметно наклонись ко мне.

Прекрасная китайка скрестила руки на мокром компьютере и воскликнула:

— Свинья! Маньяк! Развратник!

Яблоко подошло к пленнице и посмотрело на нее с таким угрожающим видом, что Мей Йонг умолкла. Как только садовник удалился, Свен продолжил:

— То, что тебя щекочет, — только не кричи, когда услышишь, — это тайные термиты.

— Кто?

— НЕ КРИЧИ, черт подери! Тайные термиты.

— Знаешь, Свен, твои шутки...

— Какие шутки? Я же недавно тебе о них рассказывал, рядом с оскорбляющими растениями, но, видимо, ты меня не слушала.

— Ты рассказывал о тайных термитах?

— Да.

— Повтори основное, в общих чертах...

Свен колебался. Он не хотел рассказывать. Как сказал Иисус Христос, «Имеющий уши, да слышит», что значило: «Я повторять не буду». В то же время Свен не был Иисусом Христом. А у Мей Йонг были очень красивые оксиморические глаза. И он согласился повторить.

— Вот что говорят: термиты грызут корни растущих в округе растений. Насекомые действуют в интересах фирмы, строящей жилые дома-деревья, среднего, надо заметить, уровня комфортабельности, но продающиеся по астрономической цене, поскольку они расположены в зеленой среде.

— А почему растения ничего не делают?

— Некоторые потому, что им обещали дополнительную ликвидацию в случае успеха операции... Другие потому, что им угрожали... Третьи потому, что испугались, думая, что за этими действиями стоит Сикофант... А большинство потому, что ничего не знает!

— А ты как узнал?

— Разговаривая с растениями. Все любят поговорить, а умение слушать иногда оказывается очень познавательным...

— Как же они щекочутся, эти тайные термиты, — вздохнула прекрасная китайка. — Очень даже сильно!

Программистка стала извиваться. Потом зафыркала. Потом просто расхохоталась. Увидев ее такой, Свен забыл и о своих ранах, и о том, что ему щекотно тоже. Он восхищался открывшимся ему зрелищем. Он созерцал. Он поклонялся в самом мистическом смысле этого слова.

Почему — Господи, почему же — Мей Йонг ходит всегда с вытянутой постной физиономией? Когда она смеется, лицо ее божественно преображают ямочки. В глазах пляшут огоньки. Из красавицы она становится богиней.

— Как только термиты покончат с твоими корнями, скажи об этом мне, — попросил Свен, когда его спутница успокоилась.

— Хорошо!

— Потом незаметно пошевели ногами, для того чтобы вокруг них образовалось свободное пространство. Как только яблоко отвернется, побежим что есть мочи. Ладно?

— Как хочешь... — Мей Йонг пожала плечами.

У нее на лице опять появилось брюзгливое выражение. Программистка стала самой собой.

Маленький швед не стал даже напоминать ей о том, что делается это не потому, что он так хочет, а для того, чтобы не превратиться в деревьев на службе у Сикофанта мякиша. Свен уже перешел к фазе «действие». Он осматривал окрестности. Вокруг никого, кроме этого большого яблока, которое никак не хотело отойти... Нет! Плод удалился на расстояние нескольких шагов, желая размять листья...

— Сейчас, — шепнул мальчик.

Он вылез из ямы. Помог выбраться своей спутнице. Успел сделать несколько шагов. И на него обрушился листок.

— Больше не хотим расти, маленький хитрец? — просвистело яблоко.

— Беги, Мей Йонг! — крикнул красавчик.

— Если бы я могла, — сказала программистка, которую яблоко держало другим листком.

Мальчик думал, что Мей Йонг сдастся, но она адресовала противнику яростный удар компьютером. Мальчик одарил охранника добрым тумаком грязного ковбойского сапога. Мей Йонг продолжила натиск, изо всех сил потянув его за черенок. Раздался треск, и произошло нечто удивительное.

Яблоко преобразилось.

Оно стало грушей.

Никакой магии: оно было таким большим, что на самом деле прятало в своей середине грушу, которая, несомненно, просто хотела смешаться с массой доминирующих фруктов. Свен подумал о том, что сказало ему пугало во время танцев: «От яблонь не рождаются груши...»

Яблоко оставило детей в покое, восстанавливая свой маскарадный костюм. Свен схватил Мей Йонг за руку и увлек

ее к лесу, но прекрасная китайка бежала гораздо медленнее мальчика.

— У меня в боку колет... — простонала она.

— Давай, еще одно усилие! Иначе нас поймают...

Тут мальчик оглянулся вокруг и проговорил:

— Ладно, не старайся, нас уже поймали.

Яблоки выбегали из кустов. Либо груша предупредила охрану, либо часовые были выставлены заранее, для того чтобы следить за порядком.

Синее яблоко с галунами появилось в окружении элитных сортов яблок, которые можно было узнать по черной коже и черным шапочкам-маскам на черенках, надетым, чтобы их нельзя было узнать.

— Вы предприняли попытку к бегству, — констатировало яблоко с галунами.

— Как сказал бы Лао Цэу... — начал Свен.

— Вы будете наказаны. Вы знаете, что полагается у нас за побег?

— Нет, — признал маленький швед. — Но, как говорил Курт Шекспир — или Гугнафье де Писсембош — я не знаю уже...

— А я вам объясню. Мы попросим Сикофанта связаться с облаками. Мы вас перевернем вверх ногами. Вы будете висеть в воздухе головой вниз, но ваша смерть будет мучительней, чем вы можете себе представить. Понимаете, нам необходима зрелищность. Народ любит события, кровопролития, безобразие. Смерть как таковая его уже не впечатляет.

— Дайте народу то, что он мог бы полюбить, а не то, что он любит! — запротестовал мальчик. — Как говорит Жо Назе, великий исполнитель блуза...

— Поэтому, — продолжало яблоко с галунами, не слушая это безродное существо (которое сознательно оторвалось от своих корней), — Сикофант придумал новый традиционный аттракцион. В нем участвуют рыжие муравьи в сообществе с богомолами. Они прилетают эскадрильями, протыкают кожу осужденных и съедают их, начиная с вну-

тренностей. В основном зрители надолго запоминают такого рода казни. Что вы на это скажете?

— Я-то — ничего, а вот великий философ Льюис Трондхаайм сказал бы вам: чего вы ждете и почему не торопитесь лечить кости черепа?

Мей Йонг прижимала к себе уже бесполезный компьютер и повторяла:

— Эльдер не может сделать это с нами, Эльдер не может сделать это с нами...

Яблоко с галунами усмехнулось.

— Ах, Эльдер... Вы действительно в это верите? Опомнитесь, бедняжки! Эльдер давно умер. Вы видели, как падают луны, как разрушаются миры... К счастью, Сикофант вступает в права наследования...

— Он сказал, что... — Мей Йонг округлила глаза.

— Что он — Эльдер? Естественно, ему выгодно повторять это как можно чаще. Но он сумасшедший. Надеюсь, что это хотя бы ты заметила, или тоже нет? Твой дружок был абсолютно прав. Сикофант — ненормальный. Он думает, что действительно Эльдер, а люди, не видя истинного Стража, уже забыли, как он выглядел. И для того, чтобы доказать, что он руководитель, Сикофант напоминает всем о традициях, которые сам придумывает. И народ, в результате, верит ему.

— А вы?

— Я, пока мне это выгодно...

— Вы — преступник! — завизжала прекрасная китаянка.

— Нет, стратег... Например, увидишь, во время твоей казни я объясню публике, что лично я с удовольствием помиловал бы тебя. Но по традиции ты должна умереть. Сикофант поддержит меня. Он спросит мнение облаков. Тебя подвешат вверх ногами. Появится компания красных богомолдов. И затем в течение очень недолгого времени (тебе оно покажется нескончаемым) ты будешь проклинать тот миг, когда ты послушалась своего глупого дружка и попыталась избежать сурового, но справедливого приговора Сикофанта мякиша. Желаю удачи!

Черный рыцарь

— Быстро! — кричали организаторы турнира. Чемпион новых игроков прибыл в летающей корзине.

Корзина с грохотом приземлилась перед большими плотными парчовыми тентами, где заканчивали приготовления к банкету, который должен был состояться сразу после турнира. Над двумя крыльями трибун вздымались к небу яркие шатры. Полотнище над правой стороной, разрисованное желтыми, розовыми, красными и ярко-зелеными ромбами, напоминало плащ арлекина. Оттуда доносились крики, шум и смех. На ветру гордо реяло черное знамя. Левое полотнище было украшено менее любовно. Оно было выкрашено в густой темно-синий цвет. На древке перед входом — ни вымпела, ни герба. Только пучок сушеных водорослей.

Атмосфера вокруг арены напомнила Эзоа как большие матчи на Кубок мира по футболу, так и пожелтевшие страницы книг о Средних веках, где посреди разноцветного болота опрокидывали наземь людей, похожих на серые консервные банки. Лошади паслись неподалеку, на лугу. Воздух был полон запахами навоза, возбуждения, смеси свежей травы и тяжелых ароматов еды и соусов. От еще дымящихся неподалеку костров поднималось благоухание жареного мяса. Толстые повара в отвратительно грязных фартуках жадно уписывали окорока, которые им не удалось продать проголодавшейся публике.

— Они разучились есть, как раньше, — проворчал один из поваров, чьи руки лоснились от жира. — В наше время перед турниром баранью ногу съедали. А сегодня мы хотим изображать изысканность, дамы позволяют себе побаловаться только сахарной ванильной булочкой... Печальное время, честное слово!

— Чав-чав, — печально подтвердил один из его собратьев с набитым ртом.

Шум голосов свидетельствовал о том, что на трибунах находилось множество зрителей и зрительниц.

Некоторые признаки говорили о том, что недавно закончилось какое-то очень бурное представление. На пустой ныне арене, развлекая многочисленную толпу, только что, видимо, выступали фокусники, жонглеры и дрессировщики. Теперь же в углу остался только один трубадур, завершавший свою грустную песню, адресованную закованному в цепи медведю, на которого она, казалось, навела смертельную скуку.

Мадаван хотел немного осмотреться, оценить новые веяния моды, понять, что к чему, и ощутить себя в пространстве так, как он любил больше всего: совместив элегантность и небрежность. Но времени ему на это не дали, а сразу потащили под шатер. Его противник Уайт, черный рыцарь, был уже в нетерпении. А когда черный рыцарь терял терпение, он крушил все. И никто не мог ничего ему сказать. Во-первых, он был здесь звездой, а во-вторых, он был слишком силен. Делать ему замечания? Слишком опасно.

Люди в кольчугах бросились к Мадавану и усадили его на плечи самого крепкого из своих товарищей, сопроводив свои действия звуками «дзынь-дзфнь-дзынь-бум-бум-бум». Эзоа и Слади, наполовину изумленные, наполовину оглушенные, обнаружили, что их друг во время путешествия надел доспехи.

— Теперь я понимаю, почему он казался таким тяжелым! — вскричала корзина. — Кольчуга, шлем с выдвижаю-

щимся забралом, латы на голени, латы на икры, наколенники, латы на ляжки, набедренники, налокотники, перчатки... Вот проблема с турнирными доспехами: они весят в два раза больше, чем боевые, потому что тут делается упор на безопасность. Но меня терзают два вопроса... Откуда он все это достал?

— У него есть возможности, — уклончиво ответила Эзоа. — Он может превращаться в разные разности.

— А-а... Тогда другой вопрос: зачем он приварил полосатые колокольчики к своим латам?

Тут ответил Слади:

— Потому что это красиво, кузина!

— Разве? — удивилась корзина. — Ну, раз ты говоришь...

Маленький марокканец взял корзину на плечо и кое-как протиснулся на трибуну.

Там уже негде было яблоку упасть. По сравнению с атмосферой на трибуне обстановка на стадионе для ногомьяча, где дети недавно побывали, казалась просто мрачной. Тут нормой была истерика. Слади не мог прийти в себя от удивления.

Две трибуны со зрителями находились друг напротив друга, разделенные широким пространством, на котором должен был происходить турнир.

С одной стороны разместились поклонники Уайта. Они были одеты в светлое и своими безукоризненно причесанными волосами до плеч, сияющими улыбками и костюмами из белоснежного льна напоминали прекрасных принцев. Они выкрикивали такие слоганы, которые Марибель, мать Эзоа, точно запретила бы ей слушать. Однако их грубость была ничто по сравнению с их чрезвычайно агрессивным поведением. Болельщики были просто буйно помешанными. Дети это почувствовали, несмотря на то что находились на трибуне, расположенной от них в пятидесяти метрах.

На трибуне же со стороны детей публика, за исключением Слади, была исключительно женская и розовая. Как только объявили имя несчастного противника Уайта, истерические принцессы и очень хорошенькие феи перестали себя сдерживать. Они катались по земле, кричали «Мадава-а-а-н!», размахивали транспарантами с призывами взять их в жены. Эзоа казалось, что она видит сотни клонов зрителей, наблюдавших игру с единорогом.

Одним словом, свершалась революция.

Трубы заиграли. Противники появились на поле перед своими трибунами, один шел слева направо, другой — справа налево, каждый приветствовал своих зрителей.

Пережив «это» (фигура из сложенных большого и указательного пальцев) с самым красивым мальчиком миров, некоторые девушки упали в обморок, другие начали биться головой об пол. Происходило главное событие их жизни. После будет лишь серое существование и сожаления о том, что они не смогли обольстить божественное создание. С ними будут случаться лишь банальные вещи — они выйдут замуж за королей, будут жить во дворце, целыми днями служанки будут делать им прически, вечерами молодые жены будут скучать на торжественных ужинах, ночью — слушать храп своих супругов, прекрасных королей. Уже сейчас они все это хорошо представляли. И они представляли уже, как, глядя на глупые, продолжающие свой путь по небу и не подозревающие об их страданиях луны, будут они терзаться и бесконечно бормотать чудесное имя любви: Мадаван. Да лучше прямо сейчас разmozжить себе голову, чем терпеть годы таких пыток.

А рыцарь-индеец снова, между тем, сменил костюм. Да, он взял копье, но он отказался от доспехов. Слишком банально.

Взобравшийся на массивную лошадь Мадаван напоминал мумию. Он завернулся в нечто, похожее на ткань от тента. Местами он украсил ее кусками металлической бумаги, обладавшей очень сильным отражательным эффек-

том. Вместо шлема мальчик надел на голову густо усыпанную листьями ветку, которую сорвал по дороге. Роль и функцию щита выполняла какая-то сушеная кора, на которой Мадаван написал:

О, драгоценный, драгоценный Я!
Да погибнут твои хулители!
(Если я захочу, это фраза станет моей...)

— Металл и природа! — завизжала фея. — Гениально!

— Он снова почерпнул новое в самом себе! — закричала одна из поклонниц. — Уже совсем незаметно, что он начал игроком в ногомеч!

— О, раньше я его видела в стогах сена во время состязаний по поиску иголки, — сообщила принцесса в коротеньком платье. — Тогда он только начинал... Но уже тогда это было великолепно!

Эзоа получила подтверждение тому, о чем и сама догадывалась: Мадаван предпринял не три, а гораздо большее количество попыток дойти до края мира. Значительно большее. Что, в частности, и объясняло численность его болельщиков. Его слава росла по мере того, как он терпел поражения на различных клетках мира.

В отличие от взбалмошного индийца, рыцарь Уайт соблюдал традиции турнира. Части его черных доспехов были отлично подогнаны, под ним гарцевал вороной красавец конь, черное копьё сверкало.

Его болельщики исходили черной радостью. Этот молодкосос Уайту на один зуб. Они ничего не имели против Мадавана лично. Кроме одного: женщины сходили по нему с ума. А этого было достаточно, чтобы вызвать лютую ненависть некоторых самцов.

В остальном дело было не столько в чувствах, сколько в традиции. Черный рыцарь всегда побеждал. А традиции существуют для того, чтобы им следовать. А когда какой-нибудь дурак пытается привлечь к себе внимание, изобраа-

жая, например, стилиагу, его нужно наказывать. Во имя традиций.

Трубы заиграли второй раз. Рыцари заняли свои места. Любитель стоял слева от Эзоа, профессионал — справа.

— Начали! — возопили медные трубы.

Лошади рванулись вперед, а Слади задремал, прислонившись к своей любимой (и единственной) кузине-мексиканке.

Уайт пристально посмотрел на противника. Вдруг взгляд его упал на металлическую бляшку, в которой отразился свет луны. Ничего не видя, черный рыцарь потянул поводья. Лошадь его остановилась. Мадаван ударил коня шпорами.

— ДА-А-А! — закричала Эзоа.

Она увидела, как Мадаван теснит колосса. Но тут бешено заржал черный конь. Большой жеребец Мадавана испугался и метнулся в сторону. Когда конь вернулся и помчался по нужной траектории, всадника на нем уже не было. Маленький индеец вылетел из седла.

Он побежал за своим конем в конец арены. Оба всадника развернулись и приготовились к второй схватке. Уайт призвал своих поклонников болеть познергичнее. Сила криков прекрасных принцев удвоилась, затем утроилась. Трибуна задрожала.

— Снова начали! — взвыли трубы.

Уайт немедленно пошел в наступление. Мадаван последовал его примеру. Но тут всадник удивил его. Он два раза нажал на рукоять своего оружия, и из копья выскочил крюк.

— Позор! — заголосили Эзоа и феи. — Мошенник!

Но дело обстояло не так плохо, как могло показаться: маленький индеец уклонился в сторону. Натянув поводья (он вспомнил советы Единороги), он заставил свою лошадь сделать пирует, а затем застыть на месте.

Крюк вонзился в деревянную перегородку, отделявшую арену от зрителей. Резким ударом Мадаван атаковал рыца-

ря. Тот был обескуражен своей неудачей. И не догадался выпустить копьё из рук. Поэтому противник толчком сбросил его на землю и лишил основного оружия.

— БРАО-О-О! — запищали девочки. — Ты победишь его!

Маленький индеец, воодушевленный криками публики, тут же бросился на Уайта. Увы, черный рыцарь был готов к нападению. Как только Мадаван оказался в пределах досягаемости, Уайт обнажил свою шпагу... которая на самом деле была телескопическим складным копьём. Копьё ударилось в табличку маленького индийца, который взлетел в воздух и упал на пыльную землю.

— Дикарь! — завопили девочки. — Мошенник! Бандит!

Черный рыцарь не первый раз оказывался в подобной ситуации. Раз публика оказалась столь впечатлительной, он не отказал себе в удовольствии подразнить ее. Он ни в грош не ставил всех этих принцесс, фей и страннodelьниц. На трибуне поклонниц Мадавана зрительницы стучали ногами от гнева, яростно сожалели о том, что не умеют плевать, царапали длинными ногтями воздух так, словно рыцарь был рядом.

Мужская трибуна ликовала. Сила остается силой. Не все еще прогнило в прекрасном мире законов.

Черный рыцарь медленно подъехал к поверженному противнику. Он поднял шпагу и потребовал, чтобы маленький, разодетый щеголем индеец признал свое поражение под страхом пронзания груди, частичного обезглавливания и неполного потрошения. Держа шпагу в правой руке, Уайт левой рукой снял шлем, для того чтобы показать, что под забралом скрывалось иссиня-черное лицо с прекрасными чертами.

Проявление любви к себе самому стало его ошибкой.

В ту секунду, на которую рыцарь отвлекся, Мадаван успел изменить внешность. Он уже больше не был наряжен боевой металлической мумией. Он стал питоном. В таких делах сноровки Мадавану было не занимать! Он издал

столь громкое шипение, что дамы и девицы вздрогнули и сомлели от восторга: как же сексуален этот мальчик! Как устоять перед ним?!

Эзоа дотронулась до своей сумки-фасолины. Интуиция подсказывала ей, что пора срочно изготавливать спасительную странноделку.

Хотя положение было прекрасным. Мадаван победил в схватке. Уайт стал белым. Он бросил шпагу и бросился бежать. «Маневренность тебе понадобится больше, чем сила», — предсказала Единорога. Мальчик, извиваясь, ринулся вдогонку за противником.

— Не спеши так! — крикнула Эзоа. — Я еще не закончила!

Маленький индеец не слышал ее. Под гром оваций женской части публики он решил преследовать врага. Мадаван заструился бежевым с черными узорами телом... и вдруг — хлоп! — запутался руками и ногами внутри змеиной кожи и покатился кубарем.

По реву мужской аудитории Уайт понял, что Мадаван выставил себя на посмеище. Он обернулся. Презрительная улыбка появилась на красивом лице цвета эбенового дерева. Уайт сделал шаг по направлению к своему противнику.

— Лови! — снова крикнула Эзоа.

И бросила товарищу свое последнее творение: одноразовое копье-сетку.

В мгновение ока маленький индеец сбросил старую кожу. Питон исчез, вместо него появился костюм римского легионера: шлем с кисточкой, нагрудник, юбочка, сандалии. Мадаван хотел было одеться гладиатором, но счел, что показаться на арене в виде легионера оригинальнее.

— УХ ТЫ-Ы-Ы! — выдохнула толпа девочек. — Как он красив в юбочке!

Мадаван нажал на таинственную коробочку, которую ему бросила девочка. И швырнул ее, словно гранату, в своего противника. Тяжелая фракийская сеть прижала черно-

го рыцаря к земле и опутала его, и чем больше он пытался высвободиться, тем сильнее она его связывала.

Происходящее уже совсем не походило на официальный рыцарский турнир. Ну и что? Главным было то, что маленький индеец победил. Следовательно, дети получают возможность бросить кубики и, если им чуть-чуть повезет, попадут на клетку «Финиш», где встретят самого Эльдера или узнают, как найти этого чертового старикашку. Эзоа почувствовала восторг.

Все забыли об изобретательности черного рыцаря. А он сумел ввести в действие капсулы с едким веществом, находившиеся в его латах. Секретное оружие легко развело сеть. Мадаван смотрел на свершающуюся катастрофу, не зная, что делать. Копья у него больше не было. Голыми руками с гигантом ему было не справиться. Мальчик подошел к трибуне, где располагались его поклонницы, и попытался незаметно скрыться, поменяв костюм легионера на одеяние бедуина.

— Вае виктис, малыш! — бросил ему Уайт. — Горе побежденному!

Страннодельничать уже времени не было. Таша за собой Слади, Эзоа стала протискиваться сквозь толпу истеричек, маленькая мексиканка действовала зубами, кулаками и ногами, иногда оборачивалась и кричала: «Не толкайтесь!», словно была тут ни при чем, наконец, перегнулась через барьер и схватила индийца за руку, надеясь помочь ему укрыться среди зрителей... но в этот момент черный рыцарь выпустил облако маленьких стрел, которые пригвоздили Мадавана к земле.

Голос герольда немедленно возвестил:

— Итак, итак, прекрасные дамы и благородные сеньоры! Из поединка, виденного вами, в Историю войдут блистательная победа сеньора Уайта, черного рыцаря, и бескомпромиссное осуждение тех, кто попытался помешать правильному ходу церемонии вторжением на священное пространство поединка, а именно Эзоа и Слади.

Детей немедленно схватили стражники, помешавшие поклонницам Мадавана разорвать на нем голубую тунику. Корзину, которая хотела присоединиться к своим друзьям, оттеснили. В мгновение ока лодки с командой гребцов доставили проигравших на клетку номер сорок один. На клетку «Тюрьма». Которую можно покинуть, только выбросив две шестерки... да и то, если кубики соблаговолит появиться на этой безнадежной клетке, «чего не происходило уже, ух! лунарии и лунарии», насмешливо заявил один из стражников.

Эзоа захотелось сесть на берегу реки Возвращения и заплакать. Она была так близка к победе! Отныне ее последняя надежда звалась Свен. Может быть, ему удастся найти Эльдера. Затем рука девочки легла на сумку-фасолину. Еще не все было потеряно.

- Дай-ка мне это, — велел тюремщик.
- Что?
- Вот эту твою штуку.
- Почему?
- В тюрьме не полагается, — заявил он, силой вырывая сумку из рук Эзоа.

И швырнул сумку в реку.

Полет на стрекозе

— **Б**раво, — сухо бросила Мей Йонг. Злые яблоки окружили ее. Она добавила, про-изнеся сквозь стиснутые зубы:

— Мои поздравления.

— Подожди... — запротестовал Свен.

— Да ладно, не скромничай. Ты великолепен. Нет, на самом деле. Незаменим. Напомни-ка мне вот что: кроме того, что ты говоришь на восточном зубину, ты еще что-нибудь умеешь делать?

— Не преувеличивай! Я говорю еще на языке яблок, одуванчиков...

— Нет, я спрашиваю, что полезного ты умеешь делать?

— А ты?

— Речь не обо мне! Ты с темы не сворачивай! Совсем недавно ты говорил о том, что я пошлая, заносчивая девочка и что, если я буду следовать твоим советам, мы выберемся из переделки. Я ведь не преувеличиваю?

— Признай, по крайней мере, что составляешь мои предложения в карикатурном виде...

— Ничего я не хочу признавать! — крикнула Мей Йонг. Они тем временем пришли на широкий луг, обсаженный большими тисами. — Я свою жизнь тебе доверила!

— Кто пошел беспокоить злые яблоки?

— Кто попросил меня проверить, существуют ли они? — ответила вопросом на вопрос начинавшая выходить из себя программистка. — У тебя был такой самоуверенный вид,

я предоставила тебе вести операцию так, как ты хотел, и вот результат: мой компьютер вышел из строя, мы скоро умрем, так же как и он, и к тому же у меня совершенно отвратительно грязные ноги!

Прекрасная китаянка была на грани слез. Яблоки бесцеремонно схватили ее своими листьями. Свена, который прекратил борьбу и с ней, да и вообще со всеми, схватили тоже. Пришло время начинать торжественное прощание с мирами, что было одним из его излюбленных занятий.

— Вот уже желания и желанные вещи удаляются от нас и не требуют больше нашего внимания... — забубнил он. — Вот уже, радуясь удаче, тело собирается освободиться и постепенно, член за членом, погрузиться в вегетативный покой растений...

— Скажи им что-нибудь, Свен! — потребовала Мей Йонг, прерывая молитвы мальчика. — Не позволяй им убить меня, борись! Пожертвуй собой! Не знаю, сделай что-нибудь, не *бездействуй*...

И жалобным тоном добавила:

— ...пожалуйста!

Маленький швед остановился и обратился к яблокам:

— Оставьте ей хотя бы ее компьютер! У нее ничего больше в мире нет!

Стражники посмотрели на яблоко с галунами, которое покачало черенком.

— Ну, если ей это так нужно...

— И ЭТО ВСЕ? — взорвалась программистка, пока ей привязывали компьютер к талии соломинкой. — И больше ты ничего не сделаешь?

Прекрасная китаянка была даже больше удивлена, чем возмущена. Скольких мальчиков, гораздо более мужественных, чем эта тряпка, она встречала в жизни. Неужели она окончит свои дни рядом с этим ничтожеством? Несмотря на свои очень современные взгляды, Мей Йонг ничего не имела против возможности однажды быть спасенной от опасности чудесным молодым человеком, рискующим ра-

ди нее своей жизнью. Но Свен ее мечты вряд ли воплотит в реальность. Чудесным он не был, да и на то, что он пожертвует собой ради нее, рассчитывать не приходилось. Оборванец бросил ее.

Мей Йонг должна была умереть. Ее завернули в плотные большие листья и теперь поднимали на головокружительную высоту ближайшего тиса. Мей Йонг должна была умереть. Продолжительное шуршание возвестило о неторопливом и величественном прибытии Сикофанта мякиша. Мей Йонг должна была умереть. Поднялся сильный ветер, он прилетел с небес, пронесся по лугу и закружился в кронах деревьев, пригнув верхушку, к которой яблоки привязывали свою пленницу. «Я должна умереть», — подумала Мей Йонг.

Неожиданно листья раздвинулись. Прекрасная программистка закрыла глаза — земля была слишком далеко, голова у девочки кружилась, серая тень, закрывшая луг, пугала ее. «Я скоро умру», — подумала маленькая китаянка. Кто-то закричал, сердце Мей Йонг сжалось: яблоко прыгнуло вместе с ней в пустоту... и приземлилось на мягкую, ватную поверхность — на облако. «Я не хочу умирать», — подумала девочка. Она была высоко в небе. Глаза ее были закрыты, она чувствовала, как кто-то крепко связывает плечом ее лодыжки. Потом ее заставили лечь. «Я не хочу, я не хочу, я не хочу», — произносила про себя Мей Йонг.

Она ничего уже не говорила. Слова уже не срывались с ее губ. Голоса не хватало на крик. Ее окунули вниз головой в облако, которое источало странные запахи: моря, песка, ванили, пыли и слив. «Только не я, только не я...» Привязанная к облаку Мей Йонг висела в небе вверх ногами. Яблоко покинуло облако. Оно быстро скатилось на тис. Оно должно было уйти как можно быстрее. И быть уже далеко в тот момент, когда появятся богомолы. Прекрасная китаянка почувствовала нежный ветерок, прикосновение пустоты, бездны и одиночества... Кровь прилиwała к ее го-

лове. Она мысленно попрощалась со своим игрушечным компьютером и начала плакать.

А плакать для нее означало конец всему. Тушь потечет. Оставит черные следы на щеках. Обезобразит ее. Она станет некрасивой. Но какая разница, если она сейчас умрет? Гудение за спиной Мей Йонг отвлекло ее внимание от внутреннего монолога об уродливости мертвых тел. Девочка повернула голову, не решаясь пошевелиться от страха упасть в пустоту. Ей показалось, что она видит летящую на нее тонкую красную ракету.

— Эй! — крикнул пронзительный голос. — Привет всем! Цепляйся за мой шею! Быстро! Красная богомол приближается!

Так вот какой он, *красный* богомол: огромное насекомое с мощными лапами, большими выпуклыми глазами, длинными гибкими усиками. Существо это можно было бы назвать привлекательным, даже элегантным. Если бы не два обстоятельства: первое, если бы оно не насчитывало шесть метров в длину и один метр в ширину; второе, если бы оно не было покрыто крошечными, по сравнению с ним самим, красными муравьями, бегавшими по всему его телу, словно струившимися по лапам, словно выползавшими из пор на голове, словно населявшими его внутренности и вылезавшими оттуда, в крови и в предчувствии приближающегося пира.

Две руки положили руки Мей Йонг вокруг чьей-то крепкой шеи. Неожиданно прекрасная китайка почувствовала, что кто-то перерезает ее путы. Она оказалась верхом на спине незнакомого ей крылатого существа, позади девочки, также совершенно ей незнакомой.

— Ну! — воскликнула веселая незнакомка. — Дела нормальный? Добро пожаловать на борт моего большого стрекозы!

— Стре... стрекозы? — удивленно произнесла прекрасная китайка потухшим голосом.

Голова у нее кружилась. Ей было жарко. И холодно. Ей хотелось ласки. Ее тошнило. Ей хотелось спать. И съесть креветку. Она не понимала, что происходит. Спасительница ее была очень странной. С огненно-рыжими волосами, глазами лимонадно-зеленоватого цвета (они словно даже посверкивали пузырьками), вся обклеенная кусочками пластыря: и кончик носа, щека и почти каждый палец. Можно было подумать, что и на нее напала орда злых яблочек...

— Да, стрекоза очень смешная насекомое, — говорила незнакомая девочка. — Вообще-то на самом деле в настоящей мире живет около пяти тысяч вида стрекоза. У них одних чертовых глаз тридцать тысяч! Смешно, правда? У них есть рот, который перемалывает пищу (ух! нелегко выговорить, правда? перемалывает пищу, перелаывает пищу... ух!), прозрачный крылья, которые никогда не опускаются (что очень редко встречается у насекомое), они очень быстро летают по синусоиде, а что совсем уже не смешно, так это то, что они все умирают осенью, когда лист падают... Да, все умирают, все, все. Таков жизнь, малышка!

— Ты видела там... красный богомол... Он летит за нами?

Незнакомка обернулась, чтобы одарить свою пассажирку широченной улыбкой.

— Да-а! Мой стрекоза заметил его. Мы от него оторвемся, как только вон того мальчик заберем.

— А почему он на нас не нападает? — спросила обеспокоенная программистка, с удивлением видя, как богомол кружит вокруг них.

Вид тучи летающих насекомых ужасал ее.

— Стререкокорере! — объяснила стрекоза. — СтреререкореРе, стререкоререКо!

Незнакомка нежно похлопала ее по макушке.

— Не знаю, что он там говорит, но, по моему мнению, богомол нас побаивается и ждет подкрепления. Если нам

чуть-чуть повезет, она прождет слишком долго, и мы будем уже далеко!

— Ты... ты кто? — прошептала Мей Йонг странному существу.

— Эй! Я — Джой, я из Канзаса (Соединенные Штаты). Эй-эй-эй! Мальчик, ку-ку!

Прекрасная китайка увидела краснолицего Свена, подвешенного к плывущему по серому небу белому облаку. Джой махала мальчику руками, показывала большой палец правой руки. Стрекоза поднялась к красавчику шведу.

— Эй, мальчик, цепляйся за девочка, что сидит за мной... Хоп!

Резким движением Джой оборвала плющ, которым красавец швед был привязан к облаку. Но руки Свена забились в пустоте, не найдя за что схватиться, и мальчик рухнул вниз.

— Упс! — закричала летчица. — Опять я ошиблась! Мне иногда не хватает точности в наведении...

Она натянула вожжи, чтобы изменить направление полета гигантской стрекозы. Этот, относительно безопасный для него момент и выбрал красный богомол для атаки, до того он тянул, как мог, несомненно, поджидая сообщников. Богомол взлетел над стрекозой, и град из красных муравьев исчертил небо.

— АААААААААА! — взвыла Мей Йонг.

Стрекоза заметила опасность. Она вильнула в сторону. Спасены!

— Йес, бэби, ты в отличном форме! — радостно воскликнула Джой, барабанила по боку своего виртуозного самолета.

Мей Йонг изо всех сил сжимала свою спасительницу за талию. Огромное насекомое спикировало к земле, надеясь успеть подхватить Свена до нового града... или подхода вражеского подкрепления.

Ветер засвистел в ушах прекрасной китайки. Программистка закрыла глаза, не имея возможности зажать уши.

Скорость была слишком высокой. Мей Йонг этого не любила. Она была уверена в том, что волосы у нее совершенно спутались.

— Ох ты, господи! — выдохнула Джой. — А вот чертовый богомолы!

Спуск прекратился. Мей Йонг открыла глаза. Стрекоза застыла в нескольких метрах от земли, на которой бесновались яблоки. Она парила в воздухе в вертикальном положении. Прекрасная китаянка буквально царапала спиной почву. В более ужасной позе она не оказывалась за всю жизнь.

Стрекоза открыла рот и взмыла вверх, держа в челюстях маленького шведа. Красных богомолы теперь уже было трое. Двое сзади, один слева, один справа. И один впереди.

— Давай, бэби, покажи им все, на что способен! — закричала американка, ударяя пятками в бока стрекозе.

— ...е...о...а...е, ...е...е...е, ...е...о...а! — произнес ее конь.

— С набитым рот не разговаривают! — пошутила девочка, пребывавшая, казалось, в полном восторге от их приключения.

Она наклонилась к Свену и заявила ему:

— Карабкайся вдоль по стрекоза, хорошо? Внимание... раз... два... три!

Насекомое разомкнуло мощные челюсти. Джой схватила мальчика за плечи и немного отодвинулась влево, пропуская его. В двадцати метрах над землей, в то время как богомолы готовились запустить новых бесчисленных красных парашютистов, маленький швед пополз к Мей Йонг, для того чтобы занять место позади нее. Прекрасная китаянка не пошевелилась, считая, что усилия должен делать Свен. Во-первых, она сюда попала первая. Во-вторых, он был мальчиком. И потом, ее гибель была бы значительно большей потерей, чем его. В настоящей жизни нужнее люди, разбирающиеся в информатике, чем знатоки западного зубину.

Стрекоза старалась лететь прямо, насколько это было возможно. Свен старался ползти быстро, насколько это было возможно. Боязнь высоты замедляла его движения, но в течение последнего времени мальчик натерпелся столько страху — от головокружения, от предчувствия смерти, от прилива крови к голове, — что стал привыкать к этому чувству. Отныне он действовал в основном руками. Особенно левой. Ему было больно. И, как обычно в пограничных ситуациях, он думал о Боге. О Боге и о Его созданиях.

Он думал, в частности, об одной истории: однажды врач сказал Эрже, что, если бы Тэнтэна столько же били по голове в жизни, сколько в книгах, то он давно бы уже умер. Говорят, что после этого художник больше ни разу не поднял руку на Тэнтэна. Ах, если бы Бог проявил такое же милосердие по отношению к Свену после всего, что он уже послал ему: тумачи, укусы, порезы, не говоря уже о любовных страданиях...

Свен считал, что заслужил небольшие каникулы. По крайней мере, отдых. Он был интеллектуалом. Он не был человеком действия. Он предпочитал активизировать не ноги, а нейроны, и страдать головной болью после чтения сложного текста, а не после хорошей оплеухи. Короче, маленький швед просто хотел вернуться домой.

Но до этого еще было довольно далеко.

— Пум-пум-пиду! — громко пела Джой.

«Пела», быть может, не будет точным словом. В ее голосе были и медные, и гнусавые нотки, словно в дуэте трубы и гобоя. Нет, Джой не пела, она саксофонировала.

Одного взгляда ей хватило, чтобы убедиться: новенький успешно занял место позади Мей Йонг. Не без труда, между прочим: пока он держался за ее талию, усаживаясь, прекрасная китаянка не прекращала дергаться и фыркать.

— Я очень боюсь щекотки, — снизошла она до объяснения.

Ни извинений. Ни слова сочувствия. Ничего.

Кроме гримасы отвращения, появившейся тогда, когда она ощутила что-то очень неприятное: не позволенное ею прикосновение рук к ее плечам, затем упавшую ей на спину голову, испускающую тяжелые вздохи.

— Свен, не пользуйся случаем! — повела плечами программистка.

Мей Йонг не была душой. Она понимала, что обстановка вынуждает к некоторой скученности. Но физические контакты в принципе были прекрасной китайке неприятны. К тому же маленький швед был потным.

— Надо понимать, вся в сборе? — оглянулась пламенно-волосая американка. — О'кей, добро пожаловать на борту, и держитесь друг за друга, кажется, у нас гости.

— Все, на борт, гости, — машинально поправил ее Свен, обессиленно хрипя.

— Гости, говоришь? — спросила Джой громким голосом. — Тя, ти, нет, тю! Очень смешно, я чуть не ошибся!

И она залилась смехом столь же огненным, как и ее шевелюра. Резкий занос помешал детям поддержать этот невероятный хохот. Что-то тянуло стрекозу вниз. Они опустили глаза. Двухметровый богомол, испещренный красными муравьями, атаковал. Он уцепился за ногу их транспортного средства, и муравьи уже готовились к нападению на врага.

— Отрывайся, бэби! — приказала американка стрекозе. — Немедленно отрывайся!

Стрекоза перестала взмахивать крыльями и опустилась вниз на сотню метров. Потом она рванулась в сторону. Богомол сделал в воздухе мертвую петлю и выпустил залп из муравьев... Несколькими метрами ниже завопили зрители: стрекоза увернулась, и все муравьи достались яблокам.

Дети снова взмыли в небо над лесом. Но красный богомол не собирался сдаваться. Он прибавил скорости, обогнал стрекозу и пошел на таран, дергая головой, выпучив глаза и сцепив две передние лапы: просто боксер в стойке.

Секунду двое насекомых наблюдали друг за другом, оставаясь практически неподвижными. Затем Джой закричала:

— ЙИ-ЙАААА!

И стрекоза рванулась в атаку, широко открыв челюсти. Богомол только этого и ждал. Он взлетел вверх и, когда противник пронесся под ним, наугад схватил одного из пассажиров. Точнее, пассажирку.

Мей Йонг.

Лапы богомола вцепились в волосы прекрасной китайки, которая завопила и улетела вместе с богомолем прямо в небо. Но тот держал девочку недостаточно крепко. Лапы его заскользили по волосам, и жертва насекомого высвободилась.

Джой повернула свой летательный аппарат, чтобы подхватить программистку, пока та не разбилась. Богомол преградил стрекозе путь. Стрекоза метнулась вправо... влево... бесполезно. Тогда, держась за то, что заменяло ее лошади гриву, американка помчалась прямо на противника. Нагнувшись вперед, она схватила обеими руками голову врага и обрушила на нее убийственный удар лбом.

Богомол камнем полетел вниз.

— Не люблю это делать, но она чертовски уже надоед, согласен? — с солнечной сияющей улыбкой сказала она Свену, который подползал, чтобы уцепиться за ее талию.

Последовала блистательная мертвая петля, и Мей Йонг уже снова сидела на стрекозе, прижимаясь к спине Свена.

Силы Мей Йонг кончились. Пусть ее посадят куда-нибудь на землю. Все равно куда. Немедленно. Или пусть ее кто-нибудь защитит.

Прекрасная китайка задыхалась. Лицо ее было покрыто царапинами. На щеках выделялись черные полосы. Ноги были испачканы в грязи. Пряди волос лезли в глаза. Несмотря на все недостатки маленького шведа, он был тем крепким и одновременно нежным плечом, в котором она, в

виде исключения, нуждалась; сейчас Мей Йонг надеялась найти у Свена поддержку и понимание...

— Не пользуйся случаем, — вдруг пробурчал мальчик, к спине которого Мей Йонг прислонила голову.

Сам он прижался головой к огненным, пламенным волосам новой знакомой. Погрузившись в рыжую гриву, он нашел в ней обломки веточек, травинки, песчинки. Тысячи запахов источали волосы девочки, от асфальта до хлора, от мяты до типографской краски новой книги, от шлака до бензина, от дешевого одеколона до чистого спирта, от аниса до клубничной карамельки...

Свен был взбудоражен этим миром ароматов, объят уверенностью в том, что нашел девушку, которая была ему нужна, может быть, не такую красивую, как Мей Йонг, но зато созданную специально для него, способную нокаутировать противника, умеющую — маленький швед предчувствовал это — починить канализацию, возвести стену (может быть, не совсем ровную, но пусть критики сделают лучше сами), забраться на вершину высотой более восьми тысяч метров (не для развлечения и не за деньги, а для того, чтобы спасти находящегося в опасности орленка), построить сахароварню, чтобы вкусить сладость вихря из сахарной пудры (ведь это одна из потребностей человеческого существа, возникающая после того, как оно в какой-то степени удовлетворило свои элементарные нужды, не так ли?), посадить грузовой самолет, несмотря на вышедшие из строя реакторы (и, кстати, не слишком повредить при этом содержимое грузовых отсеков), выжить в пещере в течение многих недель, а также надувать пузыри из жвачки, выращивать овощи и чистить их, танцевать макарену в соответствующем стиле... Охваченный чувствами мальчик не сразу заметил изменения в ситуации.

А ветер тем временем усилился. Небо потемнело и почернело. Сикофант действительно мог управлять кучевыми и перистыми облаками и даже дождевыми тучами. Он призывал их, чтобы наказать беглецов. Взмахи крыльев

стрекозы замедлились. Поток воздуха понес ее в сторону. Как только стрекоза снова легла на нужный курс (то есть подальше от Питомника казненных), новый порыв ветра набросился на нее, толкнул и едва не сдул с нее пассажиров, что в данных условиях означало бы их верную смерть. Стрекоза больше не контролировала ситуацию.

— СтРЕРЕРЕ, стреКОКОКО, РЕРЕРЕ! — подало голос насекомое.

— Стрекококо? — удивился Свен.

— СтРЕРЕРЕ! СТРЕкококо!

— СтрекоРерере! — настаивал маленький швед.

— СтреКоко, стрекококоКО!

Мальчик перевел:

— Она говорит: бортинженер сообщает управляющему пилоту о том, что необходимо срочное приземление, перегрузка, преодолеть болтанку невозможно.

— Вот так сюрприз! — воскликнула Джой. — Я хочу сказать, ты по-стрекозиному говоришь?

Ее лицо выражало (в равных долях) восхищение и счастье.

— Так, имею представление, — признал Свен, перекрикивая завывания ветра. — Давно уже не говорил... Забылось многое... Надеюсь, все вспомнится с практикой... А пока надо найти вещь для...

Тут буря стихла, и Свен тоже. Стрекоза задыхалась. Джой продолжала улыбаться, уже озадаченно.

— Чертовски странно... — пробормотала она. — Непонятно. У нас неприятности, что ли? Почему ветер прекратилась?

Ответом ей стало жужжание. В небе на глазах вырастала какая-то черная точка. Затишье позволило подручным Сикофанта мякиша начать новую воздушную атаку. Американка прислушалась.

— О-о-о! — произнесла она радостно. — Я узнаю рулады ос... и трутней. И их много. Ребята, прижмитесь друг к другу: как здесь говорят, сейчас стеканет!

Невозможный подъем

Атор обожал летать.

Ну, в принципе.

Скажем так: тогда, когда он был в своей «храброй» фазе, «истинной», как он предпочитал говорить.

В полетах не было ничего необыкновенного. Для Викинга (а видит Тор, что нет на свете более викингского Викинга, чем Атор) летать так же естественно, как, например, ходить. Конечно, долго Викинги не летают. Они все-таки птицы особенные — тяжелые и без крыльев. Преувеличивать тоже не стоит: чаще всего Викинги летают во время прыжков. Но прыжки их бывают весьма впечатляющими! Очень затяжными. И похожими на полет.

Атор с ума сходил от этих ощущений. До того как его отобрали для защиты пребывающего в трансе Стража, Атор был гордостью владельца коллекции, потому что был исключительным прыгуном. Мало того, он был трижды рекордсменом. Первый его рекорд был рекордом силы. Атор был самым сильным Викингом миров. Он был первым Мальчиком-с-гору, получившим это звание, обычно достающееся Стальным кулакам. Мощь Атора была ошеломляющей. Он сам ей больше удивлялся, чем гордился ею. Собственная мощь забавляла его. Атор был способен ударом кулака пробить дыру в стене, какой бы толстой та ни была. До того как он понял, что тигрица была таким же Посланцем, как и он сам, Атор продемонстрировал встреченной в Донжоне Лейле свою силу. Удар кулаком — бум! — и Донжон украсился отверстием. Понятно, что стены Крепости

были уже не те, что раньше. Но все равно. Пробить стену двухметровой толщины, построенную из тесаного камня лучшим архитектором миров, это всегда производит некоторое впечатление.

Два других почетных титула Атора были величинами переменными. В зависимости от ситуации, он считался *то* самым храбрым Викингом миров, *то* — самым трусливым. Это зависело от... *От чего* это зависело, Атор сам так и не понял. Викинг просто чувствовал, что он мог быть чрезвычайно храбрым, или сверхъестественно трусливым, без промежуточного состояния. Или одно, или другое.

Ну, в основном.

Так как теперь Викинг ощущал себя потерянным. Робким, но не полностью поглощенным своим страхом.

Это было что-то новое... и не такое уж плохое ощущение. Произошло столько неожиданных событий, что Атор сам не знал, что с ним творится.

Последнее его четкое воспоминание относилось к его пребыванию в Донжоне. А именно: к комнате Стража. Викинг отражал атаку сливянок. Ну, *не совсем* отражал. Он спрятался под кровать старика, которого был должен защищать. Гордиться было нечем. Совсем нечем. Но, пережив разочарование от того, что он не был храбр в тот момент, когда должен был им быть, Атор не мог и упрекать себя. Он переживал трусливую фазу. Она наступала не по его воле. И поделаться тут Атор ничего не мог.

Проблема, кстати, была не в этом. А в том, что сразу после атаки сливянок, во время которой он показал себя не с лучшей стороны (честно говоря, просто себя не показал), Крепость начала содрогаться. А потом провалилась в землю. Атора затянуло в пустоту. Он покатился по ступенькам. А может быть, провалился сквозь дыры в полу, определить с точностью это было трудно. Потом — бум! — его падение прекратилось, и — ох! — он оказался в крошечной тьме.

В помещении, куда Атор свалился, пахло сыростью. Он подождал, пока закончится его трусливая фаза, а потом приступил к действиям. Он на ощупь нашел выход. Ощутил

под руками какую-то стену и пошел вдоль нее. Нашупал окно удлиненной формы, похожее на то, что выходило когда-то на изумрудное море. Оно оказалось странным образом окруженным стенами из грубого камня. Посланец повернулся и пошел в противоположную сторону. Тут он наткнулся на торчавший на пути стол, который он сильно ударил кулаком, чтоб тот впредь знал, как дорогу перегораживать. Мраморный стол рассыпался на куски. «Будет ему наука», — заключил Викинг.

В конце концов, он обнаружил проем двери. Но проход был засыпан камнями. Викинг раздраженно поднял вверх руки, чтобы исследовать состояние потолка. И нашел дыру в изъеденной древоточцами поверхности. Оттуда он и свалился. Непрочность дерева не позволяла Атору выбраться в отверстие. Он предпочел заняться тем, что умел делать, то есть колотить. Он начал бить руками в стену рядом с завалом, чтобы выйти на лестницу и добраться до комнаты Стража, прибыть в которую призывал его долг.

Когда, наконец, Атор сумел проделать выход, кулак у него был весь в крови. От того, что увидел Атор на лестнице, у него перехватило дыхание. Почти все каменные ступени раскрошились. Многих просто не хватало. Они были засыпаны пылью и щебенкой. Свет падал теперь не из окон. Его источником стала какая-то флуоресцирующая плесень, да и то если решиться назвать это мерцание светом. Лучше ему подошло бы такое определение: «Зыбкое бледное свечение для полу-Викинга с усталыми глазами». Странные приливы запаха тления то появлялись в воздухе, то исчезали.

Воин не мог прийти в себя. Он был здесь меньше лунария назад. Уже тогда в Донжоне присутствовали признаки разрушений. Но не такие очевидные. Не такие сильные. Совсем не такие.

— Лейла? — закричал Атор. — Типуссен? ЗззеннН? Э-э... Господин Страж?

Никто не ответил ему. Неужели остальных Посланцев сбросило в море? Скорее всего. Над Крепостью царила тишина агонии. Непривычная для тех, кто был знаком с воз-

можностями голосовых связок «восьми непобедимых сантиметров». Мальчик-с-гору решил все выяснить окончательно. Он потер раненый кулак о колотушку, которая служила ему левой рукой, и бросился на приступ Донжона.

Викинг хотел знать, что случилось с его товарищами. Но главной его задачей было найти Эльдера и оставаться около него. Атор не был детективом. Его профессия называлась «телохранитель». Его занятием было раздавать тумачи, получать их, если нужно, и охранять хозяина. А не искать того, на кого он должен работать.

Инстинкт подсказал Атору, что следует начать поиск с того места, где он в последний раз видел старика. Идея не внушала Викингу особого доверия: что он, в общем-то, понимал, его инстинкт? Вряд ли так уж много. Зачем Эльдеру оставаться наверху, в своей разгромленной комнате без крыши и стен? Но, не имея более интересных предложений, Викинг решил довериться своим ощущениям.

Подъем был трудным. Во-первых, не было видно практически ничего, плесень больше подчеркивала густоту мрака, чем рассеивала его. Во-вторых, ступени были неровными и непрочными, в любой момент можно было упасть. В-третьих, сама лестница была какой-то странной. Периодически Атору казалось, что она живая. От ступеней исходило бурчание. По стенам поднимались и опускались удивительные волны, камни словно вздрагивали.

И была еще одна очень непонятная, клянусь Одином, деталь! В общем-то, это была и не деталь. Все окна были замурованы. За такой краткий промежуток времени... А что, если... Нет... Нет, нет, нет. Конечно, после нападения сливянок случилось землетрясение. Крепость пострадала. Но чтобы она опустилась в глубь горы, на которой стояла...

Но чем дальше Викинг размышлял, тем наиболее логичным казалось ему такое объяснение: гора поглотила крепость. Не *очень* логично: для того чтобы что-нибудь погрузилось в нечто, в этом нечто должна быть пустота... так? Если Крепость действительно провалилась, это значит, что гора под ней была полый. Что, в свою очередь, предполага-

ло два очень разных вывода: либо Малик, его предшественники и его командитист были непроходимыми глупцами, либо Атор чего-то не понимал. Зачем строить на пустом основании? Никакого логического объяснения на ум Викингу не приходило. Он спросит об этом у Стража, когда парень выйдет из транса... если бедняга будет при этом в состоянии разговаривать.

В общем, Викинг с грехом пополам поднялся по лестнице. Правду говоря, Мальчик-с-гору больше любил летать, чем карабкаться. Но он об этом не думал. Он замечал вокруг себя мелькание угрожающих теней. Слышал стрекотание каких-то больших насекомых под ногами и на стенах. Чувствовал, как стены осыпаются под его пальцами. Он проходил мимо открывавшихся ему навстречу дверей, в проемах которых виднелись распространявшие зловоние помещения. Любопытство одолевало Атора. Ему хотелось войти в одну из комнат и посмотреть, нет ли там Стража или Посланцев. Но он устоял. Надо было придерживаться принятого решения и не распыляться.

Но до Зала Посланцев Викинг так и не дошел. Он упорно поднимался вверх, как вдруг Донжон словно пошевелился. Раздались звуки грома, потом шум падения, грохот сталкивающихся, катящихся по склону и бьющихся о землю камней. Мрак лестницы прорезали молнии. Несколько сильных толчков сотрясли Крепость. Атора отбросило к стене. Он вкатился в какую-то комнату, попытался ухватиться за что-нибудь, но незримая сила так мощно закрутила Викинга вокруг его собственной оси, что он вылетел в окно.

Падение было головокружительным. Мальчик-с-гору не добрался до вершины Донжона, к тому же он несколько скатился вниз после толчков, но тем не менее до самого верха Крепости ему уже оставалось рукой подать. Такого рода падения всегда доставляли Викингу удовольствие. По крайней мере, он знал, куда падал. Поскольку, подобно всем своим собратьям, Атор обожал летать, но страшно боялся моря. Не моря вообще: он любил ходить по морю на кораблях. Но упасть в воду для скандинавского воина означало умереть.

Они были слишком тяжелыми, для того чтобы долго держаться на плаву. Да и море в их краях было очень холодным, совершенно несравнимым по температуре с заливом Верхнего пляжа, предназначенным для мокрых куриц. В стране Викингов долго находиться в воде было смертельно опасно.

К своему счастью, после дюжины штопоров (и вверх ногами, и вниз) Атор выкатился на пляж. Викинг одним прыжком вскочил на ноги, широко улыбаясь и автоматически подняв указательный и средний пальцы обеих рук в форме перевернутой буквы «Л»: годы тренировки даром не проходят и дают о себе знать даже в самых драматических обстоятельствах.

Итак, Викинг теперь стоял на узкой полоске пляжа у подножия горы. Содержавшаяся некогда в безупречной чистоте полоска песка была частично завалена бесформенными каменными глыбами.

В сером небе блестели только четыре светила. Коричневая луна опускалась. Транс Стража близился к завершению и должен был закончиться на закате последней луны.

Что же касается Крепости... она все-таки провалилась в гору. Вот отчего возникало впечатление, что окна замурованы. Перед тем как взорваться, камень образовал нечто вроде емкости. Видимо, во время этого взрыва Посланец и был выброшен из замка. Нижние башни Крепости ушли под землю. Исчезли. Вместо них был виден кратер, из которого выходил черный дым.

На песке Викинг заметил следы ног. Маленького размера. Ребенок? Здесь? Посланец осмотрелся. Увидел в конце песчаной полосы человеческую фигурку. Маленькую. Лысую. Заинтригованно смотрящую на него. Атор решил уже пойти ей навстречу, как земля содрогнулась.

Викинг успел лишь отступить к изумрудной кромке воды. Глядя из-под руки, Атор бросился на песок. Храбрая фаза закончилась. Он затрясся от страха. И это в тот самый миг, когда начался Апокалипсис.

Земля не тряслась — она раскалывалась. Замок не гудел — он ревел. Стоявшая на поверхности земли и погло-

тившая Крепость скала не взорвалась — она разлетелась на куски с оглушительным грохотом. Донжон исчез в вихре пыли, поднятой огненным ветром. Дышать сделалось невозможно — воздух был слишком горячим. Атору показалось, что его живым бросили в топку с раскаленными углями. Вспыхнули и со страшным воем взметнулись вверх голубые языки пламени. Нарисовав на небе терновые венцы, огонь в виде капель крови стек вниз.

Овеянная огромным снопом сливовых искр, Крепость вынырнула на поверхность земли. Последовала череда оглушительных взрывов. Вскоре Викинг уже не мог услышать их, он только чувствовал толчки, сопровождавшие каждую вспышку. Тучи камней взлетали в воздух, падали градом на пляж или тонули в море. Станные запахи доносил ветер из эпицентра хаоса — пахло расплавленным стеклом, кованым железом, измятым бархатом.

Когда Атор повернул голову к маленькой лысой фигурке, он обнаружил, что та исчезла. На ее месте стояла скала ростом со Стальной кулак, внушительная и бесполезная, как менгир.

Викинг поднял глаза к Крепости. Сильный ветер гнал прочь обломки: словно ремесленник сдувал пыль со своего изделия, желая им полюбоваться. Замок вновь стал видимым. Он прилепился к скале и мало напоминал ту Крепость, которую знал когда-то Атор, — теперь здание казалось недостроенным. Оно частично изменилось. Кое-где из стен, казавшихся черными и прозрачными одновременно, торчали скалы. Башни сгрудились в одну кучу. Некоторые части замка странным образом напоминали лепестки цветка.

Ветер стих. Опасность, казалось, миновала. Мальчик-с-гору встал. Подошел к горе. И начал взбираться вверх по каменистому склону, ведущему к замку. Викинг спрашивал себя, можно ли рассматривать все эти изменения как добрый знак. Быть может, Страж вновь берет контроль над ситуацией в свои руки. Начинает с нуля. Творит. Меняет стиль. В лучшую или в худшую сторону, это, конечно, вопрос вкуса. На этот счет у Атора четкой позиции не было. Он, в принципе,

хотел бы, чтобы замок был похож на замок, а не на какую-то скульптуру наподобие тех, что с недавнего времени появились в мире игрушек, — но переубедить его было бы трудно. Он то думал так, то не думал никак.

Правда, чем больше Викинг рассматривал новую Крепость, ее гладкие и незавершенные формы, которым не хватало, как минимум, какой-то мелочи, что объединила бы камень и стекло, массивность и прозрачность, тем больше сожалел о суровой торжественности прочной былой каменной кладки. Типичное явление смутного времени: переделывать, вместо того чтобы укреплять. Но тем не менее старикашка-Страж силен. Приподнять свое владение и придать ему так новый вид — давно уже он не брался за столь трудоемкую задачу. Молодец, он идет верной дорогой!

Как, кстати, и Викинг. Тот находился уже у подножия замка. И тут произошли практически одновременно три события.

Первое: раздался новый удар грома (Атор упал на землю, придерживая руками шлем).

Второе: из своего положения Мальчик-с-гору заметил Лейлу. Живую! Она была в Крепости и поднималась к верхним этажам Донжона в какой-то стеклянной клетке.

Третье: тигрица внезапно отпрянула... и свалилась в пустоту: стеклянная стенка не выдержала ее веса.

Викинг запаниковал. Он заметил большой камень и спрятался за ним. Раздалось пронзительное скрежетание. Звук был невыносимым. Атор закусил губу и, обеими руками зажав уши, выглянул из-за своего укрытия. Тигрица, выпустив когти и царапая ими стеклянную стену, пыталась замедлить свое падение.

Она опустилась так несколькими этажами ниже, пока не достигла каменной части стены замка, за которую и уцепилась. Здесь можно было удержаться. Но и только. Лейла висела, держась за камни кладки, очень, очень высоко над землей.

В этот момент Крепость стала дрожать и шататься. Работы продолжались и после Апокалипсиса. Лейла держалась

из последних сил. Викинг увидел, как она подняла голову. В отверстии в стене, через которое тигрица свалилась в пропасть, появилось существо. Самый скорпионистый из всех возможных скорпионов, понял Атор. Изогнутое тело. Сверкающий, ячеистый панцирь. Готовое к атаке жало. По-настоящему классический скорпион. Только размером он был не меньше самого Мальчика-с-гору.

Тварь выглянула вниз. Она была слишком далеко от тигрицы, тянуться было рискованно. Замок дрогнул еще раз. Лейла дрогнула тоже, но продолжала держаться. Тварь с ярко-желтым панцирем поставила две лапы на поверхность стены. Потом остальные шесть.

Теперь Атор дрожал уже не за себя: он трепетал от страха за Лейлу. Тигрица оказалась в отчаянной ситуации. Викинг знал, что *должен* прийти ей на помощь. Но он *не мог*. Он слишком боялся. Он был не готов. Еще секунду. Викинг тряхнул головой. Прокашлялся. Сделал шаг вперед, для того чтобы спасти товарища. Застыл. У него ничего не получалось. Он не виноват. Он ничего не может поделать.

А ведь он хотел помочь тигрице. Лейла проявила к нему нежность, тогда, после нападения сливянок. Она подбодрила его. Он такого и не ждал. Она, храбрая хищница, тигрица без страха и упрека, смогла понять, что испытывает истинный воин после того, как струсил.

— АААААААА! — завопил Атор, бросаясь на штурм замка.

Его тело решило за него. Викинг присоединится к тигрице, вскарабкавшись по стене. Вдвоем будет проще противостоять чудовищному скорпиону.

От крика легче Атору не стало. Это просто был способ отрезать себе все пути к отступлению. Потому что он никогда не дрался со скорпионами. Потому что никогда не был чемпионом по скалолазанию. Потому что он боялся... и стыдился своего страха.

Викинг начал восхождение. Лейла повернула к нему голову. И слабо кивнула, что могло означать что угодно: и «спасибо», и «катись-ка ты...». Она сосредоточила свое внимание на членистоногой твари. Которая медленно ползла к

тигрице. Как будто неспешно смаковала предстоящую трапезу. Или замышляла что-то недоброе. Но что могло быть хуже подобной участи — быть отравленной, а потом проглоченной огромным скорпионом?

Замок вдруг вытянулся и затрещал. Новые остроконечные скалы появились повсюду. Каменные стены взрывались. Атор прижался к стене. Камень ударил его по шлему. Викингу показалось, что у него сейчас сломаются шейные позвонки. Но кости выдержали. Атору пришла в голову мысль отступить, а затем вернуться, когда наступит более благоприятный момент. Может быть, он только мешает? Может быть, Лейла предпочитает сражаться с монстром в одиночку? Зачем навязывать свое присутствие?

«Замолчи!» — приказал Викинг своему страху.

«Ты не смелый, — сказал ему страх. — Ты просто женоненавистник и реакционер».

Тигрица прыжком поменяла положение. Невозможно драться со скорпионом на вертикальной поверхности. Надо бежать. А это непросто. Уцепившись за углубление в стене, Лейла с трудом сохраняла дистанцию между собой и перебиравшей лапами тварью. Теснимая противником тигрица все быстрее прыгала от одной выемки в поверхности стены к другой.

Атор поднимался вверх, переживая за Лейлу. Ему показалось, что тигрица слабеет, так же как и он сам. Викинг понял, что переоценил силы хищницы. Гибкая, сильная и несомненно прекрасно тренированная Лейла делала то, для чего была создана: она встречала смерть лицом к лицу. Но ее противник тоже делал то, для чего был создан: нес смерть.

Погоня шла на большой скорости. Викинг периодически поносил бранными словами ядовитую тварь. Потом, похолодев от ужаса, начинал раскаиваться в содеянном. И зря: скорпион думал о вновь прибывшем противнике столько же, сколько о первой пойманной им лесной мышке (или, скорее даже, о первом пойманном им лесном мишке, принимая во внимание размеры паукообразного животного). Скорпион легко повторял маневры тигрицы на поверхности

стены. И вдруг он бросился на Лейлу. Та отскочила в последний момент. Жало уткнулось в стену, и большая каменная панель сгнила за один миг. Лейла отступила назад и только благодаря рефлекторному прыжку рыбкой не сорвалась вниз. Она едва успела вонзить когти в стеклянную перегородку. И немедленно отскочила еще дальше, увертываясь от желтого скорпиона.

Атор был уже в двух этажах от тигрицы. Сейчас он подаст ей руку помощи. Но руки его отяжелели. Мысль о бегстве опять посетила его. Не убежать от опасности («вовсе нет»), пытался убедить он сам себя, а просто обойти ее. Атаковать с тыла. Так, ладно, хорошо, он боится. И в то же время первый раз в жизни он гордится своим страхом: никогда еще Викинг не был так храбр в трусливой фазе. Обычно он прячется и проживает ее, ожидая наступления режима «смелости». А сейчас он сумел переломить свою натуру.

На мгновение образ Сигура возник в памяти Викинга, повергнув воина в смятение. Сигур был не просто его другом. Он был членом семьи Атора. Семьи, которую Атор себе выбрал, семьи, которую он *чувствовал*: его семьей была армия простых Викингов. Если бы Атор знал, что может сделать над собой усилие... Его брат по оружию не попал бы в засаду, не был бы побежден варваром по имени Икарос из-за того, что Атор сбежал... На этот раз он не даст страху одолеть себя. Раскаяние по поводу того, что он бросил Сигура, останется с ним навсегда. Но, помогая Лейле, Атор в какой-то степени отомстит за друга.

Снова зарывав, Викинг бросился на тварь. И тут же остановился... Чудовище было не одно... Бесчисленное количество скорпионов появилось в окнах. Целый этаж Донжона кишел десятками сверкающих панцирей, переливающихся всеми цветами радуги, от темно-синего до кроваво-красного, от солнечно-желтого до яблочно-зеленого и непроницаемо-черного. Может быть, поэтому ярко-желтая тварь не сразу набросилась на Лейлу. Такая тактика весьма свойственна паукообразным животным и хищным насеко-

мым. Когда с врагом трудно справиться, они тянут время, сзывая на помощь себе подобных.

Страх опять парализовал Атора. Викинг сумел взобраться на эту высоту, но он не мог заставить себя быть храбрым долго. Лейла пыталась оторваться от преследователя, начав неуверенный спуск. Викинг бросил взгляд вниз. С земли поднимались скорпионы. Дело было плохо.

Подчиняясь безумному желанию жить, Атор решил следовать по пути отступления Лейлы: несколько углублений в стене, дальше окно. Быть может, удастся юркнуть в проем... Викинг постарался забыть о присутствии в замке скорпионов, для того чтобы разжать тиски страха... Но это ему не удалось. Атору показалось, что он окаменел. Его члены больше не повиновались ему. Ядовитые твари приближались. Он не мог бежать. У него не получалось. Он умрет *глуло*. Не выполнив своей миссии. Без боя. Он не попадет в Валгаллу для игрушечных Викингов.

Атор поискал глазами Лейлу. Скорпионы окружили тигрицу. Викинг зажмурил глаза. Хотя бы не видеть этого. Раздался взрыв. Гром. Стена под его пальцами неожиданно выгнулась. Атор попытался уцепиться за нее, но тщетно. Его вес увлекал его вниз. Викинг почувствовал, что теряет равновесие. Хватаясь вытянутыми руками за стену, Атор полетел вниз. Кто-то схватил его за руки и остановил падение.

Викингу показалось, что руки его оторвутся от тела. Но нет. Когда боль немного утихла, Атор сделал усилие и ухватился за первое, что попало, за подоконник. Спасшая его рука протянулась к нему. Мальчик-с гору подтянулся. Но тонкая рука схватила его за шиворот и приподняла. И в тот момент, когда Атор увидел своего спасителя, вторая рука метнулась к его горлу. И всадила в него нож. И повернула его, не обращая внимания на хлещущий фонтан крови. А затем отшвырнула захлебывающегося собственной кровью Викинга в пустоту.

«Осталось всего двое», — подумал незнакомец.

Лошадки

— Эй, поосторожнее с моим костюмом! — запротестовал Мадаван.

Детей втокнули в тюрьму. Жертва авторской моды воспользовалась путешествием, для того чтобы выделиться на общем фоне, облачившись в соответствующее обстоятельству одеяние: сплошь шелковое, с ярко-синими и желтыми полосами, как когда-то на купальном костюме, правда, на этот раз полосы были вертикальными (только флуоресцентные очки мягко мерцали в полутьме горизонтальными черточками). «Что такое, в сущности, полоса? — думал маленький индеец. — Надо честно сказать: полоса — это не зачеркивание, это не отрицание, это улучшение и динамика, каковы бы ни были наши статичность и закрытость, внешние или внутренние, а улучшенное движение — это определение жизни». Мадавану казалось, что его вертикальные полосы поднимают его ввысь.

Но для того чтобы выйти из тюрьмы, этого было недостаточно. Потому что как только детей швырнули в просторное квадратное помещение с толстыми каменными стенами, прорезанными слуховыми окнами, которые были забраны массивными решетками, дверь за ними захлопнулась... и исчезла. Стена сделалась сплошной. Убежать возможности не было.

— Мне очень жаль, — сказала жертва авторской моды своим друзьям, разглядывавшим место их заключения.

— Жаль почему?

— Но мы же здесь из-за меня.

Эзоа вздохнула.

— Нет, Мадаван, не из-за тебя...

— Из-за меня, из-за меня... Ты мне помогла, но я плохо скроил свой костюм и влез во все это... такое в мире законов не прощается.

Раздался звон колокольчика.

— А это что такое? — удивился маленький индеец.

— Я... я позаимствовала один из колокольчиков, которые ты прикрепил к своим латам, — призналась странно-дельница. — Я подумала, что он может сослужить нам службу. Правда теперь для странноделания у меня остался только он, а этого маловато...

— Послушай, если тебе это поможет, я буду счастлив подарить тебе кое-что взамен твоей сумки-фасолины...

И Мадаван достал что-то из-за спины. «Кое-что» — это было, конечно, громко сказано. «Понятно, что это никакое не кое-что, — подумала Эзоа, беря „кое-что“ в руки. — Так, нечто, да и то». Речь шла о черной матерчатой сумочке, с двумя грубо пришитыми ремешками, украшенной по бокам разноцветными матерчатыми квадратиками, на одном из которых было изображено солнце цвета «фуксия», на другом — бабочка с крестом на крыльях, на третьем, шелковом, — зелено-желтое дерево, на пятом квадратике цвета хаки была нарисована фломастером бежевая стрела, еще к одному, шестому квадратику коричневым скотчем был приклеен пластиковый капот от игрушечного кабриолета-твинго, а на седьмой — наклеен кусочек какой-то плотной массы, похожей то ли на желе из гамбургера, то ли на пастилу.

— Я сам сделал сумочку, — признался мальчик. — Я знаю, сейчас привилегиями пользуется моно- или, на худой конец, бихромность. Но я верю в возвращение ярких тонов. При всем при том, если тебе не нравится, я могу ее переделать.

— Нет, нет, ни в коем случае! — вскричала девочка, звонко чмокая своего друга в обе щеки. — Очень... аутентично.

Мадаван вытер предательскую слезу.

— Спасибо, — всхлипнул он. — Ты не могла мне сказать лучшего комплимента.

— Так что, вас тоже сцапали? — услышали дети низкий голос.

Все обернулись. Все, кроме Слади, который привалился к стене рядом со связкой соломы. Маленькая красная лошадка, жуя овес, смотрела на ребят. Она повела головой в сторону ближайшей кучи овса и предложила:

— Угощайтесь, если хотите...

— Э-э... нет, спасибо, — отказалась маленькая мексиканка. — Я бросила.

— Да? Я тоже бросила. Потом опять начала. Потом опять бросила. Слишком много стрессов. Здесь даже само отсутствие стрессов является стрессом. Ну а вы, как это?

— Эзоа.

— Мадаван.

— А он — Слади.

— Нет, я хочу сказать, как вы здесь очутились?

— Уайт, черный рыцарь, победил нас в нечестном бою, и нас дисквалифицировали, — кратко изложила события страннодельница.

— А-а, я этого типчика знаю, удары исподтишка — его любимое занятие...

— А вы почему здесь?

Красная лошадка невесело заржала и начала:

— Всегда можно найти предлог упрятать за решетку тех, кто не идет на поводу, не так ли? Традиция не изменилась и в том, что касается нас. Маленькие лошадки вышли из моды. Мы больше не в струе. Теперь нужно быть длинной, совершенно голой кобылицей и выступать с номерами.

— Вы имеете в виду Экину? — наугад спросила Эзоа.

— Да. Да нет. Чего о ней говорить. Если бы она гарцевала у моей двери, я бы и то с ней овес не стала вместе же-

вать. Обидно, что нас за ослов принимают. Это очень вредит лошадиному имиджу. Но имеет успех...

К ним подошли другие маленькие лошадки. Красные, желтые, синие, зеленые.

— Это ужасающая обратная сторона шоу-бизнеса, — продолжала лошадка. Раньше мы не чувствовали друг друга, потому что были в разных командах. Теперь вот поговорить можем. Заметьте, я не утверждаю, что у нас относительно всего одинаковое мнение! Кое-кто, например, выступает против обратного хода в конюшню, после того как у вас съели фигуру. Хотя, если серьезно, делить клетку бессмысленно. Но, с другой стороны, я думаю, хорошо иметь возможность поговорить, когда над тобой никто не ржет. Не знаю, что ты об этом думаешь...

— Я согласна, — прервала ее Эзоа, пытаясь побыстрее перейти к другой теме. — А вы слышали какие-нибудь новости об Эльдере?

— Какие это новости? — удивилась лошадка. — Ты думаешь, он каждое утро приходит нас чистить? Типа «Привет, красотки, я сегодня в отличном настроении, хотите, вас соломкой оботру?».

— Ха-ха-ха. Нет, типа вы заметили, как мир законов приходит в упадок, и сказали себе: «Черт, а если типа поговорить об этом с Эльдером?»

Маленькая лошадка посмотрела на девочку и пошевелила ушами, говоря:

— Со мной тоже такое было, когда я бросала овес жевать. Возьми овса, пожуй, говорю тебе. Ты уже не будешь себя чувствовать такой напряженной... Посмотри на своих ребят, у них у обоих довольный вид... И не очень понятно, что ты говоришь, ты немножко торопишься.

«Я говорю очень быстро или ты слышишь очень медленно?» — подумала маленькая мексиканка, найдя взглядом своих друзей.

Они действительно были всем довольны. Слади спал. А Мадаван осторожно выдергивал соломинки из его по-

душки, для того чтобы сделать себе канотье, поскольку был убежден в том, что слава льняных шляп в стиле Поля Смита непомерно раздута.

У Эзоа опустились руки. Колокольчик в ее сумке звякнул.

— Да почему же я одна хочу выйти отсюда и найти Эльдера? — всплеснула руками девочка.

— Выйти отсюда? — повторила маленькая синяя лошадка. — Но это невозможно! Нужно выбросить двойную шестерку!

— Это можно сделать, если мы все будем бросать кубики, — возразила Эзоа.

— Только кубики не появляются, — сказала желтая лошадка.

— Раньше, когда мы ржали, они приходили, — подала голос зеленая лошадка.

— С тех пор как мы в тюрьме, это бесполезно, — добавила другая красная лошадка. — Они нас уже не слышат.

— А вы пытались ржать хором? — спросила девочка.

— Э-э... ты знаешь, — ответила первая красная лошадка, — мы же не волки. Лошади ржут поодиночке.

— Да, но мне не из чего сделать микрофонический амплификатор, представьте себе! Раз кубики не приходят потому, что они вас не слышат, может быть, мы покричим в такт?

— Как это, в такт? — навестила уши синяя лошадка.

— Если мы хотим, чтобы положение дел изменилось, — пояснила Эзоа, — надо размышлять коллективно: будем кричать вместе, один, и другой, и третий, и все остальные!

Мадаван подошел к их кружку и спросил:

— Как я вам с этим?

Он надел на голову свою шляпу. Канотье было полосатое — наполовину солома, наполовину овес.

— Скорее фрешово, — ответила синяя лошадка.

— Не фрешово, а гениальнейше гениально! — уточнил некто маленького роста, тоже только что подошедший к ним.

Некто тоже был полосатый. Он был не лошадкой, а маленькой зеброй. Заметив удивленный взгляд девочки, маленькая красная болтуня объяснила:

— Даже не знаю, каким ветром его сюда занесло, из какой-то игры он что ли выпал... Но он очень симпатичный, иногда даже забываешь, что это зебра со смешным именем Нагавика.

— А у тебя какое такое несмешное имя?

— У меня — имя? — лошадка тряхнула гривой. — У тебя с головой все хорошо? У маленьких лошадок не бывает имен, у нас только цвета!

Элегантный индеец приблизился к полосатому ценителю, чтобы его поблагодарить.

— Теперь давайте примемся за работу! — нетерпеливо сказала Эзоа. — Дайте мне палочку!

— **Волшебную** палочку? — захотела уточнить синяя лошадка.

— Э-э... нет. Волшебных палочек не бывает!

— Да, поэтому я и убедилась, что мы говорим об одном и том же. Если бы ты хотела волшебную палочку, а волшебных палочек не бывает, то у нас были бы пробл...

— Я хочу **нормальную** палочку!

— Хорошо, хорошо, тогда...

Синяя лошадка бросила в пространство:

— Эй, ребята? У кого есть палочка?

— Волшебная палочка? — спросила желтая лошадка.

— Ты не слушала меня, что ли? — вспыхнула девочка. — Я хочу **нормальную** палочку!

— О! Хорошо, что я уточнила! — с облегчением сказала желтая лошадка. — Волшебную палочку найти непрос...

Не дожидаясь конца фразы, страннodelьница сняла канотье с Мадавана, оживленно беседовавшего с Нагавикой, и постучала его по голове.

— Так, сделай мне палочку.

— Волшебную или...

— **НОРМАЛЬНУЮ** палочку!

Затем девочка велела маленьким лошадам встать гуськом и, как когда-то к Викингам, обратилась к ним с речью:

— Друзья, лошади и зебра, так же, как и мы, вы не хотите оставаться в тюрьме на всю жизнь! Давайте же призовем сюда кубики могуществом музыки! Как сказал бы мой друг Свен, музыка — это чувство в крошечной ночи, волна надежды, воля к жизни и, иногда, дорога к славе!

— Хорошо она говорит, — прошептала синяя лошадка.

— Все-таки слишком торопится, на мой взгляд, — тихо выразила свое мнение красная болтунья.

— Я буду петь куплет блуза, а вы будете повторять вместе со мной с красной строки.

— А мы что будем делать? — поинтересовалась желтая лошадка. — Только красная поет?

— Нет! Вы поете все вместе по моему знаку!

— Ничего не понимаю, — пробормотала синяя лошадка. — Она же сначала сказала «повторяет со мной красная», так?

— Видишь? — мотнула головой красная болтунья. — Говорит слишком быстро. Не всегда понятно...

Эзоа тем временем прочистила горло и затянула свой новый шлягер в стиле блуза:

С ними мы идем вперед,
А без них — наоборот,
С ними дзынькалка бумкает,
Да здравствуют кубики!

— А теперь... — начала девочка, закончив петь.

В этот момент Мадаван протянул ей гибкую палочку, которую только что смастерил.

— Я позволил себе украсить ее полосками, — улыбнулся он. — Это очень в струе, хотя кое-кто этого и не любит. Если ты предпочитаешь...

— Нет, так очень хорошо, Мадаван, спасибо, — поблагодарила Эзоа и продолжила речь: — А теперь...

— Потому что, в сущности, что такое полосы? — не унимался мальчик. — Конечно, полосы — это...

— Да наплевать, что это такое! — взорвалась маленькая мексиканка.

Воцарилась тишина. От которой проснулся Слади. Тридцать семь глаз округлились*.

— Может она держать в тонусе, правда? — прошептал маленьким лошадам коллекционер без фиксированной коллекции.

— ВЫ слушаете МЕНЯ и делаете то, что я говорю, ИНАЧЕ мы никогда отсюда не выйдем. И это будет очень печально! — предупредила страннodelьница. — Когда я пою: «Да здравствуют кубики!» — я делаю вам знак палочкой, и вы подхватываете: «Йе, йе, йе!» ?Энтендидо?

— Да, — слышались несколько робких голосов.

— Ничего не слышу. ?Энтендидо? Вы отвечаете: «Йе, йе, йе!»

— Йе, йе, йе!

— ЭНТЕНДИДО?

— ЙЕ, ЙЕ, ЙЕ!

— А ты не хочешь, чтобы я им сначала сделал сценические костюмы? — предложил Мадаван.

Эзоа вздохнула.

— Нет, Мадаван, спасибо.

— Может быть, просто шейные платочки, для создания единства группы...

— НЕТ!

— Я хочу платочек, — заметила зебра.

Через секунду все маленькие лошадки тоже просили платочки, «если это возможно». Маленькая мексиканка

* Четыре лошади каждого цвета умножить на четыре, у каждой лошади по два глаза, равняется тридцати двум, прибавить одну зебру, это два глаза, равняется тридцати четырем, прибавить двоих детей (из троих), у каждого из которых по два глаза, равняется тридцати восьми, вычесть один подбитый глаз (у красной лошадки), равняется тридцати семи глазам.

сделала Мадавану знак, чтобы тот раздал лошадкам платочки, «чтобы уж покончить с этим всем раз и навсегда!».

Эзоа и сама повязала на шею квадратик из ткани. Платок был покрыт полосами, красными, желтыми, зелеными, синими, белыми и черными, горизонтальными, вертикальными, по диагонали и зигзагом... Затем девочка постучала мадавановой палочкой. Она не верила в волшебные палочки. Но ей вдруг захотелось усовершенствовать свою неволшебную палочку. Эзоа быстро привязала к ней пучок способствующего релаксации овса, для снижения напряженности среди хористов, и волосок из гривы одной из лошадок, для адаптации инструмента к особенностям аудитории.

— Ошеломляюще! — с восторгом произнесла жертва авторской моды на ухо маленькой зебре. — Она не просто использует мой подарок, она аутентизирует его с уверенностью великого кутюрье...

Да, получилось неплохо. Но не высший класс. Чего-то не хватало. Чего?

Да, конечно! Страннодельница достала из сумки колокольчик. Привязала его к палочке соломинкой. И ее инструмент немедленно принялся задавать темп. Это была не волшебная палочка. Нет. Потому что волшебных палочек не бывает. Поэтому это была полуволшебная палочка.

Девочка глубоко вздохнула. Посмотрела на свой маленький хор. Ей пора было начинать.

Она вспомнила о том, что делают дирижеры перед тем, как направить свой оркестр на магистраль симфонии. Для того чтобы занять Эзоа на то время, когда они работали (то есть практически на все время), ее приемные родители, помимо прочего, решили дать ей «основы музыкального образования». И вот теперь она должна стать первой скрипкой. Ее палочке подчинялись не ее любимые большие медные трубы, а семнадцать голосов, которые будут петь так, как она покажет. Эзоа самой не хотелось себе в этом признать, но она была довольна. Она любила командовать,

хотя никогда раньше и не пробовала руководить хором из шестнадцати лошадей, мальчика, сони и колокольчика.

Вот что у них получилось:

Эзоа	Колокольчик	Слади	Хор
С ними	Динь-динь!		
Мы идем	Динь-динь!		
Вперед,	Динь-динь!	Хр-р...	
А без них	Динь-динь!	Хр-р-р...	
Наоборот,	Динь-динь!	Хр-р-р...	
С ними дзынькалка Бумкает!	Динь-динь!	Хр-р-р!	Йе, йе, йе!
Да здравствуют Кубики! (Громко!)	Динь-динь-динь!	Хр-р-р!	Йе, йе, йе!
КРИЧИМ! (Еще громче!)	ДИНЬ-ДИНЬ-ДИНЬ!	Х-Р-Р-Р!	ЙЕ! ЙЕ! ЙЕ!

— Ух ты! — закричала Эзоа, подбрасывая палочку к потолку («дзынь, дзынь, дзынь, бум», ответил полосатый колокольчик, падая обратно в модную сумку). — Вы — лучшие!

Волна радости приветствовала этот римейк Назе. В прямом смысле слова.

В стенах тюрьмы взорвался фейерверк. Разноцветные ракеты осветили грустное квадратное помещение. Каждый цвет обозначал какой-то оттенок радости: розовый — жизнь, красный — любовь, желтый — скорость, сиреневый — внутренний мир, оранжевый — взрывы хохота, каштановый — вкусную еду, белый — крепкое здоровье, зеленый — дороги, которые ждут, а черный, хотя он и не

настоящий цвет, — умиротворяющую тишину летних ночей...

Ракеты напустили в помещение красивого дыма. Аплодисменты и неистовые крики «БРАВО!» заставили дрогнуть в общем-то крепкие стены. Какие-то фигуры бросались друг на друга. Кто-то карабкался на плечи соседа и серфинговал по толпе бешеными зигзагами. Можно было подумать, что идет концерт тяжелого брутального металического рока с уклоном в зубодробительный андерграунд. Когда дым рассеялся, хористы заметили, что зрителями были... кубики.

Их были, по крайней мере, десятки.

Странноделка сработала! Кубики появились! Эзоа была переполнена чувством облегчения, радости и гордости. Мадаван занялся раздачей платочков целой группе кубических поклонников, пребывавших в экстазе.

Кубики с черными точками скакали среди лошадок. Они были из игры в лошадки и пришли в восторг от того, что встретили старых знакомых. Прыгая от радости, многие из них выкинули шестерочные дубли, несколько малышей (их возраст можно было определить по еще четким ребрам, у кубиков постарше грани стираются) пытались, как могли, подражать взрослым, они выкидывали дубли четверки, что было не так плохо для учеников — ведь некоторые из них только-только начинали.

Вскоре вокруг детей толпилась масса шестерочных дублей. В стенах тюрьмы появились двери, по одной на каждый шестерочный дубль. Маленькие лошадки бросились на волю.

— Эй! Подождите нас! — запротестовала Эзоа.

— Нет времени! — крикнул один из беглецов. — Надо наверстывать упущенное!

— Мы не хотим шестерками оставаться! — объяснил другой.

— Слади, успокой-ка трех из них! — приказала девочка.

— Нет, двух, — поправил Мадаван.

Маленькая зебра по-прежнему стояла рядом с ним. Правда, теперь животное было одето: кроме платочка на шее, на него был накинут какой-то прозрачный плащ.

— Вещь бесполезная, — признал Мадаван, разглядывая свое произведение, — но какая польза, в сущности, в красоте? Красота нужна для...

— Замедли двух лошадей, Слади!

— Спокойно, кузены! — бросил мальчик, медленным жестом указывая на двух маленьких лошадок.

Вскоре каждый из ребят получил свое транспортное средство, обладавшее четырьмя ведущими ногами, синее досталось Эзоа, желтое и полосатое — ее друзьям. Поскольку скакуны были не слишком высокого роста, дети без труда вскарабкались на них. Но как только каждый из них уселся на своего коня (или зебру), задребезжал металлический голос.

— Вы сделали... два плюс... четыре... — объявил он.

— ЧТО? — возмутилась Эзоа. — Да мы же не бросали кубики!

— Ваш результат... сто двадцать—двенадцать, — продолжил голос.

— Голос сошел с ума! — констатировала девочка.

— Счастливого пути, ха-ха-ха!

Лошади, не спеша, затрусили, зебра последовала за ними. Поднялся ветер силы циклона, и дети почувствовали, как их отрывает от земли. Они крепко держались за своих коней, пока те вновь не опустились на твердую землю.

Голос не встретил их и не объяснил, куда они прибыли. Зачем? Они узнали арену, на которой сражались с черным рыцарем. Это было логично, в некоторых вариантах игры «гусек» после выхода из тюрьмы надо было возвращаться на ту же клетку, с которой ты выбыл. Видимо, такие же правила были приняты и здесь.

Наша троица прибыла в то самое место, на котором разворачивался поединок. Декорации за это время сменились. Вместо скромной пыльной арены перед ними расстился

необъятный ипподром с идеально подстриженной травой. Трибуны превратились в великолепный амфитеатр с каменными скамьями. Соответственно выросло и количество публики: теперь зрителей было не менее ста тысяч человек.

Все это очень беспокоило Эзоа. Начиная с самого первого дождя красок мира все время разрушались. Луны падали. Голос бредил. А тут появляется общественное сооружение с безупречными газонами. Очень подозрительно. Хотя, может быть, это означает, что Стражу стало лучше? Скоро они узнают, какое предположение верно.

К детям приблизился герольд в великолепном костюме из красного бархата, с двумя копиями в руках.

— Обязан оповестить вас о том, что с недавнего времени некоторые правила претерпели изменения, — объявил он. — Во время последнего поединка некоторые участники попытались мошенничать. Отныне разрешено пользоваться только нашими копиями. Ими будете сражаться и вы.

— Тем лучше! — воскликнула маленькая мексиканка. — На этот раз Уайт нас не победит!

Герольд вручил копыя Слади и Эзоа, которая отбросила за спину свою сумку для чудес («дзынь!», выговорил колокольчик, закопавшись в солому, овес, красивые хлопья пыли и конский волос). Девочка заставила своего коня пробежаться. С облегчением отметила, что за время путешествия с клетки «Тюрьма» до клетки «Черный рыцарь» ее лошадка обрела способность развивать нормальную скорость. Потом Эзоа обернулась к Мадавану.

Мальчик надел полосатые, серо-серебряные с бордовыми вставками латы. Его лицо было скрыто под шлемом в горошек. Голову зебры увенчивало двуцветное канотье. Эзоа обратилась к герольду:

- А ему вы копыя не дадите?
- О, нет, в поединке участвуют только рыцари.
- Так он как раз рыцарь! Ликорна его посвятила!

— Рыцарь, оседлавший зебру, перестает быть рыцарем, он становится зебрарем. Он может присутствовать на поединке, только находясь на трибуне. Пожалуйста, сударь, следуйте за мной, там безопасно...

Регламент нарушить было невозможно. Не было даже времени подать рекламацию. Страннодельница не забывала о том, что необходимо скорее отыскать Эльдера. И не потому, что она уж так хотела вернуться домой. Маллемир был, быть может, нет, *несомненно*, местом опасным, но тут она, по крайней мере, не скучала. Несмотря на это, Эзоа хотела понять, что она тут делала. И получить гарантию того, что она не исчезнет во время очередного ухудшения положения миров.

Маленький индеец, Нагавика и герольд ушли. Эзоа нервничала. Они потеряли сильного члена команды. У Мадавана был боевой опыт. В конечном итоге, он не так уж плохо себя показал во время последнего поединка с Уайтом. Но ситуация все равно оставалась для ребят благоприятной. Их было все-таки двое. Достаточно будет Слади затормозить движение черного рыцаря, как Эзоа атакует его. И он медленно упадет на землю. И ей останется лишь представить ему копьё к голове. Она потребует, чтобы Уайт признал свое поражение, и игра будет выиграна.

Вдруг раздался гром. Он быстро усиливался. Девочка подняла глаза к небу. Но оно было таким же серым, как обычно.

Когда же Эзоа посмотрела вокруг себя, то поняла, что уже неважно, какими копьями следует сражаться, чтобы победить. В противоположном конце ипподрома появились двести черных всадников. Туча убийц мчалась на них сомкнутыми рядами.

Детям ничего не оставалось, как побежать к другому концу арены.

Бесславно, но разумно. Если двое на одного, пусть здорового, это еще проходной вариант, то двое против двухсот, это уже чревато рекой Забвения. Или просто смертью...

Двойная эскадрилья

Идуший с неба оглушительный треск больно отозвался в ушах противников. Град астероидов, сопровождаемый душным запахом выпечки, обрушился на них.

Коричневая луна, та, что была похожа на печенье, утратила свою квадратную форму. Левая ее сторона стала обгрызенной. Невидимый рот откусил кусок от закатывающегося светила.

Гигантскую стрекозу и детей заболтало в воздухе. Сила звука ошеломила их. В ушах звенело. Свен, Мей Йонг и Джой открыли рты, чтобы дышать, но при этом не чувствовать запаха. Окружившие их ароматы угрожали повергнуть их в море колдовских воспоминаний, тех воспоминаний, которые заставляют забыть обо всем и лишь наслаждаться ощущениями. А момент для этого был совсем неподходящий. Когда готовишься к жестокой схватке, нельзя думать о духовке, такой раскаленной, что и не дотронешься, о горячем шоколаде, сваренном в кастрюльке, о тартинках из сладкой венской булочки, о розовых карамельках, о школьном дворе, усыпанном осенними листьями, и о памятных днях рождения: первый набор косметики («красоте учатся, и ее надо заслужить»), первая модельная стрижка («ты уже в том возрасте, когда ты можешь сам выбирать себе прическу, сынок»), первая бутылочка меркурохрома («теперь ты уже достаточно взрослая для того, чтобы справиться с этим сама»).

Неожиданно стрекоза, невзирая на усталость, вильнула в сторону, увертываясь от снаряда, похожего на огромную хлебную крошку. Нашей троице и их коню стало жарко. В буквальном смысле слова: астероиды были не только тяжелыми и стремительными, они были обжигающе горячими. Температура воздуха сильно поднялась.

— Жарковато... — пробормотал Свен.

Мальчик не хотел показывать, что он не только красив, но еще и остроумен. Он просто хотел напомнить присутствующим о том, что ему не страшно. Именно потому, что был в ужасе. От того, что они висели высоко в небе. От того, что их бомбардировали таинственные силы. От того, что им противостояла орда летающих убийц.

Жужжание врага пугало его. Эскадрилья ос, пчел и шмелей летела на них. Град космических крошек их не смутил. Несколько насекомых упало под ударами горячих астероидов. Ряды неприятелей немедленно сомкнулись, и воздушная армия по-прежнему выглядела сплошной черной линией, увеличивающейся с каждой минутой и в длину, и в ширину.

С того момента как появились новые противники, красные богомолы ограничивались преследованием стрекозы. Оставаясь верными своей тактике, они измучили и утомили врага и теперь ожидали подкрепления. Зачем рисковать? Один богомол и так уже погиб. Теперь их роль сводилась к тому, чтобы не дать противнику уйти. Богомолы — плохие охотники, они — пожиратели. Они режут жертву или рвут ее на части. Сидящие на богомолах муравьи проникают затем в тело через открытые раны и пожирают противника изнутри, уничтожая все следы убийства. Говорят, что из-за того, что муравьи вечно барахтаются в крови, они и приобрели свой ярко-красный цвет.

Сикофант мякиш послал отряд красных богомол для уничтожения привязанных к облакам детей. Когда же дети освободились, Мастер традиций призвал элитные части,

которые в обычное время укрывались в специальных гнездах.

Теперь пять богомоллов пытались окружить врага, облегчая коллегам работу. Стрекоза после их нападения сильно потеряла в скорости. Богомолы втиснули ее в ограниченный ими самими коридор. Время работало на них. Туча насекомых-убийц приближалась.

Тактика летающих Слуг Сикофанта мякиша (таково было полное название истребительной эскадрильи) также была рассчитана до мелочей. Они, как и богомолы, всегда ее придерживались, касалось ли дело заблудившейся стрекозы или банды бунтовщиков. По трем причинам: во-первых, традиция, установленная их Хозяином, требовала всегда прибегать ко всем возможным средствам; во-вторых, страх, вызываемый у представителей растительного мира видом всесильной армии, укреплял спокойствие Сикофанта; в-третьих, осторожность — в этих приходящих в упадок мирах рисковать нельзя ни в коем случае.

Неожиданно жужжание усилилось. Красные богомолы поняли, что это значит. Шмели завели свою песню смерти, которой они обрекали противника на «яд, конвульсии и обращение в пыль». Этот гимн они исполняли прямо перед атакой. Он был одновременно и боевым кличем, и сигналом союзникам. Пришло время наступления.

Пять богомоллов сомкнули ряд, образуя стену перед стрекозой. Самым ужасающим были не огромные лапы богомоллов, не их выпуклые, почти шарообразные глаза, не их трепещущие усики, не их невероятные размеры. Нет, самым страшным — самым отвратительным — были муравьи, бесконечно снующие по их телам, словно кровь, хлещущая из перерезанной трахеи.

Стрекоза хотела обойти богомоллов с фланга, и те выстроились в горизонтальную линию, затем — в вертикальную, когда транспортное средство ребят попыталось ускользнуть от них, спикировав к земле. Наконец, пришпоренная Джой стрекоза ринулась прямо вперед. Богомол, на

которого она летела, заколебался. Такое поведение противника явно не было описано в его инструкции по полету. Он пощелкал челюстями, но враг шел прямо на него. Тогда богомол решил не рисковать зря. Подкрепление было уже почти рядом. И стрекоза промчалась над преследователями, едва не задев их.

— СТРЕРЕРЕРЕ! — закричал Свен. — РЕРЕКОКО!

— Стре... ре... ре... ре... — произнесло обессилившее насекомое.

— Быть может, — признал маленький швед. — Но было это гениально! Правда, Мей Йонг?

И он резко обернулся. Китайка завизжала:

— Давай! Бей, бей по моему компьютеру, я возражать не буду!

Красавчик отвернулся.

— Можешь не извиняться, — прошипела девочка, кипя от бешенства. — Ударить компьютер — это настолько в порядке вещей...

«Би-и-ип! Би-и-ип! Би-и-ип!»

— Ух ты! — воскликнула Джой. — Обожаю такой чертов музыка!

— Это компьютер, который *сломалась*, а теперь опять *заработала*, — с сарказмом сказал Свен.

— Если даже он включился, это еще не значит, что он опять заработал! — подала голос Мей Йонг. — И уж это совсем не значит, что он заработал благодаря тебе!

— А я что, претендую на это, что ли? — пожал плечами маленький швед.

— Ты так подумал, — не унималась маленькая китайка. — Программа моделирования диалогов указывает на это...

— Вот видишь? — заметил мальчик. — Твой компьютер не только включился, он работает!

Он сжал покрепче талию Джой левой рукой. Ему не хотелось спорить с вечной ворчуньей. Она раздражала его. Чем больше проходило времени, тем больше Свен удив-

лялся тому, что когда-то находил ее привлекательной. Конечно, внешне она была ничего. Ну и что? Внутри-то у нее пустота. Собственная красота ожесточила Мей Йонг. Она сочилась печалью своего внутреннего краха. А Джой... Джой была солнышком, вафельным, хрустящим рожком с мороженым, свитером из ангоры, замком эпохи Возрождения, лукавым сочинением, лабрадором, фиолетовым драже смарти, драмой Курта Шекспира, хорошей новостью, крупинкой соли в безвкусной повседневности...

Пока Свен влюблялся, стрекоза пыталась воспользоваться поднимающимися потоками воздуха, для того чтобы расправить крылья по ветру и отдохнуть. Но преследователи вынуждали ее увеличивать скорость. Жужжание сделалось очень громким. Насекомое чувствовало уже не только звук, но и вибрацию воздуха.

Джой поняла, что их конь летит на исходе сил. Она бросила взгляд назад. Красные богомолы были неподалеку. Готовые их схватить. И прямо за ними летел рой.

— Давай, стрекоза! — крикнула маленькая американка. — Когда плетешься сзади, устаешь тоже! Еще одно усилие, и ты оторвешься от богомолы!

— От богомолы или мукомолы?

— От мукомолы? — повторила в недоумении Джой.

— Мукомолы, которые делают из всех муку...

— Ах, **мукомолы** ты хочешь сказать, отличная шутка! — захохотала авиаторша.

«У нее, к тому же, прекрасное чувство юмора!» — подумал Свен, сам кудаятая от смеха.

— Надо подниматься, — пробурчала Мей Йонг. — Десять взмахов крыльев в северном направлении, потом курс на северо-восток.

— Стререре, ререКоре, ререЗаре, — сказал красавец швед.

Потом обернулся к компьютерному тактику и признался:

— Я немного изменил смысл: я не помню, как будет «курс», я перевел «полуостров на северо-востоке».

— Стререре... — произнесла стрекоза. — Стрекорере...
— «Я измучена... Я сейчас упаду...» — перевел Свен.
— Знать ничего не хочу! — закричала программистка. — Компьютер утверждает, что чем выше подняться, тем теплее станет воздух, а богомолы не любят теплого воздуха. Поднимайся!

— Стререре, СТРЕкорере...
— Что она говорит?
— Э-э... Думаю, лучше этого не переводить. В общем, стрекоза высказывает довольно энергичное неодобрение.

— Лучше бы она поднималась, если не хочет, чтобы ее сожрали красные муравьи.

— Стррекоре, РЕРЕкоко...
— И я тебя предупреждаю, Свен, мне совершенно наплевать на то, что она сказала! Между прочим, я констатирую, что для разговоров у нее силы еще есть. Почему бы не употребить их на выполнение моих приказов?

Стрекоза сжала челюсти и попыталась набрать высоту. Пассажир номер три ее раздражал, но насекомое хотело и себя спасти тоже и, не имея собственной стратегии, готово было подчиниться чужой воле. Вдруг жужжание их преследователей сделалось нестерпимо громким. Дети разом обернулись. Богомолы расступились, давая возможность истребителям атаковать противника. Когда враг будет до смерти искусан или оглушен ядом, богомолы примутся за свою работу.

Взмахи крыльев двойной эскадрильи создавали завихрения воздуха. Плавность полета стрекозы нарушилась. Чихая, насекомое пыталось вырваться из воздушных потоков. Стрекоза оказалась во власти трех ветров: того, что исходил от облаков, того, что создавала она сама, резко опускаясь и поднимаясь, и того, что нес с собой черный рой. Все вместе они свистели в ушах Свена странной мелодией. Песенкой, слова которой мальчик припоминал.

— *Requiem aeternam dona eis, Domine... et lux perpetua luceat eis... te decet hymnus Deus in Sion... et tibi reddetur votum in Jerusalem...*

Начало мессы о мертвых! Так вот о чем поют ветры!

— Exaudi orationem meam... ad te omnis caro veniet... Requiem aeternam dona defunctis, Domine... et lux perpetua luceat eis...

— Это вы так думаете! — крикнул Свен.

— Что? — обернулась Джой.

— Да ветры! Слышишь, что они поют?

— Kyrie eleison... Christe eleison... Kyrie eleison...

— Вы думаете, что вы самые умные, если говорите на латинском и греческом языках? — возмутился маленький швед, задетый за живое.

— Ты разговариваешь с кто? — закричала Джой, перекрывая оглушительный шум.

— С ветрами! Они меня из себя выводят своими мертвыми языками!

Мальчик поднял голову к серому небу и завопил:

— А восточный зубину вы случайно не знаете? Никта-лобру бартагтршу нокгбазакж ик, ноефдвдсцнудзаб днцу-фиткпцакск кемлецбфец!

Вихрь подхватил стрекозу и унес ее ввысь. Осы вертелись вокруг столба воздуха.

— Dies irae, dies illa... — пели ветры во всю силу. — Solvet saeculum in favilla... quantus tremor est futurus...

— Фвдждбедцой заебффриецп дзакдзакдзакдзак баздосе-ецпцг дупвьебсу! — изрекал мальчик.

— СТРЕРЕРЕРЕ! — предупредила стрекоза.

— Свен! — завизжала Мей Йонг. — Осы везде! Сделай что-нибудь!

— Quando judex est ventrus... — продолжали ветры. — Teste David cum Sibylla... cuncta stricte discussurus...

— СВЕН!

— ДЗИУБУВВФЕЦ ЗЕИУФЕБВАЗДПОДЗАК!
СККСА ТВЕИРУНФЕЦИ ДЗАПШБДЗПГВФЕЦОО-
ООО!

— Я не понимаю, что ты mean, — призналась Джой с тревогой.

Американка в лейкопластырях больше не пилотировала стрекозу. Вокруг нее вились осы и шершни. Они были чудовищны. Четыре крыла каждого из них, соединенные попарно специальной внушительной пружинкой, казалось, были созданы не для того, чтобы носить своих обладателей, а для того, чтобы бешено рассекать воздух. Массивные, золотые с черным осы и шершни имели внушительные габариты: метр в ширину и два в длину. Жало у них было диаметром десять сантиметров минимум и казалось несокрушимым. Джой знала, что ни осы, ни шершни, в отличие от пчел, не теряют своего жала после укуса. Естественно — это были хищники. Они кусались и выплескивали свой яд для того, чтобы жить. Если бы они лишились жала после первой же схватки, то все бы погибли в течение нескольких дней.

Маленькая американка не любила этих тварей. Она не боялась их, когда, конечно, они были нормального размера. Убивала она ос и шершней только в том случае, если они сами ее к этому вынуждали, в конце концов, эти перепончатокрылые уничтожали комаров, то есть могли приносить пользу. Но доверия они у Джой не вызывали. В школе девочка узнала о том, что в античные времена шершней закрывали в глиняные горшки, которые потом метали в неприятеля. Когда биологическое оружие взрывалось, вылетающие из разбившихся горшков насекомые становились еще более агрессивными, чем обычно, и сметали всех со своего пути. Джой не сомневалась в том, что, когда защищающий их воздушный столб исчезнет, для них наступит «очень неприятная момент».

Для дополнения эффекта за черно-золотым роем жалящих насекомых нетерпеливо маячили богомолы, клацающие челюстями. Час трапезы приближался. Их огромные пасти истекали фиолетовой слюной, в которой плескались орды муравьев.

Свен же больше не замечал насекомых. Его слепила ярость. Ветры его оскорбили. Лично. Дело в том, что он

плохо владел мертвыми языками, хотя никому никогда бы в этом не признался. Он знал всего несколько слов. Достаточно для того, чтобы сделать вид, что говоришь. Но мало для того, чтобы поддержать беседу. Слышать, как ветры поют *Dies irae*, и быть не в состоянии ответить... именно то, что он был не в состоянии ответить... Это совершенно вывело его из себя. А ветры гнули свое:

— *Tuba mirum spargens sonum... per sepulcra regionum... coget omnes ante thronum...*

Теперь, правда, они завывали чуть потише: Свен хуже различал слова. Что не помешало ему разразиться залпом новых проклятий на зубину:

— Бражилиамарфеитво! Кспцвофгцсикнж! Бедциува-циуб!

— *Mors stupebit et natura...* — попыталась возразить буря едва слышным голосом.

— Морс ступебит сама! — возразил красавчик. Он приподнялся на стрекозе. Волосы его развевались. Озера небесно-голубых глаз яростно бурлили, казалось, что они вот-вот выйдут из берегов.

— Бадбпфдвееопмикброрезнб ездуйвпж езаднксбфвуагедо! Не считая того, что едцуведкой закладоезбв, и я еще держусь в рамках, поскольку с нами дамы!

Теперь весь рой собрался вокруг непроницаемого вихря, защищавшего стрекозу и уносившего беглецов в самое небо.

— *Cum resurget creatura judicanti responsura...* — прошептали ветра.

Свен вскинул руки и завопил:

— Вовсе и не ресуршет никакой! Ваш язык мертв, унесен временем, бесполезен, забыт! Это просто вонючий формалин, в котором хранятся воспоминания о древней истории! Я другую напишу! Возвращайтесь в тень и уносите с собой ваших злосчастных насекомых, ецуикзоиндкцижибв ецуикзоиндкцижибва!

Мальчик обернулся к Мей Йонг.

— Мне очень жаль, — развел он руки. — Вырвалось, я перенервничал...

Маленькая китайка ничего не сказала. Она видела, как вихрь задрожал, не в силах сдерживать больше свою ярость. И вдруг взорвался.

Свен говорил (или думал, что говорит) на языке, составленном из слов (за исключением мертвых слов античных языков), из жестов (он хорошо владел языком глухонемых, с легким акцентом языка огородных пугал в те моменты, когда танцевал пого), из звуков природы (он имел понятие о музыкальном треугольнике и собирался осваивать ксилофон). Теперь он доказал, что освоил и язык дыхания: его слова вызвали вибрацию, победившую ветер. Его могущество ребенка, призванного в Маллемир, проявилось. Свен обратил силы природы против своих врагов.

Раздался удар грома. В небе раскололся огненный шар. Взорвалась бомба.

— Ну, сейчас и до нас докатится! — закричала Мей Йонг, лихорадочно стуча по клавиатуре компьютера. — Ты, насекомое, курс юго-запад! Быстрее-е-ей!

Отклоненная колдовством Свена молния подожгла часть роя перепончатокрылых насекомых. В воздухе запахло гарью. И тут же порыв ветра унес обугленные тела и пепел, запачкавшие все небо.

А жужжание убийц возобновилось с прежней силой. Потому что как только дыхание взрыва стихло, оставшиеся в живых шершни, трутни и осы снова сомкнули ряды для атаки. Но еще одна молния прочертила небо, целясь точно в стрекозу, которая быстро изменила траекторию.

БУМ!

Опять ударила молния. Больше не оставалось сомнений: она преследовала детей и их транспортное средство.

— СтреРЕРЕ коКОКОКО, РЕРЕРЕРЕЗА! — прострекотала стрекоза.

— Ей обожгло крылья! — перевел Свен. — Она не может больше лететь.

И стрекоза, не поддерживаемая более вихрем, стала опускаться вниз по серому небу в свободном падении.

— Поднимайся! — сумела крикнуть Джой. — Мы разобьемся о землю!

— СтреРЕРЕРЕкоКОКОКО, РЕРЕзаза!

— «Я не могу, я, правда, не могу, мои крылья больше не слушаются меня...» — перевел Свен, прижавшийся к спине маленькой американки.

Он почувствовал, как Мей Йонг положила между собой и мальчиком закрытый компьютер, а затем обхватила Свена руками.

Падение было головокружительным. Дети задыхались. Иногда стрекоза пыталась пошевелить крыльями, для того чтобы придать полету направление. Но в правом крыле было отверстие.

Молния попала не в детей, а в насекомое.

— Только не в болото, — умоляюще шептала программистка. — Только не в болото. Постарайся...

Звучное «ПЛЮХ!» прервало ее. Огромная стрекоза врезалась в поверхность пруда. Водоем был неглубоким. Вода лишь немного замедлила падение насекомого, которое достигло дна, покрывшись тиной и увязнув в иле лапами.

Дети оказались под двухметровой толщей воды. Они чувствовали, как их воздушный конь брыкается, пытаясь высвободиться из глинистой ловушки, в которой оказался. Толчок следовал за толчком, но вырваться стрекозе не удавалось. Вдруг она затихла, собирая силы. Потом забила левым крылом... и сумела подняться.

Стрекоза всплыла на поверхность мутных вод, облив всю округу дождем из кувшинок. Она опасно кренилась вправо. Наша троица задыхалась, кашляла и сплевывала тинистую воду. Серые тени и сливовая пелена застилали глаза детей. Сквозь этот занавес усталости они заметили, что пруд обступает густой лес. Скорей всего, они упали в лес, окружавший Питомник казненных, где неподалеку росло гигантское по высоте и неохватное по ширине дерево.

Как только Джой вдохнула немного воздуха в легкие, она захлопала в ладоши и поздравила стрекозу, медленно подплывавшую к берегу пруда.

— Ты проделала чертовый классный работа! — воскликнула маленькая американка. — Мы тебе поставим заплатка на крыло и — хоп! — все начнем заново!

— Стре... ре... ре...

Как только стрекоза с трудом достигла мшистой земли, дети сползли с ее спины на берег. Черные блестящие молнии раскололи небо. Они представляли собой уже не ослепительные зигзаги, а драконов с чудовищными клыкастыми головами... и телами слизняков. Загрохотал гром. Молния ударила в деревья, стоявшие на краю леса. Вспыхнуло и быстро угасло грязно-желтое пламя. В мгновение ока деревья обуглились.

Джой сияла, как клубничная жвачка.

— Отличное приключение, wasn't it? — проговорила она весело.

Ее соседи по полету не ответили, слишком занятые попытками прийти в себя после того, как чуть не утонули. Девочку, ужасно довольную забавным происшествием, это не смутило. Она выжала свою сочащуюся водой огненную гриву. Свен, лежа, смотрел на падающие рядом с ним капли. Он поднял голову к авиаторше. Заметил, что несколько лейкопластырей отлетели, открыв царапины и ссадины. Мальчик целомудренно отвел взгляд... и увидел собравшийся прямо над ним черно-золотой рой (ну, то, что когда-то им было). Маленький швед схватил Мей Йонг и Джой за руки, чтобы увлечь их за собой.

Дети успели сделать всего несколько шагов, как остатки роя набросились на раненую стрекозу. Тело насекомого исчезло под массой зудящих врагов. Послышался ее последний стрекот, а затем она умолкла.

Потрясенные дети остановились. Смерть той, что спасла им жизнь, ужаснула их. Свен вынужден был силой удерживать Джой, которая хотела ринуться обратно и тоже от-

даться на съедение хищным насекомым. Никто уже не мог помочь стрекозе. К тому же на расстоянии нескольких метров позади роя стояли пять богомолов, которые уже начали было приближаться к детям. Но вдруг застыли как вкопанные.

Раздалось оглушительное рычание. Деревья в лесу трещали. И падали.

Гром прекратился.

Над всеми нависла гигантская холодная тень.

Дети посмотрели в ту сторону и увидели, как к ним приближается нечто огромное и вязкое. Брюхоногое было в десять, а то и в двадцать раз шире Боба баобаба. Оно не обходило препятствия, оно их пожирало или давило. Голову его венчали два рога, вернее даже, два пилона, будто пытавшиеся разорвать небо. От них шли электрические разряды, испускавшие в полутьму светящиеся огнем стрелы. Существо было похоже на людоеда, на жирную затыкальщицу и на сумасшедшего колдуна одновременно. Одно оставалось несомненным: оно было ужасающим.

Но при всем при этом было в морде чудовища что-то почти задушевное. Если бы не его налитые кровью желтые глаза (да, в конце концов, почему бы и нет?), то Свен сказал бы, что у него симпатичная физиономия. Толстая, быть может, но совершенно безобидная. Впечатление это рассеялось, как только Сикофант приблизился к своим пятерым богомолам. Они расступились, чтобы пропустить мастодонта. А тот разинул пасть и резко втянул воздух. Брюхоногий монстр был голоден. Два богомола исчезли в зубастой пещере. После этого Мастер традиций добродушно улыбнулся, обнажая острые клинки, служившие ему резцами. Между ними виднелись куски тел богомолов, уже очищенные от кишасей массы муравьев: мелкие насекомые были уничтожены смертельно ядовитой слюной чудовища.

— Чертов злобный чудище еще вырос! — констатировала Джой, пребывавшая, казалось, в восторге от появле-

ния противника, победа над которым станет мстью за стрекозу.

— Ох, нет... — пробормотал Свен на исходе сил. — Неужели снова он!

— Я вас предупреждаю, я с места не сдвинусь, прежде чем не наложу макияж и не причешусь! — заявила Мей Йонг. — Мне надоело то, что я не так красива, как обычно!

Несмотря на это, надо было убегать... и немедленно, поскольку Сикофант мякиш не мешкал. Он уже двинулся к детям, чтобы уничтожить этих трех преступных мошек, истребивших его рой убийц.

Черная орда

Сильный запах печенья распространился по ипподрому. Странно, но создавалось впечатление, что идет он не от киосков с надписью «Жрачка», в которых пекли булочки с сахарной пудрой и готовили розовые сладости. Запах шел отовсюду. Он был похож на аромат коричневой луны... только гораздо сильнее.

Честно говоря, Мадаван думал об этом аромате столько же, сколько о своем первом профилированном габардиновом пальто (какие носят в ветреных местностях, чтобы не взлететь в воздух). Его одолевали другие чувства. Ярость, например.

С одной стороны, маленький индеец действительно был взбешен из-за того, что его отправили к зрителям. Он был вынужден поменять латы на хлопчатобумажную рубашку, мокасины с открытыми, как у вьетнамков, носами, затемненные очки, клетчатый (или, как он предпочитал говорить, «с вертикальными и горизонтальными полосами») костюм, в оранжевых, серых и красных тонах, огромную соломенную шляпу, шоколадный портсигар и часы, ремешок которых в четыре раза превышал размеры лунного диска. В качестве одеколона Мадаван выбрал аромат чая с бергамотом.

С другой стороны, он был возмущен тем, что его никто не узнавал. Не для того он надевал необъятную соломенную шляпу, чтоб затеряться в толпе! Носить этот плод скрещивания сомбреро, канотье и короткошерстной таксы было не

очень удобно (головной убор чесался). Но человек, надевший его на ипподроме, обязательно должен был быть воспринят как звезда. Теоретически. Но феи, казалось, об этом и не подозревали. Конечно, они столпились вокруг Мадавана. Увы, лишь для того, чтобы либо осведомиться, не является ли он таинственным королем дураков с клетки номер один, на которую никто никогда не попадал потому, что кубики бросают по два, либо спросить, кто выступает противником черных рыцарей. Он должен был бы приподнять шляпу и показать свое лицо. Но он этого не сделал. Эти невежды в розовых с блестками одеяниях не стоили того.

— Я принадлежу к противникам черных рыцарей, — пых-пых, снизошел он все-таки до объяснения, затягиваясь шоколадной сигаретой.

— А-а, да, все ясно... — закивали зрительницы и отвернулись.

— Почему они все считают своей обязанностью приставать к дамам? — проговорила одна из них, садясь на свое место.

Мадаван хмыкнул. Чтобы он флиртовал с этими пошлыми красотками во взаимозаменяемых костюмчиках? Нет уж, спасибо, такое не в его стиле! Он предпочитает сосредоточиться на поединке и давать своим убегающим от черной орды друзьям дальновидные советы.

— ДАВАЙТЕ! — закричал он. — У-У-У! БЫСТРЕЙ! У-У-У-У!

Публика энергично запротестовала:

— Эй, хулиган, замолчи!

— Да! Уже не слышно, как копыта цокают!

— Зебрарь несчастный!

Мадаван от злости раздавил шоколадную сигарету. В наши дни на стадионах уже никто ничего не понимает ни в звездах, ни в красивой игре!

— Bravo, ребята... — прошептал он друзьям.

И сунул в рот новый аксессуар: трубку с корицей.

— Мужайтесь, — бормотал он. — Вы их раздавите!

«Они нас раздавят!» — думала Эзоа, сжимая ногами бока своей лошадки. Ее синий конь и так мчался во весь опор. Но он слишком долго находился взаперти и потерял форму.

Орда из двухсот черных рыцарей настигала детей. Да и в любом случае, их бегство было делом безнадежным. Они ведь не в забеге участвовали. Первый финиширующий ничего не выиграет. Рано или поздно придется драться. Но как сражаться с ордой закованных в латы рыцарей, если ты ничего не понимаешь в рыцарских поединках, а в размерах уступаешь своим противникам примерно вдвое, как в ширину, так и в высоту?

Маленькая мексиканка стискивала копье в правой руке, пытаясь прижать сумку с чудесами к своему телу. Она сомневалась в том, что ей хватит времени на создание странноделки, но попытаться хотела.

Неожиданно послышались радостные крики. Грубые голоса надрывались изо всех сил. Эзоа бросила взгляд назад. Один черный рыцарь обогнал своих товарищей. Практически встав в стременах, он гнал коня во весь опор и приближался к детям.

— Слади! — крикнула девочка. — Осторожно!

Маленький марокканец склонил голову набок, затем неспешно обернулся. Он попросил своего кузена успокоиться, потянул за поводья, замедлил шаг лошадки, поднял ее на дыбы, для того чтобы развернуться и встать лицом к противнику. Слади задержал дыхание, втягивая свое брюшко, а когда доскакавший до него рыцарь нагнулся вперед, чтобы схватить его, нанес противнику сильный удар животом прямо по шлему.

— Bravo! — закричала Эзоа. — Осталось примерно сто девяносто девять!

Отброшенный назад рыцарь сделал сальто в четыре оборота и с оглушительным металлическим лязгом рухнул на

землю прямо перед своими соратниками. Авангард орды затормозил, объезжая его. Задние ряды всадников натолкнулись на передние. Лошади в панике заржали. Наездники перелетели через поводья и, в свою очередь, попадали на землю. Большинство из них (опытные воины) практически немедленно поднялись на ноги, но несколько секунд было выиграно.

Лошадка Слади спокойно поскакала дальше. Это был уже не галоп. Она передвигалась трусцой.

— Я на пределе, — сказал Слади о-бес-си-лен-ным голосом, когда его подружка приказала ему прибавить ходу.

Страннодельница развернулась, для того чтобы занять место позади маленького марокканца. Древком копья она ударила по крупу маленькую желтую лошадку Слади. Та рванулась вперед.

— Ух ты! — воскликнул мальчик. — Спокойно, кузен! Мы никуда не опаздываем!

И лошадка замедлила бег.

Она не бежала галопом. Она не бежала рысью. Она вообще практически перестала бежать. Она тщательно разделила каждый свой шаг на отдельные движения. Это было очень красиво. Это была катастрофа. Положение стало отчаянным. Эзоа убила бы ее, если бы могла.

И рыцари, несомненно, именно этим сейчас и займутся.

Грохот копыт неприятельских лошадей уже был совсем близко. Над землей стоял столб пыли, похожий на слои вечернего тумана, постепенно скрывающего одну за другой детали пейзажа. Эзоа поняла, что часть черных рыцарей уже обогнала их. Она замедлила бег и своей лошадки. Сквозь пыль ничего не было видно. Девочка почувствовала, что Слади спокойно едет где-то рядом с ней.

Пыльная туча рассеялась. По мере того как пыль оседала, маленькая мексиканка получала подтверждение своим самым страшным подозрениям: черные рыцари их окружили.

Держа в руке трубку для корицы, Мадаван надрывался от крика:

— **НЕТ! НЕ ОСТАНАВЛИВАЙТЕСЬ! НЕ СЕЙЧАС! УХОДИТЕ ВПРАВО! ВЛЕВО! ВПЕРЕД! БУДЬТЕ АУТЕНТИЧНЫ!**

— Ти-и-ихо! — протестовала публика.

— Да вы посмотрите на это! Это нарушение правил! Они не имеют права! Любой мало-мальски разбирающийся в вопросе человек скажет вам...

— Ти-и-ихо!

— Нет, мне очень жаль, но это неправильно! За это штраф назначают! Я знаю, что на некоторых турнирах нельзя...

— **Т-И-И-ИХО!**

— Подождите, давайте обсудим! Вы не находите, что...

Зрительницы розовой трибуны все вместе вскочили и закричали ему:

— **НЕТ!**

От ярости маленький индеец бросил свою шляпу рядом с трибуной. Зебра поспешила начать ее дегустацию. Мальчик начал с чистого листа. Теперь он был одет в черные майку, шорты и кроссовки с ужасными шипами.

— Хорошо, судья всегда прав, — продолжил он, — но все равно есть вещи, с которыми я не могу смириться!

Среди окружавших его фей, принцесс и добропорядочных девиц пробежал шепот:

— Ты думаешь, это он?

— Я уверена...

— Почему ты его не спросишь?

— Ну, если это он, то я не решаюсь... А если это не он, то у меня будет смешной вид!

— Сударь, извините... Эй, сударь!

Мадаван обернулся и затянулся своим мятным свистком.

- Да, что случилось?
- Ты, случайно, не Мадаван?
- Что вас заставляет так думать? — раздраженно спросил мальчик. — Ведь что такое, в сущности, Мадаван?
- Ну-у... кое-кто, кто похож на тебя!
- Маленький индеец покачал головой.
- А я-то надеялся, что вы узнаете мою аутентичность!
- МАДАВА-А-А-АН! — заголосили хором десятки тысяч зрительниц. — ЭТО О-О-О-О-ОН!

* * *

«Кажется, у Мадавана неприятности», — подумала Эзоа. Но маленький индеец был не единственным, на кого свалились несчастья. Слади и страннodelьница сидели верхом на своих лошадках спинами друг к другу. Вокруг них стеной расположились черные рыцари. Все одинаковые. В прочных пластинчатых латах. Гигантского роста. Верхом на гордых совершенно неподвижных боевых конях.

В последовавшее мгновение тишины Эзоа подумала о том, что она открыла для себя в Маллемире. О своих лучших достижениях. О своем могуществе. О пауке для уборки постели. О соке мака с соленым миндалем. О глаголе «*стекануть*». О знакомстве с Маенкой, женщиной-кошкой, самой *фанки* из всего животного мира (пусть даже ее вкусы несколько необычны). О Роа, льве-пастухе-пианисте, сторожившем живую мебель и умевшем оставаться *фрешовым* даже после нападения двухголового гиппопотама. О СексссиБое, кабане-продюсере. О Меке, блаблаотекаре. О Жо Назе, блузовом певце. И о Свене. Конечно, о Свене. О невыносимом, но при этом и очаровательном Свене, первом шведе, заявившем ей, что она красива и, несомненно, должна об этом знать. О Свене, пропавшем в тот момент, когда они покидали мир игрушек. Почему? Куда он делся?

И тут черные рыцари перешли в нападение.

* * *

— Барышни! — кричал Мадаван. — Сударыни! Сохраняйте все-таки достоинство!

Женщины и девушки набросились на него, чтобы разодрать его форму арбитра и оставить себе *что-то*, напоминающее об этой невероятной встрече, подобное плюшевому мишке, способному воскресить в памяти детство. Они были так близко к своему идолу! Они не могли наслаждаться этим моментом: они должны были добыть себе сувенир, нечто, что, по крайней мере, будет будить воспоминания.

Вскоре на мальчике остались только полосатые трусы в розовый цветочек. Он едва успел накинуть голубую бархатную щегольскую тунику с воланами, специально придуманную для истерической толпы. Руки уже тянулись, ногти рассекали воздух в надежде оторвать кусочек волшебной ткани, касавшейся тела величайшего создателя тенденций.

Зебра безуспешно попыталась защитить шляпу, которую дегустировала. Зрительницы вырвали шляпу у животного и, чтобы никто не отнял у них добычу, засунули кусочки ее себе в рот, и только после этого удалились, раскрасневшиеся. «Что остается нам от бархатных одежд?» — подумал Мадаван, глядя на свое разорванное одеяние (надо сказать, и так оно выглядело достаточно модно). Мальчик засмеялся. Он только что подарил себе очень аутентичную авторскую острогу для внутреннего употребления: чтобы черпать силы в себе самом, нужно время от времени осмеливаться придумывать шутки, понять которые можешь только ты сам... да и то не всегда.

* * *

Видимо, в этом мире никто, кроме Слади, был не в состоянии ценить неторопливость... и даже Слади — не всегда. Ему казалось, что он сам уже начинает терять к ней

вкус. Маленький марокканец никогда не любил суету, но вот уже довольно долгое время он никак не может действительно отдаться во власть медлительности. Он уже забыл, что такое настоящее неспешное движение.

Никогда Слади не использовал свою способность замедлять течение событий для себя, он только применял ее к другим. Но сейчас все, кажется, было сделано для того, чтобы не позволить Слади предаться лени. Поэтому он и погрузился в сон. Это было необходимо. В Марокко он не спал так много. Слади просто не привык жить в таком бешеном темпе. В Маллеме нужно было постоянно спешить. И даже это не являлось гарантией успешного выживания.

Мальчик поднял руку, успокаивая набросившихся на него черных кузенов. Рыцарей было слишком много, чтобы отбросить их ударом живота. С ними нужно было драться. К счастью, враги почти застыли в воздухе и продвигались вперед миллиметр за миллиметром. Так Слади сможет бороться с ними в своей манере — спокойно.

Не торопясь, он поднял копье, как герой зрелищного фильма, — замедленно. Разве это не так сильно впечатляет? Да наоборот. Лучше понимаешь, что происходит. Итак, Слади медленно склонил голову набок. Медленно улыбнулся. И медленно сделал шаг по направлению к очень спокойным противникам.

* * *

Мадаван совершил революцию с пакетом для мусора. Он придумал *полосатый* пакет для мусора, который мог и содержать мусор, и служить дамской сумочкой (хитро и практично, максимальный вес: двести граммов) благодаря простым ручкам в стиле фанки, и использоваться в качестве короткого купального халата, поскольку имел водонепроницаемое покрытие, и применяться как дополнительные обои, в том случае если вы любите полосы. Маленький

индеец стремился к естественности. Боролся с искусственностью. Старался сохранить свое восприятие мира, делал целью собственную спонтанность. Достичь всего этого было нелегко. Публика требовала от него слишком многого.

— Ну хватит, эта посредственная шутка и так достаточно продолжалась, — запротестовал Мадаван.

Удивительно, он боялся потерять вдохновение, или, не будем преувеличивать, стать менее аутентичным в своих последующих открытиях. Он потребовал внимания своих собеседниц, решив использовать вместо и взамен ботинок ходули. Возвысившись таким способом над схваткой, он воздействовал на чувства своих обожательниц следующей речью:

— Сударыни, часть из вас, несомненно, видела меня во время моего предыдущего поединка с Уайтом, черным рыцарем!

— И-и-и-и-и! — подтвердили тысячи поклонниц в свойственной им манере.

На самом деле поединок наблюдало всего несколько десятков девиц из всех присутствующих. Но зрительницы столько о нем слышали, что сейчас были убеждены в том, что видели мифическую схватку своими собственными глазами. Мадаван не стал их разубеждать: коллективная иллюзия была ему на руку.

— Следовательно, вы знаете о том, что я — рыцарь! — заключил он, украшая свой пакет для мусора узором, напоминающем кольчугу.

— И-и-и-и-и!

— Гениально! — крикнула одна из поклонниц. — Он говорит о той игре, во время которой его посвятила Единорога!

— Посвя...

— Посвятила! Ну, короче, сделала рыцарем! Я обожаю этот момент его карьеры, я не знаю, ты слышала или нет, об этом осведомлены только настоящие ценительницы...

Маленький индеец переменял тему, пока разговор не ушел в сторону.

— Скажите откровенно, может ли судья меня распосвятить? — громогласно спросил Мадаван.

— НЕТ!

— Тогда все за мной! Потребуем разрешения на мое участие в поединке!

Публика единодушно одобрила это предложение, снова вскричав:

— И-и-и-и-и!

— Судей на мыло!

— Мадаван — Страж миров!

* * *

Какие же кошмарные сны снились Стражу миров, если он создал таких монстров, думала Эзоа, разглядывая стоявших перед ней огромных рыцарей. Припертая к стенке девочка решила рискнуть всем. То есть использовать свой маленький рост и свою подвижность, два качества, которые давали ей преимущества перед колоссами в тяжелых металлических доспехах. Кроме того, рыцари ожидали того, что она будет защищаться. Но лучше будет напасть. И застигнуть их врасплох. А там посмотрим.

Один из рыцарей наклонился к девочке, чтобы вышибить ее из седла. Твердой рукой Эзоа придала копыю горизонтальное положение и нанесла им, словно бейсбольной битой, сильный удар всаднику под подбородок. Не ожидавший атаки рыцарь отшатнулся назад.

Маленькая мексиканка тут же встала на спину своей лошадки и велела ей скакать прямо на противника. Девочка перепрыгивала через копыя, а затем, сомкнув ноги, возвращалась на своего коня, словно на движущееся спортивное бревно.

Проявились ее таланты гимнастики. Когда-то Ксаби в надежде, что его приемная дочь станет нормальной девочкой,

будет носить нормальную одежду и посещать нормальные занятия, записал Эзоа в гимнастический клуб. Эзоа забавлялась, пытаясь научиться владеть своим телом, словно какой-то необычной машиной. До того дня, пока она не упала с бревна. Вызвали ее родителей, те ее поругали и заставили заняться изучением основ музыки, запретив залезать на что бы то ни было, «даже на барабан», предупредила Марибель.

Тем не менее девочка вынесла из «гимнастического» периода своей жизни искусство прыгать и увертываться. Полезные навыки, когда в пылу рукопашной схватки хочешь прыгнуть на круп неприятельской лошади, усесться позади всадника в сверкающих латах, изогнуться, увертываясь от копья, и изо всех сил отдубасить рыцаря по затылку.

Несмотря на все усилия, Эзоа не удалось оглушить рыцаря. Тот обернулся. Всадник позади него, в измятых доспехах, увидел появившуюся девочку и ринулся на подмогу товарищу. Поднял свое оружие. Девочка бросила копье на землю, прыгнула на шлем рыцаря, встала на руки, сомкнув ноги, едва успев уклониться от удара копьем, который нанес второй всадник.

Копье попало в плечо рыцарю в блестящих доспехах, вонзилось в щель между пластинами доспехов и осталось в теле рыцаря. Завопив от боли, рыцарь в блестящих доспехах ухватился руками за древко копья. Эзоа снова прыжком заняла место позади него. Рыцарь упал с коня и увлек за собой помятого всадника, который был так изумлен своим промахом, что не выпустил копье из рук.

Маленькая мексиканка спрыгнула на свою лошадку. Хлопнула по крупу лошадь без хозяина. Не зная, как себя вести, та брыкнулась и помчалась вперед. Один из ее сородичей заметил, что она бежит прямо на него. Он быстро встал на дыбы, опрокинув своего седока в тот самый момент, когда началась новая атака. Рыцарь покатился под копыта лошади, которая следовала за ним. Всадник, ска-

кавший сзади, упал в свою очередь. Покатился под копыта лошади, которая следовала за ним. И так далее, бум, бум, бум! Целый ряд рыцарей упал, словно очень большие костяшки домино.

Оставив позади окружившую ее кучу-малу здоровяков, Эзоа, очень гордая собой, повернулась к Слади.

— Видел? — вскинула она голову.

Нет, мальчик ничего не видел. Слади был в восторге от того, что начал самую неторопливую битву в мирах, он как раз опускал копье, которое давно уже поднял, это было не менее эффективно, чем лихорадочная потасовка, в которую ввязалась его подружка, но неизмеримо более спокойно!

* * *

— Прежде всего, это дело принципа, — объяснял Мадаван судьям.

Мальчик, вдохновленный энтузиазмом своих поклонниц, надел галстук и очень строгий костюм, правда, на пятнадцати карманах пиджака виднелись яркие полоски, а нацепленные на нос очки были в форме звезд, периодически выпускавших в направлении пола облачка голубого дыма. Нужно было произвести на судей благоприятное впечатление и получить (наконец-то) разрешение на участие в турнире.

Маленький индеец мог оседлать Нагавику и ринуться в атаку по собственной инициативе, но подвергаться риску дисквалификации и возвращения в тюрьму... спасибо большое! Лучше было поговорить и спокойно представить свои аргументы.

— Потому что, в сущности, что такое принцип? — продолжал он. — Так вот, я вам скажу: принцип...

— Нет, — отрезал лысый старик, у которого была длинная черная борода.

— И-и-и-и-и! — запищали зрительницы.

Они были в совершенной истерике. Некоторые катались по земле, другие царапали себе лица и вырывали пряди волос, крича: «Держите меня! Держите меня, или я за себя не ручаюсь!»

— Господа, — настойчиво произнес Мадаван, — позвольте мне настоять и представить вам аргументы, которые, я в этом не сомневаюсь...

— Нет, — твердо сказал в свою очередь шахматный конь. — Зебарь — это не рыцарь.

— Да говорю я вам, что я тоже рыцарь!

— Никогда рыцарь не согласится оседлать зебру, — заявил третий судья, песочные часы.

Странное создание имело один мозг и две головы. Головы были соединены между собой шеей и поворачивались вокруг своей оси. Как только серые клеточки, которые были видны сквозь черепную коробку, заполняли одну голову, она переворачивалась, и мозг начинал перетекать во вторую голову.

— Нет, — заключил старик.

— И-и-и-и-и! — снова завопили зрительницы.

И бросились к судьям, для того чтобы изложить свои доводы, то есть просто порвать их в клочки.

* * *

— Слади! — истерично закричала Эзоа. — Осторожно, обернись!

Сидевший на своей желтой лошадке марокканец отреагировал не сразу. Собираясь опустить копьё, он заметил медальон на груди своего противника. И вместо того, чтобы вонзить копьё в латы рыцаря, Слади решил отобрать у него драгоценность.

На самом деле маленький марокканец уже отказался от мысли собирать коллекцию почти круглых предметов. Слишком сложно. Квадраты, например, тоже почти круглые. Не совсем, но почти. Особенно если сравнивать их с

прямоугольниками. Значит, он должен коллекционировать и все квадратное. А это уже очень много, даже слишком. Поэтому Слади решил собирать что-нибудь другое. И вот новая идея пришла: коллекционировать медальоны черных рыцарей.

— Крак! — хрустнул медальон, когда Слади дернул за него.

— Бум! — налетел рыцарь на лошадку Слади.

— Ой-ой-ой-ой-ой! — заголосила лошадка Слади, опрокидываясь на бок.

Мальчик почувствовал, как земля уходит у них из-под ног. Он протянул руку к своему коню и прошептал:

— Спокойно, кузен!

Так они медленно упали. Слади успел даже, прежде чем коснуться земли, сунуть медальон в карман. Он, не торопясь, покатился по земле. Горизонтальное положение навело ему чудесные воспоминания. Место для небольшой сесты, конечно, не идеальное. Но искушение было слишком сильно. Искушение для Слади всегда слишком сильно.

Итак, он мирно закрыл глаза. Как раз после того, как увидел, что на него скачут совершенно не замедленные в своих движениях всадники. Слишком поздно. Рот Слади уже наполнился слюной: он понял, что увидит сон про рахат-лукум и медовые рожки с миндальной пастой. И пусть никто не тревожит его!

* * *

— Мне очень жаль, — говорил старик розовой толпе, топавшей ногами вокруг высокой деревянной кафедры, за которой сидели судьи и от которой предусмотрительно убрали лесенку. — Законы неумолимы. Человек, оседлавший полосатое животное, не может называться рыцарем. Это строжайше запрещено.

— Властью, коей мы облечены, я приказываю вам занять ваши места! — потребовал конь. — Иначе...

— Иначе что? — прервала его одна из зрительниц. — Побежишь жаловаться королеве или ладье?

— Сударыни, — заговорили серые песочные часы, — будьте благоразумны! Мы должны судить поединок. Потом у нас будет время сесть за стол, подумать и рассмотреть...

— Потом будет слишком поздно! — запротестовал Мадаван, надевший черную тунику с маленьким серебряным нагрудником, украшенным тонкими золотыми полосками (персональное адвокатское одеяние индийца). — Я не прошу невозможного! Просто признайте мои права!

— У вас нет никаких прав, кроме права повиноваться! — возмутился старик. — Охрана, хватайте этих проходимцев с их главарем-подстрекателем!

Тысячи зрительниц были оскорблены тем, что с их идолом осмеливаются разговаривать в таком тоне. Не в силах больше себя сдерживать, они бросились на штурм официальной кафедры, выставив вперед розовые когти.

— И-и-и-и-и-и! — пронзительно кричали они.

* * *

— Р-р-р-р-р! — зарычала Эзоа.

Она пришпорила коня, желая присоединиться к Слади. Ее крик привлек внимание врагов марокканца с брюшком. Доскакать до него было труднее: девочка была в другом конце черной орды.

Вдруг она увидела вставшего на ее пути колосса. Тот обернулся и ждал девочку с копьём в руке. Эзоа хотела увернуться, но ее лошадка не успела ей подчиниться. Она с размаху врезалась в коня, преграждавшего ей дорогу.

Удар был страшен. Раздался грохот: лошадка проскочила *под* своим противником, который упал на землю четырьмя подковами вверх, подмяв под себя большую кучу железа. Маленькая лошадка откатилась в сторону и сумела подняться на ноги, в глазах у нее мелькали хороводы искр.

Девочку подняло в воздух. У нее заболели шейные позвонки. Голова у нее тоже закружилась. Внизу было море рыцарей. В седле еще держались больше ста восьмидесяти всадников. Детям их никогда не победить. И никакая странноделка тут не поможет.

Полет Эзоа прекратился неожиданно. Маленькая мексиканка рухнула на шлемы. На глазах у нее выступили слезы. Она со всего размаху налетела на каски ребрами. Ресницы девочки закрылись. Она почувствовала, как падает на землю. Теперь она ударилась нижней частью спины.

Эзоа открыла глаза. На нее смотрело примерно двести рыцарей с копьями в руках. Несмотря на обуревавшее маленькую мексиканку чувство ненависти, она попыталась улыбнуться врагам. Подняла руки, для того чтобы показать, что безоружна. Ну, не будут же они атаковать слабую девочку, лежащую под ногами их лошадей на поле битвы, во время которой уже пал ее товарищ?

Ее обаяние, казалось, сработало. Эзоа знала по опыту, что оно может действовать. Девочка пользовалась им иногда, например для того, чтобы убедить Марибель в своей невинности, когда ее приемная мать обнаруживала, что со всех ее платьев исчезли пуговицы. Объяснять, что пуговицы были необходимы для экспериментального образца странноделки? Нечего было и думать! Ловкая ложь, сопровождаемая очаровательной улыбкой, решала дело (правда, не всегда).

Рыцари казались обескураженными поведением их противницы. Потом они пришли в себя, дружно отбросили копья и обнажили шпаги с целью убить Эзоа.

* * *

Охранники ипподрома, в обязанности которых входило поддерживать порядок во время турнира, были перегруже-

ны работой. Они были вынуждены подняться на противоположную трибуну, занимаемую поклонниками черных рыцарей. Вдохновленные успехом своей команды прекрасные принцы пытались занять огромную арену и отпраздновать несомненную победу Уайтов.

Испугавшиеся возможной пятикратной смерти от раздирания ногтями, удушения, четвертования, разжевывания зубами и затоптывания ногами, судьи дали Мадавану свое согласие. Лысый старик, запустив пальцы в черную бороду, заявил:

— После тщательного изучения Правил Игры мы подтверждаем, что рыцарь не может оседлать зебру.

— И-и-и-и-и-и! — взвыли зрительницы, готовые растерзать старика.

— Совершенно очевидно, — поторопился добавить судья, — что это значит, что он не может оседлать *только* зебру.

Маленький индеец поднял руку. Теперь он был одет в джинсы и свитер с вырезом в форме перевернутой буквы «Л», на боку его висела потрепанная сумка цвета хаки, которая была исписана соответствующими лозунгами («Нет нищете!», «Предавайтесь сну, а не войне!», «Уважайте непохожих на вас!») и к которой были приколоты значки с изображением каббалистических символов. В руке Мадаван держал пластиковый стаканчик с остатками холодного кофе.

— Сударь, можете ли вы повторить то, что вы сказали, начиная со слова «только»? — спросил он медленно.

— Если вы оседлаете зебру и еще кого-нибудь, — предпочел объяснить судья, — то вы автоматически потеряете ваш статус зебраря и, таким образом, сможете вновь называться рыцарем.

— Но как вы хотите, чтобы...

— И-и-и-и-и-и-и! — завизжали зрительницы.

Они поняли. И были готовы к действиям.

Рыцари остановили движение своих коней и своих рук. С другого конца арены доносился визгливый крик. Огромная волна пыли, колтыхаясь, поднималась в воздух. Она была еще далеко. Но, судя по скорости ее распространения, она скоро захватит их и унесет за собой.

На гребне волны был виден смуглокожий мальчик, раздетый по пояс. Его спутанные волосы прикрывала бледно-розовая парусиновая шляпа с кисточкой в виде сушеной креветки. На носу у него сидели массивные очки с затемненными стеклами. На плече висело пляжное полотенце с изображением улыбающегося апельсина и надписью «Испания 82».

Как судьи могли допустить такого чудака к участию в рыцарском турнире? Мальчик был одет не по правилам. Он казался еще более тщедушным, чем его распростертые на земле товарищи. Использование такого, как у него, коня, несомненно, было запрещено одним из параграфов Правил Игры.

И однако новый участник турнира производил гром, от которого ужасающим образом колебалась почва. Душераздирающий визг из глубины земли сопровождал его продвижение вперед. Облако пыли поднималось впереди него и продолжало клубиться далеко позади. И занимало всю ширину арены. Там, где шествовал этот рыцарь из иного мира, взлетала в воздух трава, еще сохранившаяся после того, как проскакали кони черных рыцарей. И больше она не росла.

Ипподром содрогался. Дымился. Местами разрушался. Рыцари моментально забыли о детях, они прикончат их после, если судьи не вмешаются, предотвращая убийство. А пока Уайты сомкнули ряды, встречая неожиданную угрозу.

Угроза была многочисленной. Розовое море периодически выпускало серый дым. Оно состояло из ста тысяч тонких, но чрезвычайно быстрых ножек.

На вершине стотысяченожки плыл таинственный зебрарь. Казалось, бесчисленная армия несет своего генерала, одержавшего победу еще до начала сражения. Надо будет действовать эффективно с самого начала. Резать по живому. Без пощады. Нельзя допускать ни малейшего риска. Вонзать копья, колоть шпагами — таково единственное решение. Если каждый справится со своей задачей, рыцари без труда отразят атаку истеричек. Их много, но рыцари — профессионалы.

Но чем ближе подходила толпа, тем меньше верилось всадникам в возможность ее остановить. Розовое море издавало страшный рев пантер. Оно играло мышцами, словно хищник, хищник длиной в сто и шириной в двадцать метров. Это были уже не пятьдесят тысяч женщин, опасных не более чем водопад из карамелек. Это было единое пульсирующее тело, оседланное фигурой того (теперь рыцари его узнали), кто недавно едва не победил Уайта. Никогда они не встречались со столь монументальным противником.

Придавая себе храбрости, рыцари позвякали шпагами, перед тем как шумно вложить их в ножны, издали хриплое рыканье и направили свои копья на стотысяченожку с зебрарем.

Ответом им был рев. Продолжительный. За ним последовал лихорадочный топот ног. Десятки тысяч зрителей прыгивали с трибун знатоков, трибун сторонников черного лагеря. Они бросились к рыцарю иных миров.

Черные рыцари сочли это добрым знаком. Их враги окажутся меж двух огней. Но поклонники черных вскочили на своих лошадей и, с обнаженными шпагами, присоединились к стану незнакомца, вместо того чтобы на него напасть. Они устремились на черных рыцарей, выкрикивая оскорбления:

- Не трогайте мою жену, металлические сатиры!
- Идите-ка сюда, я вас вскрою, консервные банки!

— Я вам покажу, как моей душечке угрожать... мусорные ведра!

Черные рыцари переглянулись сквозь свои щели в стальных забралах. Они поняли друг друга.

Они были игроками. Участие в турнирах было их ремеслом. Спектаклем. Не более. Конечно, кто-то иногда погибал. Но в основном поединки заканчивались полюбовно. Противники признавали, что рыцари — самые красивые, самые сильные и самые лучшие, прыгали в реку Возвращения и старались больше на эту клетку не попадать. В редких случаях, когда соперник был в состоянии отрубить рыцарям головы, они отправлялись в тюрьму, где ждали случая, чтобы выкинуть шестерочный дубль. В общем, профессиональные воины были не готовы подвергать опасности свою жизнь.

Истерики стотысяченожки и оскорбления их бывших сторонников не предвещали им ничего хорошего. Чем рисковать карьерой, подвергаясь слишком очевидной опасности, они лучше обратятся в бегство. И срочно, поскольку обезумевшая толпа приближается.

Бросив оружие, черные рыцари помчались от толпы. Чтобы двигаться быстрее, они на бегу снимали доспехи, которые падали на землю металлическим градом. Раздался бешеный свист. Их преследовали сотни тысяч улюлюкавших голосов. Рыцари задыхались. Изнемогали. Падали. Поднимались и снова бежали. На кону стояли их жизни. Их противники забыли о том, что поединок был игрой. Рыцари, правда, тоже иногда об этом забывали, но это вещи несравнимые! Они просто выполняли свою работу! А это меняет все.

Теперь у черных рыцарей была одна цель: добежать до конца прямой. Пусть они знают о том, что там их ждут стражники с лодками. Пусть ходят слухи, что кубики не появляются в тюрьме вот уже несколько лунариев. Беглецы не верили в это. В этом мире есть законы, один из законов предписывал кубикам показываться в тюрьме. А если

кубики должны показываться, то они покажутся. Обязательно. Уверенные в незыблемости своего мира, рыцари были готовы отступить, подразумевая стратегическую цель, то есть чтобы сохранить свое профессиональное будущее. Пусть даже для этого придется посидеть некоторое время взаперти в темнице без двери...

* * *

Страдания замкнули Эзоа в помещение для страшных пыток.

С тех пор как страннодельница упала сначала на шлемы, а потом на землю, в низу ее спины зрела боль, которая поднималась вверх по ребрам и позвоночнику, охватывала шею, раскалывала черепную коробку. Боль была подобна электрическим разрядам, неутолимому ожогу, жуткому спазму, охватывавшему и простреливавшему все тело. Девочка уже не плакала. Она молила бога странноделок спрятать ее в свою сумку для чудес. Эзоа изнемогала. Ей было слишком больно.

Она не слышала, как публика аплодировала врачам, появившимся на ипподроме. Она не видела, как над ней склонился колдун-спасатель. У нее не было больше сил кричать. Даже ссадина на левой щеке проснулась и напомнила о себе бешеной пульсирующей болью. Девочка почувствовала на своем лице дыхание.

— Красивое падение, — услышала она чей-то голос. — На этой клетке мы привыкли к таким проблемам. На-ка, попробуй...

Две руки хотели открыть ей рот. Эзоа стиснула зубы.

— Да не упрямясь! — продолжал незнакомец. — Я знахарь ипподрома, я как раз тебе подобрал настойку, успокаивающую боль, мисс...

Целителю удалось капнуть девочке на язык несколько капель. Эзоа ничего хорошего не ждала. Она попыталась выплюнуть лекарство. Вызвать у себя тошноту. Оторвать

себе язык. Но не сумела этого сделать. И поневоле проглотила снадобье. Горячая волна омыла все ее тело. Но тепло ее не жгло. Оно ласкало. Оно успокаивало.

Девочка машинально высунула язык. И на него упало еще несколько капель. Боль не исчезла. Но она смешалась со странным чувством блаженства и стала терпимой. Настроение у Эзоа улучшилось, и пальцы странной женщины зашевелились. Скоро девочка сможет встать, найти Эльдера, поговорить с ним немного, попросить Стража миров отправить ее домой и дать ей возможность забыть о том, что пересчитывать ребрами металлические шлемы, а затем ударяться о землю копчиком действительно очень, очень больно.

* * *

На арене ипподрома все ликовало. Розовые зрительницы бросались в объятия своих любимых зрителей, скандируя:

— Ма-да-ван! Ма-да-ван! Ма-да-ван!

Черные зрители, держа под уздцы своих лошадей, срывали с себя элегантные рубашки, размахивали ими над головой и, прижав к груди любимых зрительниц, пели во все горло:

— Уау, уау, уау! Уау, уау, уау! Уау, уау, уау!

Обожательницы маленького индийца в конце концов опустили на землю зебру. Мадаван спрыгнул с нее, поприветствовал публику и, сопровождаемый толпой почитателей, побежал к Слади. Марокканец с брюшком сжимал в правой руке десяток медальонов и очень медленно смеялся во сне.

— Это не замедлитель случайно? — спросил колдун-спасатель, склонившись над спящим.

— То есть? — нахмурил брови Мадаван.

— Он иногда замедляет движения людей?

— Э-э... да, бывает такое с ним.

— Значит, так оно и есть! Его власть обернулась против него самого. Не страшно: когда он сменит клетку, эффект прекратится.

— Ах! — произнес Слади, медленно просыпаясь.

Человек в остроконечной шляпе распрямился и заявил:

— В наши дни удивляться ничему не приходится. Мир законов такой же, как и остальные миры, он приходит в упадок. Мы сами порой насылаем на кого-нибудь порчу спокойствия, например, а она нас же и поражает.

— Так вы успокоены?

— Да, пока. А сразу после начинаешь нервничать из-за того, что успокоился *сам*, вместо того чтобы успокоить кого-то другого. Не знаю, понимаете ли вы, о чем я говорю...

— Ах! — улыбнулся марокканец с брюшком.

— Ну что, пошли? — услышал он дрожащий, но решительный голос.

Маленький индеец повернулся и увидел Эзоа, которая смотрела на него со свойственным ей нетерпением.

— Стой на месте! — сказал Мадаван повелительно.

Он подмигнул ей. Пошевелил пальцами в воздухе. Потом направил их на свою подружку, которая вдруг оказалась одетой в оранжевые кроссовки, эластичные бежевые бриджи и фиолетовую полосатую майку с желтыми вставками на плечах и боках.

— Йееееес! — воскликнул он. — Моя власть против меня не обернулась!

Громкие крики «ура» приветствовали его новое творение. Мадаван поднял руки, показывая пальцами знак победы.

— Еще один поединок! — потребовали тысячи поклонников. — Еще один поединок!

Казалось, что маленький индеец, одевшийся неофициально (очки в круглой железной оправе, старый свободный спортивный костюм с бордовыми и темно-синими полоса-

ми — куртка и брюки из разных пар, — огромные поношенные коричневые ботинки), колебался.

— НЕТ, нас ждут! — отрезала Эзоа, показывая на появившиеся невдалеке кубики.

— Но я...

Девочка возмутилась:

— Ты на небо смотрел? Там практически три луны осталось. Они в любой момент могут упасть. Если мы не найдем Эльдера, пока не исчезнет последняя...

— Нет, я понимаю, но я...

— Ну и прекрасно, если сам все понимаешь!

Эзоа щелкнула пальцами. Ее маленькая синяя лошадка помчалась к ней через все поле битвы, несмотря на раненую ногу. Рядом колдун-спасатель возился с еще живыми рыцарями, пока их не отправили в тюрьму.

— Ах! — выдохнул Слади, хлопая ресницами.

Страннодельница цокнула языком и показала подбородком вниз. Маленькая желтая лошадка опустила голову. С помощью Мадавана девочка посадила все еще замедленного марокканца со всеми его медальонами на спину животного. Звезда, под шум аплодисментов публики, находившей «гениальными» любые жесты маленького индийца, знаком велела зебре приблизиться. Усевшись на своих животных, трое детей взяли за руки и бросили кубики.

— Дубль один! — объявил искусственный голос. — Вы отправляетесь на клетку «Финиш» и оставляете, наконец, меня в покое!

— МЫ ВЫИГРАЛИ! — вскричала Эзоа.

Но победу праздновать было некогда: дети почувствовали, как две лошади и зебра поднимаются в воздух под крики ста тысяч зрителей, громогласно выражающих свою любовь Мадавану (пусть даже высокие голоса явно заглушали мужской хор). Лошадь Слади, замедленная во время падения мальчика, летела не спеша. Таким образом, троица продвигалась вперед в два ряда. И затем вдруг остано-

вилась. Что-то преграждало им путь, маленькая желтая лошадка даже догнала друзей.

Под собой они видели большой средневековый город, в центре которого блестел в лучах солнца замок, окруженный крепостными стенами. Друзья висели в воздухе.

— Так, у нас проблема, — раздался искусственный голос. — Клетка «Столица» заблокирована. Добро пожаловать на клетку «Гарпии»!

— ЧТО? — не поверила своим ушам маленькая мексиканка.

Мощный ветер донес до них ледяной смешок искусственного голоса, развернул лошадей Эзоа и Слади и зебру Мадавана и, к негодованию девочки, толкнул их на предыдущую клетку.

Проиграли!

Скоростной крот

Молния стегнула небо, скорее уже черное, чем серое.

— Я никуда не пойду мне наплевать я никуда не пойду мне наплевать я никуда не пойду! — закричала Мей Йонг, завидев приближающегося к ним Сикофанта мякиша. — Мне надоело ходить страшной и с грязными ногами мне нужно время чтобы причесаться и высохнуть хватит лезть ко мне я боюсь я не хочу больше нырять в озеро я не хочу больше вонять тиной я хочу быть красивой и пахнуть луговой земляникой я не хочу чтобы меня кусали яблоки я не хочу больше висеть в небе я не хочу...

Прогремел гром, оборвав на полуслове прекрасную китаянку.

— Нет, ты будешь страшной и ты будешь молчать! — приказал Свен Мей Йонг.

Он властно схватил ее за руку и побежал.

— Сюда! — позвала Джой, с улыбкой мчавшаяся впереди друзей.

— Надо найти проход! — крикнул маленький швед.

— Проход? Проходу, ты хочешь сказать?

Мальчик не мог спорить о грамматике, ему и так было слишком тяжело бежать. Если бы можно было выбирать, он, конечно, предпочел бы побеседовать о связи определенного артикля и рода имени существительного. Но сейчас на карте стояла его жизнь.

— Если тебе так больше нравится... — пробурчал он.

Никогда бы он не поверил, что такое с ним может произойти. И вот, ему было наплевать на род слова «проход»: проход, прохода, проходо, проходы... Да почему бы и нет? Иногда самые строгие грамматические правила становятся относительными. И Свен переживал как раз такой момент.

Поскольку Мастер традиций следовал за ними по пятам и был слишком зол на них — рассчитывать на снисхождение со стороны титана не приходилось.

Дети ушли от него три раза: из Питомника казненных, когда их сторожила переодетая яблоком груша, с облаков, когда их должны были сожрать красные богомолы, в небе, когда черно-золотой рой пытался сбить их на лету. На этот раз Сикофант решил заняться детьми лично. И, судя по энергии, с которой он перемещал свое гигантское тело, он уж точно не собирался мчаться изо всех сил только для удовольствия размяться.

— Нет, просто потому, что если это *прохода*, — сказала девочка, кладя руку на свой карман, — то я о ней уже слышала.

— Где это?

— Есть прохода в тронном зале Сикофанты мякиши.

— А это где?

— На дереве, которая служит дворцой Сикофанте.

— Да находится это где?

— Well... позади Сикофанты.

Мастер традиций был уже в нескольких метрах от детей. Свен устал. С тех пор как он попал в Маллемир, он привык работать ногами. Но его сердце и легкие еще к этому не привыкли. Да и мышцы тоже, кстати.

— Там крота! — Джой показала рукой вправо.

— Очень красиво, — согласился мальчик.

Крот был не красивый. Он был чудовищный. Не такой, конечно, как Сикофант. Но, тем не менее, вместо обычных пятнадцати сантиметров он насчитывал два метра в ширину. У него была густая шерсть черного цвета, две передние розовые лапы, похожие на когтистые руки, длинные под-

рагивающие усы и совсем маленькие глазки. Крот бежал к своему земляному бугорку и бурчал:

— Я быстрый... я очень быстрый... До чего же я быстрый...

Дети, не рассуждая, побежали за ним. Но зверь остановился перед входом в свою нору. Он слишком разжирел. Он не мог в нее пролезть, нора сделалась чуть-чуть, но все-таки узковатой для него. Крот тщетно упирался в землю задними лапами. Джой разбежалась, толкнула крота, и тот протиснулся внутрь.

— Спасибо, — проговорил зверь. — Я такой быстрый, что разучился уже находить дорогу домой...

— Добро пожаловать, — улыбаясь, сказала американка без лейкопластырей. — Пошли, други, вперед!

И нырнула под землю.

Свен подтолкнул Мей Йонг, для того чтобы та вошла в нору тоже. Прекрасная китаянка закачала головой, говоря:

— Нет, нет, нет... хватит, я больше никуда не пойду!

— Мей Йонг! Не сейчас! Мы поговорим внутри...

— Нет, я не пойду ту... Ты сумасшедший! Не трогай! Я убью тебя!

Маленький швед вырвал из ее рук компьютер, еще влажный после купания в пруду с кувшинками. И бросился вслед за Джой.

Ослепленная яростью программистка помчалась за мальчиком... и скользнула в черный колодец как раз за секунду до того, как на место на всех парах прибыл Сикофант. Вzbешенный ловкостью трех проходимцев, Мастер традиций высыпал в нору крота целый самосвал земли.

А Мей Йонг тем временем молотила кулаками Свена. Она нашла его на ощупь в темноте. Мальчик отдал ей компьютер и теперь пытался отдышаться, очень довольный тем, как он провел самую красивую не-куклу миров для того, чтобы спасти ей жизнь.

— Мой игрушечный компьютер! — повторяла девочка. — Ты схватил мой компьютер! Сон это, что ли!

— Крота просила извинить ее, но она ушла, потому что слишком торопилась, — оповестила спутников стоявшая чуть поодаль Джой.

— Одна видит сны, другой ускользает, просто какой-то ускользающий сон! — весело прокомментировал Свен.

Растерянное молчание стало ему ответом. Дети слышали, как над их головами ползает взад-вперед Сикофант мякиш.

Удивленный отсутствием реакции со стороны своих друзей, маленький швед открыл рот, чтобы привлечь их внимание к придуманной им самой смешной игре слов растительного мира («сон, ускользать... ускользающий сон... истекающий сок...»). Но его совершенное чувство юмора, столь долго молчавшее, не дало мальчику такой возможности. Как только зубы Свена разомкнулись, он как-то странно закашлялся. Мальчик быстро стиснул челюсти, затем разжал их, чтобы закусить губу, задержал дыхание, издал несколько звуков типа «у, у», пытаясь сбросить напряжение... Извинился:

— Это нервное... Переутомление... сейчас пройдет...

Не прошло. То, что угрожало вырваться наружу, вырвалось.

Свен разразился гомерическим смехом. Не в силах сдерживаться, он катался по земле, пронзительно хохоча, колотил кулаками по подземной тропинке, стонал от юмористической боли, просил о пощаде, умолял о прощении, извивался, широко раскрывал рот, пытаясь вдохнуть немного воздуха, конвульсивно прижимал руки к животу. Наконец он вроде бы овладел собой, но, увы, только вспомнив снова о своей шутке, затрясся в приступе хохота. И еще раз. И еще много раз.

— Это очень антисубъективно, — проговорил он, вытирая глаза, — но... какой же я смешной, когда захочу!

Над коридором, в который юркнули дети, раздались глухие удары. Сикофант мякиш пытался прорваться в галерею, в которой они прятались. Комья земли посыпались

с потолка, приводя в отчаяние беспокоившуюся о своей прическе Мей Йонг. Кстати, прекрасная китайка решила проверить, не сломался ли ее компьютер. В конце концов, не так уж долго он находился под водой. Может быть...

Увы, она напрасно нажимала на клавишу включения, дула на свои пальцы, трогала клавишу снова, умоляла машину заработать в память обо всем, что они пережили вместе, гладила экран, долго держала клавишу утопленной, потом давала ей отдохнуть, а затем снова нервно и неожиданно надавливала. Ничего не получалось.

— А что если двинуться, пока туннеля не упала? — сказала Джой со своим смешным певучим акцентом.

— Мой компьютер не работает... — простонала программистка. — К чему мне продолжать...

Нора содрогнулась. Вход, находившийся позади детей, *приблизился* к ним на несколько метров. Сикофант, видимо, бросался на него всем телом и, сначала засыпав его, теперь обрушивал.

— Ладно, думай позитивно! — произнесла Джой веселым голосом.

— Я не могу думать позитивно! — нервно сказала Мей Йонг. — Слишком не могу! Я хочу, чтобы мой компьютер заработал, вот и все!

Американка обернулась к ней. Споткнулась о предательский корень, упала и ударилась лицом. Смеясь, поднялась и подошла к подружке. Положила ей руку на плечо и сказала:

— Как сказал бы мой бабушка, если ты хочешь, ты можешь!

— Интересное этнографическое подобие, — вставил Свен, случайно наталкиваясь на Джой. — У нас в Швеции есть поговорка — или, скорее, поговорка...

Вдруг программистка закричала:

— Работает! Ой, глазам не верю! Мой компьютер включился!

Новый страшный удар потряс галерею.

Маленькая китайка словно не заметила этого. Свечение экрана, пронизывающее темноту, было для нее самым большим счастьем. Она так боялась никогда больше не увидеть этот удивительный свет! Маленькая китайка застучала по клавишам.

— Надо свернуть в ближайший правый поворот, затем два раза налево, — объявила она. — Потом, судя по программе, коридор поднимается вверх, там есть две большие двери, выйдем в правую и попадем в тронный зал. Быстро!

— Отлично сработано, бэби! — воскликнула маленькая американка.

Град камней почти заглушил ее возглас. Мастер традиций битву еще не закончил. Он был слишком толст для того, чтобы проникнуть в галерею, но достаточно тяжел, чтобы обрушить ее непрочные своды.

Мей Йонг пошла вперед. Она оставила компьютер включенным, освещая исходящим от него сиянием дорогу перед собой.

Джой последовала за ней. Она не понимала, для чего ее подружке нужен свет. Да, не видно ничего. Ну и что? Туннели эти проходимы, раз крота по ним ходит. Следовательно, все, чем они рискуют, так это расквасить себе лицо. Подумаешь, большое дело!

Свен замыкал шествие. Его бывшее веселье периодически отзывалось кудяхтаньем. Но гром ударов Сикофанта и боль от старых ран умилили веселость маленького шведа. Для большей безопасности он взял за руку Джой. Несмотря на свой уверенный вид, американка, быть может, нуждалась в поддержке. Во всяком случае, она не отказалась от неожиданной помощи мальчика.

И бег в ритме ударов Сикофанта возобновился. Обстановка напомнила Свену его встречу с Танитой, девочкой-динамитчицей, во время подземного концерта Деструктора Бомб Систем, он был там с Эзоа, а происходило все прямо перед тем, как он понял, что чистота становится вещественной. Что теперь стало с красивой мексиканочкой? Куда она исчезла?

Руководимая имитационной программой Мей Йонг не задавалась лишними вопросами. Она снова заняла главенствующее место, которое никогда не должна была покидать. Программистка почти забыла о том, что растрепана. После стольких катастроф при виде работающего компьютера она испытала эйфорию. Бодрым шагом шла китаянка к тронному залу. Чем выше поднимались дети по последнему склону, тем все более сильный запах плесени исходил от неровной почвы. Воздух стал тяжелым. Влажным.

Наверху, в конце дороги виднелись две полуоткрытые двери. Джой направилась к левой.

— Правая, я сказала! — крикнула Мей Йонг, останавливая ее.

— Эй! Я знаю, что направый, я хочу посмотреть, что там налевый!

— Не время. Осталось тридцать секунд до появления Сикофанта. Двадцать девять. Двадцать восемь.

Джой кивнула. Прыгнула. Потянула за ручку круглую правую дверь. Из-за нее вырвался сине-зеленый туман. Удушающий.

— Двадцать шесть... — прошептала Мей Йонг.

Они вошли в огромную комнату. Потолка там не было. Стены заменяла толстая древесная кора. Дети оказались в дереве-крепости Сикофанта.

В центре ее было коричневатое болото, почти обмелевшее, от которого пахло разложившимся аллигатором и высохшей тиной. Жужжали комары. Дурманивший пар поднимался над водой. У детей закружилась голова.

Гром и скрежет приближались. Слышался страшный треск шумно падающих на землю деревьев.

— Двадцать две...

— Это и есть проход? — пробормотал Свен, поднимая глаза к небу.

Джой не успела ему ответить. Небо взорвалось.

В грохоте грома из-за облаков показалась черная пасть. Она была удлиненной формы. Огненные молнии прочер-

тили небо, рисуя сверкающие клыки. Чернильно-черный силуэт заслонил коричневую луну. Щелкнули космические челюсти чудовища. Они пожрали то, что оставалось от луны. И исчезли в бушующем небе.

— Восемнадцать... — отсчитывала Мей Йонг.

Послышалось громкое бульканье кипящей воды. Луна цвета мокрой мяты покраснела. По ее прожилкам бежали ярко-красные капли, оставляя за собой кровавый след. И светило со страшным грохотом начало покрываться трещинами: впечатление было такое, словно кто-то, забавляясь, бросал мраморные глыбы на тонны стали.

— Четырнадцать...

Космическое лезвие проскрежетало о металлическую поверхность. Посыпались искры. Ударил гром. Луна цвета мокрой мяты расплавилась и превратилась в огненный шар. Ее оболочка разлетелась на куски. Расплавленная ярко-красная жидкость секунду висела в воздухе. Она кипела. А потом брызнула во все стороны. Само небо, казалось, вспыхнуло. Горизонт залила лава. Она загорелась над мирами оранжево-красным яростным пламенем и излилась на землю огненными стрелами. Раздался оглушительный взрыв. Наша троица решила вернуться в нору крота. Но это стало невозможным: рядом с гигантским деревом упал метеорит. Дети были теперь окружены огненным кольцом, небо при этом продолжало гореть.

— Десять...

В ту же минуту сквозь треск пламени послышался пронзительный скрежет. Луна с блестками не выдержала. От взрывной волны конус помчался по орбите, вращаясь вокруг своей оси с невероятной скоростью. Отсветы цвета голубой стали мелькали в гипнотической пляске огня. Вдруг светило сошло с орбиты. Вместо того чтобы, позвякивая, лететь на одной и той же высоте, оно упало, с грохотом ударившись о землю, со свистом поднялось, пронеслось сквозь языки пламени, исчезло в них и опять упало вниз, вызвав новое землетрясение.

— Черт... — пробормотала Джой восхищенно. — Три луны за одну разу! Что происходит-то?

— Шесть... — прошептала Мей Йонг.

— Так, где же все-таки этот чертов проход? — нервно сказал Свен.

Жар становился невыносимым. Соединившись с болотными испарениями, огонь не просто теснил детей снаружи, он обжигал их изнутри, когда они вдыхали раскаленный воздух.

— Да вот она! — воскликнула Джой.

Она опустила руку в карман. Достала из него какое-то зернышко и бросила на землю. К небу немедленно змеей взвилась лиана.

— Этот зернышко открывает проход, — объяснила американка, протягивая конец лианы Свену. — Он прорастает в другую мир, и, поскольку туда очень трудно попасть, я хочу туда пойти, так, для fun. Как сказал бы мой бабушка...

— Ноль!

Раздался страшный грохот. Сикофант мякиш слишком вырос и уже не помещался в свой тронный зал. Поэтому он решил разрушить кору. Та стала хрупкой от жара и поддавалась.

— Бери лиан, чего ты ждешь! — крикнула Джой с широкой улыбкой.

Свен подчинился. В мгновение ока он вознесся в небеса. Его руки не держались за лиану, а скользили по ней. Он словно падал. Но вверх. Мальчик издал вопль в качестве предупреждающего голосового сигнала и, не успев попрощаться с миром, пересек небесную стену огня.

— Ты уверена в том, что... — начала Мей Йонг.

— Давай! Шевелись!

Правой рукой прекрасная китайка прижала к себе компьютер, левой схватилась за лиану.

В этот момент кусок дерева отвалился. Огонь и Сикофант снесли одну сторону ствола дерева. Чудовищный слизняк оскалил покрытые пеной клыки. Его усики мета-

ли черные молнии посреди красных теней пламени. На скользком теле плясали отсветы огня, распространяя запах паленого мяса. Из каждой поры монстра сочилась ненависть.

Сексуальная программистка открыла рот для того, чтобы закричать. Ее опередила Джой:

— Как сказал бы мой бабушка: «Ты не бойся слизняку, как не боишься ежику!»

— НЕТ! ЭТО ЖЕ НЕ еж...

Прекрасная китаянка не закончила фразу. Гигантский слизняк превратился в обычного ежика длиной примерно двадцать сантиметров. Покрытого сотней почерневших иголок.

Мей Йонг не могла прийти в себя от удивления.

— Ты... п-превратила Сикофанта... — запинаясь, проговорила она.

— О, йес! — крикнула американка, наклоняясь и беря зверька в руки. — Она так симпатичнее, правда? Но, как сказал бы мой бабушка...

Грохот прервал ее на полуслове. Огненная стена треснула. И с минуты на минуту должна была свалиться на девочек.

— А если нам поговорить попозже, за стаканом хорошего молочного коктейля? — предложила Джой, улыбаясь так же широко, как и обычно.

Ошеломленная Мей Йонг взяла за руку свою новую подругу. Потому что отныне Джой станет ее подругой. Быть может, лучшей. Прекрасная китаянка поняла, что они созданы для того, чтобы понимать друг друга. Каждая обладала истинным могуществом. Обе были очень сильны. Они обе схватились за лиану-лифт, обе они отправлялись в новый мир. Там они познакомятся, как следует.

Вместе девочки взлетели в огненное небо, одна с компьютером, другая — с ежиком. Они, как это свойственно многим людям, надеялись покинуть Апокалипсис и попасть в лучший мир.

И, конечно, ошибались. Как многие люди.

Отчаянная клетка

Лошадки и зебра резко опустились на землю. Дети вылетели из седел. Мадаван спланировал на песчаную гряду. Он был одет авиатором-денди: шлем, из-под которого выбивалось несколько прядей волос, массивные пыльные очки, голубой костюм с серебряными планками.

Сопровождаемый звоном медальонов Слади упал на свое брюшко, покрутился на пупке, словно волчок, а затем застыл, найдя равновесие и зависнув в нескольких сантиметрах от земли. Он склонил голову набок и казался поглощенным представившимся его взору зрелищем, словно решил пересчитать все лежавшие вокруг него песчинки.

Эзоа покатилась колом, прижав к груди сумку для чудес. Ее левая рука стискивала склянку с зельем, которую она своими ловкими пальцами страннodelьницы стянула у турнирного знахаря.

— Клетка сорок девять, — объявил искусственный голос. — Вы прибыли на клетку номер сорок девять. Это клетка «Гарпии». Убедитесь в том... что вы готовы к смерти!

— Ладно, ладно, — пробурчала, медленно поднимаясь на ноги, маленькая мексиканка. — Мы и так знаем, что ты сошел с ума, тебе незачем и усердствовать.

— На этой клетке вас ждет семья из семи... простите, из восьми гарпий. Смысл игры заключается в предоставлении гарпиям возможности медленно съесть вас, после того как вы усвоите хороший урок. Как вы видите, река Возвраще-

ния не протекает вблизи этой клетки. Вы никогда не вернетесь к «Старту». Желаю неудачи!

— Да ладно, давай-ка заткнись! — махнула рукой страннodelьница.

— Правила игры просты, — продолжал, тем не менее, голос. — Они заключаются в том, что вы не должны перехватывать пасы, адресованные вам автохтонами, и должны парировать атаки гарпий. Они наделены всеми правами, в то время как вы, согласно артикулу 23В нового Гражданского Кодекса, располагаете весьма строго ограниченной свободой в установленных предписанием от 7886-го лунария рамках, согласно которым...

Эзоа уже не слушала. Строй гарпий появился перед ней.

У них были головы женщин и тела грифов, кожа кровавого оттенка, крылья с черной каймой и желто-оранжевые волосы. Носы, такого же цвета, что и волосы, заканчивались сильно загнутым крючком. В черных ртах сверкали кривые белые зубы. Восемь чудовищ распространяли сильный запах тления и выпускали через равные промежутки времени невероятно пронзительные крики.

— По коням! — крикнула страннodelьница.

Мадаван вскочил на маленькую зебру, с которой предвительно сорвал прозрачный плащ. Сейчас он предпочитал работать в тени. Потому что, в сущности, что такое тень? Это искусство маскировать и показывать маску, то есть показывать то, что прячешь. Сам стилист выбрал себе просторный черный стихарь, солнцезащитный монокль (половинка очков с темным стеклом, вставляемая в глазную впадину) и феску, на создание которой его вдохновила форма зуавов (феска, правда, была цвета фуксии: не будем путать тень и темноту).

Слади колебался. В принципе, он был не против снова забраться на свою лошадку. Если это доставит Эзоа удовольствие, то почему бы и нет? Но его нынешнее висячее в нескольких сантиметрах от земли положение ему тоже

нравилось. Впервые в жизни он мог заснуть на животе, не сталкиваясь с привычной проблемой: в какую сторону повернуть голову, для того чтобы не задохнуться в подушке? Увы, девочка подошла и схватила Слади за руку, и тот решил опять встать вертикально, чтобы сесть на своего коня.

Искусственный голос продолжал перечислять бесконечные положения Регламента («...кроме тех случаев, когда помидор может рассматриваться не как овощ или снаряд, а в качестве динамической круговой структуры, имеющей тенденцию к движению в векторной ортоскопической перспективе или по взрывной кривой, которая...»), когда небо вдруг почернело.

Эзоа подняла глаза. Последние крошки коричневой луны исчезли.

Сразу после этого луна цвета мокрой мяты покраснела, треснула и загорелась, рассыпая огненные метеориты по небу и земле. Один из снарядов задел покрытую блестками луну, которая сорвалась с высоты и ударилась о землю. Потом снова взлетела вверх. Миры больше не приходили в упадок. Они взрывались.

Какой-то метеорит расколол все небо. Эзоа прижалась к шее лошадки и проследила взглядом за пылающим осколком луны. Он едва не упал на клетку «Гарпии», но в конце концов устремился к клетке «Столица», которую маленькая мексиканка увидела справа и куда они не смогли попасть. Клетка загорелась сразу после попадания в нее снаряда.

Теперь финиша больше не существовало. Мир законов стал безвыходным.

— Вы видели? — выдохнул потрясенный Мадаван.

Он надел тунику, похожую на военный комбинезон, надеваемый при угрозе биохимической атаки, и флуоресцирующий противогаз, издававший постоянные звуковые сигналы «би-ип» (для того чтобы точно быть обнаруженным под завалами).

— Это несколько антиуспокоительно! — признал Слади.

— И что делать? — нервно спросила Эзоа, тоже утратившая свое хладнокровие. — Какие у вас предложения?

— Может, ты нам состранодельничаешь небольшую столицу, кухня? — предложил марокканец с кругленьким брюшком.

— Небольшую столицу? — повторила девочка.

Слади продолжил:

— Да, небольшую симпатичную столицу, со спокойным проходом в...

— Да ты КАК, КАК ДУМАЕШЬ? — заквакала от волнения Эзоа. — Что я волшебница? Что мне достаточно произнести «абракадабра», и столица появится... Что... Осторожно!

Под красно-черным небом зазвучало мощное тиканье. Появился какой-то красный шар (видимо, помидор, о котором говорил искусственный голос). Гарпии принялись наносить по нему мощные удары лапами. Дети побежали направо. Одна из гарпий подпрыгнула, оторвалась от земли, бросилась к помидору и, не дав ему упасть, ударила по нему когтями. Помидор полетел на Слади. Конь Слади отпрянул. Но недостаточно. Помидор попал ему прямо в грудь и взорвался.

Помидор был бомбой.

Слади отлетел на несколько метров и посмотрел на лохматые клочья, оставшиеся от его маленькой лошадки, «погибшей в плохую погоду».

— «Значит, храбрая была»... — пробормотал он грустно.

Его надгробное слово было встречено ухмылками гарпий. Дьявольские создания вели с таким счетом: лошадка — ноль.

Тикающий помидор появился перед Слади. Наступила очередь мальчика ходить. Но марокканец усвоил урок: только гарпии могут дотронуться до бомбы и не взорваться. Он решил убежать. Он склонил голову набок и прижал руки к телу.

Конкурс детского рисунка «ЭЗОА»
«Гигантская улитка»
Иванова Алена, 13 лет. (1 место)

Конкурс детского рисунка «ЭЗОА»
«Кошка – импресарио. Маенка»
Федорова Катя, 10 лет. (2 место)

Конкурс детского рисунка «ЭЗОА»
«Эзоа и ее странноделки»
Иванова Настя, 9 лет. (3 место)

Конкурс детского рисунка «ЭЗОА»

«Троллячиха»

Абуянчиков Илья, 10 лет.

(Приз зрительских симпатий)

Внимание: новый конкурс рисунка!

Дорогие друзья!

В 2008 году нами проводился конкурс рисунка «Эзоа и ее друзья. Миры Маллемира». Работы победителей представлены в данной книге.

Однако к нам до сих пор продолжают поступать письма с работами и просьбами о продолжении конкурса рисунка. Поэтому принято решение о проведении второго этапа. Условия конкурса прежние:

- прочитай книги о приключениях Эзоа;
- нарисуй Эзоа, ее друзей, или сюжет по одной из книг;
- отправь рисунок по адресу: 109147, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 23 (не забудь указать обратный адрес, индекс, телефон, ФИО и возраст).

Работы всех участников конкурса будут опубликованы на сайте Группы Компаний «РИПОЛ классик» www.ripol.ru. Подведение итогов конкурса состоится 30 марта.

Каждый участник конкурса, приславший свою работу, становится членом клуба фэнтези «РИПОЛ классик». 10 финалистов конкурса рисунка получают специальные призы, а работы четырех победителей будут к тому же опубликованы в следующей книге о приключениях Эзоа – «Тенебрия».

Присоединяйтесь!

— Позови кубики! — приказала Эзоа своей лошадке.

Маленькая зебра Мадавана, стоявшая рядом с девочкой, попыталась выполнить ее распоряжение. Но тщетно. Как бы Нагавика ни старалась влиться в компанию, она не была лошадкой. У каждого своя роль. «Но при этом, — подумала жертва авторской моды, — лошадки — безымянные и однотонные, а зебра, по крайней мере, это — зебра».

Конь Эзоа хромал после столкновения с неприятельской лошастью. Но он был не в тюрьме, и это было главным, поскольку он мог попросить появиться кубики с черными точками. Речи о том, чтобы отправляться на клетку «Столица», последнюю в игре, и речи быть не могло, да и в любом случае, поскольку она была соседней, риск очутиться в пекле сводился к нулю. С другой стороны, если дети выкинут больше двух очков, они вынуждены будут вернуться назад, по некоторым правилам считается, что, если у тебя до финиша осталось две клетки, а ты выбросил шесть очков, ты делаешь два хода вперед, а затем — четыре хода назад (по традиции нельзя просто сделать два хода назад). Так до Эльдера дети не скоро доберутся.

Но самым важным сейчас было выжить, убежав от гарпий.

Маленькая лошадка заржала. Тиканье помидора стало громче. Гарпии наблюдали за происходящим с насмешливой гримасой. Они выигрывали. Их противники были жалки.

Появились кубики. Это были старые игроки со стертыми ребрами, не побоявшиеся явиться на клетку отчаяния, хотя приходиться сюда было не в их привычках.

Находившийся рядом с помидором Слади размахнулся. В этот миг бомба взорвалась. Марокканец с брюшком застыл с поднятой рукой. Металлические осколки вонзились ему в кожу. Он почувствовал, как слабеет. Что-то красное потекло у него из рта.

Слади даже не устроился поудобнее. Он рухнул на песок и посвятил последний миг ясного сознания воспомин-

нению о пастиле пастельных тонов. Он любил фиолетовые оттенки.

Эзоа посмотрела на воронку, образовавшуюся после взрыва бомбы. Ее окутывало облако красной пыли. Слади упал в нее, он свернулся в клубок, на его покрытом кровью и осколками металла лице сияла нежная улыбка.

— СЛАДИ! — истошно закричала маленькая мексиканка.

Гарпии испустили долгий пронзительный крик. Мадаван бросился к кубикам. Но добежать до них ему не хватило времени, от резкого крика грифов с женскими головами они раскололись на куски. Кубики задымились, так что маленький индеец едва успел оттащить Нагавику. Кубики выбросили огромный язык пламени, который зигзагом поднялся вверх, притянутый огнем горящего неба.

Гарпии порхали в воздухе, посмеиваясь, они уже вели с таким счетом: человек, лошадка, два кубика — ноль. А игра еще толком и не началась. Все это пока было лишь аперитивом, они словно положили на зубок несколько кусочков свеженького койота и с удовольствием чувствовали нарастающий голод, который позволит им проглотить замеченную неподалеку разлагающуюся тушу слона. Им надо было убить еще двух детей. Дать им погнить под открытым небом (гарпии любили трупы с душком). А потом сожрать. Лунарий обещал стать фантастическим.

Появился новый помидор и принялся тикать. Эзоа соскользнула с лошадки. Жаловаться было не на что. Они проигрывали партию. Положение вещей уже никогда не станет таким, как прежде. Начался финальный обратный отсчет. Сопровождаемый чередой землетрясений, появлением хищников, чудовищных тварей. Наступал конец света. И Эзоа об этом знала. И она не придумала ничего для того, чтобы его избежать или, самое меньшее, замедлить надвигающуюся катастрофу. Потрясенная увиденным, раздавленная сознанием собственного бессилия Эзоа подо-

шла к Слади, предоставив доведенному до иступления Мадавану возможность перейти к атаке.

А маленькому индийцу уже порядком надоели эти готические хищницы. Все в гарпиях вызывало у него отвращение. Их банальность. Их потребность доводить самих себя до карикатурности. Отсутствие индивидуальности. И, конечно, то, что они напали на Слади. Будто случайно, они выбрали самого безобидного из детей. Трусость сильных была безграничной.

Жертва авторской моды нарядила зебру грифом. Ведь что, в сущности, позволяло гарпиям дотрагиваться до помидора, что? Несомненно, тот факт, что они толкали его не лапами, а когтями. Бомбы, видимо, взрывались либо от того, что срабатывал часовой механизм, либо от того, что их касались ногами. Итак, Мадаван сменил свое противобактериологическое одеяние на наряд хищной птицы: крылья, меховые штанишки грифа, когти на ногах, головной убор с перьями (на стиль краснокожих его вдохновили крылья), желтая полумаска на глазах (не в тему, но аутентично). Короче говоря, это был не его вкус. Это была необходимая уступка обстоятельствам.

Мальчик бросился к огромному красному шару и (пан или пропал) очень стильно ударил по помидору, что, несмотря на его смешной наряд, получилось гордо и красиво. Бомба полетела. Одна из гарпий немедленно решила перехватить мяч. Но Мадаван был бдителен. Повернув зебру, он забил крыльями и поднялся в воздух настолько, что сумел совершить акробатический мгновенный удар по мячу, и тот полетел назад. Тварь никак не ожидала такой техничной и быстрой реакции. Помидор ударил ей в голову в тот самый момент, когда взорвался.

Маленький индеец вздрогнул. Разлетевшийся в клочья череп гарпии был отвратителен, кроме того, еще мгновение, и бомба взорвалась бы рядом с ним. Но ужасаться времени не было: гарпии наступали. Маленькая зебра помча-

лась вскачь, торопясь доставить своего всадника на идеальную для приема помидора позицию.

Ошибка! Слишком самоуверенный Мадаван пропустил тикающий помидор, и тот покатился к воронке Слади, рядом с которой стояла Эзоа. Жертва авторской моды бросилась на землю, допрыгнула до красного шара. БУМ! Обуреваемый желанием спасти девочку и раненого друга Мадаван ударил по мячу с удивившей его самой силой. Гарпия поймала мяч кончиком когтя. Два раза перекинула его из лапы в лапу. С бесконечной злобой улыбнулась мальчику. И взорвалась.

Часовой механизм оказался установленным на более короткое, чем обычно, время. Кровь, перья и куски плоти взлетели в воздух.

— Двумя гарпиями меньше! — крикнул Мадаван маленькой мексиканке.

Девочка кивнула.

Ни браво.

Ни спасибо.

Ничего.

Эзоа склонилась над Слади. На глазах ее блеснули слезы. Но она не плакала. Она гладила пухлое лицо марокканца с брюшком.

И причитала:

— Если бы у меня были шипучечки... Тогда, быть может... Но так...

Эзоа собрала валявшиеся поблизости обгорелые остатки кубиков. Вылила на них немного зелья, украденного у колдуна-спасателя. Попыталась перемешать их с кусочками доспехов, которые слегка подогрела на рассыпанных по земле углях. В пальцах девочки Мадаван заметил также обрывки розового платья, блестки, волосы из гривы зебры, песчинки, перья гарпий, щепки от древка копья, куски ножен, зигзагообразные железяки, а кроме того, множество разных штук.

Маленький индеец поднял глаза. У него тоже бывало иногда плохое настроение. В эти дни он одевался в кричащие цвета, для того чтобы побороть дурное расположение духа, как он его называл. Сейчас этого приема будет недостаточно. Его тяжело раненный друг лежит на земле. Его подруга с головой ушла в свое странное дело. Вокруг него мир горит синим огнем. А гарпии... неуязвимы!

— Они мошенничают! — запальчиво закричал он. — Я двух убил... а их опять восемь!

— Это разрешено статьей 235-3425 нового процессуального Кодекса, касающегося реорганизации официальных команд мира законов, — возразил искусственный голос. — Закон не оставляет никакой возможности для толкований, и надо признать...

Неожиданно от страшного тиканья у мальчика зазвенело в ушах. Он едва успел отскочить в сторону. Помидор взорвался. Взрывная волна сбросила мальчика на землю. Маленькая зебра так и осталась лежать. Она истекала кровью. Мадаван почувствовал, что теряется. Желая выиграть время, он потребовал врача. У него был глубокий порез на правой ноге, но, главное, ужасно пострадал его боевой дух. Клетка не оправдывала свое название: она была не отчаянной. Скорее, она приводила в отчаяние.

Сверху упала бомба. Мадаван отбил ее, вытянув лапу. На него немедленно упала вторая бомба. Теперь помидоров было много!

— Эзоа! — закричал маленький индеец. — Сейчас, как никогда, мне нужна помощь!

Страннодельница, погруженная в магимастерство, не отзывалась.

— Я тебе помогу! — крикнула лошадка Эзоа.

Она трусцой приблизилась к Мадавану и встала рядом.

— Вы ведь помогли нашим выйти из тюрьмы, — объяснила она.

— Это очень мило с твоей стороны, но вы уже отплатили за...

— Осторожно!

Вращающийся помидор со страшной скоростью летел на марокканца с брюшком и на его подружку-мексиканку. Мадаван хотел подбежать к ним, но его правая нога не слушалась его. Осколок бомбы, видимо, задел нерв или мышцу. Лошадка, хромая, рванулась к помидору.

— Нет! — воскликнула жертва авторской моды, взмахивая крыльями. — Ты не сможешь его отбить...

Лошадка не могла его отбить. Она знала об этом. Она просто бросилась наперерез помидору. И взорвалась вместе с ним.

Новый помидор появился рядом с воронкой от взрыва. И тут же взорвался.

— Гарпии объявляются победительницами! — объявил искусственный голос. — Вследствие чего им предоставляется право сожрать своих противников. Последние не должны оказывать ни малейшего сопротивления!

Кровожадные твари издали пронзительные крики. До этого они стояли по кругу в восьми разных местах, исключая всякую возможность бегства противника. Теперь, поздравив друг друга ухмылками, они начали подходить к проигравшим.

В этот миг Эзоа поднялась. Она держала в руке какую-то большую коробку, покрытую розовой шторкой. Она потрясла ею. Из коробки волнистыми завитками вырвалось голубое с красными искрами облачко дыма. Это маленькое облачко стало расти и превратилось в большой фиолетовый шар, усеянный зелеными блестками. Еще через секунду шар сделался черным многогранником с белыми точками. Количество граней на нем... не поддавалось исчислению. Высотой он был примерно десять метров. Многогранник неожиданно взмыл в красное небо, словно невидимая рука схватила его, а затем бросила. Сверхъестественных размеров кубик упал на гарпию, раздавив ее. Покатился на другую, которая не успела убрать свои крылья. И неподвижно застыл прямо перед детьми.

Искусственный голос с недоумением объявил:

— У ВАС... ТЫСЯЧА И ОДИН!

Одна из гарпий вошла в зону голубого свечения, испускаемого огромным кубиком. За то время, пока сияние становилось все ярче и ярче, она успела броситься на Эзоа и вонзить когти в ее правую щеку. Девочка закричала. Гарпия тоже. Потому что, не успев разодрать щеку маленькой мексиканки, затряслась в конвульсиях: голубой ореол делал свое дело.

Земля задрожала. Мадаван быстро заковылял к своей подружке.

— Эзоа, все нормально?

Маленькая мексиканка покачала головой. Гарпия оставила на ее теле глубокие раны, содрав полностью кожу. Видимо, девочке было очень больно. Ее сопернице тоже: гарпия упала на землю, загорелась и теперь извивалась в середине голубого пылающего костра.

— Слади... — прошептала маленькая мексиканка. — Возьми Слади за руку...

Не в силах больше держаться на ногах, Мадаван опустился на землю и пополз до своего спокойного, по-прежнему неподвижного кузена. Он протянул руку и нашел пальцами гриву Нагавики. Его правая нога больше не болела. Он просто ее не чувствовал. Маленькому индийцу казалось, что ее у него нет.

Эзоа, потеряв сознание, упала на мальчиков. В это мгновение земля разверзлась под ними, и дети полетели в белую пропасть, источающую запахи эфира и скипидара.

А в пылающем небе все сильнее билось гранатовое сердце, словно и ему не терпелось тоже взорваться.

Смешной сон

Итак, Блэк погиб. Рассеченный стеной. Как не достоин был такой конец великого рыцаря, которым стал рассказчик.

Не считавший себя особенно сентиментальным Типуссен был потрясен при виде того количества крови, что изливалось из вен самого широкого человека миров. Лейла тоже остановилась. Наступила тишина. И почти сразу же комната дрогнула. Секунду спустя из пола выросла уже неизвестно которая по счету стена.

Цыпленок поднялся. Он увидел возникшую между ним и Лейлой перегородку, затем та часть зала, где находилась тигрица, видоизменилась. Ее заволокло дымом сливового цвета. Типуссен расправил крылья, готовясь к прыжку. Но едва туман рассеялся, цыпленок увидел, что сделать уже ничего нельзя: Лейла оказалась запертой в стеклянной клетке, которая дрогнула и резко поехала на нижние этажи Донжона. Тигрица оказалась пленницей новой комнаты-лифта, подобной той, которая, как они видели, ходила вверх-вниз в машинном отделении!

— Клянусь большой скорлупой... — проговорил цыпленок, глядя, как исчезает его подружка.

От горя он даже ударился головой в стенку лифта. И отошел, несколько огулушенный. Но этот гневный жест принес ему некоторое облегчение. Типуссен был в бешенстве. И поэтому с нескрываемой радостью заметил пролезшего в комнату через окно скорпиона.

Сияющий панцирь твари отливал всеми цветами радуги. Завидев врага, монстр застыл. Он не торопился. Типуссен не убежит. Справа от него была прочная стеклянная перегородка. Сзади — каменная стена. Слева — стеклянная стенка лифта. Цыпленок был в ловушке.

Но Типуссен и не собирался никуда бежать. Кулаки у него чесались. Никогда он не испытывал такого желания кого-нибудь уничтожить. Не просто убить. Нет, скорее подвергнуть пыткам. Сначала лишить возможности двигаться, а потом терзать. В тишине заставить врага молить о пощаде, а затем о смерти. Дать ему захлебнуться страданиями, наблюдать за его агонией до самого конца с презрительной усмешкой.

Кто-то должен заплатить за Блэка и Зззенна. И пусть этим существом будет скорпион.

Снаружи раздался треск. Затем последовал взрыв, и серое небо, насколько можно было судить об этом из помещения, загорелось. Скорпион на секунду отвлекся. Кипящий от гнева Типуссен воспользовался этим и начал атаку. На этот раз он выбрал целью не глаза, он всего лишь прыгнул скорпиону на спину и вонзил когти в щель на стыке частей панциря. Он собирался вырвать твари жало, воткнуть его ей в пасть, выдавить весь запас яда и посмотреть, как эта нечисть сгниет изнутри.

Тварь изогнулась, но Типуссен держался крепко. Теперь он хорошо их знал, этих убогих насекомых с птичьего двора. Цыпленок расположился так, что ему ничего не угрожало. И теперь спокойно мог заняться основанием жала. С мощностью отбойного молотка Типуссен принялся наносить удары клювом. Он едва чувствовал, как замок периодически продолжает вздрагивать. Скорпион ринулся вперед и принялся бегать по стенам, надеясь сбросить с себя противника. Это подбодрило цыпленка: если тварь сопротивляется, значит, не чувствует себя в безопасности.

Типуссен попытался когтем перерезать сочленение, которое никак не поддавалось. Тщетно. Тогда он схватился за роковое оружие монстра обеими лапами... и улетел в про-

тивоположный конец комнаты. Твари удалось избавиться от него.

Враги очутились лицом к лицу. Взоры умных глаз монстра вонзились в цыпленка, словно два кинжала. Клешни щелкнули. Но теперь скорпион, видимо, опасался Типуссена, поскольку напрямую не нападал. Монстр ограничился струей яда.

— Ха-ха-ха! — засмеялся цыпленок, взлетая в воздух. — Мимо!

Только вот пол, на который он опустился, прогнул.

Типуссен, головой вперед, рухнул вниз на несколько этажей. Когда он сумел остановиться, вспышка боли пронзила его голову и ослепила его. Однако он смог сообразить, что кто-то поймал его за лапы и пытается их ему вывернуть. Вздвигнув перья, Типуссен попробовал высвободиться, сделав круговое движение крыльями, но удар пришелся в пустоту. Зрение постепенно возвращалось к цыпленку. В красном свете, падавшем из каменного окошка, на него смотрел одинокий недружелюбный глаз.

— Ох, нет! — прохрипел Типуссен. — Кто-то ужасный!

Ударом клюва он продырявил запястье державшего его циклопа. Тот завопил от боли. Теперь гигант не сомневался в том, что схваченные им восемь сантиметров на удивление непобедимы. Но долго раскаиваться в том, что он напал на неподходящего противника в неподходящий момент, у циклопа возможности не было: как только Типуссен обрел свободу движений, он прыгнул врагу на плечо и рассек ему затылок острым когтем.

Дубинка просвистела на расстоянии одного перышка от цыпленка. Заметив сзади какое-то движение, он слетел на землю, и оружие в руках стоящего за Типуссеном циклопа разможило черепную коробку монстра с уже рассеченным затылком. Вzbешенный цыпленок схватил атакующего за ногу в области коленной чашечки и, заблокировав ему голень, бросил противника вперед. Раздался треск, тело пошатнулось. Колени его были сломаны, голова ушла вперед. Второй циклоп виском врезался в каменную стену.

Третий циклоп схватил Типуссена и в ярости швырнул его в противоположный конец разгромленной, засыпанной щебенкой и строительным мусором комнаты, где, закрыв доступ к двери, начали расти стеклянные стены: теперь выход отсюда был возможен лишь через дырявый потолок... или через выходящее в пустоту окно.

Цыпленок пересчитал противников. Восемь циклопов, только два из которых уже обезврежены.

Типуссен колебался. Жажда мести терзала его по-прежнему. Но цыпленок знал, что, даже если он оторвет руки и ноги первому циклопу, расплющит лицо второму о стеклянную стенку, вырвет сердце третьему, выкинет в окно четвертого, перережет сонную артерию пятому и сломает позвоночник шестому, он не успокоится. Ему необходимо было что-то более радикальное. А также более новое. На самом деле ему нужно было убить всех этих тварей, которых он так никогда и не мог по-настоящему победить. Поскольку он не мог подняться сквозь дырявый потолок, он спустится по стеклянной стенке и встретится с противниками своего уровня.

Типуссен помчался. Проскользнул между ног у двух циклопов, слишком больших, чтобы поймать маленькое бегущее существо, и слишком медлительных, чтобы успеть раздавить его. Добрался до окна. Враг бросился на него и в последний момент остановил, схватив за лапу. Тупица поднес его поближе к глазу, разглядывая будущую жертву.

— Мне очень жаль, цыпка, — сказал Типуссен. — Я спешу.

И изо всех сил клюнул циклопа прямо в лоб. На лбу циклопа немедленно образовалось красное отверстие, раздался вопль, и цыпленок вновь получил свободу. С окровавленным клювом склонился он над пустотой, а циклоп рухнул на тела себе подобных.

Небо действительно пылало. Невредимой в вышине оставалась лишь гранатовая луна. Остальные исчезли. Луна с блестками поднималась в высоту, опускалась для бомбардировки мира и снова поднималась. Где бы ни был Страж, одно было несомненно: парень все так же болен... быть может,

его положение даже ухудшилось! Его транс ничего не дал. Ему не удалось саморегенерироваться за один лунарий.

Ниже Типуссен увидел невероятную сцену. Стены замка уже практически не были каменными. Массивные каменные глыбы заменило затемненное стекло, из которого торчали черные скалы. Донжон видоизменялся.

Бешеное злорадство охватило цыпленка при виде сбегавшихся отовсюду тварей. Сейчас он утолит столь необходимую ему жажду мщения! Но радовался Типуссен недолго. Твари окружали кошачий силуэт, вцепившийся в остатки каменной кладки. Это была Лейла!

— Держись, крошка! — крикнул он. — Я иду к тебе!

Цыпленок расправил крылья, прыгнул в пустоту, отдался во власть силы притяжения и, выставив когти, приземлился на шею тигрицы, весьма гордый своей меткостью.

— Привет, лапка! — проговорил он. — Ты знаешь, что я рад тебя видеть?

И посмотрел на ряды направленных на них жал.

— Уходи, — прорычала тигрица.

— Конечно, но не один! Ты не хочешь со мной прогуляться?

И цыпленок сально усмехнулся. Тигрица поняла, чего он от нее ждет, и бросилась в пропасть. Цыпленок заменил ей парашют.

Пролетая над тварями, они почти касались их, но задержать их скорпионы не сумели.

— Сейчас разобьемся... — прошептала Лейла.

— Да нет, — хрипло сказал Типуссен, успокаивая ее, — я легко контролирую ситуацию!

На самом деле цыпленок удерживал подругу из последних сил. Он буквально разрывался, преодолевая крыльями сопротивление воздуха и удерживая тигрицу, тянущую его к земле. Неожиданно Типуссен почувствовал, что какой-то снаряд летит в него. Он отклонился... и увидел скорпиона-камикадзе, бросившегося на них и промахнувшегося на полшерстинки Лейлы.

Типуссен застыл. Если бы тварь настигла их, они никак не смогли бы защититься! Вдруг и второй скорпион попытал счастья. Пролетая мимо, он коснулся Посланников спиной и разбился так же, как и его предшественник. Прикосновение нарушило планирующий спуск цыпленка, и он с большим трудом сумел выправить направление движения.

Скрывая одышку, Типуссен попытался бодриться:

— Ты как там? Я так прямо кайфую!

Но, едва заметив обрамленное камнем и еще не закрытое стеклом окно, он взмахнул крыльями, чтобы подлететь к нему. Лейла вытянула лапы и вцепилась в подоконник. Типуссен спикировал в комнату, он едва дышал, все его тело свело судорогой. Зал Донжона, в который они попали, подходил на все остальные помещения, будучи серым и заваленным обломками.

Тигрица запрыгнула внутрь. Она тоже тяжело опустилась на пол подле стены. Задевшие их клешни скорпиона ободрали ей часть шкуры на позвоночнике. На спине Лейлы кровоточила живая рана.

— Я видела только что Атора... — сообщила она, задыхаясь. — Он... он умер... Я так и не поняла почему... Он хотел мне помочь, и... Вот...

— Атор? Умер? Тоже? Черт...

Типуссен повесил голову.

— Мы ведь с ним поругались тогда, вначале... — прошептал он. — Помнишь, когда я взлетел к нему на шлем, чтобы попасть в комнату Эльдера?

Цыпленок грустно улыбнулся.

— Недоволен он был тогда, бедняга... Кстати, помнишь первую фразу, которую я тебе сказал, когда ты вошла в зал Посланцев?

— Э-э... «Добро пожаловать в царство мертвых»?

— Точно, куколка! Хорошая у тебя память.

Тигрица с нежностью посмотрела на товарища, который спас ей жизнь самым невероятным способом — паря в воздухе.

— Это было вполне в твоём стиле, — проговорила она.

— И при этом я был прав! — твердо произнес Посланец. — Жармек мертв. Бесстрашная Мысль мертва. ЗззеннН мертв. Блэк мертв. Атор мертв. Страж исчез. Луны рассыпались в пыль. Остались только мы, и впечатление такое, что положение наше не из лучших.

— Тебя это не заводит? — ухмыльнулась Лейла.

Цыпленок потряс мускулистыми лапками и ответил:

— Нет. Да. И убивает, и заводит, ха-ха-ха!

Кто-то заслонил свет, падавший из окна. В проеме появилась тварь.

Две. Красная и черная.

— Черт! — выругался Типуссен. — К нам гости. Вот вечная проблема Крепости: две минутки нельзя посидеть спокойно!

И немедленно бросился на ярко-красного скорпиона, залезшего в комнату первым. Тот отпрянул. Цыпленок издал боевой клич («ЙИ-ЙАААА!») и, взмахивая крыльями, ринулся вперед, стараясь ухватиться за жало противника.

На этот раз Типуссен не пытался его оторвать. Он взялся за жало и начал раскручивать тварь над своей головой. Первые круги дались ему с трудом, потому что монстр был очень тяжел и вырывался. Но бешенство снова овладело Типуссеном. Он вращался всем телом с нарастающей скоростью, и вскоре Лейла уже не различала противников: они двигались слишком быстро. До того самого мгновения, как цыпленок отпустил скорпиона, который вылетел в окно. От места его приземления, многими метрами ниже, донеслось трескучее «кр-р-рак».

— Видела, куколка? — воскликнул цыпленок, восхищенный своей победой.

Лейла кивнула. И сама собралась в комок. Перед ней была черная тварь. Потрясающая. Типуссен ринулся на скорпиона, желая повторить свой подвиг. Тварь мгновенно обернулась, вонзила ему клешню в живот и снова воззрилась на тигрицу.

Цыпленок округлил глаза. Поднес лапку к груди. И понял, что никогда не поселится в большом курятнике, чтобы счаст-

ливо окончить там свои дни в компании с красивой курочкой. Кстати, он об этом никогда и не мечтал. Он просто знал, что тот лунарий, когда его посетит такая мысль, будет его последним лунарием.

Помимо воли Типуссена перед глазами его замелькали картины, берега его сознания застлало какое-то марево, каждая волна которого спешила накатиться и разбиться. В вихре пены по очереди вдруг затеснились воспоминания, веселые и ужасные: наметенные бурями голубовато-белые снежные пляжи, и вынесенная из той экспедиции уверенность, что смерть можно победить; первый убитый им десятиметровый таракан, подумать только, это казалось ему тогда достижением! простой таракан!; ожог от первого глотка домашнего ячменного пива, которое Бородыторчком с крайнего Севера варили по особому рецепту; страшное расследование, которое он вел в пустыне статуй, ну и история была в мире минералов, где камни, в качестве компенсации, занялись творчеством... чудный момент!; битва с ланьями-людоедами-хамелеонами, его самая гибельная и, быть может, самая трудная схватка; высокие травы в лесах Амазонки, прямо мука для парней нормального роста (то есть восемь сантиметров), но и преимущества там тоже были: какая лапочка была Птесифея и ее сестры... так и съел бы их!.. Видения громоздились друг на друга, и теперь из этой последней пенной метели странным образом выплывали какие-то ожидаемые глупости: бравирование тем, что он был изгнан со многих птичьих дворов; лица нескольких свеженьких красоток, ради которых он иногда даже украдкой мечтал бросить карьеру (черт знает что!); тяжесть слез, которые он не пролил и которые остались в нем укоризненным напоминанием о том, что порой он бывал карикатурой на себя самого; память о тех, кого он хотел забыть, о тех, чьи имена стерло время, о тех, кто находил его привлекательным уже тогда, когда о нем еще никто и не слыхивал; образ некоей голубой скорлупы, созерцание которой наполняло его гордостью; моменты, посвященные репетициям его знаменитого приветствия у серебряной Бочки (включая всем

известное влияние гузкой); волнение во время заката гранатовой луны, не из-за самого заката луны, это-то глупости, а из-за маленького рыжего цыпленка, который стоял рядом и восхищался последними минутами лунария; и, среди всех этих рокочущих бурунов, встреча с одной тигрицей...

Лейла тоже поняла, что произошло. Она забыла о своей ране. Об усталости. Шерсть ее встала дыбом. Она ринулась на тварь, ощерив клыки и выпустив когти. Ее гнев был так велик, что монстр *почувствовал*, что умрет. Самым сильным оружием скорпиона было не жало. С одной стороны, это был страх, который он внушал, с другой — жажда жизни, испытываемая его врагом. Но этот противник не боялся смерти. Он просто хотел убить, точка. И единственный вопрос, который возник у скорпиона, был следующим: успеет ли он умертвить тигрицу прежде, чем она убьет его?

Набирая силы для атаки, членистоногая тварь попятилась к окну, подняла жало... и Крепость задрожала. Завибрировала. Начала выгибаться. Каменная стена, выходившая к морю, рассыпалась на мелкие кусочки. Тигрица выпрямилась и издала оглушительное рычание. Скорпион отступил... в пропасть.

Кр-р-рак.

Стиснув зубы, тигрица вернулась к Типуссену. Тот посмотрел на нее взглядом, полным неожиданной нежности.

— Ты победила? — прошептал он.

Тигрица кивнула.

— Еще один, — просипел цыпленок, пытаясь улыбнуться. — Но у меня перья дыбом стоят... из-за того, что я так... глупо дал себя выпотрошить...

Тигрица склонилась над непобедимыми восемью сантиметрами. Типуссен схватился когтями за подушечку ее лапы.

— Спасибо... — проронил он устало.

Собрав последние силы, он прохрипел:

— Я всегда думал... Самое страшное, что может со мной произойти... это умереть в одиночестве... Потому что мы живем для того, чтобы погибнуть в бою... Но, когда всю жизнь прошел один, и закончить ее одному...

— Ты не один, — просто сказала Лейла.

Она могла бы добавить еще, что он не умрет. Что жизнь его не закончилась. Что она найдет Стража. Что тот спасет его. Что нужно продержаться еще немного. Но зачем? Они оба были профессионалами. Они знали, что их ждет. Цыпленку оставалось жить совсем недолго.

— Не уходи, пока... ладно? — прошептал он.

Тигрица отрицательно покачала головой. Говорить она не могла. У нее сразу потекли бы слезы.

Удар грома сотряс Донжон. Раздался скрежет. Яркость огня уменьшилась: перегородки из затемненного стекла вырвались на месте обрушившейся стены.

Восемь непобедимых сантиметров вздрогнули.

— Когда я тебя увидел... — прошептал он. — Да, как только ты вошла в зал... я подумал: жаль, что мы раньше не познакомились...

Он щелкнул клювом и издал подобие смешка.

— Хотя... на нас было бы ужасно смешно смотреть! Цыпленок и тигрица...

Лейла поневоле тоже улыбнулась.

Типуссен вздрогнул снова.

— Ладно, мне пора... — сказал он. — Будь здорова... Береги себя, лапочка... И не торопись познать прелести могилы, хорошо?

Цыпленок сжал подушечку лапы тигрицы. Потом из деликатности сам закрыл глаза, чтобы не заставлять даму заниматься подобными делами. «Хорошая была жизнь, клянусь скорлупой! — подумал он с последним проблеском сознания. — Короткая, правда, но хорошая».

И перестал думать.

Секретная столица

Эзоа проснулась. Мысли ее путались, а тело казалось невесомым, как кружевная салфеточка. Девочка находилась в комнате с белыми, показавшимися ей грустными стенами. У нее ничего не болело. Нигде. Даже рана на левой щеке чуть ниже скулы больше не терзала ее. Но при этом Эзоа мучило беспокойство. Не столько даже беспокойство, скорее, растерянность. Чувство потери. Утраты.

Маленькая девочка была одна в пустой комнате. Страх мешал ей кричать. И плакать. Она была слишком слаба, чтобы подняться. Слишком слаба, чтобы откинуть белые простыни с вышивкой по кайме. На мгновение Эзоа испугалась, что видела все страннodelки во сне. Уж не болеет ли она? Ее путешествие в Маллемир (и неважно, что слово «путешествие» недостаточно экспрессивно, поскольку ничего похожего на настоящее *путешествие*, в понятие которого входят море, скрип песка на полу номера, пончики на вечернем пляже, чуть в стороне от центральной площади, на которой какая-нибудь группа терзает последний шлягер, тут не было), быть может, просто бредовое видение, последствие высокой температуры?

Три вещи убедили девочку в обратном.

Во-первых, рядом с ней лежала ее модная сумка для чудес. Она, по крайней мере, девочке не приснилась.

Во-вторых, у нее была рассечена левая щека чуть ниже скулы. Это она тоже не придумала.

В-третьих, рядом не было никаких приборов, издающих звук «би-и-ип». Никаких коричневатых экранов с ползущей зеленой линией. Никаких аппаратов для переливания крови. Она сумела вынуть руки из-под простыни: никаких следов уколов. Она не была тяжело больна, поскольку не видела никаких признаков обычного медицинского ухода. Который, кстати, ей не помешал бы: чем больше она приходила в сознание, тем сильнее болела левая скула... и голова.

Эзоа окончательно проснулась, когда в комнату вошли два человека. Седовласая женщина с наколкой медсестры старинного образца на прическе и со шваброй в руках. На груди женщины девочка увидела значок с указанием ее должности: медсестра-уборщица. За ней шел мужчина с подносом. Он был одет в несколько эксцентричный костюм официанта: черные брюки, шикарный жилет с розовой искрой, галстук-бабочка с шевелящимися усиками — словно бабочка была живая. Странно, но на шее мужчины висел стетоскоп. Значок на жилете сообщал о том, что мужчина является «врачом-метрдетелем» («лучший бармен-фармацевт лунария 8764»).

Мужчина поставил свой поднос на столик на колесиках, который покатил перед собой. Широко улыбаясь, он сел рядом с девочкой и протянул ей розово-оранжевый стакан, содержимое которого шипело и пускало маленькие фейерверки. Медсестра-уборщица помогла врачу приподнять больную. Затем метрдетель поднес стакан к ее губам.

— Ну, Эзоа, тебе стало лучше? — спросил он после того, как девочка отпила глоток.

Эзоа подскочила. Это была не икота: ее изнутри переполняли пузырьки.

— Вот оно, действие Шипучки, напиток с совершенно натуральными пузырьками! — бодрым голосом произнес мужчина. — С Шипучкой всегда шипишь и пузыришься!

— А как... как вы узнали мое имя?

— Все знают твое имя, Эзоа!

- А Слади и Мадавана вы тоже знаете?
- Конечно!
- А где они?
- Рядом.
- А как они себя чувствуют?

Врач не ответил ей: вспышка молнии осветила белую комнату. Свет отразился на стенах. Зазвучали фанфары, и в комнату, ритмично хлопая в ладоши, вошел человек в костюме-тройке, но без галстука. Его значок говорил о том, что он «директор больницы — ведущий».

— Добро пожаловать к нам, вновь прибывшие друзья! — воскликнул он.

Голос человека в костюме срывался на визг. Никакого усилителя звука при нем не было видно, но говорил он так, как другие смеются: во весь голос. «Словно микрофон проглотил», — подумала девочка, еще слишком слабая, для того чтобы зажать себе уши.

Метрдотель дал ей выпить еще глоток Шипучки.

— Дамы и господа, зрители, МОИ зрители, — продолжал человек в костюме, адресуясь, казалось, к стенам. — Перед вами находится Эзоа, которая будет представлять новых игроков. Она прибыла в секретную столицу, в клетку, куда можно попасть, только если выкинешь больше ВОСЕМНАДЦАТИ очков, в клетку, где могут сбыться мечты. Внимание! Они *могут* сбыться! При одном условии...

Красные и зеленые пятна поскакали по комнате. Раздалась ужасающая фоновая музыка (похожая на симфонию в исполнении нескольких огромных пил, одновременно со скрежетом впивающихся в толстый ствол дерева). Врач угостил Эзоа еще несколькими глотками Шипучки. Девочка чувствовала себя все лучше и лучше.

— ...надо ИГРАТЬ! — на пронзительной ноте закончил директор-ведущий.

— ДА-А-А! — с энтузиазмом грянул хор.

Перегородки комнаты поднялись и исчезли. Эзоа очутилась уже не в комнате, а в просторном зале — «помещении для телевизионной съемки», — подумала страннodelьница.

На потолке мелькали разноцветные огоньки.

По окружности помещения стояли марионетки в черных с белыми фартуками костюмах официанток и механически хлопали в ладоши, движениями которых руководили подрагивающие нити. Марионетки были официантками-автоматами.

В глубине помещения находилось сияющее колесо, к которому вела дорожка, обозначенная смешными фонарями в форме толстеньких мишек, приветствовавших публику лапками.

Справа в углу обширного зала стояли две кровати, рядом с ними на полу лежала подстилка. Мадаван, Слади и маленькая зебра были без сознания.

— Они живы? — обратилась Эзоа к директору больницы.

— О, конечно! — поторопился ответить ведущий. — Мертвых не поднимешь!

— Но они не двигаются...

— Они в глубокой коме, — признал директор. — Надо скорей начинать игру, потому что про это состояние мало что известно. Если твоих друзей вовремя не привести в чувство, они могут скончаться.

Неподалеку от раненых поигрывали массивными дубинками крепкие черные фигуры. На значках у них было написано: «Охранники — артисты цирка». Рядом с ними стоял стол, за которым сидело пять человек в красных ливреях с золотыми пуговицами и красных же фуражках, это были «судьи-швейцары».

Директор-ведущий взял Эзоа за руку и повел по дорожке. Девочка шаталась. Ей было уже лучше, но врач-метрдетель дал ей, на всякий случай, выпить последний

глоток Шипучки, перед тем как она вышла из комнаты и оказалась в свете факелов.

Маленькая мексиканка хотела броситься к друзьям, ей показалось, что Слади испускает последний вздох. Но она зря волновалась: марокканец с брюшком просто храпел. Хотя Эзоа все равно захотелось проверить, нормально ли он дышит. Однако фонари, обозначающие дорожку, не пустили ее. Они стояли световой стеной на пути Эзоа.

— Чтобы СНОВА НАЙТИ своих друзей, надо повернуть КОЛЕСО судьбы! — объявил директор.

Девочка прислонилась к нему. Ей хотелось убить его. Но не было сил. Она проследовала за своим провожатым к колесу, которое стало вращаться от ее толчка. Как это ни удивительно, но автоматы хлопали в ладоши, чтобы ее подбодрить.

— Итак, что же выиграла наша симпатичная УЧАСТНИЦА? — сказал ведущий очень громким голосом. — Так... ух ты! Путешествие в реактивной пушке, в направлении по выбору, на одну персону! Поаплодируем Эзоа!

— ДА-А-А! — закричала публика с таким энтузиазмом, словно это было самое чудесное из того, что с ними случилось за все время после того, как они сошли с конвейера.

Картонный билет-рецепт слетел с потолка и упал в руки девочки. Справа на сцене, в противоположном конце от Садавана и Слади, появилась реактивная пушка.

— Великолепный результат, Эзоа, но что вы выбираете? — осведомился директор-ведущий. — Квит или удвоенную ставку?

Девочка колебалась. Она могла вернуться домой. Она соскучилась по родителям. Она часто упрекала их за то, что их вечно нет дома, и сама же бросила их так надолго! Только вот заметили ли они это? Сколько времени прошло на Земле с момента ее исчезновения? На самом деле девочке было неважно, соответствуют ли лунарии Маллемира земным дням, ведь запоминаешь лишь те периоды времени, которые ты прожил, прочувствовал, те отрезки, в кото-

рые секунда иногда может казаться целым годом, а год — одной секундой. У нее было впечатление, что она очень давно покинула Испанию.

И потом, ей хочется уже мастерить что-либо, просто для удовольствия, а не по необходимости. Ее странноделки на Земле действуют не так хорошо? Спасибо, она сама это знает. И это ее не волнует. Она может оставить зрелищные эффекты для зрителей без воображения. Ей надоело рисковать жизнью. Избегать сложных ловушек, спастись от тупых и прожорливых тварей, догонять сошедшего с ума Стража... Чем больше Эзоа размышляла, тем сильнее ей хотелось вернуться домой.

Но она не могла бросить друзей. Она была необходима Мадавану и Слади, которых нужно выводить из комы.

Девочка на секунду подумала, что следует сначала найти Эльдера, а затем вернуться в секретную столицу. И отказалась от этой мысли. Если дети не будут все вместе, встреча с Эльдером станет бессмысленной. Она чувствовала, что они продвигаются вперед сквозь миры только потому, что действуют сообща. Даже эта ломака, как там ее зовут, которая мало что сделала, была, тем не менее, не совсем бесполезна. Если Эзоа предстанет перед Стражем в одиночестве, скорей всего, миры ей спасти не удастся... и свою жизнь, следовательно, тоже.

— Удвоенная ставка, — решила маленькая мексиканка.

И толкнула колесо, которое долго крутилось, прежде чем остановиться на...

— Ооооо, какая необыкновенная удача! — надсаживая горло, закричал ведущий. — Мы на делении ТРОЙНОЕ выздоровление, Эзоа!

— Да-а-а! — взревела публика.

— На этом делении вы можете получить три выздоровления, потому что оно тройное! То есть вас ждут три испытания. Если вы справитесь с первым, вы сохраняете право на путешествие, и один человек по вашему выбору выздоравливает, выздоровление вам оставляется, что бы там

далее ни произошло. Если вы не пройдете испытание, вы потеряете право на путешествие, и тут ваша судьба и определится. Договорились?

— Да-а-а! — не унималась публика.

Директор больницы продолжал:

— Отлично! Эзоа, первое задание: лучший коктейль!

— Да-а-а!

Маленькая мексиканка, которая не очень хорошо себя чувствовала, вздохнула и выслушала объяснения, которые давал ей директор, ведя ее к судейскому столу. Перед ним появились две цинковые мини-стойки. На них находились бутылки без этикеток и шейкер для смешивания ингредиентов.

За одной из мини-стоек стоял врач-метрдетель.

— Желаю удачи, Эзоа! — сказал он своей пациентке.

Он казался совершенно искренним.

Судьи же, напротив, вели себя так же дружелюбно, как стадо двухголовых гиппопотамов, заведших легкую добычу после вынужденной голодовки. Лица у них были очень недовольные, они барабанили пальцами по столу, томились скукой и периодически бросали на Эзоа унылые взгляды. Им было ясно, что игра проиграна заранее.

Руки метрдотеля пришли в движение. Они отбирали одни бутылки. Отодвигали в сторону другие. Некоторые бутылки откупоривали. Поднимались в воздух, требуя аплодисментов публики. Действовали с чарующей точностью. Эзоа усилием воли оторвалась от этого спектакля и сама тоже перешла к действию.

Она выбрала самые красивые и яркие бутылки. Налила в шейкер желтую и красную жидкости, добавила капельку синей. Перемешала. Открыла емкость и посмотрела внутрь. Содержимое оказалось серого цвета. Оно пахло рыбой и сгнившими фруктами. Оно было отвратительным.

А зрители тем временем оглушительно аплодировали «Солнцу вечности», коктейлю, который метрдотель сделал в рекордные сроки. Результатом его усилий явилась яркая

радуга плывущих и покачивающихся цветов. Если металлический шейкер трясли, коктейль шипел, а когда над ним открывали крышечку, он распространял свежий аромат тропической лагуны и лимонной лаванды.

Эзоа быстро добавила в свой шейкер красного и оранжевого, потрясла, открыла. Содержимое было по-прежнему серым. И по-прежнему омерзительным. Ей не хватило смелости проверить, был ли вкус смеси столь же противным, как и внешний вид. Она старалась без толку, талант бармена у нее отсутствовал. Напрочь. Девочка незаметно сунула руку в модную сумку. Что там найдется для спасения ситуации?

Некоторое время она шарил в сумке безрезультатно. Там ничего не было для коктейля. А потом дзынькалка бумкнула.

Сначала Эзоа добавила в шейкер несколько капель из флакона, украденного у спасателя ипподрома. Надо было постараться избежать, по крайней мере, в некоторой степени, вторичного эффекта снадобья, хотя девочка надеялась, что малое его количество существенно не изменит состав коктейля. Затем девочка плотно занялась шейкером. Она зафиксировала крышечку, прибив ее края подковой, проковыряла в ней отверстие обломком шпаги, оторвала кусочек пришитого к сумке квадрата, изображавшего некую совершенно горизонтальную кривую диагональ, сделала из него модный фильтр, который прикрепила над дырочкой, проткнула фильтр соломинкой (из настоящей соломы), прихваченной в тюрьме, и с уверенным видом представила на суд свое творение.

— Коктейль называется «Сероватая штука девятнадцать», — объявила она.

— Почему девятнадцать? — спросил один из судей, почесывая красную фуражку.

— А почему у вас розовая кожа? — ответила вопросом на вопрос Эзоа, недовольная отсутствием всяческого уважения.

— Ну... я... я...

— Вот видите! Розовое ни почему! Ну, так же и девятнадцать.

— Совершенно верно, извините, — признал судья. — Мой вопрос был дурацким: великие артисты не должны объяснять свои творения...

— Мне нравится оригинальная работа с шейкером, — произнес второй швейцар. — В коктейле подача так же важна, как и эффект опьянения.

Он склонился над шейкером и хотел открыть его.

— Нет! — остановила его страннодельница. — Коктейль пьется с закрытой крышкой и через соломинку, пожалуйста.

— Интересный ход, — пробормотал третий судья. — Так возникает ощущение того, что ты пьешь металл, а не жидкость, поскольку ты не видишь то, что попадает тебе в рот.

— А на название вы обратили внимание? — настаивал первый судья. Скромность, доходящая до провокации...

— Это уже было, — проворчал четвертый судья. — Видели мы уже эти «новшества» тысячу раз. Я думаю, что самое главное — это содержимое!

Он поднес соломинку к губам. Эзоа похолодела, когда судья сделал глоток. Швейцар похлопал ресницами. Посинел. Подпрыгнул. Упал на пол. И лежа закричал:

— Торжествуяще! Легендарно! Это культовый коктейль!

И издал долгий вопль «БРАВОOOOOOOO!!!».

— Попахивает кумовством, — заметил судья, который до этого еще ничего не говорил.

И в свою очередь рискнул попробовать «Сероватую штуку девятнадцать».

— А-а-а-ах! — выдохнул он, бросаясь к ногам Эзоа. — Гениально! Можно я поцелую вам ноги?

— Нет, спасибо! — ответила девочка, отпрыгивая назад.

— Вы правы, я этого недостоин!

И судья начал долбить головой дыру в полу сценической площадки: он был в том состоянии, когда целого мира мало, чтобы вместить твое счастье. Он должен был раздвинуть границы вселенной и поселить в ней свою радость от вкушения сероватой штуки девятнадцать.

— Так, ну, что? — девочка нетерпеливо обернулась в директору-ведущему. — Я выиграла или как?

— Что скажут судьи? — осведомился тот.

Те из судей, кто еще мог говорить (их было трое), переглянулись и объявили Эзоа победительницей.

— Вы не будете пробовать? — удивился ведущий.

— Э-э... мы попробовали глоточек, — первый судья бросил взгляд на своих коллег, буквально сходявших с ума от радости.

— Эзоа выиграла ОДНО выздоровление! — объявил директор больницы.

— Да-а-а! — тут же закричала публика.

— Отличная игра, — сказал врач-метрдолитель, подходя для того, чтобы прослушать Эзоа.

Видимо, так он обнимал людей.

— Риск был оправдан, — заключил он, покидая площадку (под аплодисменты зрителей, естественно).

Рядом с судьями, под охраной трех черных теней, по-прежнему лежали три тела. Но одно из них начало шевелиться. Слади двигал правой рукой. Он выздоровел!

— Второе испытание, — продолжал ведущий. — Это игра в ни да, ни нет. Нельзя говорить ни да, ни нет, Эзоа. Понятно?

— Понятно, — ответила девочка.

— Выиграла-а-а-а-а! — вскинул руки директор больницы.

Публика закричала во всю силу легких:

— Да-а-а-а!

— Да ладно, — ухмыльнулась Эзоа, — успокойтесь вы, это было совсем простое задание...

И увидела, как маленький индеец поднимается.

— Мадаван! — закричала она. — Ура-ура!

Мальчик удивленно помахал ей рукой. Он был одет в ночную рубашку с надписью, прославлявшей некоего Шарля. Ткань ее была истерта до основания. Краски рисунка казались выцветшими от бесчисленных стирок, впрочем, можно было различить июльское солнце и старое пианино, из которого вылетали нотные значки.

Заметила Эзоа и медленно встававшего Слади. Ее друзья выздоровели! Им оставалось лишь вырваться из этой мерзкой больницы, и они снова начнут поиски Эльдера... Однако пора было уже поторапливаться, потому что судьи продолжали толпиться вокруг ее шейкера. Они хотели посмотреть на его содержимое. Когда они поймут, что их одурачили, что то, что показалось им боже-е-ественным, является всего лишь вонючей серой жижей, ситуация может осложниться! Страннодельница не была уверена в том, что имела право использовать соломинку-фильтр с ретро-обратным ароматическим эффектом. Но странноделка оказалась полезной: она придавала питью вкус настолько же восхитительный, насколько истинный вкус проглатываемого напитка был невыносим.

— Ты продвигаешься вперед, Эзоа! — заметил ведущий. — Ты выиграла ПУТЕШЕСТВИЕ в пушке на одну персону и направление по твоему ВЫБОРУ. Покажи билет публике!

Девочка помахала большой гибкой картонкой, которую она забрала с мини-стойки.

— Да-а-а! — взорвались зрители.

— Также ты вылечила двоих из твоих коллег. Мы даем тебе шанс помочь еще и зебре. Для этого ты должна ответить на ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ вопрос. Ты готова к вспоможениям, Эзоа?

Девочка не знала, что такое «вспоможения». Свен, наверное, смог бы ей подсказать (хотя с ним трудно что-то гарантировать заранее, подумала она с улыбкой). Было ли у этого слова одно значение? Наплевать. Девочка ограни-

чилась кивком. Она была готова сделать практически все для того, чтобы дзынькалка бумкнула.

— Поаплодируем нашей симпатичной УЧАСТНИЦЕ! — с энтузиазмом призвал ведущий зрителей.

— Да-а-а! — закричали те.

— Вспомогательный вопрос... это... Внимание, тут нужно сосредоточиться... Какое второе имя крестной Эльдера?

Эзоа застыла с открытым ртом. Как могла она *это* знать?

— Я повторяю: какое второе (то есть не первое, естественно) имя — я произношу четко, — имя КРЕСТНОЙ Эльдера? Напоминаю вам о том, что у вас есть еще две подсказки: помощь ДРУГА и помощь ЗАЛА.

— Да-а-а! — сотрясли воздух зрители.

Девочка подумала и решила.

— Я прошу помощи зала, — объявила она.

— Да-а-а!

— Итак, зрители, *мои* зрители, какое второе имя крестной Эльдера? — спросил ведущий.

— Ха-ха! — ответили хором автоматы.

— Что? — изумилась маленькая мексиканка.

— «Ха-ха» ваш окончательный ответ? — осведомился директор больницы.

— Да-а-а! — подтвердили зрители.

— Какая жалость, — сокрушенно сказал ведущий. — Это неправильный ответ!

— У-у-у-у! — загудели зрители.

Эзоа кипела от ярости.

— Увы, Эзоа, — произнес ведущий. — Публика может реагировать только тремя способами: произнося «ха-ха», «у-у-у-у» и «да-а-а». Сами знаете, от зрителей телевизионных игр многого требовать не приходится... Хочу, тем не менее, вас предостеречь: ни один из этих ответов не является вторым именем крестной Эльдера. Попробуем помощь друга?

— Ну... да, хотя если все будет так же, то это бесполезно, — проговорила страннodelьница.

— Ну, вот! Выбирайте друга!

Маленькая мексиканка обернулась к Слади и Мадавану, которых черные фигуры удерживали рядом с их кроватями. Рассчитывать на них бессмысленно. На этот счет у мальчиков информации не больше, чем у нее самой. И она вовсе не хочет принизить их способности. Просто такое никто, кроме Эльдера, знать не может!

Вдруг девочка затаила дыхание. Ей в голову пришла идея.

— Назовите друга, которого вы выбрали, — потребовал директор. — Затем мы свяжемся с ним видеопатически.

— Как?

— Видеопатически. Ну, это как телепатия, только с изображением. Психотехнологии не стоят на месте!

Эта новость обрадовала публику, которая выкрикнула свое любимое «Да-а-а!».

— Итак, кого вы решили позвать на помощь? — спросил ведущий.

Эзоа хотела ответить, но у нее закружилась голова. Серый туман, застилавший ей глаза на подступах к Эдамнции, снова сковал мозг. Он попытался окутать ее сознание и заглушить ее слова.

Девочка внутренне собралась. Ее воля напряглась. Ее разум бросился на туман, для того чтобы разорвать его. Серая дымка рассеялась, оставив после себя смертельную головную боль.

Эзоа закрыла глаза. Вдохнула воздуха. И решилась объявить свой выбор.

— Эльдер, — выдохнула она.

Зыбучий мрамор

— **Д**а сделайте же что-нибудь! — визжала Мей Йонг, подняв высоко над головой компьютер.

Лиана-лифт забросила ее в комнату, где девочка никак не могла удержаться на ногах. Потому что пол был слишком скользким. Этот мрамор становился каким-то катком для тех, кто не грубо топчет землю, а передвигается по ней *ласкающей невесомой* походкой. Просто ходить босыми (и грязными) ногами уже было для маленькой китаянки мукой... Ну а то, что она еще и шлепалась на землю на каждом шагу только оттого, что грациозна, раздражало ее сверх всякой меры. Да и безразличие Свена ее огорчало.

Он был тоже катапультирован растительным лифтом. И тоже проехался по безупречному полу. Натолкнулся на стену. Затормозил. Отъехал на середину комнаты, где и остался лежать, заложив руки под голову и погрузившись в созерцание. Потому что для него любое зрелище — это повествование. Даже мраморные стены *говорят* с теми, кто умеет их слушать.

Маленький швед знал, что люди строят дома по своему образу и подобию. Так, потолок почти десятиметровой высоты прямо заявлял о непомерных амбициях своего хозяина. Просторность зала со сливового цвета стенами намекала на жажду величия. Гладкий скользкий пол говорил о том, что постройка завершена недавно. Пустота помещения была многозначной. Оно могло оказаться, например,

будущим стадионом для борьбы между Группосумо. Кроме того, Свен мог очутиться и в зоне деятельности гигантского монстра (типа Сикофантуса Мякишонуса), которому необходимы очень, очень большие пространства для движения. А может быть, здание такое новое потому, что владельцы еще не успели в него заселиться.

Но мыслителю свойственно упорядочивать свое удивление. Что и проделал Свен, сформулировав вопросы. Прежде всего, что же за субъект мог обладать таким домом в Маллемире? Затем, почему лиана-лифт привезла детей именно сюда? Как Свен попал в помещение? В полу не видно отверстий. Входа снаружи тоже нет. Быть может, вместо того, чтобы падать из одного мира в другой, как это было раньше, он телепортировался? И на что же, кстати, похож этот новый мир? Попал ли Свен в мир необъятности, другими словами, относительности (потому что размер, думал красавчик швед, не существует сам по себе, он не существует отдельно от мира, то есть он состоит в связи с другими величинами: так этот дом, гигантский по сравнению с собачьей конурой, всего лишь песчинка по сравнению с небоскребом)?

Мальчик приободрился, убедившись в том, что его способность к рассуждениям не пострадала, доказательством чего стало отсутствие четкого ответа на поставленные вопросы, что станет великолепным подспорьем в разрешении грядущих проблем. Он приподнялся на локте.

Свернувшаяся в клубок Джой беспрерывно наезжала на стены. Маленькая американка отмечала завершение каждого маршрута веселым «БУМ!». Разогнавшись как следует, она увеличила скорость, вдруг взлетела под потолок комнаты, исполнила в воздухе пируэт и крикнула:

— Йес, классный шутка!

И упала на руки. Затормозила ладонями. Остановилась рядом с мраморной колонной и, улыбаясь, огляделась по сторонам.

Сумрачный свет заполнял комнату. Он шел от внешней стены из затемненного стекла. Свен, крадучись, приблизился к огромному оконному проему. Он не видел ничего, вернее, видел ничего. Большое ничего. Бескрайнюю пустоту. Несомненно, это было небо.

— Мы, наверное, находимся на верхних этажах здания, — предположил он.

— Крепости, — произнесла Мей Йонг недовольным голосом.

— Как ты сказала?

— Это здание — Крепость.

— Крепость Эльдера?

— Ты что, много крепостей в окрестностях видел? Естественно, Крепость Максипулпусса, иначе говоря, Стража миров!

— Но мы же прошли только пять миров! Я думал, надо посетить семь миров, прежде чем попадешь сюда...

— Тебе сказали, что существует семь миров, — возразила программистка. — Но не говорили, что надо их все пройти, для того чтобы достичь цели. Посмотри!

Свен подошел к Мей Йонг, усевшейся посреди комнаты с включенным компьютером. Пушечное ядро налетело на него на полпути: Джой попыталась (неудачно) выполнить упражнение из скоростного фигурного катания.

— Мне очень жаль... — сказала она Свену, уезжая к противоположной стене. — Я бежала и БУМ!

На лице маленькой американки лиловели два синяка, правый локоть был свезен, но она хлопала в ладоши и хохотала. Ее смех повторялся под сводами до бесконечности, каждое новое эхо словно рождало еще одно отражение звука. Девочка сияла красотой. Сумерки казались бархатом, оттеняющим ее огненные волосы.

— Никакой проблем! — сказал мальчик, пытаясь разговаривать так же, как и его подруга. — Это спорт!

— Спорт? — удивилась девочка. — Спорта?

— Спорта-а-а! — воскликнули Джой и Свен хором.

— Так, моя модель вас не интересует? — спросила Мей Йонг, с раздражением замечая, что ее новая подруга шутит с этим ничтожеством.

— А ты не хочешь пойти на разведка? — предложила маленькая американка.

— Я не Индиана Джонс! — заявила программистка. — Я предпочитаю создавать модели.

— А мы любим жить настоящей жизнью! — заметил Свен.

Он взял за руку Джой, сделал несколько шагов для разбега и увлек ее в долгое скольжение... до порога комнаты.

Мей Йонг даже не посмотрела на них. Она оставалась занятой своим компьютером. Лицо программистки выражало неподдельный интерес к тому, что она моделировала. Маленькая китайка показывала пальцем на какие-то точки на экране... которых не видела. По лицу ее текли слезы. Ее новая лучшая подруга увлеклась самым утомительным шведом миров. Бедняжка не осмелилась противоречить ему. И бросила маленькую китайку, словно самый последний байт на жестком диске или ненужную папку на флешке.

— Мей, иди посмотри! — крикнула ей Джой. — Потрясающе!

Программистка вытерла лицо: щеки, глаза, нос. Она поняла Джой. Та не хотела терпеть Свена в одиночестве. Резким движением Мей Йонг захлопнула компьютер и, делая осторожные шаги, направилась к сладкой парочке.

Маленькая американка не преувеличивала. Комната, в которую зашла программистка, была удивительной. Она была такой же большой и высокой, как та, которую они покинули, но не была пустой: комнату заполняли лестницы. Лестницы самой разной формы были повсюду. Винтовые лестницы, свисающие с потолка. Лестницы, у которых не было ступеней (только одни перила). Головокружительные лестницы с двумя ступенями по пять метров высоты. Обычные на вид лестницы, но ведущие либо в пустоту, ли-

бо упирающиеся в стену. Лестницы каменные, деревянные, металлические, разного цвета, но все с каким-нибудь непременным недостатком, делающим передвижение по ним невозможным: будь то материал, по которому нельзя ходить, недостающие ступени или неправильное направление (некоторые лестницы даже можно было бы использовать, если бы развернуть их на четверть оборота)...

— Слади с ума бы сошел от радости! — сказал Свен, оглядываясь по сторонам.

— Кто это? — спросила Джой. — С ума от кто?

— Слади — это друг, который любит коллекционировать, — пояснил ей маленький швед. — Он стал специалистом по разным сортам Викингов.

— Очень интересная! — кивнула маленькая американка.

И ринулась на приступ лестницы, ступени которой были вывернуты задом наперед. Идеальной для того, у кого имеются присоски... или для получения новых ссадин!

При этом Джой совершенно не нравилось раниться. Когда ей было больно, она *действительно* чувствовала боль! Но она считала это необходимостью. Она доказывала, что границы можно раздвинуть. Что можно дойти до максимума своих возможностей. Что можно превысить их. Что и было ее принципом. Всегда пытаться зайти как можно дальше, стараясь все-таки не заходить слишком далеко. Сорвиголова полагала, что у человека есть два врага: рутина и ее последствие — скука.

Мей Йонг и Свен остановились, чтобы полюбоваться своей подругой, начавшей невозможное восхождение. Вдруг альпинистка сорвалась. Маленький швед рванулся, чтобы поймать Джой. Он подхватил ее в свои объятия, о радость... и упал на пол вместе с ней.

— А я полагала, что ты чересчур накачанный, — иронически произнесла Мей Йонг, не шевельнувшая и пальцем.

— Это неудачный захват, а не недостаток мускулатуры, — пробурчал мальчик, массируя себе низ спины.

Он снова заулыбался, когда Джой помогла ему встать и дружески хлопнула ладонью по его ладони. Мальчик почувствовал, что между ними возникает какая-то тайная связь, только между ними двоими. А это стоит нескольких синяков.

Широко раскрыв глаза, дети стали обходить комнату. Ну и чужак был этот коллекционер лестниц!

— Почему Эльдер собирала лестницы? — громко спросила Джой.

— Ты хочешь сказать: почему *Максипуллусс* коллекционировал лестницы? — поправила ее Мей Йонг.

— Ну да, whatever...

— Эй, смотрите на меня! — закричал Свен. — Смотрите на меня!

Он уцепился за гладкие и сильно наклоненные ступени подвешенной в воздухе лестницы. Высвободил правую руку, чтобы поприветствовать публику, но в этот момент раздался какой-то рокот. Прогремел удар грома. Стены задрожали. Потеряв равновесие, Свен расцарапал лицо, откатился на несколько метров от своего гимнастического снаряда и больно ударился, но все это не имело никакого значения: Джой восхитилась им, показав большой палец. Она уже собиралась последовать его примеру, как висящая в воздухе лестница сорвалась. Упала. И разбилась вдребезги со страшным грохотом. А пол словно всосал в себя ее обломки.

Раздались чмокающие звуки. Тут только дети увидели, что массивная лестница (десятиметровой высоты, с двумя ступенями) начинает исчезать. Они вздрогнули от ужаса. Они попали в зал с зыбучим мраморным полом, который решил поглотить все, что загромождало комнату. Надо было бежать, пока их самих тоже не засосало.

Свен и Джой бросились к выходу.

— Да сделайте же что-нибудь! — закричала Мей Йонг, не поспевая за ними.

И в отчаянии остановилась с недовольной миной. И вдруг почувствовала, как пол тает у нее под ногами. Маленькая китаянка погрузилась в мрамор на несколько сантиметров. А камень вокруг ее ног снова затвердел. Программистка застряла, и мраморная пучина собиралась поглотить ее.

Мей Йонг издала вопль. Она уже не пыталась бежать. Паника помрачила ее рассудок. Она не видела окружающего мира. Она окунулась в удушающий космос своего ужаса. Она топала ногами и не помышляла о бегстве. Она изнемогала. Не самый удачный момент, скажете вы? Да, не всегда выбираешь время, когда у тебя опускаются руки. Силы ее кончились. Она ничего больше не могла. Ни бежать. Ни быть некрасивой. Ни подвергаться опасности и преследованиям. Ни ощущать свое одиночество.

Неожиданно она почувствовала, как что-то обвивается вокруг ее талии и вытягивает ее на поверхность. Она устремилась вверх. Налетела на лестницу. Покатилась по почти мягкому, расплавившемуся мрамору.

Над ней склонилась Джой. Маленькая американка расхохоталась, увидев, что подруга открыла глаза.

— Ух ты! — воскликнула Джой. — Еще бы чуть-чуть! И мрамора тебя бы слопал! Не очень-то веселенький смерть...

Девочка с исцарапанным лицом развязала растительное лассо, которое она накинула на талию Мей Йонг. Джой смастерила его из обрывка лианы-лифта, оторванного перед прибытием в Крепость.

Программистка была слишком потрясена, чтобы поблагодарить свою спасительницу за то, что она сделала «что-нибудь». Мей Йонг подняла глаза вверх. На потолке помещения явственно выделялись балки. Дети очутились в гигантской библиотеке, разделенной на этажи.

На первом уровне на дубовом паркете стояли несколько шкафов и письменные столы. В центре зала поднималась вверх разделенная надвое винтовая лестница. Каждый про-

лет лестницы уходил на второй этаж, где десятки тысяч книг размещались на примыкающих к стенам полках. Большинство книг представляли собой толстые тома в обтрепанных кожаных переплетах, но встречались среди них и просто пожелтевшие листы, скрепленные чем-то вроде бечевки; в одном углу были видны свитки, которые издаleка казались не то папирусами, не то свернутыми архитектурными чертежами. Вдоль полок стояли за ограждением наклонные пюпитры. Третий уровень был балконом с коваными перилами, железной короной венчавшими зал в двадцати метрах от пола. На такой высоте уже невозможно было различить, что же там находится.

Мей Йонг комната показалась старомодной. «Тот, кто ее обставил, был не самым продвинутым парнем! — подумала она. — Словно библиотека античных времен или девятнадцатого века!»

Джой была удивлена. Библиотек — нет, как там это называется? книготек, так? — не очень сочетался с большой залом и музеей лестниц. Казалось, все помещения Крепости были перепутаны.

Свен тоже потерял дар речи. Открыв рот, он издавал какие-то нечленораздельные звуки, выражавшие его изумление.

Он познал прелести Интернета. Его влекла изящная строгость искусства дзен, его отец как-то раз даже принес ему японское карликовое дерево со стройки. Фэн-шуй и необходимость давать пространству дышать, позволяя энергии двигаться во избежание застаивания отрицательных волн? Свен хорошо разбирался в этом. Тем не менее, если с возрастом он разбогатеет, то купит себе поместье, там по парку будет гулять лань, в бассейне будут резвиться ручные акулы, а в самом замке будут только библиотеки. Везде. Его маленькая крепость будет построена в форме звезды. Огромная библиотека в центральном зале, а вокруг — специализированные библиотеки.

Послышался гул. Пол заколебался, и тело Свена — вместе с ним. Маленький швед почувствовал, как что-то ударило его. Отбросило. Но он, закрыв глаза, цеплялся за свою мечту. Он видел полки из пластика «под дерево», уставленные пожелтевшими томиками карманного формата, и грубые дубовые полки с редкими ценными экземплярами, первыми изданиями, с первопечатными книгами. Коллекционеры всего мира будут приезжать с визитом к эрудированному, знаменитому своим чувством юмора библиофилу, которым он станет.

— Свен! — услышал мальчик чей-то голос.

Он решил не обращать на это внимания, поскольку на его замок опускался вечер. Огонь потрескивал в камине центрального зала. Друзья-знатоки беседовали. Они употребляли восхитительно сложные слова. Порой они позволяли себе шутки, преисполненные тонкой игры слов, намеков, понятных лишь посвященным, цитировали непризнанных писателей. Утонув в клубных креслах полного книг курительного кабинета, озаренные мягким светом солнца, спрятавшегося за верхушку эвкалипта, они дымили сигарами и цедили красное вино, обсуждая изысканный букет напитка (в винных и сигарных погребах Свена тоже находились книги, на тот случай, если ему, во время созерцания своего вина драгоценных урожаев, вдруг захочется что-нибудь почитать).

— СВЕН!

Сквозь стеклянную стену они наблюдали, как опускаются сумерки на верхушки строевого леса, «сумерки, чудесные сумерки!», как сказал бы Курт Шекспир. Чувство покоя...

— СВЕН!

БУМ! Мальчик открыл глаза. Рядом с ним грохнулась балка. Джой спасла ему жизнь, откатив его в сторону. Библиотека разваливалась на куски. Потолок рассыпался.

— Надо спасать книги! — закричал мальчик, выпучив глаза.

Он хотел бежать к полкам. Маленькая американка преградила ему путь.

— Надо спасать мы! — возразила она со своей обычной улыбкой.

— Нет, книги важнее! — запротестовал красавец швед с взъерошенными волосами. — Мы — только пыль по сравнению с ними...

Он начал обходить Джой, но та одной левой заломила мальчику руки за спину, а правой отвесила ему пару оплеух.

— Ты не в нормальной состоянии, Свен! — крикнула она. — Надо быстро удирать...

БАМ! Лестница, ведущая на верх библиотеки, взорвалась: из дыры в потолке, словно пушечные ядра, на детей посыпались блоки серого камня.

— Да сделайте же что-нибудь, наконец! — стонала засыпанная обломками Мей Йонг.

— Книги... — бормотал Свен, глядя на разрушения. — Мы не можем их бросить...

— Нет, можем! — отрезала Джой.

Она взяла мальчика и маленькую китаянку за руки. В этот миг взрыв потряс третий этаж, и огромный книжный шкаф упал на перила балюстрады.

Сначала из него на детей градом посыпались тяжелые тома в кожаных переплетах. Защищая голову руками, маленькая американка лихорадочно соображала, что же сказала бы в этом случае ее бабушка. Вопли и жалобы Мей Йонг мешали Джой сосредоточиться.

А когда Джой глянула на третий этаж, с которого шел ливень, она заметила, что надвигается самое страшное.

— Шкаф сейчас упадет! — закричал Свен, стоя на коленях в море книг.

— Сделайте же что-нибудь! — причитала Мей Йонг. — Я вас умоляю! Скорее!

Книга упала на голову программистке и заставила ее замолчать.

Огромный шкаф медленно перевешивался через кованые перила. Они были такой тяжелой, что двигался, казалось, с трудом. Джой хотела воспользоваться этим, чтобы вместе со своими друзьями отбежать как можно дальше. Но это было невозможно: дождь из толстых томов преграждал им путь.

Перила со зловещим треском сломались, и шкаф упал.

Джой не успела испугаться. Плотная стена чертополоха выросла из земли и остановила падение шкафа. Деревянный монстр так и остался висеть в усеянных колючками ветвях. Древесные стебли образовали прозрачный шахматный узор, сквозь который был виден уже безопасный пузатый дубовый гигант.

Наступила тишина, нарушаемая лишь дальним ворчанием грома.

Трое детей переглянулись, потрясенные.

— Куст чертополоха Марии, — прошептала маленькая американка, рассматривая ветки, покрытые листьями с белыми крапинками, колючками и крупными цветами. — *Amazing!*

— Это... это ты сделала? — спросила Мей Йонг у подруги.

Та покачала головой.

— Может быть, Эльдер? — предположила она.

Свен сжимал в руках какую-то книгу. Но глаза его были прикованы к нависавшей над ним стене кустарника. Мальчик понимал, что избежал страшной и величественной смерти. Но каким чудом? Неужели Страж миров действительно решил их спасти?

Красавец швед посмотрел на сотни томов, усыпавших пол вокруг него. Ответ на все его вопросы, несомненно, находится в книгах. Но в *какой* из них? и на какой странице? Том в его руках был трактатом по архитектуре, где рассматривались вопросы контекстуализации света в жилом пространстве. Страшно интересно и совершенно бесполезно.

— Свен... Джой... — прошептала Мей Йонг. — Мне кажется, тут кто-то есть...

Дети повернули головы туда, куда показывала девочка. На пороге комнаты, в которой прекратился книжный дождь, стоял чернокожий лысый мальчик и, скрестив руки на груди, молча смотрел на незнакомцев.

— Эй! — закричала маленькая американка, приходя в восторг. — Добро пожаловать среди мы! Меня зовут Джой, вот Свен и Мей Йонг. А как насчет ты?

Свен заметил, что акцент рыжей красавицы как будто усиливался. Засунув книгу под мышку, он подошел к мальчику и протянул руку.

Лысый мальчик не улыбался. Он ограничился тем, что открыл рот и зашевелил губами.

— Что он говорит? — спросила Джой. — Я ничего не слышу!

— Он говорит на языке тишины, — объявил Свен.

— Ты хочешь сказать, что он немой? — Мей Йонг выгнула брови.

— Вовсе нет! Он говорит, но в тишине.

— А что он говорит? — настаивала маленькая американка.

Красавец блондин покраснел.

— Ну-у... Он для меня говорит несколько быстро... Какая-то история с каким-то зверем... Мешать, быть может, или лежать... Не знаю... Бежать... Вот, надо бежать...

— Бежать *как*? — поинтересовалась Джой.

Мей Йонг усмехнулась.

— Он слишком маленький, он не может нам помочь! Подожди, я сейчас создам модель...

Программистка села на стопку книг и открыла компьютер. Тут лысый мальчик бросился к ней и потащил к выходу, невзирая на ее сопротивление. Когда Свен захотел вмешаться, новенький показал ему на появляющиеся в стене кустарника прогалины.

В противоположном конце комнаты какие-то мощные секаторы резали толщу чертополоха. Появилась плоская голова. За ней — сверкающее тело. Ярко-сливового цвета. Впечатление было сильным.

Это был зверь, о котором говорил незнакомец. Двухметровой длины скорпион проделал себе проход в стене чертополоха и теперь пристально смотрел на детей.

Свен понял безмолвное послание. Надо было бежать, если было еще не поздно...

Кровавая улыбка

Озадаченный директор-ведущий переспросил:
— ЭЛЬДЕР? Вы... вы уверены, Эзоа?

— Абсолютно, — ответила девочка.

Она лгала. Она не была уверена. Она не была уверена ни в чем.

Связаться с сумасшедшим стариком, для того чтобы задать ему этот невинный вопрос в надежде спасти маленькую зебру? Быть может, это была самая глупая мысль из всех, приходивших ей в голову. А может быть и нет, пусть повод и ничтожный, но он даст ей возможность сделать то, чего она ждала с первого дня пребывания в Маллемире — возможность поговорить со Стражем миров.

— В таком случае... Мы ПОПРОБУЕМ с ним связаться!

— Да-а-а! — закричали зрители-автоматы.

Большинство факелов потухло. Неожиданно температура воздуха понизилась. Над удивленной девочкой появился большой фосфоресцирующий шар, издававший негромкое «би-и-п».

— Соединяемся, — прокомментировал ведущий с удовольствием. — Яснее представляйте себе Эльдера, Эзоа!

«ЭльдерЭльдерЭльдерЭльдерЭльдерЭльдерЭльдер», — стала послушно повторять про себя маленькая мексиканка, глядя вверх.

И расплывчатая фигура появилась. Ее серые очертания были столь нечетки, что она могла оказаться и отдыхающим Максипулпуссом, и бесплотным человеческим суще-

ством. Картинка постепенно набрала цвет, форма определилась. Вскоре не оставалось никаких сомнений: Эльдер был очень, очень старым человеком.

О состоянии его здоровья судить было трудно. Картинка часто исчезала. Затем частично восстанавливалась. Связь была некачественной.

Публика прокричала свое обычное «Да-а-а!», увидев пейзаж позади Эльдера. Это был замок. Высокая башня. Донжон. Пляж. Кучи обломков.

Страж стоял перед своей Крепостью. Глаза его были широко открыты. Он не спал. Эзоа ничего уже не понимала! Миры разрушались из-за того, что он больше не руководил ими... или от того, что он решил методично их уничтожить?

— ЭЛЬДЕР? — спросил директор-ведущий. — Связь один из пяти. СЛЫШИТЕ ли вы меня?

Человек не отвечал. Он поднял голову, словно пытаясь увидеть, откуда доносится голос, назвавший его имя. Кажется, он не понимал, что же происходит.

— Задавайте ему ваш вопрос, Эзоа! — приказал ведущий.

— Господин Эльдер... — начала девочка дрожащим голосом. Я — Эзоа, и я... я хочу вас спросить, какое... имя у вашей второй крестной.

— НЕТ: второе имя у ВАШЕЙ крестной, ЭЛЬДЕР!

Картинка сделалась более четкой. Появилась копна седых всклокоченных волос. Голубые глаза со стальным отливом. Длинная узкая борода. И удивительно гладкая пожелтевшая кожа.

Неожиданно изображение пошло полосами. Маленькая мексиканка заметила тунику старика — кремовую ткань, покрытую ярко-красными пятнами, видимо, кровью. Затем шар над девочкой задрожал. Пришел в движение. Окрасился в фиолетовый цвет. И взорвался тысячью капелек, которые упали на землю и образовали светящуюся в темках лужу.

— У-у-у-у! — отреагировала на это публика, а черные тени начали вновь зажигать факелы.

— Ну, Эзоа, каков же твой ответ?

— Но... Эльдер ничего не сказал! — запротестовала девочка.

— Так, малышка моя...

— Я не малышка уже давно, мне восемь лет!

— ...у вас было право задать вопрос ПУБЛИКЕ, вы его задали. У вас было право задать вопрос ДРУГУ, вы его задали. Теперь надо отвечать: какое второе имя КРЕСТНОЙ Эльдера? НЕТ! Ваши присутствующие на съемочной площадке друзья не имеют права свистеть!

Маленькая мексиканка посмотрела на свой билет на путешествие в пушке. Как знать? Она попыталась вспомнить, не говорил чего-нибудь на эту тему Свен тогда, в блаблаотеке. Быть может, он подсказал ей ответ, а она заснула, словно была сестрой Слади!

Подумаем, Эльдер... Как же звали эту чертову крестную? Может быть, она дала ему свое имя? Почему бы и нет? Или свое второе имя? Тогда понятно, почему задают такой вопрос. Но Эльдер имя скорее мужское. Тогда, крестную звали... Эльдеретта?

Би-и-ип! Светящийся шар появился над Эзоа: система видеопатии работала. Черные тени перестали зажигать огни.

— ЭЛЬДЕРЕТТА? — громко сказал ведущий. — Это ваш окончательный ответ, Эзоа?

— Ха-ха-ха! — закричала публика.

«Понятия не имею», — подумала страннodelьница.

Би-и-ип! Ее слова появились написанными в воздухе.

— Решайте скорее, — потребовал ведущий.

Девочка пожала плечами и кивнула.

— Увы, Эзоа, вы дали непра...

Человек не закончил фразу. В глубине помещения раздался взрыв. Колесо судьбы провалилось сквозь землю. Стена раскололась надвое и разъехалась, словно автоматические двери. Черные тени застыли.

Порыв ветра с яростной силой задул факелы и стих. На том месте, где стояло колесо, из земли вырывались яркие языки пламени. Воздух мгновенно стал горячим.

В сумраке появился тщедушный силуэт. Он начал приближаться. Наступил ногами на языки пламени. Эзоа в ужасе стиснула зубы. Но человек, казалось, не чувствовал боли. Он медленно шел вперед, освещенный лишь огнем, лизавшим его ступни и поддерживавшим его одновременно.

Маленькая мексиканка хотела убежать. Ведущий удержал ее. Он крепко сжал рукой ее плечо и проговорил:

— НЕВЕРОЯТНО! Он идет к нам с края света по проходу, который соединяет Крепость с каждой из столиц... Он услышал ваш ПРИЗЫВ, Эзоа... Дамы, господа, аплодисменты, пожалуйста...

ЭЛЬДЕР!

Силуэт поднял руки. Факелы загорелись вновь. Комната осветилась. Почти нестерпимый запах ванили заполнил ее. Эзоа уже вдыхала этот запах, когда выбралась из-под земли, победив целого императора. Девочка почувствовала чье-то ободряющее присутствие: к ней присоединился Слади. Склонив голову набок, высунув кончик языка, маленький марокканец смотрел на Стража миров с любопытством.

— Ты видишь, Эзоа? — прошептал мальчик. — У него на лице такая же штука, как у тебя...

Действительно, на правой щеке Эльдера виднелась царапина, как и у девочки. Страж был таким же, каким появился на видеопатическом экране... только в еще более плачевном состоянии. Он был стар. Бесплотен. Растерян. Осыпан пылью и мелкими осколками. Одет в разорванную тунику, усеянную темно-красными, почти черными пятнами. Всклопоченные волосы и грязная борода скрывали странной формы лицо, не тронутое годами. Руки Стража

исчезали в рукавах слишком широкого для него одеяния. Из-за трупного цвета кожи и запавших глаз Эльдер казался почти прозрачным. Правда, первое впечатление быстро менялось под влиянием других особенностей, присущих облику Стража миров.

Во-первых, голубые со стальным оттенком глаза. Глядя в них, каким-то странным образом можно было увидеть семь пляшущих светил Маллемира: желтый силуэт луны-гамака, сливовый — луны-птицы, коричневый — луны-печенья, искристый — луны-конуса, полумесяц луны цвета мокрой мяты и гранат луны-сердца, одно было неясно, то ли они отпечатались в его глазах от того, что Эльдер наблюдал за их движением в течение почти восьми тысяч лунариев... то ли от того, что он сам их создал.

Во-вторых, тень, кружившая вокруг его тела. Она была странного размера. Как бы ни падал свет, тень все равно казалась слишком маленькой... и не отбрасываемой Стражем: у нее не было ни всклокоченных волос, ни длинной узкой бороды.

И наконец серый, тающий, пергаментный цвет лица. «Как у зомби», — подумала Эзоа, но никакого «би-и-ип» не прозвучало: видеопатическая связь прервалась, поскольку вызываемая персона стояла перед девочкой, разглядывающей его практически прозрачную кожу... Странную форму лица... Нет, Эльдер не был ей незнаком. Он напоминал ей сирену. И песенку:

Я еду на край света...
Так далеко, как я могу...
Так далеко, как я хочу...
Я еду на край света...

— Мели, — произнес старик низким голосом.

— И это ПРАВИЛЬНЫЙ ответ! — провозгласил директор-ведущий. — Второе имя крестной Эльдера — Мели!

— Да-а-а! — взорвалась публика.

— Нагавика жива! — закричал Мадаван. — Нагавика жива!

Жертва авторской моды кинулась на шею своей маленькой, едва поднявшейся на еще ватные ноги зебре, затем мальчик бросился к старику, чтобы поблагодарить его. Но сделать этого он не смог. Невидимый экран защищал Стража. Мальчик отскочил, как от батута, упал на ягодицы и, по-прежнему пьяный от счастья, вскочил, повторяя:

— Спасибо! Огромное спасибо! Это самый прекрасный день в моей жизни! И я в восторге от вашего костюма: фрешиво и аутентично одновременно!

Что касается самого Мадавана, то на нем было светлое, очень облегающее, сплошь покрытое блестками одеяние: бордовые брюки в обтяжку, перехваченные под коленями резинкой красного цвета, ярко-красный расстегнутый пиджак с вышивкой золотом, еще один расстегнутый пиджак оранжевого флуоресцирующего цвета. На всякий случай он добавил еще три дополнительных аксессуара: кепка с эмблемой «Лейкерс» на его макушке заменила шапочку матадора, на носу появились огромные очки для плавания, завязанные на затылке обрывком фиолетовой бечевки, и, наконец, он не надел ни носков, ни ботинок, подходивших бы к торжественному случаю, а предпочел им естественность голых икр с мягкой расслабленностью малиновых шлепок.

В зрительном зале царили какофония, столпотворение и коллективное безумие. Автоматы уже не знали, кому аплодировать: Эльдеру или появившемуся на площадке великолепному представителю рода человеческого, о чьих подвигах в стогах сена, в ногомаче, в рыцарских турнирах и даже в интеллектуальных играх с единорогом ходили легенды. Зрители славили его и Стража под градом разноцветных конфетти, вопили, изумлялись, теряли сознание, просили пощады, изнемогали и задыхались.

Страж наблюдал за всем с веселой улыбкой. Директор-ведущий произнес:

— О-о-о, Эльдер, вы снова с нами! ДАВНО мы уже вас не ВИДЕЛИ!

Старик кивнул. Щелкнул пальцами, затем погладил Мадавана по щеке. Эльдер уничтожил свой защитный экран.

— Позвольте мне задать вам ВОПРОС, который задают себе все: ХОРОШО ли вы себя чувствуете?

— У меня были проблемы со здоровьем, — признал Страж миров, левой рукой взъерошивая волосы Эзоа, рана на щеке которой задержалась.

Девочка похолодела. Ее обуревало желание убежать от человека, которого она столько искала... и желание вцепиться в него, для того чтобы увериться в возможности задать ему миллиард с половиной мучивших ее вопросов.

— Создается впечатление, что вы ранены... — настаивал директор-ведущий.

— Это все в прошлом, — сказал старик.

— Но у вас же еще кровь течет, не так ли?

— Это все в прошлом! — немного громче повторил старик. — Теперь я очень хорошо себя чувствую!

И он ласково улыбнулся... хотя вид его красных зубов на секунду смутил присутствующих.

— Из-за этих небольших проблем я и позвал дорогих малышей в Маллемир... — продолжал Страж.

— А почему нас? — спросила страннodelьница.

— Замолчи, глупая болтуня! — вскричал ведущий. — Со СТРАЖЕМ МИРОВ в таком тоне не разговаривают! Надо представиться, ПОКЛОНИТЬСЯ и учтиво отвечать ему только тогда, когда ЕГО МИЛОСТЬ соизволит обратиться к тебе! ПРОСТИТЕ ли вы ее, Ваша Высочайшая Светлость? Я уверен, что тут не столько лукавство, сколько...

— Да ладно, друг мой, не волнуйтесь, дайте ей высказаться, — мягко проговорил старик. — Дети имеют право

знать, что я выбрал их потому, что они очень похожи на нас...

— Вы находите, что я похожа на вас? — удивилась девочка, сжав кулаки.

Оскорбляя ее, зомби подтвердил, по крайней мере, одно: с головой у него были проблемы!

— Да, — ответил старик. — Вы, все семеро, похожи на нас, одним свойством особенно: воображением. Я поместил вас в миры, которые когда-то выдумал, для того чтобы проверить это. И оказался прав...

— Правы в чем? — нетерпеливо заметила Эзоа. — Почему вместо того, чтобы заниматься нами, вы не занялись своими мирами? Почему не выбрали кого-то из здешних себе в помощь? Почему вы ничего не изменили, вы же должны были, проснувшись, все привести в порядок? Почему...

Старик поднял левую руку, и девочка поневоле замолчала. Страж открыл рот. Затем закрыл его. Пошатнулся. Оперся о маленькую мексиканку. Вдохнул. Кашлянул. Выплюнул какие-то желтые сгустки, упавшие ему под ноги. Прочистил горло. Провел рукой по лицу. И снова заговорил, краснозубо улыбаясь:

— Видишь? Даже этим нетерпением ты похожа на нас... Как и мы, попадая в *заведомо* безнадежную ситуацию, вы призывали на помощь воображение и не допускали худшего.

— Какое воображение? — вспыхнула Эзоа. — Вы бредите, что ли? Мы обладаем могуществом, вот и все!

— Эй, кузина, спокойно! — вставил Слади. — Не забывай о том, что ты разговариваешь с Эльдером!

Страж снова обнажил в очень мягкой улыбке красные зубы, что произвело на Эзоа немедленное умиротворяющее действие: девочке показалось, что в ее жилах, где за секунду до того бурлила и кипела большими пузырями кровь, потекла фиалковая настойка.

— У вас есть и то, и другое, и воображение, и могущество, — сказал старик. — Ты ведь, наверное, заметила, что

могущество твое не действовало в Испании... не так ли? А ты не думала, почему оно проявилось в Маллемире? Потому что здесь ты подвергалась смертельной опасности... и потому что здесь воображение имеет силу. У каждого из вас семерых воображение разное... значит, и могущество разное...

— А нас действительно семеро? — прервала старика девочка.

— Да, можно сказать и так, — ответил Страж загадочно. — Я мог позвать всего одного из вас... Я решил, что с семерыми детьми я меньше рискую ошибиться. Да и нас когда-то было семеро...

Затхлый запах внезапно распространился по всему залу.

— УЧАСТНИЦА — МОШЕННИЦА! — закричал один из судей, с шумом вскакивая на стол.

Он размахивал шейкером с «Серовой штукой». Ему удалось открыть емкость. Так он увидел отвратительную массу, которую двое из его коллег с наслаждением дегустировали. Но когда судья заметил, что после его крика установилась тишина, он понял, что совершил тяжкий промах: он перебил самого Создателя!

— И... извините, о Страж ми... миров, — пролепетал он, заикаясь. — Я осмелился вас переби... перебить, но эта девочка не до... достойна чести... разго... разговаривать с вами! Еще раз извините за то... что я пере... перебил вас! Она просто профлир... пофилт... профлит... Ох, разрази меня великий швейцар! Я не могу выговорить!

— Друг мой, ничего страшного, — мирно произнес старик. — Успокойтесь и постарайтесь выразиться более ясно. Какое же, как вам кажется, преступление совершила наша юная подруга?

— Она профильтровала свое зелье! — сообщил судья-швейцар. — На самом деле ее коктейль отвратителен!

— У-у-у-у! — загудела публика.

— Какой скандал! — подал голос директор, резко поднимаясь. — Мы снимаем у нее последнее выздоровление!

Факелы под потолком стали вращаться по кругу. Калейдоскоп красных и зеленых огней закружился по площадке. Нагавика рухнула на свою подстилку. Мадаван хотел пробежать к своей маленькой зебре. Черная тень, несокрушимая, как стена, и подвижная, как лань, не дала ему это сделать. Обойти ее было невозможно.

— Эльдер, пожалуйста, сделайте что-нибудь! — простонал маленький индеец.

— Она умерла, — спокойно сказал старик.

— Вот именно! Я не хочу, чтобы она умирала!

— Тем не менее ее история на этом заканчивается, — объявил Страж мягко, но непоколебимо. — Прекрасное было приключение, не так ли? Пусть мертвецы хоронят мертвецов, они никогда не выздоравливают.

Мрачный свет залил зал. Факелы застыли и окрасили помещение в тревожные яблочно- и бутылочно-зеленые тона.

— Я не хочу, чтобы Нагавика умирала! — Мадаван начал плакать. — Она не сделала ничего плохого!

— Тебе остается винить во всем свою ПОДРУЖКУ, — заявил возмущенный директор. — Если бы она не мошенничала, зебра бы не погибла! Она угасла бы тихо...

— Эзоа сделала все, что могла, для того чтобы всех нас спасти, грязный убийца! — возразил Мадаван, вытирая слезы.

— Поговори еще, я и твоё выздоровление отменю, за оскорбление и попытку запугивания! — пригрозил директор.

Эзоа обняла за плечи маленького индийца, готового продолжать оскорблять директора и отправиться за это к своему другу в рай для маленьких зебр.

Вдруг ослепительная молния осветила комнату. Факелы загорелись почти белым пламенем. Сощутив глаза, Слади заметил деталь, ускользнувшую сначала от его внимания. Он медленно указал пальцем на правый рукав Эльдера.

— У вас там странная штука, — сказал он спокойно.

На пол падали красные капли. Старик поднял рукав. Показался окровавленный кинжал.

Веселая гримаса появилась на лице Эльдера.

— О, это естественно... Совершенно естественно! Пока миры не придут в норму, они будут опасны... Мои телохранители сошли с ума... Они хотели помешать *нам* спасти Маллемир...

— И что? — спросила Эзоа.

— Ну, что, я от них избавился.

Девочка растерялась. «Избавиться от кого-нибудь» — это ведь значит убить, не так ли? Как такой мирный старик, как Эльдер, мог решиться на...

— Вы устранили своих телохранителей? — переспросила она, чтобы отбросить последние сомнения.

— ПОПОЧТИТЕЛЬНЕЙ! — повысил голос директор, грозя ей указательным пальцем.

— Хватит, мой друг, перестаньте нас перебивать, прошу вас! — произнес Страж. — Нет, Эзоа, не я избавился от всех моих телохранителей. У нас есть для этого специальные твари... Я сам занялся только одним Викингом, который осмелился нанести ущерб моей Крепости, красуясь перед тигрицей.

— И что вы с ним сделали?

Торжествующая и полная ненависти ухмылка изогнула губы старика.

— Я сделал из него бесформенную кучу тухлятины, плававшую в луже собственной крови, — спокойно ответил он. — Кучу сломанных костей, кашу из мозгов и ошметков плоти. Я сделал из него аперитив для мух, пиршество для червей, десерт для стервятников.

И со злорадством заключил:

— Он больше не будет портить мой красивый Донжон...

Маленькая мексиканка не верила своим ушам. У старика поехала крыша. Его дзынькалка уже не бумкала, а скрежетала.

— Вы — убийца... — сказала она в ужасе. — Вы убиваете людей из мести и находите это естественным...

— У-у-у-у! — завывала публика.

— Достаточно! — рявкнул старик.

Он сделал резкое движение рукой, и марионетки упали на пол, испуская предсмертные хрипы. Их ниточки были обрезаны.

— Я не убиваю, — произнес он вибрирующим голосом. — Я творю и уничтожаю свои творения. Сотворенные мной принадлежат мне. Без меня они — ничто...

— Э-э... если вы позволите, ЭЛЬДЕР... — проговорил директор.

Страж поднял кинжал. Вонзил его в горло ведущего. Повернул лезвие и вытащил оружие. Ведущий рухнул на пол в лужу собственной крови.

— Видите? — прокомментировал Эльдер. — По моему решению мои творения перестают существовать.

Потрясенные дети отступили на шаг. Теперь старик утратил все свое добродушие. Он смотрел на них с ненавистью. Взгляд его изменился. Серые глаза стали черными. Луны пропали. Все, кроме одной: из-за мощной пульсации гранатового светила в глазах старика засверкали красные блики.

— Все миры считают, что могут себе позволить презирать меня! — прошипел он. — Но я — Страж! Я был избран для защиты воображаемого! Кто лучше меня может понять, что хорошо для Маллемира?

Старик потряс воздетыми вверх руками со скрюченными пальцами. Из-под земли полукругом выскочили факелы и отрезали детям пути к отступлению.

— Да, — продолжал Эльдер. — Я вас призвал! Но вы слишком мешкали: за это время я нашел кое-кого, кто заменит меня лучше всех!

— Стой спокойно, кузен, и верни нас домой, — предложил Слади.

— Я еще настолько с ума не сошел! — зарычал старик. — Я придумал кое-что лучше...

Он вытер кинжал о свою тунику и начал подниматься в воздух.

— Мы будем драться! — заявил он. — Вы — такие же, как все эти ненормальные! Вы считаете себя лучшими! Рассказы о ваших приключениях наводнили Маллемир! Говорят, что вы будете моими преемниками! Надо, чтобы ваша смерть стала показательной! Пусть мой гнев раз и навсегда утихомирит безумцев, которые захотят вам подражать!

— Да в чем мы провинились, в конце-то концов? — спросил Мадаван. — *Вы* нас призвали в Маллемир, мы были здесь аутентичны, мы...

— Ваше присутствие здесь имело бы смысл только в случае моей смерти, а Я ЖИВ! — крикнул старик, паривший в трех метрах над землей. — Серая пелена заволокла мои глаза и вытащила меня из темноты! Теперь вы бесполезны... Бесполезны!

Он широко раскинул руки. Мощный взрыв потряс зал. Дети бросились на пол. Сила взрывной волны так взметнула вверх обломки, что некоторые куски декораций продолжали и продолжали подниматься в воздух.

Эзоа бросила свой билет на путешествие в пушке и запустила обе руки в сумку для чудес.

Зал лишился потолка. Небо больше не пылало. Только гранатовая луна билась в вышине с глухим тяжким стуком. Она сделалась такой огромной, что, казалось, сама вот-вот взорвется.

— Послушайте, господин Эльдер... — подал голос один судья.

— БАМ! — крикнул Страж, наводя на него указательный палец.

Швейцар-судья взорвался. Кости его затрещали. В воздух взметнулись куски плоти.

— Он сумасшедший! — другой судья попытался спрятаться под столом.

— БУМ! — снова крикнул Страж.

Натянулся невидимый лук. Неизвестно откуда вылетела стрела толщиной в человеческую руку, пронзила стол, а затем и голову наглеца. Немного крови и мозга смешалось с пылью.

— БАХ! — сотряс воздух старик.

Обломки стен зала опустились вниз, сворачиваясь в двухголовую спираль из камней. Первая голова раздавила убежище судей. Вторая обрушилась на детей. Но Эзоа успела отскочить и увлечь своих друзей в сторону.

— АЙ! — закричал Страж, указывая на девочку.

Эзоа выгнулась дугой. Страж не убил ее. Только поразил невиданной силы электрическим разрядом. Странноделница по-прежнему сжимала в руках свое не законченное изобретение. Рухнув на землю, она задержалась всем телом.

— 3-3-3-3-3! — зажужжал старик, опустив руки в карманы.

Оттуда вырвалась туча мух. Это были особые мухи. Они не гудели. Они зудели, словно пилы, а крылья им заменяли движущиеся лезвия. Они ринулись на детей. Девочке удалось выпустить из рук свое изобретение и проговорить:

— Бросьте... это... на... него...

Затянутый в костюм конькобежца, к которому он добавил очки сварщика и шлем велосипедиста, из тех, что надеваются для гонки на время, Мадаван немедленно выполнил ее просьбу. Ему надо было свети счеты с этим гнусным типом, чей стиль одежды так ему нравился... пока Нагавика не умерла. Что бы там ни изобрела его подружка, Мадаван надеялся, что ее странноделка обречет сумасшедшего на долгие и смертельные мухи.

Мухи вгрызлись в руку мальчика еще до того, как он успел бросить странноделку в Стража. Старик отпрыгнул. Но тщетно. Снаряд настиг его.

Эзоа перестала дрожать. Мухи устремились к Стражу, метеориты, падавшие с неба, тоже полетели на него.

— Это притягиватель проблем, — объяснила девочка, задыхаясь.

И, обернувшись к Стражу, произнесла:

— БАБАХ!

Старик успел улыбнуться ей и стал демонстрировать хореографию боевых искусств. Его руки и ноги замелькали быстрее молнии в танце. Притягиватель проблем деформировался так, словно он попал в раскаленную печь. Он окончил свой полет на земле, почерневший и оплавившийся. Мухи превратились в пушинки, метеориты — в лепестки лилий. И самым нежным дождем миров упали под ноги старику. Ошеломленные дети увидели, что их враг, неведимый, опускается на этот невероятный белый ковер, расстелившийся среди обломков.

— Неплохо, — прокомментировал Эльдер, поглаживая свою левую щеку чуть ниже скулы. — Я стал творцом задолго до тебя, малышка... Ты знаешь, если бы я действительно хотел тебя убить, мне было бы достаточно ткнуть в тебя пальцем и сказать... ну, не знаю... БАДАБУМ! например.

Он показал на трибуны, на которых безжизненно лежали автоматы. Сверкнула красная молния, взметнулись к небу языки пламени, запах расплавленного металла заглушил аромат ванили, земля разверзлась, из расселины пошел густой дым, поднялось облако черной пыли. Когда оно рассеялось, трибуны исчезли. На их месте зияла пропасть, из которой вырывались пары серы.

Эзоа побледнела и поднесла руку к сумке. Но Страж покачал головой, говоря:

— Я не хочу тебя убивать. Тебя — нет. Ты талантливая. И ты только что еще раз это доказала. Твое воображение *ей* понравилось. У *нее* насчет тебя другие планы.

— Кто это — *она*? — выдохнула девочка.

Ее рука поднялась к ране на щеке.

— Та, что отметила тебя своей печатью, когда ее люди-птицы вытащили тебя из дырявого мира, — ответил старик. — О, ты не станешь моей преемницей, нет, нет, нет... Но у *нее* с тобой связаны другие замыслы... *Она* посчитала, что из тебя можно кое-что сделать, если медвежата-гризли, людоеды, вампиры, оловянные солдаты, осьминоги и затыкальщицы не сожрут тебя...

Старик простер свои иссохшие руки. Девочка стала подниматься на ноги. Ей казалось, что облако ванильного запаха поддерживает ее так же уверенно, как это сделала бы дружеская рука. Она встала. Снова вспомнила о своем спасении. Люди-птицы, сказал Эльдер. Эзоа слышала тогда шелест крыльев. Это были они. С самого начала за девочкой кто-то наблюдал. И он помог ей, когда она очутилась в пропасти.

Страж опустил руку в карман своей туники. Вытащил оттуда желто-зеленую орхидею. Вокруг немедленно распространился еще более сильный аромат ванили. Он дошел до ноздрей Эзоа. Она почувствовала, как запах опьяняет ее. Настойка фиалки была забыта: отныне к ее крови примешивалась ваниль, и она вела девочку вперед.

Перед глазами ее заплескала серая пелена. Эзоа, как автомат, подошла к Стражу миров. Встала рядом с ним. Старик положил руку Эзоа на плечо, и та оказалась напротив двух мальчиков, которые до этого момента всегда сопровождали ее и сейчас удивленно на нее смотрели.

Левая щека Эзоа задергалась. Отныне страннodelьница знала, что ей нужно сделать: устранить два эти бесполезные существа. Гневная гримаса исказила ее черты. И, сжав готовые к убийству кулаки, она бросилась к двум Призванным.

Потом она займется четырьмя остальными.

Бег на месте

Черета толчков сотрясла стену из черного стекла. Крепость дрожала. Лейла медленно отвела в сторону лапку, которой Типуссен обхватил подушечку ее лапы, чтобы увериться в том, что умирает не в одиночестве.

Тигрица не раз видела, как ее братья по оружию погибали в бою. Включая тех, которые были ей ближе братьев. Она помнила кугуара, который обучил ее всему: начиная от премудрости ближнего боя и заканчивая моралью профессионального воина. Она помнила рысь, с которой начала строить свои планы. Она помнила очень нежную пуму. Особенно дорога ей была память о каракале с длинными острыми ушами, беспощадном в схватках и мирном и забавном в минуты отдыха (он был похож на Сюда, сделавшего карьеру таким звездам, как СексссиБой).

Но ни одна из этих смертей не задела тигрицу так, как смерть Типуссена. При этом она не забывала о том, что должна действовать, и действовать быстро. Она все еще была на задании. Надо было найти Эльдера и защитить его... если он до сих пор жив.

Это было маловероятно: шесть Посланцев погибли. Разве мог пережить такую катастрофу больной, вышедший из транса старик? Но, несмотря на всю свою тоску, тигрица была готова совершить то, ради чего она жила с тех пор, как обучилась первым азам боевых искусств. Теперь она в одиночку должна была — тигрица осознавала, сколь мало у нее шансов, — одержать победу.

Она посмотрела по сторонам. Заметила в середине комнаты разорванный полог. Прыгнула к нему. Затем возвратилась к Типуссену. Завернула мертвое тело цыпленка в ткань. Засунула восемь непобедимых сантиметров под мышку и вышла из комнаты.

Тигрица очутилась на лестнице Донжона. Та перестала разрушаться и пребывала в странном состоянии. Ее словно ремонтировали. Местами каменные разрушенные ступени были заменены черным мрамором. Где-то ступеней по-прежнему не хватало. Стены Донжона были освещены сумрачным светом, падающим с верхних этажей — оттуда, где толстая каменная кладка была замещена затемненным стеклом.

Тигрица не долго размышляла, выбирая направление. Она встретила достаточно много скорпионов наверху. Судя по тому, что она видела снаружи нескольких разведчиков, твари начинали наводнять замок сверху и планировали только потом спускаться на нижние этажи. Если Страж спрятался наверху, помочь ему уже нельзя было ничем. Единственный его шанс на спасение — это спуститься в подвал. Туда, где еще ничего не переделано.

Изменения, происходящие с замком, тревожили тигрицу больше, чем бывшие разрушения. Тогда, по крайней мере, всему было логичное объяснение: Страж слабел. Но медленная реконструкция Крепости была загадочна. Значило ли это, что Эльдер выздоровел и проснулся? И начал восстанавливать миры. Но стеклянные стены были совсем не в стиле старика, да и скорпионы продолжали свирепствовать! Быть может, воображение Стража изменилось... или чье-то другое воображение начинало контролировать миры?

Передвигаясь прыжками и не ослабляя внимания, Лейла спустилась на несколько этажей вниз и оказалась перед деревянной, практически целой дверью.

— Пойдем посмотрим? — предложила она Типуссену.

Тигрица нажала на ручку, дверь не поддавалась.

— Господин Страж? — спросила она на всякий случай. — Вы там?

Не услышав ответа, Лейла сильно ударила по замку, так, чтобы разбить его, затем нажала на дверь плечом. Дерево хрустнуло. Тигрица вошла в совершенно неповрежденную большую комнату.

Зал был заполнен стеклянными выставочными витринами, на которые сотрясения замка никак не подействовали. Тигрица подошла к одной из них. Увидела предметы, привезенные из мира животных. Здесь было что-то вроде музея. Страж поместил под стекло макеты некоторых своих творений, тех, которыми был особенно горд. Тигрица разглядела хорошо известные ей места и знакомых персонажей: Верхний пляж, который Страж исключительно ценил... движущаяся гора, резвая копия которой быстро петляла среди других экспонатов... площадь Оперы ежей (как только Лейла подошла, появился еж и затанул пронзительную арию)... казино баранов, светившееся в черном, как ночь, бархатном футляре... Несмотря на защитное стекло, все макеты были покрыты трещинами. Большой наземный Цирк даже раскололся надвое.

Чувство гнева, столь же неожиданное, сколь и неконтролируемое, охватило Лейлу. Продолжая прижимать к себе бездыханного Типуссена правой лапой, Лейла закрыла глаза и изо всей силы ударила в витрину лбом. Удар оглушил ее, она почувствовала, что стекло разлетелось на куски: оно было тонким и предохраняло экспонаты, видимо, только от пыли. Подчиняясь конвульсивному чувству ярости, тигрица принялась уничтожать воспоминания старика, все, от наград за строительство лестниц до смешных миниатюр, вроде медальона с портретом девочки со странными глазами. Потом Лейла атаковала остальные миры: прощайте, стога сена, катапульта, гигантский метроном и печь-ткацкий станок кондитера-ковродела, прощайте, ярмарки, завод для изготовления заводов, вечные календари с единой датой, прощайте, квадратные корни, сады с добрыми яблоками, поля секретных маков...

Лейла крушила, сама не зная зачем. Она чувствовала необходимость уничтожать, выплескивая свой гнев. Она испы-

тивала бешенство от того, что не могла найти этого чертового старика. От того, что на ее глазах один за другим погибли Посланцы. От беспомощности перед происходящим. От нежелания признать очевидность поражения, несмотря... на его очевидность, от невозможности растерзать кого-нибудь, для того чтобы забыть о своем бессилии.

Она не пыталась успокоиться. Она предпочитала бить. Ломать. Рвать. Крошить. Она обошла все витрины. Все экспонаты погибли под ударами ее лап. Она остановилась лишь тогда, когда врагов больше не осталось. Задыхаясь, вся покрытая осколками стекла, по-прежнему прижимая к себе Типуссена, она посмотрела на плоды своей деятельности. Она разрушила единственную уцелевшую комнату Крепости. Она внесла свой вклад во всеобщий хаос. И ей это было безразлично. Тигрице хотелось продолжать драться.

Но ее ждала ее миссия. Она заметила еще одну дверь, в противоположной стороне относительно той, которую она выломала. Лейла направилась туда. Толкнула дверь, та открылась. Дверь вела в широкий коридор, довольно круто спускавшийся в подвалы замка. Стены коридора были частично сложены из кирпича, частично сделаны из необожженной глины. Кое-где к ним были прикреплены факелы. Место казалось тем более странным, что здесь не было заметно никаких следов последних изменений, произошедших в замке.

— Думаешь, мы нашли тайное убежище Эльдера? — пробормотала тигрица, снова обращаясь к мертвому Типуссену.

Она закрыла за собой дверь и, шевеля усами, направилась вперед по коридору. Судя по состоянию туннеля, скорпионы здесь побывать не успели. Никаких следов плесени. Никакого запаха разложения. Скорее, аромат чего-то сладкого. словно под сводами коридора сожгли миллионы стручков ванили.

Чем дальше продвигалась вперед тигрица, тем сильнее становился запах, тем глубже уходил в землю туннель... и тем меньше становилось факелов. Куда вела эта дорога? Зачем была она проложена? Быть может, помогала Стражу

переходить в другие миры или скрываться в секретном подземелье?

Лейла услышала хриплое дыхание совсем рядом с собой. Она обернулась. И поняла, что так тяжело дышала сама. Она удивилась и остановилась, чтобы хорошо вдохнуть воздух. У нее ничего не получилось. Частицы ванили, казалось, поглощали атомы кислорода. Тигрица оскалила клыки и издала рычание. Инстинкт говорил ей о том, что она попала в ловушку. И она сердилась на себя за это. Пасть в бою, как Типуссен, почетно. А быть одураченной невидимым врагом — позорно.

Хищница обернулась назад. И застыла. Она увидела дверь, которую совсем недавно закрыла. Дверь вся сгнила. В стене зиял проем. И в него вошел черный скорпион. За ним еще один. Тоже черный. Вскоре три членистоногих твари стояли в ряд. За ними появилось еще трое. Затем в проем вошли другие скорпионы. Теперь стало неважно, что ждет тигрицу в другом конце коридора. Возвращение назад делалось невозможным. Драться со столькими тварями одновременно было бы не схваткой, а самоубийством, что означало бы невыполнение задания, полученного от своего мира. Для сражения Лейла должна подождать более благоприятного момента.

Она повернулась. Голова у нее кружилась. Тигрица шла с трудом. Оступалась на каждом шагу. Но все равно пыталась набрать скорость. При этом передней правой лапой продолжала прижимать к себе Типуссена. Она была готова к тому, что в любой момент ее настигнет жало.

Но твари, казалось, не торопились ее убивать. Тигрица оглянулась назад. Примерно пятнадцать скорпионов следовали за ней на расстоянии. На их непроницаемо-черных панцирях плясали золотые отсветы факелов. Это было похоже на похоронную процессию... или на погребальное шествие паломников.

В глазах у Лейлы помутилось. Она беспрерывно спотыкалась. Дышать становилось все труднее. Запах ванили душил ее. Тигрица почувствовала, как ее лапы уткнулись в твердую

стену. Сделала еще одно усилие, ощупывая пространство вокруг себя. Найти выход. Потайную дверь. Проход. Выемку. Укрытие.

Ничего. Туннель не был секретным ходом в другие миры, как она то себе вообразила. Эта была просто заброшенная галерея. Незаконченный проект. Тупик.

Тигрица села на землю у стены. Ее задние лапы больше не держали ее. Она посмотрела на скорпионов. Те остановились и разглядывали хищницу своими умными глазами. Они ждали чего-то, неподвижно и торжественно. Чего же?

И Лейла, прижавшаяся к стене, поняла: ее смерти. Воздух был отравлен. Ваниль. Слишком поздно. Она развернула ткань, укутывавшую Типуссена. Поцеловала цыпленка в клюв.

— Ты знаешь, насчет одиночества... — сказала она прерывающимся голосом. — О котором ты говорил... Перед смертью... Я тебя понимаю... Но мы же вместе... Мы вдвоем и всегда будем вдвоем...

Лейла закрыла глаза. Ей показалось, что она стоит у вершины горы. Она мысленно заставила себя подняться на самый верх перешейка.

Далеко внизу у подножия она увидела окутанную туманом долину своего детства. Она посмотрела на пройденный путь. Утесы были похожи на ее достижения, мелкая галька — на неудачи. Крики кречетов воспевали ее победы, шум горного водопада уносил прочь ее поражения. Три составляющие определили ее жизнь: она хорошо сражалась, она не была совершенна и она была настоящей тигрицей, независимой, свободной, гордой. И теперь, когда пустота призывала Лейлу, она была счастлива оттого, что Типуссен, пусть и мертвый, был рядом с ней и тоже видел, как она прожила свою жизнь. Тигрица замерла на секунду на краю пропасти. И прошептала своему боевому другу:

— Вперед?

Ей показалось, что цыпленок шевельнул крыльями. Она крепко обняла его и рухнула, ударившись головой о землю и приблизив свое сердце к сердцу Типуссена. Легкие Лейлы были сожжены роковой отравой.

Последняя пауза

Так Слади, не понимая, как и за что, получил оплеуху от Эзоа. Но для того, чтобы почувствовать боль, понимать ничего не нужно. Так же, как и для того, чтобы услышать звук пощечины.

— С головой-то все в порядке? — прикрикнул Мадаван, надевший боксерские трусы и почему-то жокейскую шапочку.

Девочка схватила свою сумку и, вращая ее, нанесла ему бешеный удар.

— Да что с тобой, кузина? — удивился маленький марокканец.

— Я-те-бе-не-ку-зи-на! — возразила девочка, подкрепляя каждый слог ударом кулака по голове мальчика.

Ошеломленный Мадаван удержал ее, когда она сомкнула руки на шее друга.

— Тебе не кажется, что пора успокоиться? — заметил он. — С нами Эльдер, нам надо другими вещами...

Страннодельница резко обернулась. Накинула ремешок сумки петлей на шею Мадавана. Затянула.

Маленький индеец попытался высвободиться. Он не решался ударить Эзоа. Во-первых, потому, что она была явно в ненормальном состоянии. Во-вторых, потому, что Эзоа была девочка. И в-третьих, потому, что она была его другом. Сколько опасностей они пережили вместе! Всего несколько секунд назад она даже спасла ему жизнь, вызволив его из комы. Что с ней случилось?

Настала очередь Слади помочь своему другу.

— Эзоа, мы больше не играем! — он потянул девочку на себя.

Эзоа не обернулась. Она ограничилась тем, что резко выставила назад локоть. У Слади была такая большая голова, что можно было и не целиться!

И удар действительно попал в голову. Но в пухлую часть правой щеки Слади. Маленькая мексиканка почувствовала, как локоть ее отскочил. Она попыталась отклониться. Но тщетно: ее собственный кулак заехал ей в лицо. Мадаван воспользовался этим и оттолкнул девочку. Эзоа упала.

— Одно очко в пользу мальчиков! — громко сказал Эльдер, скрестив руки на груди. — Пора уже... А то скучно становится!

Потрясенные мальчики посмотрели на Стража. В глазах его пульсировала гранатовая луна в такт с биением светила в небе — дети узнали этот глухой стук, который они слышали еще до того, как очутились в секретной столице. Улыбка умалишенного приподнимала уголки губ Стража, открывая красные, блестящие зубы.

Эзоа, рыча, поднялась и немедленно бросилась на Мадавана, который решил отвесить ей хорошую оплеуху. Несмотря ни на что. Всему есть предел.

Маленькая мексиканка устояла на ногах. И ринулась в бой, ухватившись за левую руку маленького индийца. Эзоа вонзила зубы в кисть Мадавана, который пронзительно вскрикнул... а потом закричал, чувствуя, что поднимается в воздух: его противница наклонилась и перекинула его через спину.

— Она спятила! — говорил Мадаван, перемежая слова стонами. — Она тоже совершенно спятила...

Девочка повернулась лицом к Слади. Мальчик выставил вперед ладони, желая медленно оттолкнуть ее. Эзоа отразила атаку без малейшего усилия. Разбежалась. Прыгнула на Слади. Попыталась сцепить руки замком на его

шее. Но мальчик был для нее слишком толст. Тогда она принялась яростно царапать его и бить головой ему в висок.

Марокканец с брюшком, сначала слишком изумленный, чтобы реагировать, в конце концов решил, что его подружка исчерпала запасы его терпения. Он адресовал ей короткий боковой удар средней мощности, ставший, однако, весьма эффективным из-за того, что Эзоа никак его не ожидала... и который пришелся как раз по раненой щеке. Девочка отлетела прочь. Ее голова ударилась о землю.

— Красиво! — прокомментировал Эльдер.

Слади был очень огорчен. Он медленно пошел к своей жертве, чтобы ей помочь. Но в это время поднялся с пола Мадаван. Он опередил своего друга, склонился над распростертой на полу маленькой мексиканкой. И наградил девочку двумя пощечинами, потому что она их в полной мере заслужила.

Его месть возымела действие, обратное тому, на которое он рассчитывал: девочка пришла в сознание. Она мгновенно подтянула колени к животу и, распрямив ноги, ударила Мадавана прямо в грудь. Маленький индеец взлетел в воздух и снова упал, откатившись чуть в сторону. Странно-дельница ринулась на него. Только мальчик хотел встать, как девочка встретила его ударом «шассе» в основание подбородка. Мадаван испустил протяжный стон. Эзоа гневно зарычала и собиралась уже накинуться на него, с тем чтобы прикончить, как чья-то рука схватила ее за волосы.

— Прости, кузина, — услышала девочка мирный голос. — Это для нашего общего блага...

Высвободиться возможности не было: Слади крепко держал ее за волосы. Медленно, но верно в пределах видимости девочки появился кулак, который обрушился на ее нос. Эзоа стиснула зубы. Они кипела от ярости. Если этот кретин так надеется ее успокоить... Но на самом деле успокоить агрессивную кузину марокканец с брюшком решил несколько иначе. Он угостил ее ударом колена в область

копчика. На этот раз Эзоа была вынуждена закусить губу, чтобы не закричать. А Слади еще не закончил с ней: он вдруг дернул ее за волосы назад, а затем отшвырнул в сторону. Эзоа покатила под ноги Эльдеру.

Старик и пальцем не пошевелил, чтобы помочь девочке. Наоборот, не спуская глаз со своей протеже, он отступил на шаг, чтобы и дальше совершенно спокойно наблюдать за схваткой.

Слади тем временем присел на корточки рядом с Мадаваном, одетым в пастельно-голубую ночную рубашку. Лицо маленького индийца распухло, было покрыто синяками и местами расцарапано.

— БУМ, БУМ, БУМ! — все громче звучал где-то над ними стук гранатовой луны.

— Я не понимаю... — бормотал Мадаван. — Что с ней сделали?

Марокканец и сам едва ли смог бы что-либо объяснить другу. Он тоже не мог понять, что творилось в голове его кузины. Слади, конечно, отказывался от насилия над личностями «в тонусе», как называл их Свен, поскольку терпимость и покой были важнее всего на свете, но он этих личностей остерегался. Они слишком часто принимали марокканца за существо, страдавшее размягчением мозга, только потому, что он был не напряжен. Думал он не медленнее других, просто вел себя спокойно.

Ведь поначалу с Эзоа можно было совершенно нормально общаться. Чем дольше длилось их путешествие, тем, увы, агрессивнее делали ее встречавшиеся на пути опасности. Тем нетерпимее. Поцелуи, которыми она покрывала его щеки, заметив его могущество, остались в далеком прошлом. Но ничего не предвещало припадка безумия. Хотя, по мнению марокканца с брюшком, все случившееся не было совсем уж неожиданным. «Слишком сильного перенапряжения мозг не выдерживает...», — часто думал он.

— Слади, посмотри-ка... — прошептал Мадаван.

Мальчики воззрились на свою противницу. Она пришла в себя от полученных уроков. И принялась страннodelничать. Ее пальцы, подгоняемые чрезвычайной срочностью задачи, быстро двигались. Они ныряли в сумку для чудес, ощупывали пол поблизости, хватали обломки каких-то штук и кусочки каких-то предметов, составляли компактную массу со сложной системой колесиков и прятали ее в модную сумку.

Которая от этого надулась в середине, а спереди приняла заостренную форму.

— Что же это, как ты думаешь? — маленький индеец взглянул на своего друга.

Эзоа с довольным видом переглянулась со Стражем.

— Это усилитель волн, — объяснила она степенно. — Я целюсь в кого-нибудь острием...

Она направила страннodelку на Мадавана.

— ...потом как следует бью по нему кулаком...

Маленький индеец рухнул, как подкошенный.

— ...и он передает удар в пятьдесят раз более сильный.

— Bravo! — воскликнул Эльдер, хлопая в ладоши. — Отличная идея! Великолепная реализация!

Девочка сардонически расхохоталась.

— Ты понял, Слади? — спросила она. — Соображалка у тебя, конечно, медлительная, но тут-то ты въехал? Что на это скажешь?

— Скажу, что ты напряжена, — сказал мальчик, поднимая руку и протягивая ее к Эзоа. — Давай-ка, спокойно, кузина...

Эзоа собиралась ударить по своему усилителю. Но на этот раз могущество Слади обернулось не против него самого: движение девочки замедлилось. Эльдер нахмурил брови и открыл рот.

— Спокойно, кузен... — произнес Слади, поднимая руки в направлении Стража.

И старик застыл с открытым ртом. Молча. Он не был парализован. Его движения были просто ужасно замедлены.

Стук гранатовой луны сделался совершенно оглушительным, он звучал громче, чем удары гонга в мире игрушек.

Склонив голову набок и высунув кончик языка, марокканец с брюшком не спеша направился к страннодельнице. Та резко опустила кулак... и остановила его совсем рядом с усилителем. Могущество Слади действовало, видимо, урывками.

Что позволило мальчику вырвать странноделку из рук Эзоа.

— БАДА..! — закричал Эльдер.

И умолк, не закончив заклинание.

Слади направил странноделку на старика. Эзоа он не боялся. Он знал, что нужно делать, чтобы обезвредить сумасшедшую: помешать ей страннодельничать и ни в коем случае не подставлять ей правую щеку после того, как она ударила тебя по левой.

Эльдер же, напротив, был Стражем миров. Он был безумен и могуч. И его Слади должен был лишить возможности творить зло. Для этого мальчик кое-что придумал: он использует странноделку Эзоа и усилит свое умение замедлять ход событий. Так он будет уверен в том, что решил проблему с Эльдером раз и навсегда. Убивать старика Слади и не думал: он просто замедлит Стража настолько, что тот перестанет представлять собой опасность.

В тот момент, когда мальчик положил руку на усилитель, он заметил, что замедление больше не действовало на маленькую мексиканку. Но он все равно нацелился на Эльдера и произнес:

— СПОКОЙНО, КУЗЕН!

Слади знал, что рискует, присоединяя свое могущество к могутельству Эзоа. Но тем не менее удивился, почувствовав, как затрещали искры вокруг него и в нем самом. Он потерял контроль над своим телом. Его левая рука прилипла к странноделке. Глаза лихорадочно моргали. Электри-

ческие искры летели во все стороны. Усилитель угрожающе гудел.

Эзоа бросилась на мальчика и опрокинула его на землю, а Эльдер договорил:

— ...БУМ!

Зал взорвался. Потолок исчез. Слади почувствовал, как девочка, несмотря на пронизывающие его руку электрические разряды, отталкивала его, защищая Эльдера. Вдруг искры погасли, и усиление замедления началось. Странно-делка в мгновение ока рассыпалась на куски. И все остановилось. Или почти все.

Марокканцу с брюшком показалось, что он стал пучком света. Его могущество, помноженное на могущество девочки, создало горящий белый луч. Сияющий отблеск одновременно озарил площадку и небо. Маллемир превратился в клубок энергии, окрасивший великолепным свечением весь горизонт.

Слади упал на спину. Ошеломленный происшедшим, он не сразу заметил, как небо очень, очень медленно приобретает темно-фиолетовый оттенок. «Можно подумать, что весь мир стал одной большой зрелой сливой!» — сказал про себя Слади, с вожделением облизывая губы.

Затем небо постепенно начало светлеть. Послышался звук биения луны, очень глухой, очень длительный, очень торжественный. Небо превратилось из фиолетового в красно-розовое. «Небо стало гранатом!» — подумал мальчик. Его горизонтальное положение способствовало появлению вдохновения. Тем более что он был уверен в том, что хорошо поработал. Он не вывел из строя Эльдера, но он замедлил небесное светило на грани взрыва. Неплохо все-таки? Слади решил, что пора устроить тихий час. И несмотря на ощущение того, что момент для сна, быть может, не самый подходящий (он не хотел об этом думать, слишком уж сильным было искушение), он улыбнулся, глядя в гранатовое небо, и заснул.

Итак: распростертый на земле Мадаван с трудом приходил в себя, Эзоа стояла на коленях перед остатками своей странноделки, Эльдер гневно воздевал руки к небу, Слади спал.

И Эльдер решил, что настало время действовать. Дело затягивалось. И пора было с ним заканчивать. Он решительно оттолкнул маленькую Призванную, которая хотела броситься на Слади. Поднял правый рукав. Появился запачканный кровью кинжал, тот, которым Страж убил Атора и директора-ведущего. Старик сделал шаг, присел возле марокканца с брюшком и вонзил оружие в сердце мальчика. Затем, не обращая внимания на рефлексорную судорогу жертвы, вырезал в пухлом теле схематическое изображение птицы: кровавое орудие рассекло живот Слади до пупка и поднялось к левому легкому.

Мальчик умер, не проснувшись, и даже в этот миг мирная улыбка, всегда сопровождавшая его сон, не сошла с его лица.

Пусть плавают автоматы, пусть взрываются луны, пусть жизнь его обрывается от простого удара ножом — марокканец с брюшком достойно выдержит паузу и не испортит себе удовольствие от самой долгой своей сиесты, последней.

Эзоа перешла к действиям. Ее левая щека беспрестанно подергивалась, пока девочка, с долей зависти, наблюдала, как ее учитель терзает Слади. Жуткое зрелище не вызвало у нее протеста, наоборот, разбудило и в ней желание убивать. Ей захотелось крови. Она пришла в Маллемир для того, чтобы убрать ненужных Призванных. И она начнет с Мадавана.

Эзоа уже хотела накинуться на него, как заметила, что маленький индеец исчез. Она осмотрелась. Игровая площадка была в апокалипсическом состоянии. Справа от девочки находился стол, под которым спрятались судьи... и где они нашли смерть. Прямо перед страннодельницей вместо зрителей зияла бездна, из которой поднимались запахи расплавленного металла, порой сопровождаемые

черно-золотыми языками пламени. Слева стоял Эльдер и лежал окровавленный труп Слади. За ними виднелась пушка. Вид ее вызвал у девочки подобие улыбки. Подумать только, она хотела вернуться в Испанию, а ведь она необходима здесь, для того чтобы очистить Маллемир от наводнивших его тараканов...

Девочка побежала к пропасти. Там, с вывернутыми наружу механизмами, поджаривались на медленном огне изломанные тела марионеток. Мадавана здесь быть не могло. Какой-то шум заставил девочку вздрогнуть. Она обернулась. И увидела судью-швейцара. Эзоа узнала его по красно-черной с блестящими пуговицами униформе грума. Как это он выжил во время истребления ему подобных? И что он искал среди развалин? Почему медлил, глядя на останки Слади? Проткнутый насквозь марокканец с брюшном ничем не мог его заинтересовать! А незнакомец рыдал.

Он рыдал! Что-то тут не так...

Вдруг судья нагнулся, и стали видны две совершенно ни к чему не подходящие детали туалета: на его слишком большой шапочке, скрывавшей половину его лица, выделялся ряд блестящих полосок, да и эти огромные солнцезащитные очки Эзоа видела впервые. Дзынькалка бумкнула. Судья не был судьей. Вот он, кстати, и поднялся, теперь держа в руках картонный прямоугольник: он нашел билет на путешествие в любом направлении, который выбросила страннodelьница.

Маленькая мексиканка с криком бросилась на Мадавана. Эльдер медленно распрямился, и разум, и туника его были залиты кровью. Он увидел судью (этот-то где прятался?), который спокойно дождался девочку, сбросил шапочку и очки, схватил противницу за ворот майки и с размаху ударил лбом в нос. Раздался хруст. Эзоа безжизненно осела наземь. Эльдер узнал судью, который таковым не являлся. В мгновение ока Призванный облачился в странное одеяние: набивной комбинезон красного цвета, испещренный белыми табличками со странными именами, закрытый

шлем с флуоресцирующей прорезью для глаз, сапоги цвета хаки с двумя розовыми полосками на верху голенища — мечта профессионального и *элегантного* рыбака.

Страж улыбнулся. Всегда приятнее убивать людей, обладающих могуществом. Иначе и профессионализм можно потерять. Старик поднял руку... и опустил ее. Мальчик опередил Стража, крикнув:

— Продвинутый рыцарь!

На спине и руках старика оказались тяжелые латы. На голове — включенный вращающийся музыкальный фонарь: он испускал кружащийся синий свет и играл упрощенную версию песенки «С днем рождения тебя» каждый раз, когда Страж шевелил правой рукой.

Старик упал на пол под тяжестью своего наряда. Пока он освобождался от лат с яростным «У-у-у-у!», мальчик добежал до реактивной пушки. Эльдер поднял руку... и услышал громовой взрыв. Из пушки вырвалось пламя. И вылетело большое ядро.

Мадаван поднялся в небо. Главным для него было оказаться далеко, как можно дальше от этой банды сумасшедших, и он выбрал место за тридевять земель от секретной столицы. Он вывел определение противоположности тому, что с ним случилось, и сказал пушке: «Я хочу попасть в самый лучший мир, где всегда праздник».

Эльдер этой детали не знал. К тому же ему было все равно.

Он так долго ждал своего наследника, что мог потерпеть еще несколько лунариев. Он найдет его, этого Призванного. Он потратит необходимое на поиски время. В конце концов, Эльдер был у себя дома, в Маллемире. Он знал тут все закоулки. У него везде были свои агенты. Как только новость о воскрешении Стража распространится, он будет принят повсюду во всех мирах как создатель, которым он и является. За каждый лишний лунарий он добавит еще одну пытку к списку мучений, которым он подвергнет беглеца перед тем, как медленно убить его — очень, очень мед-

ленно. А потом, с радостным сердцем, с сознанием того, что он выполнил, порой получая истинное удовольствие, свою задачу, он вкусит радости второй молодости, что подарит ему та, которую он всегда любил больше всех в своих мирах.

Старик достал из туники орхидею. Вдохнул запах для того, чтобы придать себе немного сил. Спрятал цветок. Склонился над своей еще не пришедшей в себя протее. Ласково провел пальцем по ее раненой левой щеке. Девочка тоже отмечена.

Он нежно взял Эзоа окровавленными руками и, осторожно поддерживая голову девочки, прижал ее к себе и поднялся в гранатовое небо.

Ванильная принцесса

Над Крепостью громко билась гранатовая луна:
БУМ... БУМ... БУМ...

— Сделайте что-нибудь! — кричала Мей Йонг, глядя на скорпионов. — Бы-ы-ыстро! Ты, там, сделай так, чтобы вокруг них вырос чертополох!

— Этого «там» зовут Гаве, — сказал Свен, переводя беззвучные слова новенького.

— Да что меняется от того, зовут его Гаве или как-нибудь еще? — истерически произнесла программистка.

— Может быть, и ничего, — признал красавчик швед. — Но так будет вежливо...

— Да наплевать мне на вежливость! Пусть он меня отпустит! Я хочу, чтобы он меня спас! Я хочу, чтобы он...

Мей Йонг не закончила фразу. Лысый мальчик подтащил ее к выходу и вытолкнул из библиотеки. Маленькая китаянка заверещала и выскочила в коридор. Джой и Свен поторопились тоже выйти. Скорпион, по-прежнему неподвижный, не спускал с них глаз.

Незнакомец вытянул руки. На пороге библиотеки воздвиглась стена из чертополоха. Новенький посмотрел на нее и пожал левым плечом. Очевидно, он не питал никаких иллюзий относительно способности этого заграждения остановить появившуюся тварь. Но потерянное время невосполнимо, и для врагов тоже. Пока монстр будет прогрызть густой кустарник, дети помчатся по ступеням.

Поскольку находились они на лестнице Крепости, и Гаве торопился выйти наружу. Внутри здания ничего хорошего их не ожидало.

Ступени Донжона были странными. Они казались новыми, сделанными из какого-то материала, напоминавшего одновременно и мрамор, и затемненное стекло. Были ступени вроде бы непрозрачными, но из-за того, что *внутри* них горели факелы, они светились и отбрасывали призрачные тени.

Дети сбежали вниз, отсчитав десяток таких ступеней. Мей Йонг беспрестанно чертыхалась и угрожала непочтительно обращающемуся с ней проходимцу самыми страшными карами сразу после того, как они выпутаются из переделки. Стук гранатовой луны снаружи становился все громче.

Вскоре вся компания выскочила на какую-то площадку. Винтовая лестница вела дальше вниз, но слева от детей автоматически открылись двери стеклянной, словно ожидавшей их появления кабины.

— Это ловушка! — решила маленькая китаянка.

Свен посмотрел на девочку. Ее компьютер был закрыт. И мальчик без колебаний вошел в прозрачную кабину. Он уже привык как относиться с уважением к имитационным моделям самой прекрасной программистки миров, так и не принимать в расчет ее предчувствия. Дети были в верхней части Крепости. Идти пешком до самых нижних этажей, ну уж нет! Свен сделал свой выбор между безобидным лифтом, дающим возможность спуститься вниз без лишних усилий, и тысячами ступеней, где им могли повстречаться ужасные твари. Гаве последовал за ним. Джой тоже.

Из удовольствия досадить своим друзьям Мей Йонг решила идти по лестнице. Джой задержала автоматические двери.

— Нельзя бросать девочка с компьютерой! — заявила она.

— Ты хочешь затащить ее сюда силой? — удивился Свен. — Ты не сможешь!

— Смогу, — заявила маленькая американка убежденно. — Этот упрямый девочка только того и хочет, чтобы его умоляли! Правда, Лапочка?

К изумлению Свена она достала из кармана своего комбинезона какого-то необычного ежика. Над острой мордочкой зверька нависало два усика.

— Я тебе оставляю ежу мякишу, ладно? — обратилась она к Гаве. — Ты привык к чертополоху, ты сумеешь с ним управиться...

— Я им займусь! — вставил Свен, побледнев.

— О'кей, guy! Если хочешь...

Джой протянула Свену ежика и побежала догонять маленькую китаянку... Гаве тем временем не давал двери закрываться, заблокировав ее веткой чертополоха Марии.

Маленький швед быстро пожалел о том, что предложил девочке свои услуги (просто Свену показалось, что новенький начал занимать уж слишком важное место): держать в руках ежика с усиками было очень противно. Он был липкий. Слюнявый. Его передергивали электрические разряды. И мерзкая тварь, свернувшись в клубок, упрямо впивалась колючками в ладонь Свена.

Гаве заметил затруднения соседа по кабинке. Он протянул руки. Маленький швед колебался. Потом решил все-таки избавиться от ежика с усиками. Свен не захотел лизать лысого мальчика удовольствия. Самым главным для Свена было показать Джой, что не надо при появлении новых лиц забывать старых друзей.

Освободившись от взятой на себя обузы, Свен вознамерился пойти помочь Джой. Потом изменил решение. Маленькая американка, несомненно, будет разговаривать с Мей Йонг как девочка с девочкой. Скажет ей что-нибудь, о чем мальчики не должны знать. И тут Свен услышал громкий крик. Он сделал Гаве знак не двигаться с места и, стараясь слушать только голос своей хра-

броси, чтобы не слышать голос своей трусости, помчался вниз по лестнице.

Девочки бегом поднимались. За ними виднелась ярко-желтая тень.

— Скорпиона! — объяснила Джой. — Скорпиона нас увидела!

Ее едва было слышно, настолько громким стал стук гранатовой луны.

Программистка бежала впереди Джой. Босиком. Ее волосы были растрепаны. Черты лица искажены. От ужаса. Вдруг китайка резко остановилась и открыла рот. Из которого не вышло ни единого звука.

Свен обернулся. Сзади него показался сливового цвета скорпион.

Мальчик побледнел. Протянул руку Мей Йонг. Подтолкнул ее к стеклянной кабине. Хотел помочь Джой.

— Come on, go first! — приказала ему маленькая американка с широкой улыбкой.

— Yeah, — прошептал мальчик.

Он бросился к лифту. Джой присоединилась ко всей компании.

— Первый этаж! — закричал Свен.

Лифт не двигался.

— О, так это ты ежику взял! — сказала маленькая американка, приближаясь к Гаве.

— Мы не едем! — панически произнес красавец швед. — У нас проблема!

В тот момент, когда на площадке уже появились два скорпиона, лысый мальчик вышиб ногой блокировавшую двери ветку. Двери заскользили и беззвучно закрылись.

— Мы чуть не погибли из-за тебя! — закричал Свен в бешенстве.

Кабина начала опускаться.

— Свен! — подняла руки Джой. — Мир и любовь! Мы же спасены, не так ли?

подозрения Джой были неоправданными. Детей никто здесь не ждал. Маленький швед сделал жест, приглашая всех следовать за ним, и вытер лоб, давая понять, что подвергался риску.

Джой вознаградила его поднятым большим пальцем руки и одобрительно нахмуренными бровями. Настроение красавчика снова улучшилось. Пусть Гаве щекочет себе ежика мякиша, тем временем он, Свен, набирает очки.

Четверо детей выбрались на открытую площадку, окружавшую Крепость. И обнаружили, что она была совершенно не похожа ни на все то, что им описывали, ни на то, что они себе воображали. Они отошли назад, чтобы рассмотреть все как можно лучше. Три очевидные детали немедленно бросились детям в глаза, Свену, по крайней мере, который и взялся подвести итог своим наблюдениям.

Первое: замок Эльдера был не достроен: каменные стены, казалось, уступали место стенам из стекла.

Второе: это здание *не было* замком Стража миров. Точнее, *больше не было*. Крепость исчезала, съедаемая изнутри и снаружи новой постройкой.

Третье и самое, быть может, удивительное: замок Эльдера представлял собой цветок. Огромный прозрачный венчик из затемненного стекла, отражающий кровавое небо. Цветок окружали бриллиантовые шипы разнообразной формы (то гладкие, словно капли света, то с многочисленными гранями), посверкивающие в гранатовом освещении.

На гравюрах в библотеке Свен видел вокруг замка крепостные стены, всем своим видом бросающие вызов времени, столь прочные, что, казалось, можно было поклясться в их вечном существовании. Стен больше не было. Их место занял великолепный колючий кустарник из черного металла высотой примерно десять метров.

Дети подошли к ограждению, для того чтобы увидеть полностью огромное здание. Гаве с восхищением погладил стальные колючки.

Неожиданно земля затрещала. Дети почувствовали запах ванили, нежный, как ласка, горячий, как десерт из растопленного шоколада, тяжелый, как лишний блинчик, который ты жадно съедаешь, уже насытившись, из последних сил проглатывая еще один кусочек. Запах усиливался, он был восхитительным, одуряющим, тонким, если бы он был полем, на нем можно было бы поваляться, не боясь испачкаться. Первый оттенок аромата уже исчез, осталась основная нота — изящная, торжественная, изысканная. Запах был столь совершенным, что остальные чувства становились ненужными. Джой на мгновение закрыла глаза и зажала уши, чтобы вдыхать ваниль и не отвлекаться ни на что другое.

Дети забыли обо всем, даже о своем страхе. В это время какие-то впечатляющие, чтобы не сказать устрашающие существа с криками взмыли в воздух. Это были птицы сливового цвета. Головы их напоминали головы стервятников и желоба водосточных труб одновременно. У птиц были большие изогнутые клювы, кружевные крылья и совершенно черные глаза.

— Сливянки... — пробормотал Свен.

— Сделайте что-нибудь, — продолжала требовать Мей Йонг вполголоса. — Сделайте же что-нибудь, наконец!

— Это really amazing! — восхитилась Джой.

Гаве зашевелил губами. Никому даже не понадобился маленький швед, чтобы понять, что чернокожий мальчик тоже потрясен происходящим.

И это было еще не все!

Из замка выползли сотни скорпионов, и послышался нарастающий грохот, от которого все содрогнулось. Из разверзшейся земли появился гигантский, усыпанный драгоценными камнями и украшенный переливающимися шелками трон. Он был похож на великолепный разноцветный огромный куст. Каждый шип являлся ступенью, словно случайно ведущей наверх, к находившейся на стометровой высоте и раскинувшейся на сотню метров в ширину вер-

шине. Там стояли, прямые и величественные, громадные существа с длинными фиолетовыми волосами, имевшие человеческие тела и головы, глаза и крылья слиянок. Все они были одеты в униформу сливового цвета с колючим гербом.

На вершине трона царила женщина. Нет, это слово не подходит. Существо это было так красиво, что никакая превосходная степень не удовлетворила бы Свена. Нет, это сверхъестественное существо было не просто красиво: оно являлось самой красотой.

Женщина не нуждалась в том, чтобы делать какие-либо жесты. Силы мысли ее оказалось достаточно: четыре человека-птицы покинули строй и приблизились к детям. Те, парализованные изумлением, даже не пошевелились. Одна Мей Йонг, погруженная в свои причитания, казалась равнодушной к величию события. Но тем не менее, сжав в руках свой компьютер, она тоже последовала за людьми-птицами.

Те медленно повели человеческих детей к вершине трона, состоящего из драгоценных шипов. Джой и Гаве шли с правой стороны, Свен и Мей Йонг — с левой. Дорога была усеяна бриллиантами чистейшей воды, изумрудами насыщенного глубокого зеленого цвета и бесчисленным количеством кроваво-красных рубинов впечатляющих размеров. Камни сверкали радугой искр.

Когда маленький швед бросил взгляд вниз, он заметил скорпионов, выстроившихся вокруг трона в соответствии с окраской, в форме перевернутой буквой «Л». Мальчик хотел скорей попасть наверх, но люди-птицы не торопились. Нетерпение Свена росло... но затем рассеялось при виде живого великолепия, сиявшего снизу. При взгляде на это сокровище, обрамленное ослепительным светом, он почувствовал ужас.

Он понимал, что созерцает то, чего ни один смертный никогда не видел. Чудо, превосходящее всяческое понимание. Он сам, а Свен не думал, что он самый глупый из лю-

дей, был не способен понять все его значение. Пытаясь ухватить субстанционную суть явления, он словно улетал в пустоту, но дна не достигал и не разбивался. Это было великолепно и сводило с ума, причем в прямом смысле слова: Свену казалось, что его охватывает безумие.

Мысли его путались. Он разучился ходить. Он закрыл глаза. Хотел броситься на землю. Сопровождавший его человек-птица помешал ему это сделать. Ведомый сказочным существом, Свен дошел до вершины сооружения. Но глаза открыть не решился. Ограничился тем, что распростерся в позе полной покорности. На этот раз человек-птица предоставил ему возможность лечь, уткнувшись носом в пол.

Мей Йонг сделала то же самое рядом со Свеном. Она перестала требовать действий. Девочка плакала горячими слезами и бормотала:

— Простите... Простите...

Неожиданный толчок потряс Крепость. Поднялся страшной силы ветер. Раздался шум падающих камней. Новые волны ванили поплыли в воздухе, тонкие и волнующие одновременно.

Большая тень нависла над Свеном. Он рискнул приоткрыть один глаз.

Божественная женщина подняла руку. Строй людей-птиц, не нарушая боевого порядка, взлетел над тронном, образуя что-то вроде защитной крыши. Послышались глухие удары камней об их распростертые крылья.

Маленький швед бросил взгляд на божественную женщину. Дыхание у него перехватило. В сумраке ее величие приобрело новый блеск. Взгляд мальчика пробежал по складкам сливовой туники, поднялся вверх по ткани и утонул в глубоких, непроницаемых сливового цвета глазах женщины. Потрясенный их необыкновенным великолепием, мальчик повел взгляд по гладким распущенным волосам женщины, в которых мелькали капельки бриллиантов и рубинов. Довел до земли по струящимся полам одежды,

восхитился ослепительной простотой ее туники, снова поднял к лицу и низвергнулся в пропасть созерцания кожи настолько свежей, что зрение становилось осязанием и ощущало ее невероятную нежность.

Волны ванили опьяняли наблюдателя и переполняли его восторгом: вдыхая пряный аромат, он умирал от желания послужить этой божественной женщине и, если повезет, отдать за нее жизнь.

Неожиданно грохот камней умолк, защитная крыша закружилась и распалась. В едином порыве (действительно ли они сами того захотели или женщина сделала им телепатическое внушение?) четверо детей поднялись и посмотрели на Крепость. Ее трансформация закончилась, венчик цветка окончательно раскрылся. Последние следы каменной кладки исчезли, а аромат ванили сделался еще более опьяняющим, чем обычно.

— Опишите мне то, что вы видите... — проговорила божественная женщина.

Некоторое время дети колебались.

— Пожалуйста, — настойчиво произнесло величественное существо нежным голосом.

— Это красивая цветок... — сказала удивленная этой просьбой Джой.

— Грандиозный цветок... — уточнил Свен, сердясь на себя за столь плоское определение.

Но его очередь уже прошла. Настал черед Мей Йонг говорить.

— Грандиозный цветок из затемненного стекла... — выдохнула она.

Гаве зашевелил губами.

— Грандиозный цветок чертополоха Марии из затемненного стекла? — озвучила божественная женщина то, что не мог произнести мальчик.

Она улыбнулась, и улыбка ее была так же невероятно прекрасна, как и законченный ею дворец.

— Каков этот цветок? — спросила она.

- Очень большая! — воскликнула Джой.
- Вы не видите его? — удивилась Мей Йонг.

Свен застыл с открытым ртом. Конечно, этот вопрос и у него вертелся на языке, но кто они были такие (пыль, рожденная от пыли), чтобы посметь разговаривать подобным образом с сокровищем, с самой великой драгоценностью среди драгоценностей?

Божественная даже в снисходительности женщина не оскорбилась от вопиющей наглости.

— Нет, — призналась она. — Я не вижу цветка. Я его чувствую, я догадываюсь о том, каков он, я осмелюсь сказать, что я знаю его, поскольку я сама его вообразила... но я его не вижу. Он нравится вам?

Дети хотели кричать о своем восторге. Но они были слишком ошеломлены. До такой степени, что не находили слов. Возможности языка были настолько скупы по сравнению с восхищением, которое они испытывали!

Но молчание двух мальчиков и двух девочек было достаточно красноречивым, и женщина коротко засмеялась, и смех ее был легким, как счастье.

— Тем лучше, — сказала она. — Вы знаете о том, что Маллемир ждут большие изменения? Очень большие изменения. И мы увидим их вместе!

Без малейшего колебания она подошла к детям и благословила их по очереди, произнося для каждого одно и то же заклинание:

— Добро пожаловать, Гаве, дитя чертополоха и молчания... Добро пожаловать, Свен, дитя языков... Добро пожаловать, Мей Йонг, дитя искусственного разума... Добро пожаловать, Джой, дитя растений...

Божественная женщина была настолько необыкновенной, что детям показалось совершенно естественным то, что она знала их по именам.

Когда она отошла от Свена, тот машинально поднес руку к задержавшейся левой щеке. И с удивлением обнаружил, что щека исцарапана чуть ниже скулы. Посмотрев на

своих друзей, он понял, что они отмечены той же печатью, что и Эзоа.

А божественная женщина подняла руки и, обернувшись к Крепости, воскликнула:

— Дорогие Призванные, меня зовут Тенебрия, добро пожаловать в вашу новую обитель — настоящую, большую, единственную крепость Иммемория!

Призванные

Эзоа

Имя: Эзоа.

Краткие сведения: изобретательница.

Возраст: 8 лет.

Происхождение: Мексика (удочерена испанцами).

Физические характеристики: черные волосы, черные глаза, маленький рост.

Дополнительные сведения: творческий характер, постоянно возится с обломками каких-то вещей, сама не зная, что за страннodelка у нее получится.

Возможности: магические поделки, в просторечье называемые страннodelками.

Мир: животный.

Любимое выражение: «Если уж дзынькнет, тогда и бумкнет!»

Основное об Эзоа

В свои восемь лет Эзоа не нуждается в поучениях ни одного изобретателя. Ей нет равных в том, что касается создания безумных поделок. Эта маленькая испанка мексиканского происхождения спокойна и решительна (и очень упряма). В то время, когда Эзоа страннodelьничает, на внешние раздражители она не реагирует. Ее не пугает ни переделывание игровой консоли в «машину для смягчения чувств», ни метаморфоза пылесоса в «создателя миниатюр». Она использует для этого все, что попадает под руку: старый автомат — распределитель орешков, слоновью соломинку, лепесток розы, картофельные очистки, крышку от бонбоньерки и, конечно, обломки вещей...

Ее вдохновение часто уводит ее сторону. Однажды, желая создать очень нужный «переводчик мыслей крокодила», она смастерила «трансформатор кабачков в голубые тюльпаны». Это была не очень полезная вещь, но такая красивая!

Свен

Имя: Свен.

Краткие сведения: интеллектual.

Возраст: 10 лет.

Происхождение: Швеция.

Физические характеристики: платиновый блондин, светло-зеленые глаза.

Дополнительные сведения: очень — порой слишком — образован (иногда путает источники, которые цитирует).

Возможности: приблизительное понимание языков.

Мир: обратный, или перевернутый.

Любимое выражение: «Это структурально очень антисубъективно!»

Основное о Свене

Кто сказал, что дети не любят читать? Свен, десятилетний швед, о-бо-жа-ет это делать.

Пусть он не дочитал ни одну из ста тысяч тридцати пяти (примерно) книг, которые начал. Не думайте, что это помешает ему часами говорить о географии Тогобо, хотя он ничего никогда о ней не слышал... и не без причины!

Он считает, что владеет двумястами семнадцатью языками, не считая диалектов, но мало кто поймет тонкую смесь испанского, японского, древнегреческого языков и восточного зубину, которую он использует, говоря по-английски.

Чувствителен к красоте внутренней и особенно внешней, влюбляется практически во всех девочек, которых встречает. Даже девушки-тролльчихи не пугают его.

Слади

Имя: Слади.

Коротко: невозмутимый.

Возраст: 11 лет.

Происхождение: Марокко.

Физические характеристики: смуглая кожа, маленькое брюшко.

Дополнительные сведения: тенденция к медитации в горизонтальном положении, в основном с закрытыми глазами. Любит поесть и начинать собирать коллекции.

Возможности: замедление движения.

Мир: дырявый.

Любимое выражение: «Спокойно, кузен!»

Основное о Слади

Слади самый старший из Призванных: этим, несомненно, объясняется его олимпийское спокойствие (олимпийское, как у богов с Олимпа, а не как у участников Олимпийских игр), подпитываемое частыми сеансами медитации по йоге (которые мальчик иногда путает с сиестой).

Слади обладает известной наблюдательностью, но никогда не утомляет себя высказыванием своего мнения, кроме тех случаев, когда хочет съесть что-либо вкусное. В эти моменты ничто не может его остановить, даже опасность в виде Великого Горбуна с двумя ртами, о которой некоторые напоминают Слади с целью его обескуражить, но тщетно, потому что, хотя Слади очень любит поесть и поесть в очень больших количествах, это еще не значит, что он проглотит любую глупость!

С тех пор как он взял себе своего первого Викинга, у него появилась явная склонность к собирательству странных коллекций, вплоть до флуоресцирующих банок из-под кофе в форме китов, заполненных маленькими камешками.

Марокканец обладает очень полезной для себя и окружающих способностью замедлять движение людей и вещей. Осьминог убегает, похитив странную Эзоа? Слади успокаивает его, после чего может, не торопясь, догнать его... или остановиться и съесть крупную ягодку клубники, а потом, перед тем как снова отправиться в путь, чуть-чуть соснуть!

Мей Йонг

Имя: Мей Йонг.

Коротко: топ-модель.

Возраст: 10 лет.

Происхождение: Китай.

Физические характеристики: слишком красива.

Дополнительные сведения: знает о том, что слишком красива.

Возможности: гений программирования.

Мир: игрушечный.

Любимое выражение: «Как это ты находишь меня слишком красивой?»

Основное о Мей Йонг

Она очень красива, ну и что? Запомните раз и навсегда, Мей Йонг — это не секс-символ десяти лет.

Ее знание компьютера потрясающе. Она может изобразить трехмерный план любого места (девочка говорит, что она «создает модель») и организовать облаву при помощи компьютера.

Под влиянием своей старшей, невероятно продвинутой сестры Мей Йонг сделалась совершенно невыносимо самоуверенной и самонадеянной. Не из злого умысла: просто Мей Йонг убеждена в том, что знает правду, всю правду и ничего, кроме правды. И зачем ей, в таком случае, терять время, выслушивая остальных?

Эзоа ненавидит эту ломаку, которая ей платит той же монетой. Мальчики в основном гораздо более снисходительны к Мей Йонг. Несомненно, потому что они знают о том, что красота — это не только характер, надо учитывать и внешние данные...

Джой

Имя: Джой.

Коротко: сорвиголова.

Возраст: 9 лет.

Происхождение: Канзас (Соединенные Штаты).

Физические характеристики: огненно-рыжие волосы, кожа в синяках и царапинах.

Дополнительные сведения: вечно покрыта лейкопластырями.

Возможности: материализация поговорок.

Мир: растительный.

Любимое выражение: «Как говорил мой бабушка...»

Основное о Джой

Джой родом из глубинки Канзаса, и это очень хорошо. Ее рыжие растрепанные волосы, неприменная улыбка, вечная доброжелательность, постоянная готовность помочь и хорошее настроение при любых обстоятельствах делают ее идеальным другом.

Ее бесстрашие толкает ее к залезанию на самые незалезаемые деревья, к прыганию через стены из зеленого пламени и к восхождению с голыми руками на крутую гору лакрицы, грозящую в любой момент обрушиться. За что девочка порой жестоко расплачивается. Ее друзья, как и ее враги, никогда не видели ее без лейкопластыря или без царапины на щеке.

На Джой очень сильно повлияли поучения ее бабушки, о которых она беспрестанно вспоминает. Она ничего не боится, поскольку, «как говорит мой бабушка, конечно, дождь из слизняков пугает только дураков!». Что, несомненно, правильно, но соблюдайте осторожность! Будьте уверены в том, что в тот момент, когда Джой изречет эту истину, на Маллемире обрушится град из слизняков в раковинах...

Мадаван

Фирма: Мадаван.

Коротко: жертва авторской моды (моды, которую придумал сам).

Возраст: 8 лет.

Происхождение: Индия.

Физические характеристики: темная кожа (единственная постоянная примета).

Дополнительные сведения: все время меняет внешность.

Возможности: метаморфозы.

Мир: мир законов.

Любимое выражение: «Я, по крайней мере, это и есть я!»

Основное о Мадаване

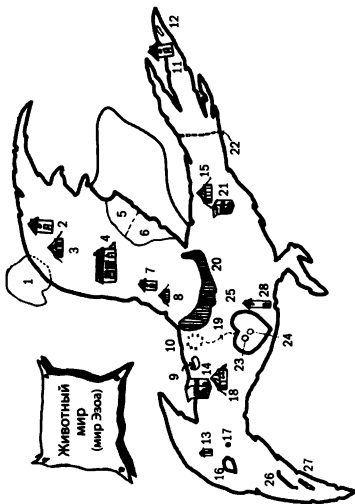
Друзья Мадвана говорят, что «он слишком космический». Что значит: он не одевается как попало, потому что того достоин. Этот индеец, обладающий твердым характером, чувствует себя прекрасно как в длинном плаще из креветочных панцирей, так и в леопардовых стрингах, украшенных сочащимися влажной водорослями.

Не рассчитывайте на его внимание в тот момент, когда он находится в экзистенциальном поиске нового образа. Быть может, связи с реальностью у него нет, но, как он говорит, «я, по крайней мере, это и есть я».

Чистой воды born star (рожденный для того, чтобы стать звездой), Мадаван отлично чувствует публику. У него очень, очень много друзей, некоторые из которых весьма надоедливы, как, например, орда фей, повсюду следующая за ним с целью получить автограф. Девушки и единороги обожают его стиль, его очки и шляпы, одни эксцентричнее других... причем новые детали туалета всегда еще более экстравагантны, чем прежние.

В случае Мадавана одежда создает личность. И какую!

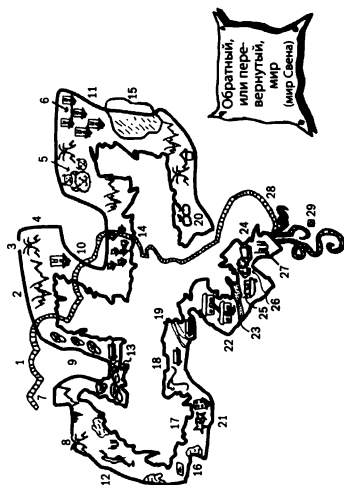
Карты миров

1. Пастбище табуретов
2. «Черный отель»
3. Исследовательский цирк
4. Дом престарелых домов
5. Верхний пляж
6. Нижний пляж
7. «Синий отель»
8. Наземный цирк
9. Носорог с двумя головами
10. Пастбище безобидной мебели
11. Отель цвета хаки
12. Цирк в изгнании (с вышедшими из моды номерами)
13. «Белый отель»
14. «Зеленый отель»
15. Греческий цирк
16. Озеро
17. Маленький цирк (насекомые)
18. Строящийся цирк
19. Маршрут улитки
20. Горная цепь (положение на сегодняшний день)
21. «Золотой отель»
22. Пчелиный барьер
23. Опера ежей
24. Казино баранов
25. Большой цирк
26. Длинный цирк
27. «Длинный желтый отель»
28. «Высокий красный отель»

Большие цирки имеют отели
Исключение: Длинный цирк
(представление надо
наблюдать на бегу) и его
длинный желтый отель

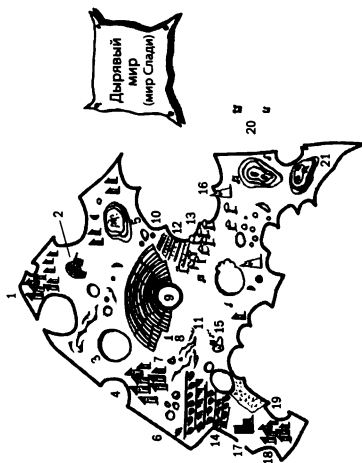
Погода: одинаково умеренная
(исключения: на Верхнем
пляже — постоянное солнце,
на Нижнем пляже — дождь
из камней)

Обратный,
или пере-
вернутый,
мир
(мир Свена)

9. Район висячих озер
10. Отшельник (около миллиона хижин)
11. Скопление туристов
12. Мегатполис с одним жителем (сверхперенаселен)
13. Большая бла-блаотека
14. Непогода и пустыня
15. Пляж с дождем из акул (прекрасно видно луны)
16. Пруд
17. Трах!
18. Зал дедушек-гимнастов
19. Переплетение рек
20. Одинокие фруктовые сады
21. Звездная деревня
22. Эксклюзивные вокалы (ведут лишь друг к другу)
23. Поле люкс
24. Логово женщины-вамп, Гренадин
25. Школа ничегонеделанья
26. Лес с гибельными ланями
27. Землескребы и тролли-портные
28. Мосты, не ведущие на другой берег
29. Минускул

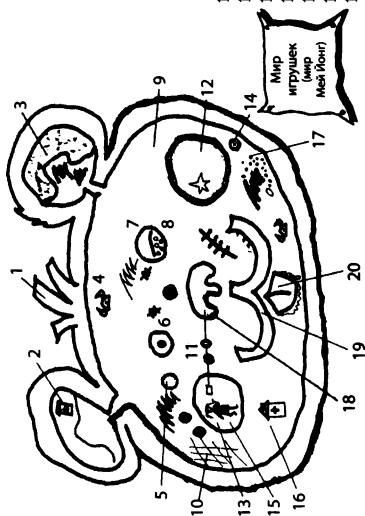
1. Мост, проходящий над всем миром
2. Горная цепь
3. Всасывающие вулканы
4. Вытапливающая деревня (активность зависит от положения луны)
5. Лежбище слишком ласковых монстров
6. Самая некрасовая гора миров (и больше смотреть совершенно не на что)
7. Большая горная цепь
8. Всасывающие вулканы

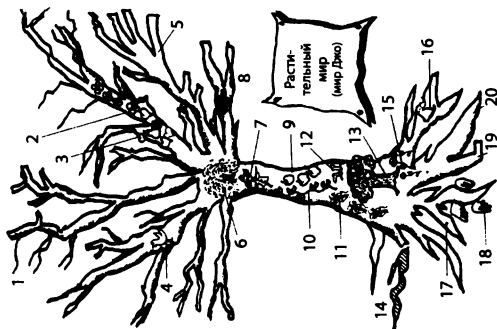
8. Центр мира
9. Столица (Олимпийские полу-игры)
10. Стада дыр
11. Маршрут полу-прицепов
12. Поля полу-злаков
13. Полу-леса
14. Полу-инжир, полу-виноград
15. Дыра Бадур (ворующая ваши любимые песни)
16. Полу-гора
17. Полу-библиотека
18. -ревня
19. Полу-зеленое пространство
20. «Дыр-дыр-дыр, ты останешься на дырост-рове»
21. Острова полу-летних птиц

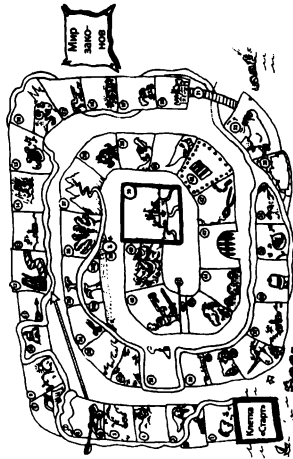
1. Полуде-
2. Экспресс между полу-деревнями (расписание неполное и направление верное в одном случае из двух)
3. Упрямые овраги
4. Ми-ами (полу-город)
5. Остров
6. Заткнутые дыры (или потерянные дыры)
7. Полу-дыры

1. Большое поле ниток и иголок
2. Зона чистки
3. Пыльное озеро (где находится вся пыль мира)
4. Средоточие Викингов
5. Лагерь заштопанных плюшевых мишек
6. Эдакция, железная столица
7. Стекланные игрушки
8. Снежки
9. мех
10. Место разведения полосатых игрушек
11. Ля-ля-ля
12. Трамплинлэнд
13. Остров капризных кукол
14. Пуговица
15. Кукла с волосами из дождя
16. Дом отдыха для усталых кукол
17. Место разведения плюшевых игрушек в кралинку
18. Остров игр (с неперемненными Гиньолем, Залом гнева и Мостом вздохов)
19. Смешные генералы (дерутся из-за пригорка земли)
20. Остров тающих во рту конфет (сильные шоколадные приливы)

1. Ветка высшего разума
2. Воспитатели маргариток (все выше и выше)
3. Плоды пассифлоры
4. Ветка вот так птичек
5. А вот еще зеленая ветка
6. Салон-парикмахерская для плакучих ив
7. Сальса кукурузы
8. Ветка спекулянтов смородиной
9. Генеральный штаб яблок (злых)
10. Оскорбляющие растения
11. Территория красных богомолов
12. Питомник-казненных
13. Крепость Сикопанта мякиша и его болото
14. Отрезанная зона
15. Священные маки
16. Корень совета кротов
17. Убежище вороны
18. Корни и крылья
19. Квадратный корень
20. Зона возвращения

27. Клетка отдыха
28. Викторина с единокором
29. Похитители возможностей
30. Пещера-лабиринт
31. Не хватает клетки (замороженная фея)
32. Клетка-ловушка
33. Испытание ожогами
Запруда!
34. Засушливая зона
34. Парикмахер (стрижет и прививает волосы)
- 34 1/4. Одна четверть волоса
35. Орел одно- и двухглавый
- 35 1/2. То же самое
36. Мультиволк
- 36 1/3. Карликовый волк
37. Горы — мучительницы и убийцы
38. Чума (черная)
39. Грифон-тряпичник
40. Зал пыток (том первый)
41. Клетка «Гюрма»
42. Зал пыток (том второй)
43. Площадка с подъемными решетками
44. Зал пыток (том третий)
45. Дракон-щекотун
46. Усохшая клетка
47. Клетка «Тут тебе будет трудновато»
48. Турнир черных рыцарей
49. Клетка «Гарпии»
50. Клетка «Столица»

1. Королевство кувшинов
2. Заржавевший рыцарь
3. Слабоумный мудрец
4. Холмы гномов (воров)
5. Лес кабанов
6. Укороченная катапульта
7. Слашава змея
8. Пир без аппетита
9. Игра в колны сена
10. Высоко забравшиеся монахи
11. Нечестный лучник
12. Клетка «Метроном»
13. Клетка отдыха
14. Джига под дождем
15. Игра в припевы
16. Клетка «Баран»
17. Обойщик-кондитер
18. Барышня в отчаянии
19. Несчастный рыцарь
20. Водная крепость
21. Подвесной подъемный мост
22. Клетка «Ноги»
23. Хорошо охраняемая стена
24. Колдун-изгнанник
25. Клетка «Фундук»
26. Колодец-саdist

Авторы

Имя: Бертран.

Краткие сведения: бумагомарака.

Возраст: 29 лет, как время-то бежит!

Происхождение: северные окраины.

Место обитания: Париж под дождем, недалеко от станции метро «Ром».

Физические характеристики: смотря какой день, выглядит то гораздо моложе, то гораздо старше своего возраста.

Дополнительные сведения: надеется, что однажды у него вырастут второй мозг и дополнительные руки или щупальца (желательно втягивающиеся) для того, чтобы можно было смастерить еще больше всяких штук.

Возможности: рассказывать истории, в том числе и чужие.

Мир: параллельный.

Любимое выражение: «То, что случится через минуту — это уже научная фантастика!»

Координаты: bertrandferrier@free.fr

Имя: Максим.

Краткие сведения: активный мечтатель.

Возраст: 31 год уже.

Происхождение: север Франции.

Место обитания: Бетюн.

Физические характеристики: растрепанный, менее небритый, чем Бертран, в воинственно сидящих на носу очках («И хватит мне говорить, что я похож на Тэнтэна!»).

Дополнительные сведения: снимает кино, фотографирует, рисует, участвует в деятельности рок-группы «Атлантис» (www.atlantys.biz), пугает детей, иногда занимается домашним хозяйством, но только иногда...

Возможности: создавать новые вселенные каждый день.

Мир: полувоображаемый, полуреальный.

Любимое выражение: «Куда это я сегодня этот мир задевал?»

Координаты: villemпре@yahoo.fr

Основное о Бертроне и Максиме

Они познакомились в подготовительном классе, что позволило им поступить в Высшую Ненормальную Школу и покинуть ее с дипломами несунув Бреда и рассказывателей Всякого рода историй. Они вместе написали музыкальную комедию, во всем превосходящую «Эмили Жоли», но несколько менее известную. Для того чтобы утешиться после провала в шоу-бизнесе, один из них стал учителем и воспитателем песчанок, другой просит называть его доктором, пишет книги и играет на органе. Оба утверждают, что они нормальны. Ха-ха-ха.

Содержание

Пролог. Игра без цели	7
-----------------------------	---

Восходящая желтая луна

1. Кузен дьявола	11
2. Крик ванили	17
3. Бегство от ямы	24
4. Музыканты в стиле «металлический рок»	32
5. Самая неторопливая погоня в мире	37
6. Затыхальщицы-скульпторши	46
7. Взрывчатый интуициатор	55
Отравленное жало	61
8. Кукла, говорящая «нет»	67
9. Аттракционная акула	75
10. Максипулпусс	79
11. Коллекция Викингов	85
Невозможные лестницы	93

Закатывающаяся желтая луна

12. Железная столица	101
13. Огненная молния	105
14. Столица-тюрьма	111
15. Летающая рука	117
16. Группосумо	120

Закатывающаяся полосатая луна

17. Заштопанные мишки	129
18. Тукан-молоток	135

19. Страна с одной луной	140
20. Круговое уравнение	144
21. Экспресс-присоски	149

Закатывающаяся сливовая луна

22. Последняя битва	155
23. Оловянные волны	160
24. Отрезанные головы	164
25. Валгалла игрушек	168
26. Кубический ключ	170
Архитектор-суперзвезда	180

Закатывающаяся коричневая луна

27. Пого пугала	189
28. Игра с законами	195
29. Босиком	201
30. Чувство ритма	208
31. Злые яблоки	215
32. Забастовка барана	220
Пляж гепарда	227
33. Яблочко «черлидинг»	235
34. Клетка «Ноги»	241
35. Сикофант мякиш	250
Стены-убийцы	256
36. Викторина с единорогом	265
37. Компания красных богомолов	276
38. Черный рыцарь	284
39. Полет на стрекозе	294
Невозможный подъем	306
40. Лошадки	318
41. Двойная эскадрилья	332
42. Черная орда	346
43. Скоростной крот	371
44. Отчаянная клетка	381

Смешной сон	392
45. Секретная столица	402
46. Зыбучий мрамор	415
47. Кровавая улыбка	428
Бег на месте	444
48. Последняя пауза	450
49. Ванильная принцесса	461
 Призванные	473
Эзоа	475
Свен	476
Слади	477
Мей Йонг	478
Джой	479
Мадаван	480
 Карты миров	481
Карта животного мира	483
Карта перевернутого мира	484
Карта дырявого мира	485
Карта мира игрушек	486
Карта растительного мира	487
Карта мира законов	488
 Авторы	489

Литературно-художественное издание

Феррье Бертран
Фонтен Максим

ИММЕМОРИЯ

Генеральный директор издательства *С. М. Макаренков*

Редактор *А. Ю. Серов*
Выпускающий редактор *Е. А. Крылова*
Компьютерная верстка: *И. А. Урецкий*
Корректор *Н. В. Антонова*
Изготовление макета: *ООО «Прогресс РК»*

Подписано в печать 09.12.2008 г.
Формат 60х90/16. Гарнитура «Petersburg».
Печ. л. 31,0. Тираж 7000 экз.
Заказ № 8469

Адрес электронной почты: info@ripol.ru
Сайт в Интернете: www.ripol.ru

ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик»
109147, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 23

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «ИПК "Ульяновский Дом печати"»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

